

ISSN 2309-8325

Уральский
федеральный
университет

УРАЛЬСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Выпуск 9
2019

Уральское востоковедение

Выпуск 9 2019

УДК 94(5)
ББК Т3(5)
У 686

ISSN 2309-8325

Уральское ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Ural Survey of Oriental Studies

Выпуск 9

Екатеринбург
2019

Издается с 2005 г.
С 2018 г. издается ежегодно на русском языке

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-73366 от 24 июля 2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Главный редактор

В.А. Кузьмин

Ответственный за выпуск

Д.В. Возчиков

Редакционная коллегия:

Кузьмин В.А., проф., д.и.н., главный редактор, каф. востоковедения УрФУ

Валиахметова Г.Н., проф. д.и.н., зам. главного редактора, зав. каф. востоковедения УрФУ
Антошин А.В., проф., д.и.н, каф. востоковедения УрФУ

Хренов В.В., доц., к.и.н., технический секретарь, каф. востоковедения УрФУ

Возчиков Д.В. доц., к.и.н., ответственный за выпуск, каф. востоковедения УрФУ

Мышинский А.Л., доц., к.ф.н., каф. востоковедения УрФУ

Завьялова Н.А., доц., доктор культурологии., каф. лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках УрФУ

Агапов М.Г., д.и.н., профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Беляков В.В., д.и.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, г. Москва

Голунов С.В., д.полит.н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, г. Москва

Дацышен В.Г., д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск

Лычагин А.И., д.и.н., профессор, зав. кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета, г. Нижний Новгород

Румянцев В.П., д.и.н., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета, г. Томск

Арутюнян А.Ж., д.и.н., доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета (Армения)

Ван Сяоюань, генеральный секретарь Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, заместитель директора Исследовательского центра «Пояс и Путь», Китайская академия общественных наук (г. Пекин, КНР)

Ван Чэньсин, научный сотрудник Китайской академии общественных наук (г. Пекин, КНР)

Карадавуг З., доктор философии, профессор, зав. кафедрой турецкого языка и литературы Университета Акдениз (Турция)

Ли Джесок, профессор, Пусанский университет иностранных языков (г. Пусан, Республика Корея)

Молодяков В.Э., д.полит.н., доктор философии, профессор Университета Такусёку (Токио, Япония)

Эпштейн А.Д., д.социол.н., ведущий научный сотрудник World ORT (Израиль)

В журнале публикуются исследования и документы по истории, внутренней и внешней политике, культуре, религиям, языкознанию стран Востока. Авторами являются представители научно-исследовательских центров и вузов России, стран СНГ, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов

Формат 70½/100/16. Уч.-изд. л. 24,5.

Усл. печ. л. 24,8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Тираж 500 экз.

Заказ № 415.

Издательство Уральского университета

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-

полиграфического центра УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2019

Контактная информация:

кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета

Телефон: (+7) 343 350-28-34,

E-mail: kuzmin16@yandex.ru,

catullus89@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

- Дильрабо Тошева.* «История Бухары» как основной источник изучения симбиотической городской культуры Средней Азии с VIII по XII век 7
- К. К. Абилямаликов.* Позиции Франции в нефтегазовом секторе Туркменистана 18

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ОКЕАНИЯ

- А. Ж. Арутюнян.* Древняя Индия согласно данным «Древнеармянской географии», или «Ашхарацуйца» 27
- М. Б. Демченко.* Категории *duḥkh* и *udās* в мистико-философской поэзии Шричандры (XVI в.) 37
- А. В. Сагимбаев.* Проблема реализации реформы Монтегю-Челмсфорда в Индии в британской политической дискуссии 1920-х гг. 47
- А. В. Антошин.* Рах Britannica или цивилизационное пространство Востока? Острова Фиджи в середине XX в. (По материалам колониальной прессы). 64

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- Д. А. Суровень.* Начальный этап корейского похода войск Ямато 346 года. 73
- Р. В. Зайцев.* Американское библейское общество в Китае во второй половине XIX века: по следам русского разносчика Йохана Аминова 102
- В. Э. Молодяков.* «Обреченные на неизбежное вырождение и вымирание»: аборигенная политика Японии на колониальном Тайване в советском освещении (1920–1930-е годы) 117
- Л. В. Овчинникова.* Борьба корейского народа за независимость и ее отражение в служебных материалах японского генерал-губернаторства. 130
- В. В. Хренов.* Остров Чеджудо: города и жители глазами уральского путешественника. Часть вторая. 144

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН ВОСТОКА

- К. Р. Капсалькова.* Михаил Яковлевич Сюзюмов как востоковед. 160
- Г. Г. Пиков.* О специфике современной исследовательской ситуации в области изучения кочевых обществ Восточной Азии в средние века 165
- В. А. Кузьмин, Н. В. Соколов.* Ирано-саудовское противостояние на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI вв.: Некоторые вопросы историографии 183

ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

<i>М. Ю. Чамовских, А. А. Буракова.</i> Подготовка к конкурсу выступлений на японском языке: опыт УрФУ	191
<i>Д. В. Семина.</i> Анализ выбора темы и названия спича на примере победных выступлений в рамках конкурсов выступлений на японском языке среди иностранных студентов	203
<i>А. Л. Мышинский.</i> Миф о старательных китайских студентах, которые быстрее овладевают русским языком, чем русские студенты – китайским	213

РЕЦЕНЗИИ

<i>В. А. Перминова.</i> Консервативный поворот: традиции и инновации в современной Японии	225
---	-----

ЮБИЛЕИ

<i>В. А. Кузьмин.</i> Профессор кафедры востоковедения УрФУ Г. Н. Валиахметова (к 50-летию со дня рождения)	234
<i>А. В. Антошин.</i> «Через засеки и волчьи ямы...»: к 50-летию С. В. Смирнова	238
Авторы выпуска	243
От редакции	246

CONTENTS

MIDDLE EAST AND CENTRAL ASIA

- Dilrabo Tosheva.* “The History of Bukhara” as the Main Source for the Study of the Symbiotic Urban Culture of Central Asia from the 8th to 12th Century. 7
- K. K. Abilmalikov.* The Position of France in the Oil and Gas Sector of Turkmenistan. 18

SOUTH ASIA, SOUTHEAST ASIA AND OCEANIA

- H. Z. Harutyunyan.* Ancient India According to the Data of «Ancient Armenian Geography» or «Ashkharatsuyts». 27
- Maxim Demchenko.* *Duḥkh* and *Udās* as Key Concepts in Shrichandra’s Mystico-Philosophical Poetry (XVI Century) 37
- A. V. Sagimbayev.* The Problem of Implementing the Montague-Chelmsford Reform in India in the British Political Debate of the 1920S. 47
- A. V. Antoshin.* Pax Britannica or Space of Orience? Fiji in the Middle of the XX Century (On the Base of Colonial Press). 64

EAST ASIA

- Dmitry A. Surowen.* Initial Stage of the Korean Campaign by Yamato Troops in 346 a.d. . . . 73
- Zaitsev Roman.* American Bible Society in the Second Half of the 19th Century in China: Retracing Steps of the Russian Colporteur Johan Aminoff. 102
- Vassili E. Molodiakov.* “Doomed to Inevitable Degeneration and Extinction”: ‘Aboriginal’ Colonial Policy of Japan at Taiwan as Seen by Soviet Analysts, the 1920–1930S 117
- L. V. Ovchinnikova.* Korean Liberation Movement Reflected in the Documents of Japanese Colonial Administration 130
- V. V. Khrenov.* Jeju Island: Its Towns and Peoples Through the Eyes of the Ural Traveler. Part II 144

HISTORIOGRAPHICAL PROBLEMS OF THE NON-WESTERN SOCIETIES

- K. R. Kapsalykova.* Michael Yakovlevich Sjuzjumov as Orientalist 160
- G. G. Pikov.* About the Specifics Modern Research Situation in the Study of Nomadic Societies East Asia in the Middle Ages. 165

<i>Vadim A. Kuzmin, Nicholas V. Sokolov.</i> Iran-Saudi Confrontation at the Middle East at the End of the XX – the Beginning of the XXI Century: Some Questions of Historiography	183
--	-----

TEACHING OF ORINTAL LANGUAGES AND LITERATURES

<i>Maria Yu. Chamovskikh, Anna A. Burakova.</i> Preparation for the Japanese Language Speech Contest: Experience of UrFU	191
<i>Daria V. Semina.</i> The Analysis of Selecting Speech Topic and Title Through the Example of Winning Speeches Within Japanese Speech Contests Among Foreign Students	203
<i>Alexey L. Myshinskiy.</i> The Myth of the Hardworking Chinese Students Who Learn Russian Faster than the Russian Students Learn Chinese	213

REVIEWS

<i>Vera A. Perminova.</i> Turn to Conservatism: Traditions and Innovations in Contemporary Japan	225
--	-----

ANNIVERSARIES

<i>V. A. Kuzmin.</i> Professor of the Department of Oriental Studies G. N. Valiakhmetova, Ural Federal University (To the 50 th Anniversary of Birth)	234
<i>A. V. Antoshin.</i> “Through Abates and “Wolf Pits”...”: to the 50 th Anniversary of Sergey Smirnov	238
Autors	243
Editorial	246

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

УДК 930.2 + 94(51) + 316.722 + 339.1-051(5)

Dilrabo Tosheva

“THE HISTORY OF BUKHARA” AS THE MAIN SOURCE FOR THE STUDY OF THE SYMBIOTIC URBAN CULTURE OF CENTRAL ASIA FROM THE 8TH TO 12TH CENTURY*

Summary: “The History of Bukhara”, written by Abu Bakr Muhammad ibn Ja’far Narshakhi (943-944 CE, with some addendums from 12th c. translators) has long been used as the main source for the study of Central Asian political, economic, urban and socio-cultural life in the early medieval period. The previous research on Central Asian urbanity emphasizes the role of the sedentary population of the cities in the larger Soghdiana region. Using Narshakhi’s narrative as the main source, this paper investigates how the symbiotic relation of nomadic Turks and sedentary Sogdians impacted the emergence and the rise of pre-Islamic and Islamic Central Asian cities, and how this influence was manifest in such cities as Bukhara. By viewing Narshakhi’s narrative in the light of Byzantine and Chinese sources, and comparing the different translations of the manuscript, this new paper sheds light on the nomad-sedentary relationship of Central Asian people in the urban milieu and beyond. This new perspective on Narshakhi’s narrative will advance the readers’ understanding of that nomad-sedentary relationship which is present in the political debates between modern-day Uzbeks and Tajiks – those who have inherited the civilization of medieval Central Asia.

Key words: Nomadic Turks, sedentary population, the Sogdians, the Silk Road, Bukhara, symbiotic culture.

Дильрабо Тошева

«ИСТОРИЯ БУХАРЫ» КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СИМБИОТИЧЕСКОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ С 8 ПО 12 ВЕК

Аннотация: «История Бухары», написанная Абу Бакром Мухаммадом ибн Джафаром Наршахи (943–944 гг. н. э., с некоторыми добавлениями от переводчика 12-го вв.), уже давно используется в качестве основного источника для изучения политических и экономических событий, городской и социально-культурной жизни Центрально Азиатских городов в раннем средневековье. Предыдущие исследования по урбанизации в Центральной Азии подчеркивают роль оседлого населения городов в регионе Согдиана. Используя манускрипт Наршахи в качестве основного источника, автор статьи рассматривает, как симбиотическое отношение кочевых Турок и оседлых Согдийцев повлияло на возникно-

* I would like to thank to Marianna Kamp (Indiana University Bloomington, USA) for her feedback on the paper, and Stephen Pow (Central European University, Hungary) for proof reading the English version of the manuscript.

вание и рост доисламских и исламских Центрально-Азиатских городов и как это взаимовлияние отражалось в урбанистической морфологии городов Центральной Азии в примере Бухара. «История Бухары» в свете Византийских и Китайских источников проливает свет на отношения кочевников и оседлого населения в городской среде и за ее пределами. Эта новая перспектива книги Наршахи будет способствовать пониманию особенности кочевого и оседлого отношения, которое присутствует в политических дебатах между современными узбеками и таджиками – те, кто унаследовал цивилизацию средневековой Средней Азии.

Ключевые слова: кочевые турки, оседлое население, согдийцы, Шелковый путь, Бухара, симбиотическая культура.

The History of Bukhara, written by Abu Bakr Muhammad ibn Ja'far Narshakhi (943–944 CE, with some addendums from 12th century translators) has long been used as the main source for the studies of Central Asian political, economic, urban and socio-cultural life in the early medieval period. The previous research on Central Asian urbanity emphasizes the role of the Sogdian population of the cities in the region.¹ Using Narshakhi's narrative as the main source, this paper investigates how the symbiotic relation of nomadic Turks and sedentary Soghdians impacted the emergence and rise of pre-Islamic and Islamic Central Asian cities, and how this influence was manifest in such cities as Bukhara and Samarkand. It should be stated that the relationship between the nomadic Turks and sedentary Soghdians was, on the one hand, symbiotic and provided the formation of trade-based cities and empires that equally advantaged both sides. On the other hand, the relations were hostile at times, which resulted in multilayered fortifications appearing as a unique feature of the region's cities. Also, negotiation and cooperation, rather than a hostile attitude, catalyzed the development of the most prominent cities of the region and it was the nomadic Turks that were key-players in this process. To support my argument, first, I will situate Narshakhi's narrative in the light of Byzantine and Chinese sources, as some specific historical events require a larger historical background of not only the region and neighboring countries, but the whole Eurasian continent. Secondly, I will emphasize the role of nomadic constituents of the Soghdian cities. These can be seen in Narshakhi's narrative, but have been ignored in the previous scholarship which has tended to view the sedentary population as the main and only subject of the urban milieu. Lastly, by indicating the distinction between the translations in different languages of Narshakhi's narrative, I will attempt to re-interpret the social structure of the Central Asian cities that constituted the symbiosis between nomads and sedentary people, manifested in the urban culture of the region. This new perspective on Narshakhi's narrative will advance our understanding of that nomad-sedentary relationship which is present in the political debates between modern day Uzbeks and Tajiks – the peoples who have inherited the great civilization of medieval Central Asia.

The symbiotic peculiarity of the Central Asian cities initiated the rise of these cities which involved their transformation from small towns to centers of trade, political and economic life. In this process, the transformation of the cities of Bukhara, Merv, Samarkand, Taraz and Shash were catalyzed by the following historical circumstances:

¹ The main research on this subject include the works of the following scholars: Bartol'd V. V. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviia. Sbornik sochinenii*, tom 1. M.; Gafurov, B. G. *Tadzhiki. Drevneishaiia, Drevniaia I Srednevekovaia Istoriiia*. 1972; Negmatov, Numan Negmatovich. *Gosudarstvo Samanidov? Maverannakhr I Khorasan v IX-X Vv*, 1977.

- 1) The movement of Turkic tribes and their mass settlement in the region;
- 2) The intensification of the role of nomadic tribes in trade along the northern route of the Silk Road, which was of mutual benefit for both Sogdians and Turks;
- 3) Finally, in the context of Byzantine-Iranian rivalry, the activation of the northern trade route that connected the Mediterranean and East Asia through the Central Asian region.

It should be emphasized that the examination of both the pre-Islamic and post-Islamic history of Central Asian cities and dynasties shows that when the nomads and sedentary people negotiated, it served as the most important precondition for the existence and flourishing of Central Asian states and urbanity. If this balance were upset, the region would fall under a foreign invasion or experience a period of decline.

The narrative of Narshakhi discusses people who came from Turkistan and settled down in Bukhara, which did not yet exist as a city but rather consisted of several villages [4, p. 6]. The story of Abrui, the leader of those people who came from Turkistan, is considered as a half-legend by scholarship. However, historical facts are hidden within the legend of Abrui; in light of the Byzantine and Chinese sources this material moves beyond the scope of random episodes from the history of pre-Islamic Bukhara and becomes an important source for the history of the vast territory from the China's Great Wall to the borders of the Sasanian state. Menander, the Byzantine historian informs us that in 568, in Constantinople, an embassy of the Turks led by the Sogdian merchant Maniah was sent to the court of Justin II. He was instructed to seek the establishment of direct trade relations with Byzantium, bypassing Iran. Maniah, carrying Chinese silk and letters from the Turkic khan, Istemi, avoided countries subordinated to Persia on his journey.² The embassy of the Turks apparently successfully fulfilled its task, since there were mutual embassies established after this initial one.³ The dialogue of Justin II with the Turkic ambassadors reveals the emperor's curiosity as to whether the entire Hephthalite state⁴ was subordinated to the Turks at the time, and in what manner the Hephthalites lived – whether in villages or in cities. From the conversation, the emperor learned

² Maniah's embassy is very important to note as the event when the Chinese silk was presented for the first time to the Emperor Justin. It should be noted that there is no earlier or later evidence of silk trading along the Silk Road in manuscripts; Tolstov notes that the same Maniah presented a silk to Khosrav, the Sassanian king, but the silk was burnt in front of the Turkic embassy as a demonstration of his disapproval. It can be assumed that Turkic aristocracy seized a significant amount of Chinese silk, and the trade with silk served a source of immediate wealth of Turkic aristocracy; Sogdians played the role of mediator for the trade of silk using the political protection of the Turkic Khaganate. See Tolstov, S.P. [10, p. 155-66].

³ After the embassy of Maniakh, the embassy of Zemarkh from Byzantium took place to the yabgu of Western Turkic Khaganate, which followed the embassy of Turks. In 576 Valentine, and later Herodien and Paul Sicilian, represented the Byzantine Empire in dealings with the Turkic Khaganate. Central Asia for the first time was involved in the larger political, military and diplomatic game/relationship between Persia and Byzantine [10, p. 266].

⁴ The Hephthalites were a confederation of nomadic and settled people in Central Asia and beyond; by 479 they conquered Sughd.

that the Hephthalites live in cities, and that the Turks were now the masters of these cities [10, p. 265–266].⁵

This embassy was quintessential for the rise of Central Asian trade cities, as the establishment of international trade relations between the Byzantium and the Turkic Khaganate have resulted the shift of the trade roads through Sughd. As Tolstov notes, in the 570s, the Turkic Khaganate had a very favorable international environment with the West. The mutual struggle between two powerful neighboring powers, Byzantium and Iran, diverted attention of both from the rapid growth of the Turks' young semi-nomadic state and resulted in the reconsideration of the role of the Turks in overland trade with the East [10, p. 266]. Besides, the temporary political crisis in China brought about plundering by Turks in that area. However, the consolidation of power of the Sui Dynasty established stability in China and prevented further raids from nomadic neighbors. The tenth-century Chinese source, the *Tangshu*, provides information about the Sui army's defeat of the Turks. The Sui Dynasty's victory over the Turks was apparently very significant, since the Chinese chronicler states that after their defeat, the Turks suffered from famine from which many people died [1, p. 278].

With that information in mind, we will turn our attention back to Narshakhi's description of Bukhara's rise:

“People gathered from all sides and were happy there. Some people came from Turkistan, for there was much water, many trees, and plenty of game here. They were pleased with this area and settled down. They first set up tents and pavilions where they dwelled, but in time more people assembled and they erected buildings. Their number increased and they chose one of whom they made amir. His name was Abrui. The city (of Bukhara) did not yet exist, but there were several villages...[4, p. 6–7]”

As was mentioned, the information seems semi-legendary.⁶ But it can be assumed that the defeat of Turks by the Sui Dynasty and subsequent starvation required the migration of lower class nomads to the Zarafshan valley and resulted in the changing of their lifestyle to a sedentary one. The *Tangshu* tells us that some 100,000 nomads from

⁵ Menander, *Fragm.hist.graec.* IV, p.205,225, and 226; cited in Tolstov, *Drevniy Khorezm*, [10, p. 255–56]. Procopius, who also wrote a mainstream military history and a toadying description of the monuments which Justinian built, had to keep his most acute writing for posthumous publication. In his *Secret History*, he describes Justinian as corrupt, immoral, and plain evil. Even though the account sounds fantastic and not necessarily accurate, it is considered authentic by modern historians. Interestingly enough, he blames Justinian for negotiating with the Huns: “After armies of the hostile Huns had several times enslaved and plundered inhabitants of the Roman Empire, the Thracian and Illyrian generals planned to attack them on their retreat, but gave up the idea when they were shown letters from the Emperor Justinian forbidding them to attack the barbarians on the ground that alliance with them was necessary to the Romans against the Goths, forsooth, or some other foe.” see: <http://www.sacred-texts.com/cla/proc/shp/shp24.htm>. The Hephthalites, and later the Turks, might have been seen as Huns from the Byzantine perspective and Procopius probably meant the same alliance of Justin II with the Turks mentioned by Menander. It is not clear when exactly the trade relations were established with the Turks in the time of Justinian I (527–565 r.) or in the time of his successor Justin II (565–574).

⁶ Marquart, *Eronshahr*, 308, first suggested that Abrui and the people from Turkistan were Hephthalites. Tolstov, in “*Tiranniya Abruya*,” p.266–268, advanced arguments that this story was historical. According to him, Chinese sources mentions him as Abo Kaghan and he was one of the unofficial members of the ruling Hephthalites and fought to regain the former dominion of his ancestors. However, in Soviet textbooks Abrui was praised as the leader of a common people's movement against the rich.

Turkistan joined Abrui [1, p. 278]. While the Chinese sources are silent on the matter, Narshakhi hints at what happened next: “After the lapse of some time, as Abrui grew powerful, he exercised tyranny such that the inhabitants of the district could not stand it. The dihqans and the rich (merchants) fled from this district and went to Turkistan and Taraz where they built a city [4, p. 7].” If we contextualize Narshakhi’s information within the social reality at the time, it can be posited that Abrui and those who came with him were refugees of various social classes from Turkistan and that their low social status may have contributed to the climax of ‘Abrui rebellion of “faqirs and darvishs.”⁷ Indeed this may have been motivating factor for the immigration of the Sughdian elite to the Talas valley – that is, to Taraz.⁸ Narshakhi continues, noting that then those people who had remained in Bukhara sent a man to their nobles and asked for assistance against the oppression of Abrui, while the nobles in turn asked for help from the ruler of Turks, Qara Churin Turk [4, p. 7–8].⁹ The rest of the story reveals that Abrui was seized in Baikand, imprisoned, and put to death by the Turks [4, p. 7–8]. The Sogdian elite, both in Bukhara and Taraz, were not interested in war with the elite¹⁰ of the Turkic Khaganate as they stood to lose all their privileges in both international and local trade if they were to wage war. While the details of the rise of the Sogdian cities cannot be fully explained here, I want to note a number of details of importance to the current paper: The importance and growth of Bukhara just before the Arab invasion was because of trade.¹¹ Both nomads and sedentary inhabitants inside and outside of the Sogdiana mutually benefited from this trade, but it was the nomads who played a dominant and organization role in this situation.

As was mentioned, the relations between city-dwellers and nomads were unstable. The rulers of small city-states reminiscent to Hellenistic poleis, as Gibb termed them, were equally afraid of the neighboring Turkic plunderers and foreign conquerors. The fear of constant plundering was the main reason for the process of fortification building. While great empires such as China defended themselves by building great and long walls against nomads, each Central Asian city had to defend itself separately, as there was no centralized government. Being located among the greatest empires of the world and having such hostile neighbors compelled the city governors to negotiate with different political powers. The dialog between the locals and the Arabian invaders under the leadership of Kutayba ibn Muslim, found in *The History of Bukhara*, sheds light on the interdependence of the nomadic and sedentary cultures and the devastation of the region when this unity was broken:

“Among the villages of Bukhara, between Tarab, Khunbun, and Ramitin, many troops gathered and surrounded Qutaiba... Tarkhun, the ruler of Sughd, came with many

⁷ Meaning: poor and homeless.

⁸ There are number of Chinese sources that discuss the Sughdian trade colonies in the Talas valley.

⁹ The name of Qara Churin Turk is also mentioned in the Chinese *Tangshu*. See: Bichurin, *Sobraniye...*p.278.

¹⁰ I am consciously using the word “elite” in reference to the Turkic Khaganate, as Abrui-Abo khagan is identified by Tolstov as a descendant of the Hephthalites who fought for the lost power of his ancestors.

¹¹ Frye assumes that Bukhara obtained a hegemony over the oasis only shortly before the Arab conquest at the end of the seventh century [10, 15–16].

troops... The armies gathered and the lot of Qutaiba grew worse. Haiyan al Nabati told Qutaiba, "I myself will seek out (the enemy) so give me time till tomorrow." When it was morning, Haiyan Nabati sent a person to the king of Sughd saying, "I have some counsel for you. We two should convene somewhere." Tarkhun agreed. When the battle became fierce Haiyan al-Nabati saw Tarkhun and said, "Your kingdom has slipped away from you and you don't know it" Tarkhun asked, "How?" He replied, "We can only remain here for a short time when it is warm. Now the weather is cold and we shall have to go. While we are here the Turks will fight against us, but when we leave they will fight much against you, for the district of Sughd is very pleasant. Do you think they will leave Sughd to you and return to Turkistan? You will remain in difficulty, and they will take your kingdom away." Tarkhun asked, "What course should I follow? [4, p. 45–46]"

The rest of the story reveals that Tarkhun was manipulated by treacherous advice from the Haiyan al-Nabati.

The delicate geographical situation that placed sedentary people among the nomads forced urban dwellers to build multi-layered fortification systems. The following information about *ribats*, i.e. the fortified constructions, shed light on the infrastructure of Central Asian cities. But additionally, it reveals the unstable relationship between the nomadic people and city dwellers: "There were many ribats around the gate of Baikand till the year 240/854–5. Muhammad ibn Ja'far in his book asserted that Baikand had more than a thousand *ribats* corresponding to the number of villages (qishloq) of Bukhara. The reason for this is that Baikand is an exceedingly lovely place. The people of every village built a *ribat* there and settled a group. They sent them their living expenses from the village. In the winter, when the attacks of the infidels occurred, many people from every village gathered there to attack (the infidels). Every group went to its own *ribat* [4, p. 18]"

It can be interpreted that besides their walls, the economically important centers of the region (and in some cases villages, since there is information about *ribats* surrounding the village Nur) were surrounded by the secondary fortifications – the clusters of *ribats*. Notably, in Central Asia, indigenous people called these constructions 'kal'a'; the word *ribat* only came to be applied after the Arab conquest. Both Likoshin and Frye, the translators of the manuscript into Russian and English respectively, interpret the word *ribat* to mean a location or place for the "fighters for the faith" who guarded the borders of Muslim lands to halt the invasion of the country by infidels [6, p. 9; 4, p. 18].¹² However, the existence of *ribats*, i.e. *kal'a*, should be viewed as something stemming from sedentary-nomadic hostility, as opposed to Muslim-infidel (kafir) interaction.

Nonetheless, the relationship between nomadic and sedentary peoples was not always hostile. Nomads could be a dangerous force in conflict periods, but their steppe was the most valuable and immense market for craft and trade centers. The sedentary people erected walls, fortifications, and *ribats* against the nomads, but at the same time, they also built trading posts located either outside of the city walls or at the edge of the city gates. Narshakhi names several places with distinguished large trading posts/bazaars outside of the borders of the city of Bukhara- Isfijkat, Zandana, and Tavois [4,

¹² According to Likoshin's later interpretation, the word means simply a hotel or a caravanserai.

p. 14–15]. Also, primarily because of the city’s trading purposes, Bukhara’s gates was referred to as “the gate of spice sellers,” “the gate of the forage sellers,” etc. Given the evidence of Narshakhi, we can conclude that the trade between nomadic Turks and sedentary Sogdians probably took place in the gates of Bukhara or in the specially equipped fortresses or villages such as Zandana, Isfijkat, and Tavois. The wealth of the trade cities like Baikend, and later Bukhara and Samarkand, was based on the stability of the trade routes of Central Asia. Since these roads were controlled by the nomads, it was less than likely that the relationship between nomads and Sughdian traders was always hostile. Step and sown needed each other, and trade played a crucial role in this relationship.

The Arab invasion apparently ruined the balance between these two entities, but the century-long stagnation in economic life came to an end by the time of Ismail Samani, the founder of the first local dynasty after the Muslim conquest. It is important to note that the state founded by this ruler was the result of a reorganization of space, order, and power relative to the nomadic neighbors. As *The History of Bukhara* reveals, Ismail invaded the frontier cities of Taraz and Isfijab immediately after the defeat of his primary political rival, his brother Nasr ibn Ahmad [4, p. 86]. According to Narshakhi, Ismail experienced great difficulty subjugating Taraz. Finally, the amir of Taraz came out with many dihqans and accepted Islam, and Ismail transformed a large church into a grand mosque. Also, thirty thousand men from Turkistan in addition to Mansur Qaratekin, the nomad-originated ruler of Isfijab,¹³ were present on the bank of the Oxus to support Ismail in defeating another important political rival – Amr-ibn Laith, the Saffarid [4, p. 89]. The numismatic sources reveal that the Samanid state was not as centralized as was believed up to the present; the city of Isfijab had its own coin minting system – a reflection of political power and formal dependence of its local rulers, nomadic in origin, in the state of the Samanids.¹⁴ Although the political administrative structure of the Samanid state and the numismatic sources lie beyond the scope of this paper, Narshakhi’s narrative reflects the negotiations and possible reunion of the two power structures in the region. There is information about the complaints of Bukhara’s population to the amir of Khurasan about nomadic plundering raids and the construction of the wall Kampirak in old times; according to Narshakhi, Ismail freed the people of Bukhara from this heavy burden [4, p. 34].¹⁵ Ismail’s famous announcement, “While I am alive, I will be the walls of Bukhara, [4, p. 34]” was not just magniloquent, empty words; it was motivated in the context of reunification, negotiation, and balance between nomadic and sedentary powers. Of course, there is no need to mention how Bukhara and other Central Asian cities flourished under the Samanids.

¹³ Frye assumes that he was the ruler of Isfijab, based on Ibn al Athir [4, 151].

¹⁴ Some considerations include: the copper Isfijabi coins in the context of the role of Isfidzhab in the system of the Samanid state and its political weight as the frontier against the Turks; the fact of an informal independence of the local Turkic dynasty that ruled until the 10th century; the significance of the city for trade between agricultural and nomadic population. All of these have been studied by Russian scholar Davidovich who reached the conclusion that the city had its own minting, separate from that of the Samanids [2, 94].

¹⁵ The wall, according to Narshakhi, was completed in the year 215/830. Every succeeding amir ordered more construction and took care of it.

Although Ismail Samani established peace, tensions and resentments remained. The relocation of *namazgah* – a space or building designed to hold the mass celebration of two main Muslim holidays- Id Al-Fitr and ‘Id Al-Adha- is reflective of the complicated interaction between nomadic Turks and sedentary Soghdians. According to Narshkakhi, “Inside the city, in a place called Registan, he (Qutaiba ibn Muslim) made a place for the holiday prayer, to which he brought out the Muslims to perform the prayers for festivals. He ordered the people to bring their arms with them because Islam was still new, and the Muslims were not safe from the infidels [4, p. 52].” It should be mentioned that by the time of the Arab conquest of Central Asia, the Arabs already had a tradition of arranging a festive place for prayers outside of the city or village, and yet it is quite understandable why in 705 CE, Qutayba went against tradition and located the festive place inside the city. But it is interesting that after two hundred years neither Ismail Samani, nor his successors, had dared to move the *namazgah* outside the citadel, despite the fact that at the beginning of the Samani dynasty, the Muslim community was outnumbered because of both demographic growth and the political situation. The change happened only in the time of Mansur ibn Nuh ibn Nasr (961–77): “... the amir Sadid, Mansur ibn Nuh ibn Nasr, bought enclosures and lovely gardens on the Samatin road for a high price, and he spent much money on them. He made it a place for the holiday prayers...From this place of prayer to the gate of the citadel of Bukhara was half a parsang. It was all full of people (at prayer time), and for many years the holiday prayers were held here [4, p. 52]” It can be interpreted that even though, during the reign of Ismail Samani, many Turkic tribes far and near to Bukhara were converted to Islam, these new converts were not yet considered a true part of the Muslim community. Later, when the urban Muslim community accepted the Turks as a result of their increasing role in political and economic life, then the *namazgah* moved out of the city walls. At the same time, the word *ribat* lost its original meaning as a “place for guarding the borders of Muslim lands.” From the middle of the 10th century, the word meant simply karavanserai, a roadside inn for traders and travelers. And the word *mawali*, which will be discussed in the next paragraph, completely changed from its original meaning as well.

We should consider the fact that there are different translations of *The History of Bukhara* and they have been made based on different copies of the original. Although the differences between the translations are small, sometimes they play a crucial role – the original meaning can be lost in translation and thus affect the impression of the modern day reader. For example, the English and Russian translations of the following information at some level contradict the Uzbek translation and the Persian original of the same information: “In ancient times the estates of Juy-i Muliyon belonged to the king, Tug’hshada. The amir Ismail Samani bought these estates...; built courts and gardens in Juy-i Muliyon, and gave most of them as endowments to his clients” [4, p. 27–28]. Richard Frye interprets the word clients to mean “the doctors of law.” Narshakhi comments on clients saying that Ismail always was showing concern for his clients; that he had a dream to buying the estates of Juy-I Muliyon and could endow them to his clients; God the Exalted made it his fortune to buy all; he gave them to his clients, so that it was called Juy-i Mawaliyan, but the common people called

it Juy-i Muliyon [4, p. 28]. The word “client” can lead to confusion regarding social strata. So while Frye interprets the word client as the “doctors of law,” the author of the Uzbek translation states that the word ‘mawoliylar’ could be interpreted as a liberated Turkish slave and further adds that the ‘mawoliylar’ (or Turkish gulams) served in the army of Ismail Samani. The Persian version of the word “mawaliyon” موالیون is made from the Arabic “mawali” and the addition of the Persian plural suffix.¹⁶ Hadi Jorati, a specialist in the field of the Arabic and Persian languages, explained that it is the plural form of “ghulam” or “slave”; non-muslims after Muslim conquest had been called “موالیون” – mawali. It was later that the term also came to be used for Islamic lawyer too.

Based on this, we might conclude that Frye probably used a later version of translation of the word, but in the time of Ismail Samani the word was used to denote Turkish ghulams. Therefore, one small difference regarding interpretation can change the whole conception of the social structure of the Samanid court. One can interpret the information that Ismail Samani dared to build imperial residence outside of Bukhara’s walls partly because of his negotiation and close relationship with the nomadic world, as we see reflected in his usage of Turkish ghulams- servants of nomadic birth. By endowing houses and places to his freed slaves in Juy-i Muliyan, he surrounded himself with a figurative wall. As Narshakhi and later emendators inform us, after the amir Ismail, whoever became amir among his descendants built gardens and villas for himself in Juy-i Muliyan because of its loveliness, pleasantness, and cheerfulness [4, p. 28]. This information can be seen as evidence once more that the Samanid state was built and flourished upon the cooperation of the two contradictory societies: the nomadic and the settled. When this cooperation was ruined, the whole region experienced political and economic decline which was seen first of all in the architecture and urban planning: “Juy-i Muliyan and Karak-i Alawiyan were occupied until the end of the rule of the Samanids when their dominion was lost and those courts went to ruin. In Bukhara there was no fixed imperial residence, but only the citadel, until the time of King Shams al-Mulk Nasr ibn Ibrahim Tamghaj Khan who built Shamsabad” [4, p. 28–29].

Narshakhi also describes Bukhara and the places adjoining it. According to him, Ramitin had a large citadel and the village itself was well-protected. It was older than the city of Bukhara and in some books it was even mentioned as Bukhara itself. In ancient times it was the residence of rulers, but when the city of Bukhara was founded the rulers passed only the winters in this village [4, p. 16]. As we know, most nomadic dynasties that formed in the Eurasian steppes had two capitals- winter and summer-based on the mobile character of their tribes and cattle. Based on the above, one can say that having both summer and winter capitals was common for the Bukharan rulers. Whether it was a necessity or merely synchronization of the nomadic tradition is unclear. But, the custom was long-standing, as Narshakhi writes that it continued into Islamic times [4, p. 16]. Also according to him, Ramitan was built by Afrasiyab, and every time

¹⁶ I was able to check the Persian copy of the book through Tajik translation of “*The history of Bukhara*”. Except the Tajik translation, the book contains the printed Tehran edition of Mudarris Razavi, which Richard Frye considers as the best edition of the text and uses as the basis of his translation into English [6, 54–55].

he came to this district he only stayed in this village [4, p. 16]. If we take into account that Afrasiyab was the king of the eponymous Turan and hero of the Turks, the nomadic constituents of the city of Bukhara and surrounding places become evident. This helps explain why it is that Narshakhi writes that “the city (of Bukhara) did not yet exist, but there were several villages.”

There are many other direct and indirect indications in Narshakhi’s narrative regarding the symbiotic urban culture of Central Asia. The location of *bazaars*, villages, roads, *namazgah* and other religious buildings and imperial residences prove the point that the unique feature of the region was its geography that situated sedentary people among the nomadic and semi-nomadic tribes. In conclusion, it is clear that the great urban civilization along the trade routes of the Silk Road came into being not only because of the settled Sogdians, but also because of the unity and cooperation of the two neighboring cultures- the nomadic Turks and settled Sogdians. An investigation of Narshakhi’s work does not just elucidate the history of the cities and cultures, but it has an important message for modern day states of the region: the only way for prosperity is cooperation.

Literature

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена., М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Т. 1. 382 с.
2. Давидович Е. А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах // Труды АН Таджикистана, Сталинабад, 1954. Т. XXVII. С. 69–117.
3. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М. : Наука, 1972. 664 с.
4. Narshakhi, Abu Bakr Muhammad Ibn Jafar. The History of Bukhara / Translated from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhi, edited and translated by Richard N. Frye. Cambridge : Mediaeval Academy of America, 1954. 207 p.
5. Наршахи Абубакр Мухаммад ибни Джафар. Тарихи Бухоро / паж о’хишгохи фарханги форси-тожики-И Сафорати джумхурии Исломии Ерон дар Тожикистон, Гоибов Г. Душанбе : Пайванд, 2012. 402 с.
6. Наршахи Мухаммад. История Бухары / Пер. Н. С. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент : Типо-лит. т. д. «Ф. и Г. бр. Каменские», 1897. 128 с.
7. Наршахи Абубакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро Тарихи / Форс тилидан Расулев А. таржимаси. Ташкент : Фан, 2010. 174 с.
8. Негматов Н. Н. Государство Саманидов; (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). Душанбе : Дониш, 1977. 279 с.
9. Frye R. N. ‘Early Bukhara’, in Cahiers d’Asie centrale [Online]. 1998. 5/6 URL: <http://asiecentrale.revues.org/527>
10. Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М. : Изд. МГУ, 1948. 352 с.

References

- Bichurin, N. Ia. (1950). *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Tom I.* [Collection of information about peoples that lived in Central Asia in ancient times. Volume 1] M.–L. : Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 382 p.
- Davidovich, E. A. (1954). Numismatic materials for the study of the feudal relations in Central Asia under the Samanids. [The numismatic materials for the study of the feudal relations in Central Asia under the Samanids]. In *Trudy AN Tadjikistana*, Stalinabad. T. XXVII, pp.69–117.
- Gafurov, B. G. (1972). *Tadzhiki. Drevneishaia, Drevniiaia I Srednevekovaia Istorii.* [Tajiks. The ancient, early medieval and medieval history] M. : Nauka. 664 p.

Narshakhi, Abū Bakr Muḥammad Ibn Ja'far (1954). *The History of Bukhara* / Translated from a Persian Abridgement of the Arabic Original by Narshakhī. Edited and translated by Frye, R. Cambridge, American Mediaeval Academy. 207 p.

Narshakhi, Abubakr Muhammad ibni Ja'far (2012). *Ta'rikhi Bukhoro* [The History of Bukhara] / Tazhik translation and edition by G'. G'oibov. Dushanbe, Pajo'hishgohi farhangi forsi-tojiki-I Saforati Jumhurii Islomii Eron dar Tojikiston. 402 p.

Narshakhi, Abubakr Mukhammad ibn Ja'far (1897). *Istoriya Bukhari*, [The History of Bukhara] / Russian translation by N. Lykoshin. Tashkent, Brat'ia Fedor i Grigorii Kamenskie. 128 p.

Narshakhi, Abubakr Muhammad ibn Ja'far, (2010). *Bukhoro tarikhi*, [The History of Bukhara] / Uzbek translation by Rasulev, A. Tashkent, Fan. 174 p.

Negmatov, N. N. (1977). *Gosudarstvo Samanidov: Maverannakhr I Khorasan v IX-X Vv.* [The Samanids' State: Mawerannahr and Khorasan in the 9-10 cc]. Dushanbe, Donish. 279 p.

Frye, R. N (1998). Early Bukhara, in *Cahiers d'Asie centrale* [Online], 5/6 URL: <http://asiecentrale.revues.org/527> (mode of access: 13.08.2018)

Tolstov, S. P. (1948). *Drevniy Khorezm, Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia* [Ancient Khorezm, Experience of Historic Archeological Study]. Moscow, Izdadelstvo MGU. 352 p.

The article was submitted on 21.09.2018

К. К. Абильмаликов

ПОЗИЦИИ ФРАНЦИИ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Аннотация: Туркменистан, обладающий значительными запасами природного газа, постепенно становится энергетическим партнером для стран ЕС, и в частности Франции, которая стремится противопоставить туркменский газ в качестве конкурента экспорту российского газа. Использование конкурентной борьбы между каспийскими странами за европейский энергорынок позволяет Франции решить основную задачу – диверсифицировать источник экспорта углеводородов и снизить уровень зависимости от России. Попытки привлечь французские инвестиции в Туркменистан предпринимались еще во второй половине 1990-х гг. при Сапармурате Ниязове. Отсутствие трубопроводной системы, закрытость и самоизоляция республики для мирового сообщества стали главными трудностями в расширении сотрудничества Франции и Туркменистана в 1990-х гг. В 2007 г. Францией и Туркменистаном предпринимаются первые шаги к сотрудничеству в сфере разведки на Каспии. Газовый конфликт между Россией и Туркменистаном в 2010 г. позволил Франции начать тесное сотрудничество с Ашхабадом. Строительство трубопроводов в Китай и Иран превратило Туркменистан из зависимого от России экспортера в самостоятельного игрока на энергетическом рынке Евразии. Главной проблемой для успешного сотрудничества двух стран является вопрос о строительстве Транскаспийского газопровода, который предположительно будет решен в течение десяти лет.

Ключевые слова: Франция, Туркменистан, Транскаспийский газопровод, энергетическая дипломатия, природный газ.

К. К. Abilmalikov

THE POSITION OF FRANCE IN THE OIL AND GAS SECTOR OF TURKMENISTAN

Abstract: Turkmenistan, which has significant reserves of natural gas, is gradually becoming an energy partner for the EU countries, in particular France, which seeks to oppose Turkmen gas as a competitor to Russian gas exports. The use of competitive struggle between the Caspian countries for the European energy market allows France to solve its main problem – diversification of sources of hydrocarbon exports and reducing dependence on Russia. Attempts to attract French investments in Turkmenistan were made in the second half of the 1990s. under Saparmurat Niyazov. The absence of a pipeline system, the Republic's closure and self-isolation for the world community were the main difficulties in expanding cooperation between France and Turkmenistan in the 1990s. In 2007, France and Turkmenistan took the first steps towards mutual cooperation in the sphere of exploration in the Caspian sea. The gas conflict between Russia and Turkmenistan in 2010 allowed France to start close cooperation with Ashgabat. The construction of pipelines to China and Iran has turned Turkmenistan from a Russian-dependent exporter into an independent player in the Eurasian energy market. The main problem for successful cooperation between the two countries is the construction of the TRANS-Caspian gas pipeline, which is expected to be resolved within the next ten years.

Key words: France, Turkmenistan, TRANS-Caspian gas pipeline, energy diplomacy, natural gas.

Геополитическое значение Туркменистана в энергетической политике Франции имеет устойчивую тенденцию к росту. В условиях относительно быстрого сокращения запасов природного газа в России, туркменский природный

газ в перспективе может стать альтернативой российскому и иранскому газу на мировом рынке.

Взаимоотношения Франции и Туркменистана в сфере энергетики до сих пор не становились предметом отдельного исследования западных и российских экспертов. Данная статья является попыткой восполнить этот пробел путем рассмотрения первых шагов в налаживании взаимовыгодного сотрудничества Туркменистана и Франции в нефтегазовой области на рубеже XX–XXI вв.

Актуальность исследования энергетического взаимодействия Франции и Туркменистана обусловлена его возрастающей ролью в процессе трансформации ситуации в Центральной Азии и на Каспии. Туркменистан постепенно превращается в самостоятельного игрока на мировой энергетической арене и успешно решает ряд своих экономических задач: привлечение иностранных инвестиций, снижение экспортной зависимости от Китая, диверсификация экспорта газа, усиление геополитического значения Туркменистана в мире за счет трубопроводов ТАПИ, ТУКК и Транскаспийской газовой магистрали.

Для Франции очень важно снизить зависимость от импорта российского газа с помощью импорта туркменского природного газа. Для западных компаний и экспертов актуален вопрос: сможет ли туркменский газ занять свою экономическую нишу на французском, и в перспективе на общеевропейском энергетическом рынке.

В 1990-х гг. Туркменистан традиционно считался сферой геополитического влияния России, страной, изолировавшей себя от остального мира, в связи с чем крупные западные нефтегазовые компании не проводили геологоразведку на наличие природных ресурсов в туркменском секторе Каспия и прибрежной зоне. Тем не менее Сапармурат Ниязов предпринимал попытки привлечь в Туркменистан французские ТНК для разведки и добычи природного газа [15].

Отсутствие трубопроводной системы в ЕС и во Францию, сильные французские общественные настроения, направленные против недемократического режима в Туркменистане, нерешенность правового статуса Каспия заморозили сотрудничество французских энергетических компаний и туркменских властей на 10 лет. Политика изоляции и закрытости Туркменистана до 2000 г. не позволяла точно определить европейским, в том числе французским экспертам энергетический потенциал этой страны, точных данных о запасах нефти и газа не было ни у западных ТНК, ни у Международного Энергетического Агентства. Только после ухода президента РТ Сапармурата Ниязова в 2006 г. наблюдаются значительные перемены в развитии топливно-энергетического комплекса страны.

В 2016 г. «Бритиш Петролеум» («БП») оценила запасы природного газа Туркменистана в 17,5 трлн куб. м или 9,4% от общемировых запасов. Туркменистан по запасам природного газа во всем мире идет следом за такими странами, как Иран (33,5 трлн куб. м), Россия (32,3 трлн куб. м) и Катар (24,3 трлн куб. м). 12 лет назад, в 2006 г. запасы природного газа Туркменистана «БП» оценивались всего в 2,3 трлн куб. м [14, с. 26]. За 10 лет годовые запасы Туркменистана увеличились в 7,6 раза. В 2017 г. Мырат Арчаев, глава «Туркменгаз», на Международном газовом конгрессе оценил запасы газа в Туркменистане в 50 трлн куб. м [3].

Запасы сырой нефти в стране не изменились в течение последних 10 лет и составляли 100 млн тонн (0,6 млрд барр.). Нефтяные запасы среднеазиатской страны могут быть увеличены, причина – самая слабо разведанная часть туркменского сектора Каспия, которая, по оценкам «БП», может содержать от 10 до 40 млрд тонн нефти [15].

Геоэкономическое положение Туркменистана имеет ряд особенностей:

— экономика Туркменистана зависит от добычи, производства и импорта природного газа;

— Республику Туркменистан окружают страны, которые также богаты значительными запасами природного газа, и активно экспортируют его на внешние рынки – Казахстан (1 трлн куб. м), Азербайджан (1,1 трлн куб. м), Узбекистан (1,1 трлн куб. м) [14, с. 26];

— расположение Туркменистана между крупными мировыми рынками потребления энергоресурсов – АТР, ЕС и Южной Азией.

Из пяти государств Каспийского региона Туркменистан уступает в добыче газа только России и Ирану. Так, в 2016 г. производство туркменского газа составило 66,8 млрд куб. м, добыча газа в России – 579,4 млрд куб. м, в Иране – 202,4 млрд куб. м [14, с. 28]. Несмотря на внушительный энергетический потенциал, Туркменистан отстает от России, своего главного конкурента в добыче газа, в 8,6 раза.

Отмечая особенности развития нефтегазового сектора страны, можно увидеть, что газовые месторождения в Туркменистане начали разрабатываться с 1970-х гг., после нефтяного кризиса 1973 г., когда внимание правительства СССР постепенно обращается к природному газу как альтернативному нефти источнику углеводородной энергии. В советский период Туркменистан был главным донором природного газа для республик европейской части СССР. В постсоветский период туркменский газ до 2010 г. поступал в Украину, Белоруссию, Польшу, Молдову по трубопроводной системе Средняя Азия – Центр (САЦ). Он закупался российской компанией «Газпром» по договору 2002 г. и перепродавался уже в качестве российского газа в эти страны. Первая нитка трубопровода САЦ-1 была построена в 1967 г., САЦ-2 – в 1969 г., САЦ-3 и САЦ-4 – в 1972 г., САЦ-5 – в 1985 г. с общей мощностью в 45–55 млрд куб. м. газа. Ко второму десятилетию XXI в. трубопроводная система САЦ устарела и перестала отвечать современным требованиям безопасности транспортировки природного газа.

8 апреля 2009 г. на САЦ-4 в Туркменистане в результате резкого сокращения отбираемого туркменского газа российской компанией «Газэкспорт» произошел взрыв. Туркменские власти обвинили Россию в нарушении договора, в ответ российская сторона прекратила закупку туркменского газа в 2010 г. Газовый конфликт между Россией и Туркменистаном был связан с конкурентной борьбой за европейский энергетический рынок [7]. Конфликт свидетельствовал о том, что Туркменистан становится самостоятельным игроком на энергетической мировой арене.

В 2009 г. Туркменистан в рамках политики диверсификации газовых поставок построил два газопровода в Иран и Китай. В Иран был построен газопровод Довлетабад-Хангеран с мощностью 12,5 млрд куб. м и протяженностью 30 км. Газопровод должен был обеспечить газом северные районы Ирана, при

том что из Туркменистана уже был построен газопровод Корпедже-Курт-Куи в 1995 г. мощностью в 8 млрд куб. м в год. Основной экспорт туркменского газа пошел по газопроводу Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай мощностью 60 млрд куб. м. Очевидно, что Китай становится для Туркменистана основным партнером в закупке природного газа [1, с. 95]. Но экспортная зависимость от Китая заставляет туркменские власти искать новые выходы на мировой рынок.

Следующим шагом в политике диверсификации для Туркменистана стала реализация проекта газопровода ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), инициаторами которого в середине 1990-х гг., стали США и ЕС. Проект ТАПИ был на время заморожен по ряду причин: отсутствие гарантий безопасности газопровода на территории Афганистана и Пакистана, высокая стоимость мега-проекта, внешнеполитические разногласия между Пакистаном и Индией, недостаточность финансирования проекта [7]. В 2002 г. к проекту вернулись снова, когда Азиатский банк развития заявил, что окажет финансовую поддержку строительству газопровода. В 2010 г. был подписан четырехсторонний договор между Ашхабадом, Кабулом, Исламабадом и Дели о строительстве ТАПИ. В 2013 г. правительства Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии назначили свои государственные газовые компании для продвижения и вложения инвестиций в проект ТАПИ [7]. В 2015 г. президент Туркменистана объявил о запуске строительства газопровода ТАПИ от месторождения Самандепе до станции Фазилка в Индии. Строительством газопровода ТАПИ на туркменской территории занимаются национальные компании «Туркменгаз» и «Туркменпромстрой». Завершение строительства газопровода намечено на 2019 г [7]. На участии в строительстве ТАПИ настаивал российский «Газпром», но Ашхабад отказался от помощи. Россия перестала рассматривать Туркменистан как надежного партнера, потому что Туркменистан является слабым звеном в системе евразийской безопасности выстраиваемой Россией. С помощью трубопроводного клапана российские власти принуждают Ашхабад отойти от позиции нейтралитета во внешней политике. Противоречия между Россией и Туркменистаном рассматриваются европейскими странами как возможность противопоставить туркменский газ в качестве конкурента российскому. Даже если российские эксперты и СМИ считают, что западное направление сбыта газа закрыто для Туркменистана, то французская дипломатия считает, что ситуация может поменяться в будущем [6].

Если в 1990-х гг. главными интересами Франции в Каспийском регионе были Азербайджан и Казахстан, то в первом десятилетии XXI в. акцент энергетической политики Парижа стал сдвигаться в сторону Туркменистана и Ирана. Париж обратил внимание на туркменское месторождение газа Южный Йолотань, где британская аудиторская компания «Gaffney, Cline & Associates» (GCA) оценила запасы месторождения минимум в 13 трлн куб. м газа, максимальная оценка составила 21 трлн куб. м [7].

Первые шаги в сотрудничестве Франции с Туркменистаном делаются в 2007 г. через нефтегазовую компанию «Тоталь». 31 июля 2007 г. Ив Луи Дарекарер, представитель «Тоталь», встретился с президентом РТ Гурбангулы

Бердымухамедовым, впервые представив французскую компанию туркменскому лидеру. «Я верю, что господин Президент даст нам возможность содействовать развитию нефтегазовой отрасли в Туркменистане и внести свой достойный вклад. Мы работаем на добыче газа, нефти, производстве серы, пищевой соли. Я предложил президенту Туркменистана наладить долгосрочное сотрудничество между Туркменистаном и группой “Тоталь”», – заявил на брифинге для французских СМИ Ив Луи Дарикарер после встречи с президентом РТ [10].

Франция продвигала свои энергетические интересы в Туркменистане различными методами путем поддержки инвестиций в нефтегазовую отрасль страны, двухсторонних соглашений, обмена визитами на высшем уровне, в том числе с участием представителей наднациональных органов ЕС, прежде всего Европейской комиссии.

«Туркменские власти и официальный Париж договорились в вопросе о поставках туркменского газа на европейский рынок», – с таким заявлением выступил в 2008 г. министр финансов Франции Бернар Кушнер по итогам саммита стран ЕС и Центральной Азии в Ашхабаде [8].

В октябре 2010 г. в Ашхабад прибыл глава «Тоталь» Кристоф де Маржери [10]. На встрече с президентом Туркменистана де Маржери подтвердил готовность «Тоталь» начать разведку и эксплуатацию месторождений в туркменском секторе Каспия. Туркменистан стал для Франции второй страной в Центральной Азии по объему инвестиций и объемам торговли после Казахстана. Франция запланировала вложить в Туркменистан до 11 млрд долларов в случае успешных переговоров о разведке в туркменском секторе Каспия [13].

В 2011 г. «Тоталь» приступила к разработке высокосернистого газового месторождения Лак. Компанию на тот момент представляла Нагали Коматич, руководитель филиала «Тоталь Разведка и Добыча Туркменистан».

В ноябре 2012 г. президент Франции Франсуа Олланд в письме президенту Гурбангулы Бердымухамедову, приуроченному к 21 годовщине независимости Туркменистана, заявил: «Я надеюсь, наше сотрудничество продолжит развиваться и в новых областях взаимодействия и взаимных интересов. Франция готова, в частности, поддерживать модернизацию и развитие вашей страны» [9]. В ноябре 2016 г. профессор Этьен Робейн, экс-президент Европейской ассоциации инженеров-геофизиков, провел в Международном университете нефти и газа в Ашхабаде курс тренингов для кадров нефтегазовой промышленности Туркменистана, которые были организованы «Тоталь» [8]. Первые шаги к сотрудничеству с Туркменистаном показали заинтересованность французского капитала в освоении ресурсов южной части Каспийского шельфа.

В сентябре 2011 г. Совет Европы утвердил мандат Еврокомиссии на трехсторонние переговоры ЕС–Туркменистан–Азербайджан по подписанию юридически обязывающего соглашения в целях реализации проекта Транскаспийского газопровода. Идея Транскаспийского газопровода появилась в 1990-х г. как продолжение проекта газопровода Набукко. Проект Набукко предусматривал строительство газопровода из Туркменистана через Иран и дальше в страны ЕС. В 2006 г. французская государственная компания «Gas de France» поддержала проект, но

противодействие российской стороны и нерешенность правового статуса Каспия заморозили проект на длительное время [3].

В ответ на решение о подписании соглашения реализации Транскаспийского газопровода в 2011 г. официальный представитель МИД России Александр Лукашевич напомнил ЕС, что государства «каспийской пятерки» сами договариваются об основных вопросах, связанных с деятельностью в Каспийском море, и решаются только самими прибрежными странами. Этот принцип закреплен в политически обязывающей Декларации, подписанной 16 октября 2007 г. главами прикаспийских государств по итогам II Каспийского саммита в Тегеране. Он подтвержден и в совместном заявлении президентов по итогам III Каспийского саммита в Баку 18 ноября 2010 г. Очевидно, что планы прокладки магистрального Транскаспийского трубопровода в замкнутом водоеме с повышенной сейсмической активностью и большой тектоникой дна относятся как раз к такого рода вопросам» [6].

На Каспии сложилась достаточно большая коалиция по поддержке Транскаспийского газопровода – Азербайджан, Туркменистан, ЕС, США, которых не явно, но поддерживает и Казахстан. Франция заинтересована в строительстве газопровода, но предпочитает действовать через надгосударственные органы ЕС. Ни Николя Саркози, ни Франсуа Оланд, ни Мануэль Макрон не высказывались открыто против позиции Москвы по Транскаспийскому газопроводу. В ответ на противодействие Москвы ЕС отказался от российского «Южного потока» и поставил вопрос о необходимости строительства «Северного потока-2» [3].

Позицию Азербайджана выразил заместитель министра иностранных дел Халаф Халафов, заявив, что Туркмения и Азербайджан вправе самостоятельно решить вопрос с Транскаспийским газопроводом. Власти Туркмении также неоднократно подчеркивали, что строительство газопровода – это вопрос двусторонних отношений [7]. В мае 2015 г. президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов на встрече с вице-президентом Европейской комиссии по вопросам энергетики Маршом Шевровичем подтвердил готовность поставлять туркменский газ в ЕС. Но официальная позиция Ашхабада заключена в том, что Транскаспийский газопровод должен быть построен к границам Туркменистана другим субъектом энергетической политики. Сам Туркменистан не собирается строить газопровод, чтобы не испортить отношений с Москвой в газовом вопросе. Ашхабад надеется, что газопровод будет проложен азербайджанской компанией «Socar» от спорных месторождений Сердар-Кяпаз, находящихся как раз на границе разделения Каспия между Азербайджаном и Туркменистаном, а компания «Туркменгаз» уже сама проложит трубы по дну моря до спорных месторождений, чтобы иметь возможность перекачивать газ на свою территорию либо отправлять в Европу через азербайджанский сектор Каспия.

В августе 2017 г. спорные месторождения стали предметом обсуждения об их совместном освоении. Возможно, они станут отправной точкой строительства Транскаспийского газопровода. Ашхабад не может позволить французской «Тоталь» или любым другим западным компаниям строительство Транскаспийского газопровода по дну туркменского сектора моря, поскольку это

означало бы нарушение договоренностей между «каспийской пятеркой» о невмешательстве в каспийские дела внерегиональных игроков.

Пока реализация Транскаспийского газопровода связана с построенным на территории Туркменистана газопроводом «Восток–Запад» стоимостью в 2,5 млрд. долларов, который связал все газовые месторождения страны в одну сеть. По плану Ашхабада, газ должен будет поступать в ЕС уже в 2019 г [3].

Динамичному развитию сотрудничества Франции и Туркменистана препятствует ряд факторов, главный из которых – спорность вопроса о строительстве Транскаспийского газопровода по дну Каспия, который следует рассматривать в аспекте внешней политики России на Каспии. По сути француско-туркменское сотрудничество зависит от российской внешней политики. Даже добывая в будущей перспективе туркменский газ Франция вынуждена будет искать рынок сбыта.

Вместе с тем проект Транскаспийского газопровода может быть реализован при наличии ряда условий. Прежде всего речь идет об определении правового статуса Каспия, который предоставит Азербайджану и Туркменистану юридическое право самим строить трубопроводные ветки по дну моря. С 26 февраля по 1 марта 2018 г. проходило 50-е заседание Рабочей группы по Конвенции о правовом статусе Каспия. Коммюнике заседания Рабочей группы подтверждает скорое определение статуса Каспия на V саммите Каспийской пятёрки. Азербайджаном и Туркменистаном постоянно поднимается вопрос о строительстве Транскаспийского газопровода. Однако российской и иранской стороне удается обходить данный вопрос.

Определенные перспективы строительства газопровода для французских нефтегазовых компаний предопределяет разрешение на проведение разведки туркменского сектора Каспия французской «Тоталь», которая будет подталкивать Ашхабад к решительным действиям. При положительном решении о строительстве газопровода, французская компания «Тоталь» может стать главным инвестором проекта, что приведет к увеличению роли туркменских энергоресурсов на рынке ЕС. Ключевым решающим моментом усиления сотрудничества между Францией и Туркменистаном в нефтегазовом секторе должен стать Транскаспийский газопровод.

Литература

1. *Абдол Реза Фараджи Рид, Гейдар Маруди*. Трубопровод ТАПИ и его влияние на региональное и межрегиональное сотрудничество // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 2. С.94–111.
2. Газопровод ТАПИ: от идеи к реальности (Интервью представителя Государственного концерна «Туркменгаз» в совете директоров компании «TAPI Pipeline Company Limited» Мухамметмырада Аманова) // NEBIT-GAZ. Электронная газета нефтегазового сектора Туркменистана. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oilgas.gov.tm/blog/1606/gazoprovod-tapi-ot-idei-k-realnosti> (дата обращения: 04.01.2018).
3. Действительно ли Туркменистан обладает самыми большими запасами природного газа в мире? // Хроника Туркменистана. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hronikatm.com/2017/06/deystvitelno-li-turkmenistan-obladaet-samyimi-bolshimi-zapasami-prirodnogo-gaza-v-mire> (дата обращения: 17.06.2017).
4. *Жизнин С. З.* В поисках баланса интересов. Геополитические и экономические аспекты каспийских нефти и газа // Портал МГИМО. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/139521/> (дата обращения: 21.09.2017).

5. Месторождение Южный Иолотань в Туркменистане обеспечит газом все существующие и планируемые газопроводы в регионе // Нефть. Капитал. 12 октября 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/12-10-2011/mestorozhdenie-yuzhnyu-iolotan-v-turkmenistane-obespechit-gazom-vse-suschestvuyuschie-i-planiruemye-gazoprovody-v-regione> (дата обращения: 27.02.2018).

6. Министр финансов Франции: Туркменистан согласился поставлять газ в страны ЕС // Trend News agency. 11 августа 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/business/economy/1173717.html> (дата обращения: 27.02.2018).

7. Лустовайтова Е. Битва за Каспий // Информационно-аналитический журнал «Столетие». 3 ноября 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/bitva_za_kaspij_2011-11-03.htm (дата обращения: 25.01.2018).

8. Французская Total считает сотрудничество с Туркменией «исключительно перспективным» // Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1185947040> (дата обращения: 10.01.2018).

9. Французский нефтегазовый гигант «Тоталь» помогает готовить кадры для промышленности Туркменистана // Новости Туркменистана. 19 ноября 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://infoabad.com/obrazovanie-nauka-i-tehnika/francuzskii-neftegazovyi-gigant-total-pomogaet-gotovit-kadry-dlja-promyshlenosti-turkmenistana.html> (дата обращения: 10.01.2018).

10. Французская Total готова добывать газ и нефть в Туркмении // Нефть Капитал. 24 ноября 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/24-11-2010/frantsuzskaya-total-gotova-dobuvat-gaz-i-neft-v-turkmenii/print> (дата обращения: 15.01.2018).

11. Франция – Туркменистан: Официальное сообщение о создании Торговой палаты Франция – Туркменистан // CIFAL. 26 ноября 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://cifalgroup.com/?article_id=1114&lang=ru (дата обращения: 09.01.2018).

12. Чичкин А. Газопровод ТАПИ: «энергетический фронт» США против Китая в Центральной Азии? // Военно-политическая аналитика. Интернет-журнал. 6 июня 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://vpoanalytics.com/2017/07/06/gazoprovod-tapi-energeticheskij-front-ssha-protiv-kitaya-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 08.01.2018).

13. «Cifal» заинтересована участвовать в реализации новых инвестиционных проектов в Туркменистане // Nebit Gaz. 31 октября 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oilgas.gov.tm/blog/521/cifal-zainteresovana-uchastvovat-v-realizacii-novyh-investicionnyh-proektov-v-turkmenistane> (дата обращения: 08.02.2018).

14. BP Statistical Review World of Energy. 2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/media/speeches/bp-statistical-review-of-world-energy-2017.html> (Access date: 22.06.2017).

15. Vicken Cheterian. Eldorado ou mirage! // Le Monde. Octobre 1997. P. 23 [Ressource électronique]. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/1997/10/CHETE>

RIAN/4939 (Date de la requête: 22.06.2017)

References

Abdol Reza Faradzhi Rid, Geidar Maradi. Truboprovod TAPI i ego vliyanie na regional'noe i mezhturkmenistanskoe sotrudnichestvo [TAPI pipeline and its impact on regional and interregional cooperation]. (2012). In *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, Vol. 15, Iss. 2, pp. 94-111.

Gazoprovod TAPI: ot idei k real'nosti (Interv'y u predstavatelya Gosudarstvennogo kontserna «Turkmengaz» v soвете директоров kompanii «TAPI Pipeline Company Limited» Mukhammetmyrada Amanova) [The TAPI pipeline: from concept to reality (Interview with a representative of the State concern «Turkmengaz» the Board of Directors of the company «TAPI Pipeline Company Limited» Muhammetmurad Amanov)]. (2018). In *NEBIT-GAZ. Elektronnyaya gazeta neftegazovogo sektora Turkmenistana* [website], 4.01.2018. URL: <http://www.oilgas.gov.tm/blog/1606/gazoprovod-tapi-ot-idei-k-realnosti> (mode of access: 04.01.2018).

Deistvitel'no li Turkmenistan obladaet samymi bol'shimi zapasami prirodnoho gaza v mire? [Does Turkmenistan really have the largest natural gas reserves in the world?]. (2017). In *Khronika Turkmenistana* [website], 17.06.2017. URL: <https://www.hronikatm.com/2017/06/deystvitelno-li-turkmenistan-obladaet-samyimi-bolshimi-zapasami-prirodnogo-gaza-v-mire> (mode of access: 17.06.2017).

Zhiznin, S. Z. (2017). V poiskakh balansa interesov. Geopoliticheskie i ekonomicheskie aspekty kaspiskikh nefiti i gaza [In search of a balance of interests. Geopolitical and economic aspects of Caspian oil

and gas]. In *Portal MGIMO*, 12.01.2010. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/139521/> (mode of access: 21.09.2017).

Mestorozhdenie Yuzhnyi Iolotan' v Turkmenistane obespechit gazom vse sushchestvuyushchie i planiruemye gazoprovody v regione [South Iolotan field in Turkmenistan will provide gas to all existing and planned gas pipelines in the region]. (2011). In *Neft'. Kapital* [website], 12.01.2011. URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/12-10-2011/mestorozhdenie-yuzhnyy-iolotan-v-turkmenistane-obespechit-gazom-vse-sushchestvuyushchie-i-planiruemye-gazoprovody-v-regione> (mode of access: 27.02.2018).

Ministr finansov Frantsii: Turkmenistan soglasilsya postavlyat' gaz v strany ES [French Finance Minister: Turkmenistan has agreed to supply gas to EU countries]. (2008). In *Trend News agency* [website], 11.08.2008. URL: <https://www.trend.az/business/economy/1173717.html> (mode of access: 27.02.2018).

Pustovaitova, E. (2011). Bitva za Kaspii [The battle for the Caspian sea]. In *Informatsionno-analiticheskii zhurnal «Stoletie»* [website], 3.11.2011. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/bitva_za_kaspii_2011-11-03.htm (mode of access: 25.01.2018).

Frantsuzskaya Total schitaet sotrudnichestvo s Turkmeniei «isklyuchitel'no perspektivnym» [French Total considers cooperation with Turkmenistan «extremely promising»]. In *Tsentrал'naya Aziya* [website]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1185947040> (mode of access: 10.01.2018).

Frantsuzskii neftegazovyi gigant «TOTAL'» pomogaet gotovit' kadry dlya promyshlennosti Turkmenistana [French oil and gas giant «TOTAL» helps to train personnel for the industry of Turkmenistan]. (2016). In *Novosti Turkmenistana* [website], 19.11.2016. URL: <http://infoabad.com/obrazovanie-nauka-i-tehnika/francuzskii-neftegazovyi-gigant-total-pomogaet-gotovit-kadry-dlja-promyshlennosti-turkmenistana.html> (mode of access: 10.01.2018).

Frantsuzskaya TOTAL gotova dobyvat' gaz i neft' v Turkmenii [French TOTAL ready to produce gas and oil in Turkmenistan] (2010). In *Neft' Kapital* [website], 24.11.2010. URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/24-11-2010/frantsuzskaya-total-gotova-dobyvat-gaz-i-neft-v-turkmenii/print> (mode of access: 15.01.2018).

Frantsiya–Turkmenistan: Ofitsial'noe soobshchenie o sozdanii Torgovoi palaty Frantsiya–Turkmenistan [France-Turkmenistan: official announcement of the establishment of the chamber of Commerce France-Turkmenistan]. (2012). In *CIFAL* [website], 26.11.2012. URL: http://cifalgroup.com/?article_id=1114&lang=ru (mode of access: 09.01.2018).

Chichkin A. Gazoprovod TAPI: «energeticheskii front» SShA protiv Kitaya v Tsentral'noi Azii? [TAPI gas pipeline: US «energy front» against China in Central Asia?]. (2017). *Voенно-politicheskaya analitika* [website]. 6.06.2017. URL: <http://vpoanalytics.com/2017/07/06/gazoprovod-tapi-energeticheskij-front-ssha-protiv-kitaya-v-tsentralnoj-azii/> (mode of access: 08.01.2018).

«Cifal» zainteresovana uchastvovat' v realizatsii novykh investitsionnykh proektov v Turkmenistane [«Cifal» is interested in participating in the implementation of new investment projects in Turkmenistan]. (2016). In *Nebit Gaz* [website], 31.10.2016. URL: <http://www.oilgas.gov.tm/blog/521/cifal-zainteresovana-uchastvovat-v-realizatsii-novykh-investitsionnykh-proektov-v-turkmenistane> (mode of access: 08.02.2018).

BP Statistical Review World of Energy. 2017. [website]. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/media/speeches/bp-statistical-review-of-world-energy-2017.html> (mode of access: 22.06.2017)

Vicken Cheterian. Eldorado ou mirage? [Eldorado or mirage?] In *Le Monde*, 1997, Octobre, p. 23 [Ressource électronique]. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/1997/10/CHETERIAN/4939> (mode of access: 22.06.2017)

The article was submitted on 16.11.2018

УДК 930.2:314.148 + 94(34) + 94(479.25)

А. Ж. Арутюнян

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ СОГЛАСНО ДАННЫМ «ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ», ИЛИ «АШХАРАЦУЙЦА»

Аннотация: В «Древнеармянской географии» (или «Ашхарацуйце»; дословный перевод – «Показ мира») среди всех стран Азии 35-ой авторами этого труда упоминается Индия, которую вышеупомянутый источник представляет как единое целое и окончательно объединенное государство. Целью авторов «Ашхарацуйца» (Мовсес Хоренаци и Анания Ширакаци) не является описание или анализ исторического пути развития индийского государства от начала до конца. Их первоочередная задача знакомить читателя с этой экзотической страной в целом. Авторы описывают не только границы страны (с крайнего севера до юга), но и уделяют большое внимание орографии, гидрографии, полезным ископаемым, живой природе, верованиям, обычаям и традициям жителей страны. К сожалению, мы не находим развернутых упоминаний об административно-территориальных делениях, которые мы находим в «Ашхарацуйце» при описании других стран в то время известного авторам мира. В источнике подробно рассмотрены природные ресурсы и богатства ранней и древней Индии, в частности, сведений о ладане. Своими упоминаниями «Ашхарацуйц» дополняет сведения об Индии, которые мы можем извлечь из таких известных трудов, как «География» Страбона и «География» Клавдия Птолемея. Важнейшим упоминанием армянского первоисточника, на наш взгляд, является свидетельство об острове Тапробана, о местонахождении которого до сих пор идут споры. По «Ашхарацуйцу», он соответствует современной Шри Ланке. Что касается первого автора «Древнеармянской географии» Мовсеса Хоренаци, то при описании Индии он придерживается своего прежнего стиля изложения (не повторять сведения, уже упомянутые им в другом труде). В своей «Истории Армении» он обращается к тем вопросам об Индии, о которых не упоминается в «Древнеармянской географии». Сопоставляя эти данные, мы можем прийти к выводу, что Индия в те далекие времена, равно как и сейчас, была мощной и миролюбивой державой, одним из главных факторов международной политики.

Ключевые слова: «Ашхарацуйц», «Древнеармянская география», Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, Древняя Индия, Индостан, Инд, Ганг.

H. Z. Harutyunyan

ANCIENT INDIA ACCORDING TO THE DATA OF «ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY» OR «ASHKHARATSUYTS»

Abstract: In the «Ancient Armenian Geography» (or «Ashkharatsuyts», literal translation – «The World Show») among all Asian countries, the 35th authors of this work mention India, which the above-mentioned source represents as a single, whole and finally unified state. The aim of the authors of «Ashkharatsuyts» (Moses of Khorene and Ananias of Shirak) is not to describe or

analyze the historical development of the Indian state from beginning to end. For them the most important and top priority is to acquaint the reader with this exotic country as a whole. The authors describe not only borders (from the extreme north to the south of the country), but also pay great attention to orography, hydrography, nature, beliefs, minerals, customs and traditions of the country's inhabitants. Unfortunately, there are no detailed references to the administrative-territorial divisions that we find in «Ashkharatsuyts», when describing almost all other countries of the then known to the authors of the world. The source details the natural resources and wealth of early and ancient India, there is much information about incense. The «Ashkharatsuyts» is supplemented with information about India, which we can extract from such famous works as Strabo's «Geography» and Claudius Ptolemy's «Geography». The most important mention of the Armenian primary source, in our opinion, is a testimony about the island of Taproban, the location of which is still disputed. According to the «Ashkharatsuyts», it corresponds to the modern Sri Lanka (or Lanka). In description of India the first author of the «Ancient Armenian Geography» the historian Movses of Khorene adheres to his former style of exposition (not to submit information already mentioned in another work). In his «History of Armenia» author refers to those issues of India that are not mentioned in the «Ancient Armenian Geography». Comparing these data, we can come to the conclusion that India in those distant times, as well as now, was a mighty and peace-loving power, one of the main factors of international politics.

Key words: «Ashkharatsuyts», «Ancient Armenian Geography», Movses of Khorene, Ananias of Shirak, Ancient India, Indostan, Ind, Ganges.

В «Древнеармянской географии» или «Ашхарацуйце» (точнее «Ашхарациуйц»; дословный пер. с древнеарм. – «Показ мира») Индия упоминается 35-ой среди всех стран Азии (арм. Һндкастан – страна индийцев или индусов; др.-греч. Ἰνδία Ἰνδικός; лат. India). В этом же списке 34-ой упомянута Скифия, а 36-ым – остров Тапробана (арм. Тапробания), что, на наш взгляд, имеет важное значение для установления контура границ древней Индии, а также для выяснения различий между топонимами *Индия* и *Индостан*. Об этом более подробно мы поговорим ниже [1, с. 175–180; 11, с. 79–82; 19, с. 308–310; 30, р. 99–101].

Весьма любопытно, что в армянском первоисточнике Индия упоминается как единое и целостное государство, и контур государственных границ очерчивается с севера (с долин рек Инд и Ганг, а также с Гималайских гор) до юга страны. Итак, по «Ашхарациуйцу», объединенная Индия того времени и современная Республика Индия (на хинди – Bhārat) занимали почти одинаковую территорию. Современная Индия имеет следующие географические координаты: к северу от экватора между 6°44' и 35°30' северной широты и 68°7' и 97°25' восточной долготы. Площадь территории государства составляет 3 млн. 288 тыс. кв. км.; по этому показателю страна занимает седьмое место в мире. «Ашхарациуйц», в отличие от античной историографии, как видно из вышеизложенного, видит страну единой и целой, чего не было, по всей вероятности, при изложении этого труда первым автором данного источника Мовсесом Хоренаци (V в). Однако уже при переработке текста естествознателем-географом Ананием Ширакаци (VII в.) объединение Индии представлено совершившимся фактом [Об авторстве см.: 6, с. 31; 3, с. 3–5; 4, с. 90–94].

Процесс политического объединения полуострова Индия начался со времен правления основателей первой правящей династии (Магадхе, правили в 545–30 гг. до н.э.) и далее бурно и энергично продолжался в эпоху Маурьев (317–187 или 168 гг. до н.э.). Древнюю Индию эпохи Маурьев принято считать первым общеиндий-

ским государством, которое занимало почти всю северную половину страны в нынешнем понимании. Процесс объединения стремительно протекал при правлении царей династии Гуптов (ок. 270 г. – приблизительно 500 г.). Далее объединение страны продолжалось, пока не достигло самой южной точки полуострова – мыса Коморина [22, *p.* 141; 26, *p.* 32; 27, *p.* 18; 28, *p.* 12; 33, *p.* 42; 34, *p.* 68].

В связи с этим мы должны, в первую очередь, уточнить различия между топонимами Индия и Индостан. Следует констатировать (и это не случайно), что в древних первоисточниках чаще встречается название Индостан (в «Ашхарацуйце» авторами употребляется только этот вариант [1, *c.* 175; 11, *c.* 79; 20, *c.* 308; 30, *p.* 99–100]). При употреблении топонима Индостан древние авторы чаще всего имели в виду крайне северную часть страны, т.е. юг Индо-Гангской равнины, куда включалась также территория современного Бангладеша и часть Пакистана. По подсчетам исследователей, эта территория составляла около 2 млн. кв. км. [14, *c.* 86; 23, *p.* 179; 5, *c.* 62; 15, *c.* 45]. С другой стороны, древние иранцы Индостаном (*Hindostān*) именовали весь полуостров (вероятно, отсюда и происходит армянский вариант топонима *Һндкастан*, о котором мы говорили выше). Отметим, что современная Индия занимает 3. 287 263 кв. км., что совпадает со сведениями «Ашхарацуйца».

Пока спорным остается вопрос южных пределов Индостана. Часто ученые включают в состав страны и Деканское плоскогорье, с востока и запада ограниченное горами – Восточными и Западными Гатами. Малабарский и Кормандельский берега отгораживаются от плоскогорья этими горами.

Для «Ашхарацуйца» первоочередной и важной задачей было указать северные границы Индии. Здесь мы почти не находим тех ошибок и очевидных искажений, которые «Ашхарацуйц» допускает при описании южных границ Древнего Китая (при описании этой страны авторы армянского первоисточника обращаются только к древней истории, а в случае свидетельств об Индии, как видно из анализа текста, внимание авторов привлекает не только древняя, но и раннесредневековая страна). Не имея представления о южных рубежах Китая, авторы доводят их до экваториальной (или центральной) Африки, вплоть до Атлантического побережья континента [1, *c.* 182–183; 20, *c.* 311–312; 30, *p.* 102]. «Крестным отцом» этих ошибок следует считать Клавдия Птолемея [8, *c.* 212; 24, *p.* 665]. Во всяком случае, сопоставляя данные «Ашхарацуйца» об этих двух величайших государствах как тогдашнего, так и современного мира, можно сказать, что Индия была известна авторам лучше, чем древний Китай (Китай в основном был известен в связи с историей армянского рода Мамиконянов, который, согласно Хоренаци, имел китайское происхождение [10, *c.* 181–182]).

Для уточнения северных границ Индии «Ашхарацуйц» упоминает горы Имада, отделяющие страну от Китая, и далее подтверждает, что, по сведениям Птолемея, «...здесь текут семь рек, каждая из которых имеет свое название, а все сообща называются Писон [1, *c.* 176; 20, *c.* 308; 27, *p.* 100]». В армянском тексте – *рһисон*. Это дает повод к размышлениям, поскольку слово *рһисон* в армянском языке является уменьшительно-ласкательным вариантом слова «кошка» (кот). В Индии с древнейших времен поклонялись богине материнства Сашти (Састи), которая изображалась в виде женщины с ребенком на руках и считалась хранительницей

домашнего очага. Ее ваханой являлась кошка. В Бенгале и Западной Индии существует легенда о черной кошке, которая также ассоциируется с богиней Сашти. Велика была роль кошки и в Нирване. Вероятно, поскольку Индо-Гангская долина в сельскохозяйственном аспекте была центром страны, авторы «Ашхарацуйца» сравнили этот регион с Саштией и назвали Пхисон. Кошка на санскрите – *марджари* (отсюда слово *мардж* – украшать). Не исключено, что в древности так и именовали всю данную территорию [9, с. 535; 17, с. 15 и след]. Слово *марадж* фонетически схоже с армянским словом *мараджахт*, которое употреблялось в Киликийском армянском государстве в средние века. Так называли главнокомандующего киликийским армянским войском. Лингвисты находят, что данная лексическая единица происходит от французского лекса *marechal* (маршал).

Начнем наш анализ с упоминания о реках. Эти реки, как разъясняют авторы, принадлежат бассейну Инда *Ἰνδός* (означает также индийский). Далее авторы перечисляют главные реки бассейна р. Ганг (*Γάγγης*). Упоминание о семи реках (Семиречьи) – один из редчайших случаев, потому как с древнейших времен долину Инда, как неписанный закон или силой традиции, было принято называть Пенджабом или Пятиречьем (на санскрите – Панчанада): реки Джелам, Чинаб, Рави, Биас и Сатледж. Вопрос этих пяти рек сомнителен, поскольку существует как минимум два списка. Как составлялись эти списки? Каждый составитель считал мерилom важность рек в жизни страны. Это связано также с вторжением в Индию арийских племен (XIII–X вв. до н.э.), после чего вышеупомянутые пять рек потеряли свою значимость. Индоарийцы приняли новый список. Таким образом, в состав Пенджаба входили реки Шатадур, Витаста, Випаша, Парушни, Асикни. Как в доарийском, так и постарийском списках Семиречья присутствовали реки Сарасвати и Инд, о которых неоднократно упоминается в индийских Ведах [1, с. 176; 30, р. 101].

Пенджаб известен своей богатой историей. На заре истории человечества в долине пяти рек сформировалась Индская цивилизация. В эпосе «Махабхарата» (содержащем в себе «Бхагавадгиту») многократно говорится о роли этой части страны в его внутренней жизни [15, 58, 102, 274–276].

Тем не менее имеет место одно противоречие. Мы не можем исключить предположение, что изначально место р. Сарасвати занимала р. Кабул (Кубха). Лексической единицей *кабул* арии, которые поселились в Индии, называли местность, на которой они обитали. Это была северо-западная территория Индостана, а также районы, граничащие с Афганистаном. Авестийский термин *Хапта Хенду* (авест. *hapta hēndu*), вероятно, происходит от слова *Сапта Синдху*, которое означает «Семь Индов», «Ригведе» [15, 58, 102, 274–276]. Это ведийско-санскритская лекса.

Перейдем к вопросу, связанному с горами Имада. В «Ашхарацуйце» упоминается, что Индия от арийцев (имеются в виду персы), скифов и китайцев отделена горами Емавона. Более того, при описании долины Ганга авторы пишут: «...еще три реки берут начало от этой страны жителей-нагиев. В первую очередь р. Дамунас, после Ганг и, наконец, Сарабос. Они соединяются, после чего носят название Имуйн [1, с. 176; 20, с. 308; 27, р. 100; 31, р. 156–157; 16, с. 641–643; 18, с. 200, 252]». Все эти реки северо-восточной Индии берут начало от гор Имада.

Название Имуйн имеет фонетическое сходство со словом Имада. Однако в этом отрывке более важное значение, на наш взгляд, имеют два факта. Еще в те далекие времена запад и восток Гималаев имели отдельные названия. Первый назывался Емавоном, второй – Имадой или Имуйн. Последние два названия совпадают с сообщением Птолемея о горах $\Upsilon\acute{\iota}\mu\acute{o}\nu\ \acute{o}\rho\omicron\varsigma$ (географические координаты $\rho\mu^{\circ}\ \mu\gamma^{\circ}$ – $140^{\circ}\ 43^{\circ}$ [8, 215; 24, 654–655]). Птолемей упоминает географические названия – Скифия, Согдиана, Китай (а также племена саков), между которыми протягиваются г. Гималаи. Итак, «Ашхарацуйц», следуя примеру Птолемея, именует Гималаи тем же топонимом, при этом очень сдержанно очерчивает границы страны, в отличие от Птолемея, у которого все ошибки связаны с контурами границ древнего Китая, о чем мы уже упомянули [24, р. 686 и след.].

Второе важное сведение в этом отрывке «Ашхарацуйца» относится к факту, что именно долина Ганга была центром индийских нагих философов или гимнософистов (др. греч. – $\gamma\upsilon\mu\nu\sigma\omicron\phi\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\iota$), о которых многократно упоминают многие известные античные авторы. [2, 153, 204; 21, 135, 182; 7, 377–378 (автор находит, что каждый добродетельный свободен); 25, 46; 12, 440–443; 13, 263; 29, 265–280; 32, 52, 54]. «Ашхарацуйц» всех этих философов делит на две большие группы – брахманов ($\beta\rho\alpha\chi\mu\acute{\alpha}\nu\epsilon\varsigma$) и шаманов (происходит от санскритского *шраман śrama a*, означает «странствующий отшельник, духовный подвижник-аскет»), несмотря на то, что философских учений и школ было гораздо больше, а философская мысль среди стран Древнего Востока была наиболее развита именно в Индии. Это общеизвестный факт, не нуждающийся в комментариях. Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении» в религиозном аспекте называет Индию страной волшебников, которые, по мнению автора, играли огромную роль во время принятия христианства в Римской империи [10, с. 128].

Представители вышеотмеченных философских школ были бродячими философами-аскетами; оставляя семью и все имущество, они проповедовали свои идеи. Нередко их сравнивают с йогами (или садху), которые пренебрегали одеждой, относясь к покрытию тела как к излишней заботе, препятствующей духовному совершенствованию. Философы-аскеты больше всех божеств почитали Солнце и находили, что выше него находится верховный, т.е. правитель государства [1, с. 177; 19, с. 308].

Несмотря на то, что армянские источники не упоминают имена правителей древней Индии, они достаточно подробно описывают их политику. Хоренаци, в своей «Истории» дополняя упоминания об Индии, говорит о царях этой страны как о миролюбивых правителях, несмотря на то, что, в частности, их западный сосед – Сасанидский Иран – вел агрессивную и воинственную политику и всегда старался втянуть их в военные конфликты.

Хоренаци начинает свои упоминания об Индии с эпохи ассирийской царицы Шамирам (приблизительно в 811 – 805 гг. до н.э.). Историк пишет: «Дабы не сделаться нам посмешищем для людей, (скажу, что) я знаком с рассказом Кефалиона, который в числе многого прочего говорит прежде о рождении Шамирам, затем о войне Шамирам (Шаммурамат, др. греч. $\Sigma\epsilon\mu\acute{\iota}\rho\ \mu\iota\varsigma$ – дополнено нами – А.А.) с Зрадаштом и о победе Шамирам и только после этого – о войне с индийцами.

Более достоверным, чем это упоминание, нам представляются исследования Мар Абаса Катины по халдейским книгам [10, с. 32]». Здесь важен факт, что Хоренаци упоминает имя Адриана Кефалиона как одного из виднейших авторов по истории древней Индии, главной работой которого была «Ассирийская история» (или «Мусические книги в девяти книгах»).

Перейдем к вопросу о Ганге. Птолемей упоминает Гангский залив первым среди самых известных заливов древнего мира (подчеркивая его главенство), вторым в птолемеевском списке упомянут Персидский, третьим – тот, который именуют Великим заливом (?), четвертым – Арабский, пятым – Эфиопский, шестым – Понтийский, седьмым – Эгейское море, восьмым – Меотида (Азовское море), девятым – Адриатическое море, десятым – Пропонтида (современное Мраморное море). [24, с. 719; 17, с. 422–424]. Птолемей при описании данного региона допускает много ошибок. Автор не только искусственно «приближает» Индию к Африке (или наоборот), но и ошибается при описании природы, «помещая» африканскую природу в Индию [24, р. 720–721]. Несмотря на «привязанность» к Птолемию, «Ашхарацуйц» к данным фактам относится более сдержанно. Авторы отмечают, что данная территория богата полезными ископаемыми, особенно золотом и серебром, поэтому одно из административно-территориальных делений по «Ашхарацуйцу» называется *Золотым*, другое – здесь Птолемей дополняет армянский первоисточник именовано *Серебряным* (подчеркнуто нами – А.А.) [1, с. 177; 24, р. 720; 19, с. 308].

В Золотом районе находилась резиденция царей Индии. В первоисточнике административные районы Золотой и Серебряный написаны с заглавной буквы. Мы выделяем этот факт, поскольку ниже «Ашхарацуйц» упоминает еще два района с одноименными названиями, однако они написаны маленькими буквами. В этой части авторы добавляют, что еще один район назван медным (вновь – с маленькой буквы). Можно предположить, что данные три района не имели такой важности в жизни государства, как первые вышеназванные. Авторами упомянут также Царский район.

Поскольку мы коснулись вопроса административно-территориальных делений Индии, следует отметить, что «Ашхарацуйц» упоминает только районы, имеющие для государства стратегически важное значение. Этого принципа авторы придерживались при описании почти всех стран мира, и Индия не явилась исключением.

Итак, согласно «Ашхарацуйцу», все важнейшие районы находились в долине р. Ганг, откуда начался процесс объединения Индийского полуострова в единое государство, который, как было отмечено выше, был положен правителями династии Маурьи, а после успешно завершён царями Гупты. Авторы выделяют район Качан, совпадающий с нынешним округом Кач (на арм. – Кач-АН. Суффиксы *-ан* или *-стан* в армянском языке в конце географического названия имеют определяющее значение, указывая, что это действительно данная местность). Это самый большой по площади округ не только в индийском штате Гуджарат, но и во всей Индии. Площадь округа 45. 612 кв.км. Административным центром является г. Бхудж. Более того, существует одноименный залив в Аравийском море (Качан) и полуостров на западном побережье Индии. Рядом с Качаном

«Ашхарацуйц» располагает район Акир (точнее хакир). По всей вероятности, это современный индийский штат Раджастан, который находится северо-восточнее Качана-Гуджарата. Такое предположение можно сделать, основываясь на том, что «Ашхарацуйц» описывает именно северную часть страны. По всей вероятности, данная территория находилась между Индом и Гангом. Согласно армянскому источнику, этот район был известен миру в первую очередь своей высококачественной древесиной [1, с. 179; 19, с. 309, 30, р. 101].

Поскольку мы вернулись к описанию бассейна р. Ганг, следует рассмотреть вопрос населения этой части страны. О населении долины Инда мы уже говорили в самом начале. Общеизвестно, что в этническом аспекте древняя Индия была похожа на калейдоскоп. Мы уже говорили о 57 и 55 народах, проживающих по обеим берегам р. Инд. При описании района Акир авторы пишут, что оттуда до китайской границы проживает 72 народа или племени. Итак, только в северной Индии насчитывается 184 народа и племени. Конечно, их было гораздо больше, если рассмотреть вопрос в ракурсе территории всего полуострова [Список см.: 5, с. 748–749]. В настоящее время этнический состав Индии насчитывает несколько сот наций, народностей и племен; крупнейшими из них являются хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы и др. Индуисты составляют большинство населения, остальную же часть составляют христиане, мусульмане, буддисты и, конечно, сикхи.

При изучении текста «Ашхарацуйца» бросается в глаза еще один недостаток, который мы считаем главным упущением авторов. Здесь полностью отсутствуют сведения о населенных пунктах, городах, селах, которыми древняя Индия выделялась с самого начала своей истории с эпохи Индской цивилизации, особенно если сравнить Индию с другими древневосточными государствами [19, с. 26–54, 172–237, 345–495; 29, р. 89–115 и дал.]. Птолемей, а до него Страбон, уделяют большое внимание урбанизационной карте Индии, которая, по всей вероятности, воздействовала на мировоззрение авторов «Ашхарацуйца». Пожалуй, это единственный случай, когда при описании страны («Ашхарацуйц» описывает территорию от Испании и Британии до Китая), нет упоминаний ни об одном городе. При описании Индии «Ашхарацуйц» два раза упоминает имя Клавдия Птолемея, что дает нам определенную подсказку: авторы армянского первоисточника хорошо знали текст Птолемея, поэтому полностью миновали вопрос населенных пунктов. Птолемей свидетельствует как минимум о ста городах древней Индии, сначала обращаясь к долине Инда, а затем – Ганга [24, р. 688 и след; 31, р. 156 и след; 16, с. 645 и след.].

Мы уже упомянули, что особое место в «Ашхарацуйце» уделено описанию природных богатств, а также флоре и фауне Индии в том числе индийского ладана. Первый из видов ладана – это ладан-халва, растущий в южных районах страны. Это сведение важно не только для изучения ладана, но и для понимания, что авторы видят страну как политически единое целое. Второй сорт называется нингре – так его называли римляне (возможно, слово «нингре» происходит от лат. *niger* – черный, темный). Редко встречается и нингре зеленоватого оттенка, он очень похож на расческу. Его получают из скалы, поэтому литр стоит как мини-

мум 5 драхмов (drachma). Встречаются нингре, похожие на кузнечика. Самый распространенный – это ладан третьего сорта, который называется калай и продается за 3–4 драхмов.

«Ашхарацуйц» упоминает Индию как родину сахара, хлопка и многих пряностей. К. П. Патканов в своем сокращенном переводе уделил особое внимание изучению терминов флоры и фауны Индии [11, 80–82]. В каких-то отрывках первоисточника эти упоминания имеют фантастический характер (в частности, упоминание о каких-то муравьях, из пыли которых получают золото).

Таким образом, можно смело констатировать, что «Ашхарацуйц» имеет важную роль для исследования истории древней Индии.

Литература

1. *Акопян А. А.* «Ашхарацуйц» VII века Анонима. Научно-критический оригинал. // Андес амсорья. Ереван–Вена, 2015. Изд. фонд Г. Кюльпенкяна, 2015. С. 35–104. № 1–12. С. 35–104. (на древнеарм. яз.).
2. *Арриан*. Поход Александра. М.-Л. : Изд. АН СССР, 1962. 382 с.
3. *Арутюнян А. Ж.* К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарацуйц» –а) // Сборник материалов I международной научно-практической конференции «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса (М-1). Общество науки и творчества. Под ред. Кузьмина С. В. Казань, 2013. С. 1–5.
4. *Арутюнян А. Ж.* Ориентация древнеармянской карты «Ашхарацуйц». // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества, история и современность. М. : Изд. РАН, 2013. № 3. С. 88–94.
5. *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. СПб. : Изд. Алетейя, 2001. 813 с.
6. *Даниелян Э.Л.* Политическая история Армении и армянская апостольская церковь (VI–VII вв.). Ереван : Анкюнакар, 2000. 255 с. (на арм. яз.).
7. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : АН СССР, 1979. 620 с.
8. *Клавдий Птолемей.* География (отрывки) // Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия) / Пер. и примеч. Тароняна. Г. А. М. : Изд. РАН, 2007. С. 212–247.
9. Мифы народов мира. Т. I. М / Под ред. *Токарева С. А.* М. : Изд. Советская энциклопедия, 1980. 672 с.
10. *Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. на рус. яз. Саркисяна Г. Х. Ереван : Изд. Айастан, 1990. 291 с.
11. *Патканов К. П.* Армянская география VII века по Р.Х. СПб. : Типография Императорской АН, 1877 (пер., комм.). 84 с.
12. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. II. М. : АН СССР, 1963. 545 с.
13. *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники. Помпоний Мела. Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарий. М. : Индрик, 2011. 504 с.
14. *Прохоров А. М.* Индостан. Российский энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. 577 с.
15. Ригведа. Мандалы I–IV / Подг. изд. *Елизаренкова Т. А.* М. : Наука, 1999. 768 с.
16. *Страбон.* География / Пер. с древнегреч. Стратановского Г. А. М. : Ладомир, 1994. 940 с.
17. *Темкин Э.Н., Эрман В.Г.* Мифы древней Индии. М. : Наука. Глав. ред. Восточной лит., 1985. 230 с.
18. *Томсон Дж.О.* История древней географии. М. : Изд. Иностранной лит., 1953. 590 с.
19. *Шарма Р.Ш.* Древнеиндийское общество. М. : Прогресс, 1987. 632 с.
20. *Ширакаци Анания.* Избранные труды. Ашхарацуйц / Под ред. Абрамяна А.Г., Петросяна Г.Б. Ереван : Советакан грох, 1979. С. 258–312 (на арм. яз.).
21. *Arrian.* Indica. Harvard, Mass., L. : Harvard univer. press, 1983. Vol. II. 608 p. (LCL).
22. The Cambridge History of Ancient India. Vol. 1. By *Rapson E.J.* Cambridge. Cambridge univer. press, 2017. 782 p.
23. *Dey L. N.* The Geographical Dictionary of Ancient and Mediaeval India. L. : Low Price Publications, 1927. 276 p.

24. *Klaudios Ptolemaios*. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch / Herausgegeben von *Stückelberger A.* und *Grabhoft G.* 1 Teil. Einleitung und Buch 1–4; 2 Teil. Buch 5–8 und indices. Basel : Schwabe, Verlag, 2006. PP. 476–1017.
25. *Lucian of Samosata*. A Selection. Greek and Latin Texts. The Manumission of Slaves. Cambridge, New York : Cambridge univer. press, 2008. 239 p.
26. *Maity S. K.* The Imperial Guptas and their Times (ca. A.D. 300–500). New Delhi : Publishers Pvt Ltd, 1975. 359 p.
27. *Sankalia H. D.* Prehistory and Protohistory in India and Pakistan. Bombay : University of Bombay, 1962. 934 p.
28. *Sharma J. R.* Republics in Ancient India. Ca. 1500–500 B.C. Leiden : E. J. Brill, 1968. 284 p.
29. *Sharma R. Sh.* Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India. Delhi : Motilal Banarsidass Publishersv, 1991. 493 p.
30. *P. Soukry A.* Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée / Texte Arménien, traduits français par le. Venise : Publ. Nabu Press, 1881. 128 p.
31. *Strabo*. The geography of Strabo. V. VII. Books 15–16. Harvard, Mass., L. : Harvard univer. press, 1930. 400 p. (LCL).
32. *Theophrastus*. Topics Botany. L. : Oxf. univer. press, 1916. 158 p.
33. *Wheeler M.* Early India and Pakistan in Ashoca. L. : F.A. Praeger, 1959. 190 p.
34. *Wheeler M.* The Indus Civilization. Cambridge: Cambridge univer. press, 1968. 204 p.

References

- Akopyan, A. A. (2015). «Ashkharatsuyts» VII veka Anonima. Nauchno-kriyicheskiy original. [Anonimus: Ashkharatsuyts of VIIth Century. Sci-Critical Original]. In *Handes amsor 'ya*, Yerevan-Vienna, Izd. fond G. Kyul'penkyana. No. 1–12, pp. 35–104.
- Arrian (1962). *Pokhod Aleksandra*. [The campaigns of Alexander]. M.–L. : Izd. AN SSSR. 382 p.
- Arrian (1983). *Indica*. Harvard, Mass.; L. : Harvard University Press. Vol. 2. (LCL). 608 p.
- Arutyunyan, H. Zh. (2013). K voprosu opredeleniya avtorstva drevnearmyanskoi karty (ili «Ashkharatsuyts»-a). [On the issue of determining the authorship of the ancient Armenian map (or “Ashkharatsuyts”)]. In *Sb. Materialov I mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. Integratsiya mirovykh nauchnykh protsessov kak osnova obshchestvennogo protsessa*. (M-1). Kazan', Obshchestvo nauki i tvorchestva. Pod red. Kuzmina S.V., pp. 1–5.
- Arutyunyan, H. Zh. (2013). Orientatsiya drevnearmyanskoi karty «Ashkharatsuyts». [The Orientation of the Ancient Armenian Map «Ashkharatsuyts»]. In *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva. Istoriya i sovremennost'*. No. 3, pp. 88–94. M.
- Bongard-Levin, G. M. Il'in, G. F. (2001). *Indiya v drevnosti* [India in Ancient Epoch]. SPb. Aleteua. 813 p.
- Danielyan, E. L. (2000) *Politicheskaya istoriya Armenii i armyanskaya apostolskaya tserkov'* (VI–VIIvv.). [The political history of Armenia and the Armenian Apostolic Church (VI–VII centuries)]. Yerevan., Ankyunakar. 255 p. (in Armenian).
- Dey, L. N. (1927). *The Geographical Dictionary of Ancient and Mediaeval India*. L. : Low Price Publications, 276 p.
- Diogen Laertskiy. (1979). *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov*. [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. M. : AN SSSR. 620 p.
- Klavdiy Ptolemy. (2007). Geogeafiya (otryvki). [Geography (excerpts)]. In *Drevniy Vostok v antichnoy i rannekhristsianskoy traditsiy*. (Induya, Kitay, Yugo-Vostochnaya Aziya). Per. i primech. Taronyana G.A. M. : Izd. RAN, pp. 212–247.
- Klaudios Ptolemaios (2006). Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. / Herausgegeben von *Stückelberger A.* und *Grabhoft G.* 1 Teil. Einleitung und Buch 1–4; 2 Teil. Buch 5–8 und indices. Basel, Schwabe Verlag, pp. 476 –1017.
- Lucian of Samosata (2008). *A Selection. Greek and Latin Texts. The Manumission of Slaves*. Cambridge, NY. : Cambridge University Press. 239 p.
- Maity, S. K. (1975). *The Imperial Guptas and their Times (ca. A.D. 300-500)*. Delhi., Publishers Pvt Ltd. 359 p.
- Tokarev, S. A. (Ed.). (1980). *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, Sovetskaua entsiklopediya. Vol. 1. 672 p.

- Movses Khorenatsi. (1990). *Istoriya Armenii* [History of Armenia] / transl. by G. Kh. Sarkisyan. Yerevan, Izd. Ayastan. 291 p.
- Patkanov, K. P. (1877). *Armyanskaya geografiya VII veka po R. Kh.* [Armenian geography of the VIIth century A.D.]. Saint Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk. 84 p.
- Plutarkh (1963). *Sravnitel'nye zhizneopisaniya*. [Comparative biographies]. T. II. Moscow, Izd. AN SSSR. 545 p.
- Podosinov, A. V., Skrzhinskaya, M. V. (Ed.). (2011). *Rimskie geograficheskie istochniki. Pomponiy Mela. Pliniy Starshiy*. [The Roman Geographic Sources. Pomponius Melas. Pliny Secundus]. Moscow, Indrik. 504 p.
- Prokhorov, A. M. (2000). *Indostan* [Indostan]. Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. 577 p.
- Rapson, E. J. (Ed.). (2017). *The Cambridge History of Ancient India*. Cambridge, Cambridge University Press. Vol. 1. 782 p.
- Rigveda. Mandaly I–IV. (1999). [Rigveda. Mandala I–IV.] / transl. by T. A. Elizarenkova. Saint Petersburg, Nauka. 768 p.
- Sankalia, H. D. (1962). *Prehistory and Protohistory in India and Pakistan*. Bombay, University of Bombay. 934 p.
- Sharma, J. R. (1968). *Republics in Ancient India. Ca. 1500-500 B.C.* Leiden, E.J. Brill. 284 p.
- Sharma, R. Sh. (1991). *Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India*. Delhi, Motilal Banarsidass Publishersv. 493 p.
- Sharma, R. S. (1987). *Drevneindiyskoe obshchestvo* [Ancient Indian Society]. Moscow, Progress. 632 p.
- Abramyan, A. G., Petrosyana G. B. (Eds.). (1979). Shirakatsi Ananiya. *Izbrannye trudy. Ashkharatsuyts* [Selected works. Ashkharatsuyts]. Yerevan, Sovetakan grokh, pp. 258-312 (in Armenian).
- P. Soukry, A. (1881). *Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée* / trad. en français par le P. Arsène Soukry. Venice, Nabu Press. 128 p.
- Strabo (1930). *The geography of Strabo. V. VII. Books 15–16*. Harvard, Mass.; L., Harvard University Press. (LCL). 400 p.
- Strabon (1994). *Geografiya* [Geography] / Translated by G. A. Stratanovsky. Moscow, Ladimir. 940 p.
- Tyomkin, E. N., Erman, V. G. (1985). *Mify drevney Indii*. [Myths of Ancient India]. Moscow, Nauka. 230 p.
- Theophrastus (1916). *Topics Botany*. L., Oxford University Press. 158 p.
- Tomson, J. O. (1953). *Istoriya drevney geografii* [History of Ancient Geography]. Moscow, Inostrannaia literatura. 590 p.
- Wheeler, M. (1959). *Early India and Pakistan in Ashoca*. L., F. A. Praeger. 190 p.
- Wheeler, M. (1968). *The Indus Civilization*. Cambridge, Cambridge University Press. 204 p.

The article was submitted on 20.04.2018

КАТЕГОРИИ *DUḤKH* И *UDĀS* В МИСТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭЗИИ ШРИЧАНДРЫ (XVI В.)

Аннотация: Баба Шричандра, старший сын основателя сикхизма Гуру Нанак, возглавил собственную религиозно-философскую школу удасин-пантх и написал ряд поэтических произведений, популярных среди носителей народной религии крестьян Панджаба. В фокусе мистико-философских исканий Шричандры – тема непостоянства и страданий нашего мира, поиск путей избавления от них. Неудивительно, что ключевыми категориями его поэзии стали понятия *du kh* и *udās*, причем последнее дало название самой школе Шричандры. Словарные значения рассматриваемых лексем не в полной мере отражают замысел поэта и их применение в переводе и толковании смыслов произведений могут направить читателя по неверному пути. *Du kh* и *udās* – не просто “страдание” и “печаль” (либо “несчастье” и “безразличие”), но базовые экзистенциальные характеристики бытия и, одновременно, указания на путь выхода из океана страданий. В настоящей статье категории *du kh* и *udās* рассматриваются в контексте поэмы Шричандры “Матра-шаstra”, главный герой которой – юный святой, отшельник, вступающий в диалог с аскетами и йогинами на празднике Шив-ратри в панджабском городке Батала. Отвечая на вопросы сомневающихся собеседников, он излагает основы своего мировоззрения через серию образов, легко визуализируемых носителями индийских аскетических традиций: латаная одежда, пустая сума, спутанные длинные волосы, череп-капали, наконец, очаг с постоянно тлеющими углями, символизирующими сожжение всех радостей и печалей мирской жизни. “Матра-шаstra” – не столько литературное, сколько ритуалистическое произведение, рецитация которой с последующим размышлением над ее строками должна вызвать у адепта как раз то самое переживание *udās*, с которым связано все наследие Шричандры. В поисках смыслов рассматриваемых категорий мы также обращаемся к “Дохавали”, сборнику двестишестидесяти святого поэта, который также пронизан глубоким ощущением тоски и разочарования в обыденном мирском образе жизни. Есть ли выход из этого океана страданий? – вопрос, который ставили перед собой, пожалуй, все поэты североиндийского средневековья рассматривает с разных сторон и Шричандра. Произведения Шричандры ранее не переводились на русский язык и не становились объектом академического изучения в русскоязычном пространстве.

Ключевые слова: бхакти, Шричандра, Нанак, сикхизм, удасин, Гурбани, Панджаб.

Maxim Demchenko

DUḤKH AND *UDĀS* AS KEY CONCEPTS IN SHRICHANDRA’S MYSTICO-PHILOSOPHICAL POETRY (XVI CENTURY)

Abstract: Guru Nanak’s elder son Baba Shrichandra became known as udasinacharya, leader and teacher of his own sect Udasin-panth. He authored a series of poetic works popular among followers of the rural folk religion of Punjab. Shrichandra’s spiritual quest focuses on themes of impermanence and sufferings in our world and of possible ways out. No wonder that the key concepts of his poetry are *du kh* and *udās*, while the latter gave name to Shrichandra’s sect. Ordinary dictionary’s meanings of the abovementioned terms do not fully reflect the poet’s ideas and can mislead the translator or the reader. *Du kh* and *udās* – are not just “sufferings” and “sadness” (or “disgrace” and “indifference”), but basic existential characteristics of being and at the same time indicators

to the way of escape from the ocean of sufferings. In the paper du kh and udās have been studied within the context of Shrichandra’s “Mātrā Sāstra” the principle character of which is a young ascetic sadhu involved in a dialogue with elderly yogis at Shiv-ratri festival in Batala (Punjab). Replying his counterparts, he presents basics of his world-view through a series of images easily visualized by Indian renunciates: patched clothes, empty beggar’s bag, matted locks, kapali-skull and finally a constantly smouldering fire-place that symbolizes all mundane happiness and sorrow burnt in the fire of ascetic life. “Mātrā Sāstra” is not a piece of literature but a ritualistic text designed for recitation and further contemplation over its verses. This practice is intended to arise the very udās mood which is the cornerstone of all Shrichandra’s legacy. For further elaboration of the two categories in question we have referred to Shrichandra’s “Dohāvalī” which is also marked by deep sadness and disappointment in mundane life-style. Is there any way out from this ocean of sorrows? This is the question focused on by the holy poet. Shrichandra’s poetry is being translated into Russian for the first time.

Key words: bhakti, Shrichandra, Nanak, Sikhism, Udasin, Gurbani, Punjab.

Одним из главных источников вдохновения народной религиозности крестьян Панджаба (здесь и далее мы будем подразумевать под этим словом всю территорию, входившую в состав Пятиречья до печальных событий 1947–48 годов, включая Западный Панджаб в современном Пакистане и, собственно, индийские Панджаб и Хариану) в течение, как минимум, последних пяти веков, остается поэзия, создававшаяся как сикхскими гуру, чьи *бани* (речения) вошли в священную книгу *Шри Гуру-грантх Сахиб* (далее – ШГТС), так и целой армией народных святых и сказителей, ретранслировавших совершенно различные мировоззренческие паттерны. Среди последних мы встречаем и имя Бабы Шричандры (1494–?), старшего сына Гуру Нанака (1469–1539), который, так и не став преемником последнего, возглавил собственную школу удасинпантх [12, p. 3]. Странствуя по всей Северной Индии, «святой поэт» стал автором множества произведений, написанных на языке *сант-бхаша*¹, наиболее известными из которых являются *матры*, сравнительно короткие молитвенные тексты, играющие также роль защитных заклинаний (*кавач*). В своем исследовании я сосредоточусь на изучении смыслов поэтических наставлений Шричандры, как они понимаются и передаются в мировоззрении народности камбодж, автохтонного населения Западного Панджаба², *маханты* (религиозные лидеры) которой возводят к нему свою духовную генеалогию и исторически принадлежат к его школе.

Особое место в ритуальной практике камбодж занимает *матра каху ре бāl*, известная также как *Матра-шастра* (далее – МШ), *Матра-сахиб*, *Матра-вани* и *Матра-кавач*. Ее протагонист – молодой *садху*, с детства посвятивший

¹ Сант-бхаша – языковой синтез, сложившийся в среде средневековых поэтов-бхактов на основе лексико-грамматических элементов различных наречий, бытовавших в Северной Индии, таких, как авадхи, брадж, панджаби, кхари-боли и пр.

² В 1947 году значительная часть камбодж была вынуждена покинуть Западный Панджаб, к тому моменту отошедший к Пакистану, в связи с геноцидом индусско-сикхского населения, и расселиться на территории индийских штатов Панджаб и Хариана. Духовным центром касты стала деревня Сангар-сада (сейчас – дера Баба Бхуман Шах), Хариана, в которой сохранились многие архаичные элементы культа удасинпантх, утраченные другими центрами школы в результате конфликтов с сикхской халсой на рубеже XIX–XX вв. (в частности, наличие *дарбара* ШГТС в храмах, посвященных Шричандре) [3, p. 494].

себя отшельничеству, определяемому им как *udās* (отсюда название *акхары* – удасин-пантх³). По общему мнению опрошенных мной представителей удасин-пантх⁴, действие поэмы происходит в г. Батала (Панджаб) во время праздника Шив-ратри, посвященного богу Шиве, который традиционно собирает сотни отшельников. Некие собеседники задают юному поэту вопрос, первая часть которого стала названием произведения: “Скажи-ка, отрок, кто путь тебе святых отшельников открыл, кто превратил тебя в удаси, и что тебя подвигло в город наш прийти?” В ответ Шричандра поет о спасительной силе имени всевышнего, о славе своего учителя Авинаши и о своем благородном происхождении (он – сын самого Нанака!). Однако главная сюжетная линия его *бани* связана с описанием атрибутов факира, символизирующих его настроения, эмоции и прозрения. Поэт ставит перед слушателем проблему поиска смыслов окружающих нас предметов, анализирует влияние, оказываемое ими на психоэмоциональную сферу человека. Завершается МШ обещанием освобождения для каждого, кто выслушивает или пересказывает ее, что, впрочем, традиционно для индийской назидательной литературы. В дереве Баба Бхуман Шах *матра* исполняется преимущественно в дни религиозных праздников, связанных с событиями из жизни Шричандры и святых камбодж, в частности первого *маханта* народности Бхуман Шаха (XVIII в.). Обычно ее рецитация сопровождается зажжением священного огня (*дхуни*), так что многие из воспеваемых поэтом предметов и процессов оказываются непосредственно перед глазами участников действия, создавая многомерное ритуально-поэтическое пространство, где сюжет МШ вновь и вновь актуализируется, и воплощается в аудиовизуальной перспективе. Также *матры* могут использоваться в процессе ежедневной созерцательной практики. Прежде чем перейти к рассмотрению заявленных категорий, приведу текст поэмы в своем переводе на русский язык.

Матра-шастра

Скажи-ка, отрок, кто путь тебе святых отшельников открыл, кто превратил тебя в удаси, и что тебя подвигло в город наш прийти?

Учитель истинный открыл мне путь святых, и он привел меня в сообщество удаси. Сюда пришел я по его приказу, чтоб пробудить несчастных горожан от сна иллюзии и побудить их переплыть *сансары* океан, предавшись имени священному владыки.

³ Относительно происхождения акхары существуют различные мнения. По версии авторов традиционных агиографий, школа была основана в незапамятные времена легендарными братьями-Кумарами, а непосредственный наставник Шричандры, Авинаши мун, был 164-м удасин-ачарьей [2, р. 7]. Ряд исследователей, однако, склоняется к мысли, что удасин-пантх создал Шричандра в результате схизмы в среде ранних сикхов [6, р. III; 5, р. 246–251]. Так или иначе, уже к эпохе Гуру Арджуна (правил с 1581 по 1606 г.) акхара представляла собой самостоятельную школу, одновременно принимавшую авторитет индуской веданты и сикхского писания.

⁴ Значительная часть статьи основана на результатах моих исследовательских поездок 2012–2017 годов, во время которых я опрашивал лидеров народа камбодж и учителей Удасин-пантх, включая маханта Брахмадаса Удасина (Сирса), доктора Бхаратадаса Удасина (Айодхья), д-ра Харбхаджана Сингха (Фазилка) и других.

Гуру бессмертный мира этого игру затеял и научил меня пути агам и вед. Моя одежда латаная – истинное знание, *топи*⁵ – прощение, покрывало – усмирение страстей, *ланготи*⁶ – благочестие.

Платье истлевшее – владыка вечный, сума моя пуста, чело венчает йога, язык мой – речь гурмукхи⁷; моя накидка – *дхарма*, шнур священный – истина, на шее ковкая благочестья цепь.

В мешочек для монет я складываю милостыню правды, лишь Брахман – мой защитник; мое павлинье опахало – непривязанность, ремень бесстрашия стянул несправедливость.

Кусок оленьей шкуры – мантры повторенье, всевышнему хвала – йогический полет, а раковины зов, молитва, звук беззвучный – *гуру-бани*.

Моя серьга – смущение и грусть, а сила моя – Шива, подстилка йогина – приверженность Хари, я – сын учителя, божественного гуру!

Мне хлопковое полотно – душевный мир, ее же нити – выбор верный, заплатки – украшение, игла, которой ее сшили – созерцанье, дар истинного гуру; кто облечен в него становится бесстрашным.

Не важно – черный, белый, красный, желтый – в семье учителя святого брата все. Трех *гун*⁸ огнем возжигается огонь, сгорают в этом пламени все радости, печали; волшебный в форме черепа сосуд суть *яма* и *нияма*⁹, а созерцаю я лишь стопы-лотосы гуру.

Вкушаю чувство светлое и пью нектар бессмертья, и в сердце злобным мыслям места нет; благая мысль – благих источник качеств, три атрибута йогина – мое богатство. Нектара чаша утоляет жажду сердца, и пьющий из нее испытывает свежесть.

То, что восходит через *иду*, через *пингалу* выходит, в *сушумне*¹⁰ пребывает в совершенном равновесье. В бесстрашия граде, освещаемом премудростью гуру, невозмутимости обитель он построил.

Мое имение – устойчивость ума, трость – бессмертье, меч – *тапасья*¹¹, секира же – терпенье; мой посох – самообладанье опора – беспристрастность: так, радости, печали более не властны над моей душой.

Отшельником рожденный безразличен, ведь отрешенность – лучшее лекарство от *майи*¹² чар. Имя святое – кнут, подвижничество – усмиренье скакуна страстей, седло которого – те действия, что бескорыстны, к карме не приводят, само же тело – упряжь.

⁵ *Топи* – головной убор *садху*.

⁶ *Ланготи* – набедренная повязка *садху*.

⁷ Гурмукхи – в данном случае “кодовый язык”, которым пользуется учитель при передаче тайного знания ученику. Также алфавит языка панджаби, специально разработанный для записи священных текстов сикхизма.

⁸ *Гуна* – модус, фактор материи, влияющий на человека и других существ.

⁹ *Яма* и *нияма* – дозволенное и недозволенное в жизни йогина.

¹⁰ *Ида*, *пингала* и *сушумна* – в йоге – три вертикальных “канала” в теле человека, по которым движется *прана*, жизненная сила.

¹¹ *Тапасья* – аскеза, подвижничество.

¹² *Майя* – в веданте – сила, заставляющая человека принимать нереальное за реальное.

*Ниргуна*¹³ Брахман – щит, слова наставника святого – чаша, ум – амулет, любовь – стрела; кинжалом мысли с острием из *гун* ум получает сокрушительный удар. Разрушив эту неприступную твердыню, прибудет странник в храм бесстрашья, приветствуемый звуком барабанов, раковин, кимвал.

Бессмертный *Вед* знаток, наставник вечный мне, указав как истину от майи отличать, открыл дорогу к пробуждению, к *нирване*. Нить бесконечна, *дхоти*¹⁴ непорочно, а четки мантрой истинной освящены.

Учителя благого наставленья: петь гуру-мантру, повторять *гаятри*¹⁵ вместе с именем Хари святым; так к совершенного спокойствия блаженству придешь. Мой *тилак*¹⁶ – полнота, в честь предков возлиянье – слава, *пуджа*¹⁷ – любовь, а пища – высшее блаженство.

Священные часы – беззлобие, изваянье в храме – встреча со всевышним; так пары противоположностей оставив позади, святой факир достигнет совершенства.

Мой желтый шелк – любовь, оленья шкура – сердца, приятная мелодия *руджжун*¹⁸ струится в созерцающем уме; подстилка из тигровой шкуры – разум, тюрбан ношу я, не из кожи одеянья, обут я в деревянные сандалии.

Шнур-*сели*, прядь волос и цепь – по ним факир-удаси узнается; на голове его венец из спутанных волос, свободен он от всех оков.

Пропел сын Нанака, Шричандра, о пути спасенья. Кто повторяет эту *матру* вслед за ним, достигнет высшей цели непременно.

* * *

В оригинальном тексте МШ мы встречаем следующие слова, обозначающие эмоции и настроения поэта: *duḥkh*, *sukh*, *nirāś*, *śarm*, *tyāg*, *virāg* и, наконец, термин, давший название всей *акхаре* Шричандры, *udās*. В настоящей статье я сосредоточусь на анализе лишь на двух из них *duḥkh* и *udās*. Первое весьма типично для религиозно-философской литературы древней и средневековой Индии и его смыслы практически не меняются со времен ранних упанишад. Раймон Паниккар определяет его как «неологизм», введенный авторами последних, для обозначения понятия, противоположного *sukh*, определяющего мироощущение *Ригведы* [7, p. 475]. Он пишет: «Человеческое состояние определяется (*Упанишадами* – М. Д.) не как *asukha*— эта лексема появляется в гораздо более позднюю эпоху, а как *duḥkh*... Это не физическая боль, не психологическое страдание, а принципиальное расстройство, сужение перспективы в сочетании с тоской, убеждающее чело-

¹³ *Ниргуна* – находящийся за пределами имен и форм.

¹⁴ *Дхоти* – широкий отрез материи, который мужчины носят на бедрах в качестве юбки.

¹⁵ *Гаятри* – одна из самых важных ведийских мантр, традиционно рецизируемых брахманами на восходе, в полдень и на закате.

¹⁶ *Тилак* – знак, наносимый на лоб и другие части тела, обычно глиной. Символизирует принадлежность к той или иной школе, акхаре.

¹⁷ *Пуджа* – ритуальное поклонение божеству.

¹⁸ *Руджжун* – в поэзии бхактов и суфиев таинственная мелодия, которую слышит созерцающий святой.

века, что его нынешнее положение – ни правильное, ни финальное. Этот дефект необходимо преодолеть, а не просто исправить. *Duḥkh* – нечто большее, чем просто печаль или боль, большее, чем простое страдание или расстройство... *Sukh* и *duḥkh* – изначально вообще не этические категории... как все то, что находится на уровне наслаждения и боли. Скорее они – вопрос бытия и небытия, спасения, освобождения» [7, p. 476–477]. В МШ слово *duḥkh* мы видим в следующем двустишии:

Traiguṇ chakamak agni mathi pāī
Duḥkh sukh dhūṇī dehi jalāī

«Трех *гун* огнем возжигается огонь, сгорают в этом пламени все радости, печали» [МШ]. Шричандра подчеркивает спасительный и преображающий характер описываемого им в поэме опыта «факира-удаси». В его огне сгорают не только преходящие радости повседневной жизни (*sukh*), но и сама *duḥkh*. В *Дохавали*, сборнике двустиший различной тематики, Шричандра демонстрирует, как *duḥkh*, вызванная несовершенствами мира (а в абсолютной перспективе— его иллюзорной природой), пройдя через горнило того же самого опыта, приводит отшельника к совершенной радости встречи с божеством и гармонии со всеми живыми существами. «Шричандра: вселенная – лишь мираж, таково заключение вед» (*doxa* 37) и, следовательно, «радость и печаль (*sukhduḥkh!* – М. Д.), счастье и страдание – все они равнозначны. Шричандра: нет разницы между ними для того, кто обрел всевышнего» (*doxa* 38) [8, p. 15]. В конечном счете, факиру-удаси придется парадоксальным образом отречься даже от самого *udās*, как от последних пут, связывающих его с этим миром и его путями (в том числе и путем духовного поиска): «Жажда страстная – страданий всех причина во вселенной. Шричандра: от устремлений плоти не отречьшись, нельзя снискать и встречи с Вишну» (*doxa* 56) [8, p. 21].

Лексема *udās* появляется в оригинальном тексте МШ лишь однажды, в самом конце поэмы: «шнур-сели, прядь волос и цепь – по ним факир-удаси узнается; на голове его венец из спутанных волос, свободен он от всех оков»¹⁹, но именно она дает название всей *акхаре* Шричандры, и определяет настроение всего его дальнейшего творчества. Для выявления ее смыслов я счел необходимым, прежде всего, обратиться к произведениям Тулсидаса (1532–1623), являющимся, своего рода мерилем всей средневековой поэзии, затем посмотреть, в каком контексте использует ее гуру Нанак со своими преемниками, авторами, наиболее близкими к нему времени, социокультурному пространству и духу послания, наконец, проанализировать представления самих удаси о изучаемой категории. В *Рамачаритманасе* Тулсидас употребляет слово *udās* несколько раз, впервые в 4 *дохе Бала-канды*: «Безразличных ли (*udāsīn*), друзей ли или врагов услышав о благосостоянии, гnevаются нечестивцы; зная об этом, смиренный человек складывает ладони в почтении и приветствует их с любовью» [11, p. 8]. Под *udāsīn* (кстати, таков официальный титул *садху*, принадлежащих к удасин-пантх), автор явно подразумевает

¹⁹ В русский перевод я ввожу это слово с самого начала за неимением лучшего варианта передачи смысла предложения *kisne mūnda kisne mundāyū*, «кто посвятил тебя, кто дал тебе посвящение в твою (удасин-пантх – М.Д.) *акхару*/школу».

тех, кто не находится с ним ни в дружеских, ни во враждебных отношениях, то есть, сохраняет нейтралитет и безразличие. Поскольку, безразличие по отношению к миру – основное качество индусского отшельника, то уже в сикхском писании слово становится эпитетом *садху*. Так, гуру Нанак утверждает: «Лишь тот *udāsīn*, кто посвятил себя отшельничеству (дословно: «приобрел *udās*»); вверху и внизу созерцает он чистейшего Владыку» [ШГГС, р. 952]. Однако основатель сикхизма добавляет еще одно важное для последующей традиции удасин-пантх значение. В его понимании удаси – не просто безразличный отшельник, он еще и непременно человек, не имеющий постоянного пристанища. Диалог на странице 939 ШГГС открывается вопросом, обращенным к Нанаку и поразительно напоминающим заглавный вопрос МШ: «Что побудило тебя оставить дом и стать странствующим удаси?» [ШГГС, р. 939] Гуру отвечает: «Я стал удаси в поисках *гурмуххов* (учеников, последователей – М. Д.), я облачился в одеяния отшельника, стремясь узреть Всевышнего. Я – торговец истиной» (там же). Отмечу, что, в отличие от отца, Шричандра в МШ не ищет *гурмуххов*, а сам является *гурмуххом*, финальную же цель он преследует ту же самую – созерцание всевышнего.

В сикхской агиографической литературе *джанмасакхи* слово *udās*, как правило, относится к четырем миссионерским экспедициям гуру Нанака, совершенным в период с 1500 по 1524 г., во время которых он вел образ жизни странствующего *садху* [8, р. 1]. Из дальнейших *бани* ШГГС видно, что именно эти два значения (безразличие и странничество, свойственные *садху*) окончательно закрепляются за лексемой *udās* в панджабской мистико-философской литературе (как сикхской, так и удасинской). Так, пятый учитель сикхов гуру Арджун, критикуя образ жизни *садху*, обобщенно называет их удаси: «Тщетно стал он удаси, оставил дом и семью, ведь желания так и не покинули его» [ШГГС, р. 1003]. Эти же смыслы вкладывают в слово представители родственных удасин-пантх школ, также занимающих промежуточное положение между индуизмом и сикхизмом и объединенных небесспорным, но распространенным самоопределением «санатан-сикхи». Например, в сборнике наставлений *Нирмал-упадеш* Махант Буддха Сингх, в течение многих лет возглавлявший одну из *акхар* нирмал-пантх²⁰, дает четкое определение удаси: «Кто такой удаси? Удаси – это тот, кто отказывает себе в удобствах, которые ему предлагает жизнь, он достоин прославления и восхищения. *Гурмухх*, контролирующий свои чувства и отрешенный от мира считается превосходящим всех остальных... Подлинный удаси – отшельник, безразличный к объектам чувств. Каков вкус пищи? Ему не важно. Вкусная она или невкусная? Безразлично. Но он всегда прибегает к языку истины и любви. Он всегда должен высказываться, идентифицируя себя с Богом, будучи его частицей» [2, р. 24–25].

²⁰ Нирмал-пантх – религиозно-философская школа, основанная пятью учениками Гуру Гобинда Сингха (1666–1708), отправленными им в 1688 году в Варанаси на изучение санскрита и индусских священных текстов. Нирмалы признают авторитет десяти сикхских гуру и ШГГС но, как и удаси, сохраняют веру в веды, пураны и итихасы. Они определяют себя как *санатан-самвади*, «индусских универсалистов», противопоставляя свое учение взглядам *катарвади*, «религиозных фанатиков», т.е. эксклюзивистов, верующих в единственную истинность собственной религии.

Многозначность лексемы *udās* позволяет самому Шричандре и его ученикам создавать в воображении слушателя многослойные картины, в которых красота и радость образа молодого святого, приобретает оттенки печали и отрешенности, свойственные отшельникам. В *arati* в честь Шричандры святой удаси Шраддхананда поет: «Юный скиталец, лесной отшельник, взглянув на тебя, каждый пленяется твоей красотой. О удасин-ачарья, о повелитель, даруй нам свою милость» [4, p. 1]. Этот образ мальчика-скитальца (*bālayati*), несомненно навеян сюжетом МШ, наполненной описаниями глубокой печали, связанной с оставлением всего, что близко и дорого каждому человеку, аллегорически отображаемой в элементах внешнего вида ее главного героя. Описывая свою одежду, поэт намеренно использует такие слова, как *goda ī*, *kinthā*, указывающие на ее старость и изношенность²¹, а украшения ее, по его словам – лишь заплатки. Святой подчеркивает, что «сума его пуста», причем используемое здесь прилагательное *nirās* содержит в себе намек на внутреннюю опустошенность, скуку, отсутствие интереса к окружающему миру, безразличие к тем или иным вкусовым ощущениям. На его шее – кованая металлическая цепь (*janīr*), словно у раба или у безумного каландара, параллель с которым неслучайна, так как именно этим суфийским странствующим проповедникам была свойственна наивысшая степень отрешенности и религиозного сумасшествия, проявления которого, зачастую, выходили за рамки норм приличия традиционного ислама. Любопытно, что в одной из последних строк поэмы Шричандра называет себя факиром, а не *садху*, делая выбор в пользу суфийской терминологии. На голове странника-удаси «венец из спутанных волос», пренебрежение уходом за которыми также символизирует отсутствие какого бы то ни было интереса как к обществу, так и к самому себе. В качестве мрачного дополнения к картине Шричандра упоминает чашу-*kapālī* которую, как правило, изготавливали из человеческого черепа и носили с собой отшельники, представлявшие некоторые шиваитские и шактистские *акхары*. Правда, не совсем понятно, действительно ли сами удаси когда-либо использовали этот атрибут, или для автора МШ она – лишь символ высшего уровня *вайрагьи*. «Отшельником рожденный безразличен» – заключает Шричандра – ведь «отрешенность – лучшее лекарство от *майи* чар».

Как уже было сказано ранее, настроение *udās* не только стало лейтмотивом творчества старшего сына гуру Нанака, но и дало название его школе. Причем трактовка смыслов лексемы напрямую связана с теориями возникновения удасин-пантх (см. прим. 3). Так, современный агиограф средневековых святых-удаси Виджаянанд (г. Султанпур, Пенджаб), следуя популярной устной традиции, утверждает, что появление *акхары* связано с решением четырех первенцев творца мира Брахмы, братьев-Кумаров, навечно сохранить детский облик и отказать от продолжения человеческого рода: «Для них единственным именем Парабрахмана стал слог *ut*. О том, кто видит Парабрахман в этом *ut*, кто обрел прибежище в нем, кто погрузился в него и говорит, что он – удаси» [12, p. 7]. Именно Кумары, избравшие путь отшельничества, считаются основателями удасин-пантх,

²¹ В русском тексте МШ *goda ī* перевел как «латанная одежда», а *kinthā* как «истлевшее платье».

и именно к ним возводится духовная генеалогия Шричандры. Сторонники теории схизмы, согласно которой удасин-пантх возник в результате раскола в ранней сикхской общине после смерти Гуру Нанак в 1539 г., в свою очередь придают понятию удаси несколько уничижительный смысл [5, p. 246]. По многочисленным устным преданиям, бытующим в среде антииндусски настроенных членов сикхской халсы, Шричандра, не унаследовавший учительский престол отца, пребывал в состоянии печали (*udās*), а затем увел своих учеников в город Баратх, где и основал собственную школу, которая получила название удасин-пантх, «путь печальных», разочарованных в том, что их учитель не возглавил собственно Нанак-пантх. Данная точка зрения, однако, не подтверждается никакими письменными источниками, и, с моей точки зрения, носит, скорее, политический и пропагандистский характер.

Итак, из анализа смыслов лексем *duḥkhi udās* в МШ и других работах Шричандры видно, что центральные мотивы творчества поэта – отрешенность от мира, отстраненность от общественной жизни и, в некотором смысле, асоциальность в сочетании со странничеством. Эта комбинация факторов как раз и определяется словом *udās*, заключающим в себе несколько уровней эмоционального восприятия реалий жизни *садху*. Во-первых, *udās* – это ощущение печали расставания с радостями повседневной жизни; во-вторых – это само отшельничество, отсутствие постоянного места жительства, опоры на кого бы то ни было; в-третьих, превращение этих двух эмоциональных регистров в третий, более высокий, связанный со встречей с божеством, приносящий в жизнь святого неизвестную ему ранее эмоциональную и духовную свежесть («Нектара чаша утоляет жажду сердца, и пьющий из нее испытывает свежесть» [МШ]). Наконец в финальной, абсолютной перспективе, сам *udās*, вместе с *duḥkh* сгорает в огне высшего опыта и осознается как часть иллюзии мира *майи*, оставленного позади. При этом, если слово *duḥkh* в поэзии Шричандры имеет, скорее, теоретическую значимость (с его помощью поэт описывает природу материальной сферы и причины страданий живого существа, попавшего в сети *майи*), то *udās* – одновременно и идеал, и руководство к действию для *садху*. Именно так понимают последнюю категорию современные *маханты* камбодж: «Поскольку причина *duḥkh* в желаниях, приводящих нас к чрезмерной социализации, покончить с этим можно лишь срубив древо желаний, развивая *udās* по отношению к обществу, став удаси в прямом смысле слова» [1, p. 2]. Таким образом, целью всех рассмотренных в этой статье эмоций становится их проживание в контексте мистического опыта, а затем их преодоление и выход за пределы их влияния: «Разрушив эту неприступную твердыню, придет странник в храм бесстрашья, приветствуемый звуком барабанов, раковин, кимвал» [МШ]. Поэзия Шричандры и его учеников, выявляя причины возникновения *duḥkh* и создавая у читателя настроение *udās*, превращается как в источник вдохновения для *садху-удаси*, так и в одно из главных вспомогательных средств на его пути к освобождению.

Литература

1. *Bābā Brahmādās Udāsīn*. Guru Mahārāj Jī kā Divya Sandeś // *Bābā Bhūma śāh Mahimā*. Sirsā, 2012. № 8. P. 2.
2. *Buddha Singh, Mahant*. Nirmal Upadesh. Rishikesh : Nirmal Ashram, 2004.
3. *Demchenko M.B.* Aspects of the post-partition Hindu-Sikh population's genocide in West Punjab (Kamboj caste case study) // *Власть и насилие в незападных обществах / Проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения*. М. : Издательство ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс. 2016. P. 494–501.
4. *Harihar Bābā*. *Āratī-Nitnem Prārthāna*. New Delhi : Harihar Udāsīn Āshram, 2002.
5. *Latif S.M.* History of Punjab. New Delhi : Eurasia Publishing House, 1964. 679 p.
6. *Macauliffe M.A.* The Sikh Religion: Its Gurus, Its Sacred Writings and Authors. Vol I. New Delhi : Chand & Co, 1963. 488 p.
7. *Panikkar Raimundo*. The Vedic Experience Mantramanjarī. An Anthology of the Vedas for Modern Man and Contemporary Celebration. London : Darton, Longman & Todd, 1977. 937 p.
8. Śrīchandra Dohāvalī. Amritsar : Udāsīn Āśram, Akhā ā Sangal-Vālā.
9. Śrīchandra Udāsīnācharya Jagadgurū. *Mātrā Śāstra*. Amritsar : Udāsīn Āśram, Akhā ā Sangal-Vālā.
10. Śrī Granth [www.srigranth.org]. 10.02.2018.
11. Tulsīdās Goswāmī. *Śrī Rāmacharitmānasa*. Gorakhpur : Gītā-Press.
12. Vijayānanda Swāmī. *Udāsīn Sampradāy*. Sultānpur : Śrī Gopāldhām.

References

- Bābā Brahmādās Udāsīn. (2012). Guru Mahārāj Jī kā Divya Sandeś. In *Bābā Bhūmaśāh Mahimā*, No. 8. Sirsā, p. 2.
- Buddha Singh, Mahant (2004). *Nirmal Upadesh*. Rishikesh, Nirmal Ashram. 2004.
- Demchenko, M. B. (2016). Aspects of the post-partition Hindu-Sikh population's genocide in West Punjab (Kamboj caste case study) // *Vlast' i nasilie v nezapadnykh obshchestvakh / Problemy teoreticheskogo osmysleniia i opyt prakticheskogo izucheniia*. Moscow, Izdatel'stvo GBPOU Moskovskii gosudarstvennyi obrazovatel'nyi kompleks, pp. 494–501.
- Harihar Bābā. (2002). *Āratī-Nitnem Prārthāna*. N.D., Harihar Udāsīn Āshram.
- Latif, S. M. (1964). *History of Punjab*. New Delhi, Eurasia Publishing House. 679 p.
- Macauliffe, M. A. (1963). *The Sikh Religion: Its Gurus, Its Sacred Writings and Authors*. New Delhi : Chand & Co. Vol. 1. 488 p.
- Panikkar, Raimundo (1977). *The Vedic Experience Mantramanjarī. An Anthology of the Vedas for Modern Man and Contemporary Celebration*. London : Darton, Longman & Todd. 937 p.
- Śrīchandra Dohāvalī. Amritsar, Udāsīn Āśram, Akhā ā Sangal-Vālā.
- Śrīchandra Udāsīnācharya Jagadgurū. *Mātrā Śāstra*. Amritsar: Udāsīn Āśram, Akhā ā Sangal-Vālā.
- Śrī Granth [website]. URL: www.srigranth.org (mode of access: 10.02.2018).
- Tulsīdās Goswāmī. *Śrī Rāmacharitmānasa*. Gorakhpur: Gītā-Press.
- Vijayānanda Swāmī. *Udāsīn Sampradāy*. Sultānpur: Śrī Gopāldhām.

The article was submitted on 18.03.2017

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ МОНТЭГЮ-ЧЕЛМСФОРДА В ИНДИИ В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ 1920-Х ГГ.

Аннотация: В статье проанализированы отдельные аспекты британской колониальной политики в Индии в 1920-е годы. Обозначившийся после Первой мировой войны кризис побудил британское руководство предпринять определенные шаги по реформированию традиционного колониального механизма. Политические и административные изменения, произошедшие в межвоенный период в Британской Индии, в значительной степени заложили фундамент формирования политической системы независимого индийского государства. Одним из важных последствий Первой мировой войны стало существенное изменение прежнего миропорядка, а также формирование принципиально новых черт мировой политики. Провозглашенный Вудро Вильсоном принцип национального самоопределения вместе с общим изменением баланса сил на международной арене, не могли не сказаться на состоянии колониальной системы и вызвали определенные изменения в отношении к колониям со стороны крупных европейских государств. Типичным примером подобных изменений стали процессы, происходившие в крупнейшей колониальной империи, созданной Великобританией. Они были связаны, главным образом, с постепенным усилением центробежных тенденций, приведших, в конечном счете, к превращению Британской империи в Британское Содружество Наций. В случае с «белыми» доминионами эта эволюция вполне вписывалась в контуры либеральной британской колониальной идеологии, предполагающей расширение прав и возможностей территорий со значительной частью европейского населения. Принципиально иной характер имела политика в отношении большинства азиатских и африканских колоний, население которых, по мнению политической и интеллектуальной элиты Великобритании, было неспособным к прогрессивному развитию и независимому политическому существованию. В первые десятилетия XX в. в некоторых британских колониях начался процесс активного складывания идеологической доктрины национального освобождения и формирования массовых политических организаций, выражающих эти устремления. В то же время Великобритания, в результате войны столкнувшись с определенными внутренними трудностями и ограниченными финансово-экономическими ресурсами, была вынуждена скорректировать форму и методы управления колониями в сторону их большей эффективности. Изменения в колониальной политике сопровождались столкновением различных политических линий и весьма сложными дискуссиями на различных уровнях и в различных сегментах британской общественно-политической системы.

Ключевые слова: Британская Индия, колониальная политика, административно-политическая реформа, национально-освободительное движение.

A. V. Sagimbayev

THE PROBLEM OF IMPLEMENTING THE MONTAGUE-CHELMSFORD REFORM IN INDIA IN THE BRITISH POLITICAL DEBATE OF THE 1920S.

Abstract: The article analyzes some aspects of British colonial policy evolution in India in the 1920s. Denote after the First World War, the crisis prompted the British leadership to take certain steps to reform the traditional colonial mechanism. The political and administrative changes that took place in the interwar period in British India, to a large extent laid the foundation formed within the political system of the independent Indian state. One of the important consequences of the First World

War was a significant change in the old world order, as well as the formation of a fundamentally new features of world politics. Woodrow Wilson proclaimed the principle of national self-determination coupled with a general change in the balance of power in the international arena could not affect the status of the major colonial system and cause certain changes in relation to the colonies by the major European states. A typical example of systemic change have become the processes taking place in the largest colonial empire, created by the United Kingdom. They were limited mainly to the gradual strengthening of centrifugal tendencies that led, eventually, to the transformation of the British Empire in the British Commonwealth of Nations. In the case of “white” dominions, this evolution is quite fit into the outline of the liberal part of the British colonial ideology assumes empowering self-possession with a substantial part of the European population. Another was the policy in the case of most Asian and African colonies, where the population was considered a priori political and intellectual elite of the UK as a failure to the progressive development and independent political existence. In the first decades of XX in some colonies began the process of active folding of the ideological doctrine of national liberation and the formation of mass political organizations expressing these aspirations. At the same time, the United Kingdom, faced as a result of the war with certain internal difficulties and the limited financial and economic resources has been forced to adjust the form and control methods colonies towards their greater efficiency. Changes in the colonial policy followed by the clash of different political lines and very complex discussions at various levels and in various segments of the British social and political system.

Key words: British India, the colonial policy, administrative and political reform, the national liberation movement.

Наиболее важным реформаторским проектом, инициированным Уайтхоллом в сфере колониального управления после завершения Первой мировой войны, явилась административно-политическая реформа в Индии, оформленная Биллем британского парламента в декабре 1919 г. Созданная в результате данной реформы административная конструкция получила наименование системы диархии. Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании в данный период отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции ее колониальной политики, связанного с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима управления в ключевом колониальном владении.

Сменившему в апреле 1921 г. лорда Челмсфорда на посту вице-короля лорду Ридингу пришлось столкнуться с ростом организованного протеста, основой которого явилась объединившая различные социальные и конфессиональные группы индийского общества идея достижения самоуправления. Осознавая объективную неспособность противодействия данной тенденции исключительно с помощью репрессивных мер, в 1921 г. он предложил «рассмотреть возможность введения полной провинциальной автономии» [35, p. 92], однако, данная инициатива, поддержанная госсекретарем Э. Монтэгю, встретила ожесточенную критику со стороны консервативной оппозиции. В редакционной статье близкого к Консервативной партии журнала «Спектэйтор» отмечалось: «Вызывает глубокое отвращение и разочарование тот факт, что правительство позволило [Э. Монтэгю – А.С.] заложить мину, которая может разрушить британскую власть в Индии» [35, p. 92]. Осенью 1921 г. около ста представителей Консервативной партии в Палате общин призвали осудить госсекретаря «за преступления, совершенные в 1919–1921 гг. против белых людей, работающих в Индии» [35, p. 92]. Оппозиционеры обвиняли его в приверженности устаревшим, по их мнению, «либеральным догмам» и даже связывали

политику госсекретаря с его еврейским происхождением [35, p. 93]. Комментируя подобные обвинения, Э. Монтэгю в письме Дж. Доусону отмечал: «Я хочу, чтобы дома Вы внесли ясность относительно всей сложности ситуации в Индии и возможности ее добровольного сохранения в рамках Империи» [35, p. 94].

На рубеже 1921–1922 гг. британская пресса, в особенности, близкие к консерваторам издания «Таймс», «Дэйли Ньюс» и «Дэйли Телеграф» развернули новую кампанию критики действий кабинета в Индии. Правительство при этом обвинялось в бездействии, «приведшем к тому, что ситуация оставлена фактически на откуп Ганди и экстремистам» [38, p. 3]. Упоминались случаи неоднократных нападений на представителей британской администрации и европейцев в Ассаме, Объединенных провинциях и Пенджабе. Поводом для них послужили события, связанные с религиозным исламистским движением мопла, а также беспорядки, произошедшие в ноябре 1921 г. в Бомбее, в связи с визитом принца Уэльского [9, p. 13]. Как отмечалось в сообщениях, анархия, вызванная бездействием англо-индийских властей привела к гибели за два года не менее 10 тыс. чел. [31, p. 61] В Парламенте сформировалась влиятельная группировка, в которую входили в основном консерваторы, выступавшая с требованием отставки госсекретаря по делам Индии. Политика Э. Монтэгю в этих условиях находила поддержку лишь среди части лейбористов, а также находившихся в оппозиции кабинету либералов, объединившихся вокруг бывшего премьер-министра Г. Асквита [20, col. 114]. В одном из своих выступлений, отстаивая необходимость реформ в Индии, он подчеркивал: «Система управления, созданная в прошлом, ныне доказывает свою неэффективность. Если мы не готовы реконструировать, в свете современного опыта, старую и громоздкую административную машину, я искренне полагаю, что мы утратим право управлять судьбами индийской Империи. Наша исполнительная система развалилась, потому что она не предназначена для сложных задач современного управления» [20, col. 115].

В начале февраля 1922 г. группа из 93-х членов Палаты общин от Консервативной партии направила премьер-министру письмо с требованием отставки Э. Монтэгю. «Мы, нижеподписавшиеся, – отмечалось в документе, – сошлись во мнении о том, что госсекретарь по делам Индии потерял доверие большего числа членов Палаты общин, и большинства граждан страны, и что его сохранение в должности будет крайне вредным для интересов как нашей страны, так и Индии, и думаем, что было бы очень желательно, чтобы он подал в отставку» [20, p. 5].

14 февраля вопрос о доверии Э. Монтэгю был вынесен на обсуждение Палаты общин. В своем выступлении госсекретарь попытался объяснить кризис, возникший в Индии, влиянием осуществляемой через Афганистан большевистской пропаганды, подчеркнув, что англо-индийская администрация предприняла максимум усилий для ее нейтрализации [20, col. 865]. Он назвал объективным рост политической активности в Индии и стремление индийцев к большей политической самостоятельности. Особую роль в дестабилизации политической обстановки в Индии, по мнению Монтэгю, сыграло халифатское движение индийских мусульман, появление которого он связывал с непродуманной политической держав Антанты в отношении побежденной Османской империи [21, col.

865]. Важнейшим направлением британской политики он обозначил, в данной связи, поиск компромисса с мусульманской общиной, проживавшей в пределах британских владений, численность которой превышала 100 млн. человек и от политических настроений которой в немалой степени зависела стабильность колониальной системы Великобритании. Реализация данной задачи, по мнению Э. Монтэгу являлась основным условием реализации «ответственности за благосостояние индийского населения, возложенной на нас Небесами» [21, col. 867]. Дополнительным негативным фактором, влиявшим на политическую нестабильность, Э. Монтэгу обозначил существенное ухудшение социально-экономической обстановки в Индии, а также голод, возникший в ряде индийских провинций вследствие, в том числе, возросшего экспорта продовольствия [21, col. 868].

Тем не менее многие британские парламентарии не изменили изначальной критической позиции в отношении политики госсекретаря. В одном из выступлений отмечалось: «Сто лет назад Макколей заявил, что Индия получит самоуправление, когда окажется готовой к этому. Нынешний госсекретарь решил, что показателем этой готовности является грамотность примерно двух с половиной процентов ее населения... Порядка двух тысяч английских служащих и офицеров при этом подлежат увольнению» [21, col. 907]. Наряду с апеллированием к сложившейся в Индии политико-административной традиции в политической дискуссии часто высказывалось мнение о необходимости выработки новой «философии, которая предоставит небольшой шанс Великобритании сохранить ее индийскую Империю» в условиях возраставшей международной конкуренции [21, col. 915]. Общее же ухудшение ситуации в Индии напрямую связывалось с личностью госсекретаря, а единственным способом ее исправления объявлялось «исправление взглядов правительства, которое не может быть достигнуто пока действующий госсекретарь остается в своей должности» [21, col. 975].

В конце февраля 1922 г. Э. Монтэгу в официальном ответе на запрос индийского Законодательного собрания вновь подчеркнул неизменность позиции британского руководства относительно перспектив конституционной реформы в Индии. По его мнению, анализ дальнейших шагов в данном направлении окажется возможным не ранее 1929 г., когда будут подведены итоги предыдущего этапа преобразований [22, col. 227–228].

Многих представителей британской администрации в Индии беспокоило возможное негативное воздействие начавшихся преобразований на общественно-политическую обстановку в различных индийских регионах, с учетом сложного этноконфессионального состава их населения. 9 марта 1922 г. Э. Монтэгу было получено специальное послание англо-индийского правительства, в котором выражалась серьезная тревога относительно возможного негативного влияния событий в Турции на настроения многочисленной мусульманской общины в Индии. «Мы чувствуем необходимость, – отмечалось в документе, – прояснить правительству Его Величества настроения индийцев, связанные с необходимостью пересмотра Севрского договора. Правительство Индии и Индийская гражданская служба находятся в сложной ситуации, поскольку вынуждены принять во внимание вклад индийских мусульман в наши военные усилия, а также их едино-

душную политическую позицию. Их можно свести к трем ключевым позициям: во-первых, эвакуация Константинополя, во-вторых, признание сюзеренитета султана над мусульманскими святынями в Мекке и Медине, в-третьих, возвращение под турецкий контроль зоны проливов, Андриополя и Смирны. Выполнение всех трех пунктов является абсолютно необходимым для сохранения политической стабильности в Индии [1, л. 35].

В британской прессе отмечалась беспрецедентность данного документа для всей истории взаимоотношений Уайтхолла и англо-индийской администрации, поскольку характер выдвинутых в нем требований больше соответствовал специфике отношений метрополии и самоуправляющихся доминионов. Дипломатический корреспондент «Дейли Кроникл» подчеркивал, что данный демарш мог привести к «серьезным трудностям для представителей Великобритании на предстоящей конференции по Ближнему Востоку» [9, р. 2]. По мнению представителей британской прессы, обозначенные в меморандуме требования «угрожают всей системе договоров по послевоенному устройству Британской империи, касаясь, в частности, планов по созданию арабских королевств в Ираке и Хиджазе, а также британского мандата на Палестину» [9, р. 2]. В редакционной статье «Таймс» меморандум англо-индийского правительства связывался, в основном, с резким обострением внутренней ситуации в Индии на фоне объявленной М. Ганди компании несотрудничества [11, р. 5]. В «Дейли Телеграф» документ был подвергнут критике, поскольку в нем «ставилась зависимость имперской политики от настроений индийских мусульман» [15, р. 6]. «Послание лорда Ридинга, – отмечалось в одной из публикаций, – нельзя воспринимать всерьез, поскольку оно может лишь осложнить наше положение и воодушевить кемалистов, а перспективы мирного урегулирования на Востоке будут еще более отсрочены... Что же касается Индии, то порядок в ней может быть наведен только железной рукой» [12, р. 1]. 18 марта 1922 г. в интервью газете «Дэйли ньюс», влиятельный член Консервативной партии лорд Дерби, заявив о понимании мотивов меморандума, в то же время, выразил сомнение относительно целесообразности участия представителей англо-индийского правительства в предстоящей конференции по пересмотру условий мирного договора с Турцией [1, л. 110].

Правительственный кризис, вызванный оппозицией англо-индийского правительства действиям кабинета Д. Ллойд-Джорджа в Турции, подтолкнул министра по делам Индии к принятию окончательного решения об отставке, последовавшей 19 марта 1922 г. [1, л. 122] Данное событие явилось одним из важных симптомов, обозначивших наличие серьезного кризиса внутри коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа.

В конце июня 1922 г., в ходе очередной партийной конференции, прошедшей в Эдинбурге, представители подвергли критике политику правительства в Индии, а также характер реализации Акта 1919 г., который, по их мнению, «лишил их (индийцев – А. С.) надежды на свободу, существующую среди нас» [4, л. 42]. В решениях конференции отмечалось, что предложенная британским руководством реформа не нашла поддержки у ключевой политической силы Индии – Индийского национального конгресса, «лишь 25 из 12 тысяч делегатов которого на последнем съезде

высказались в поддержку Акта» [4, л.43]. В данной связи в партийных документах отмечалась необходимость предоставления Индии «реального самоуправления, равного тому, каким в данный момент пользуются Канада и Австралия» [4, л.49].

С уходом Э. Монтэгу акценты в политике англо-индийского правительства не претерпели существенных изменений. Политическая линия коалиционного правительства Д. Ллойд-Джорджа, как и сменивших его кабинетов Э. Б. Лоу, Р. Макдональда и С. Болдуина строилась на попытке сохранить сложившуюся по итогам реализации Акта 1919 г. модель диархии, дававшей индийцам некоторую степень самоуправления, но сохранявшую основы британского господства в Индии. Действия Уайтхолла в этом направлении были во многом аналогичны стратегии, которую британские власти ранее пытались применять в Ирландии. Она основывалась на противопоставлении «умеренной» и «радикальной» фракций местного политического движения, а также на сочетании репрессивной политики и ограниченных реформ. Этим объяснялось фактически одновременная реализация системы диархии и сохранение введенных в военный период законов Роулетта, предусматривавших судебное преследование за любые виды антибританских протестов или агитации.

Другим важным мотивом административных изменений явилось стремление сократить финансовые издержки, связанные с содержанием в Индии многочисленного британского чиновничьего аппарата. В феврале 1926 г. министерство по делам Индии обнародовало финансовый отчет, в котором подчеркивалось, что в период с 1919 по 1925 г. расходы ведомства на административные нужды сокращались в среднем на 37 тыс. ф.ст., а общая экономия составила 145 тыс. ф. ст. [25, col. 59–60]

Главным фактором сокращения бюджетных расходов являлась, постепенно осуществлявшаяся в рамках реализации Акта 1919 г. «индианизация» различных сфер и сегментов управленческой системы Британской Индии. Важную роль в ее осуществлении играла созданная в начале 1920-х гг. специальная межведомственная структура, получившая по имени ее главы наименование комиссии Ли [24, col.983–984]. Под ее руководством подготавливались ежегодные рекомендации относительно замещения британских служащих индийцами в различных подразделениях Индийской гражданской службы, полиции, таможни, специальных ведомствах, связанных с управлением медицинскими и образовательными учреждениями, телеграфами, охраной лесов, ведением сельскохозяйственных и инженерных работ и других структурах [7, p. 75].

В соответствии с данными, представленными руководством Индийской гражданской службы в январе 1925 г., за предыдущий год на конкурсной основе им было отобрано 36 чиновников, 21 из которых являлись европейцами и 15-индийцами. Конкурсный отбор среди претендентов проводился в два этапа, в январе и августе, и проходил в Алахабаде и Лондоне. Кроме того, определенное количество вакансий заполнялось индийцами на основании рекомендаций провинциальных правительств. В основе данной политики, как подчеркивалось в документе, лежали положения Акта 1919 г., в соответствии с которыми число индийских и британских служащих в структурах Индийской гражданской службы должно было сравняться в течение 15 лет [8, p. 185].

Политика постепенной «индианизации» административного аппарата сочеталась со стремлением сохранить общий контроль над ситуацией в Индии с активным использованием репрессивных механизмов, касавшихся, в частности, ограничения деятельности прессы. Так, в декабре 1922 г., под давлением британской администрации, Законодательные ассамблеи Пенджаба, Бенгалии и Мадраса приняли поправки в действующее законодательство, предусматривавшие возможность для дополнительных санкций против печатных СМИ, критикующих действия властей [21, col. 3178–3179]. Одновременно был организован судебный процесс над членами сикхского движения Комитет «Гурудвара Прабандхак», обвиненных в участии в антибританских беспорядках в Пенджабе [21, col. 2943]. Несмотря на решение М. Ганди завершить хартал, многие его активные участники продолжали находиться в заключении, что не позволяло наиболее влиятельной индийской партии – ИНК принимать полноценное участие в выборах в представительные органы власти [21, col. 2258].

Процесс «индианизации» спровоцировал определенные коллизии, связанные, в том числе, и с профессиональным статусом и материальным обеспечением британских чиновников, получившие довольно широкий общественный и политический резонанс [21, col. 2292]. Немалая часть британских политиков полагала, что политика «индианизации» приводит лишь к дестабилизации административной системы, и напрямую увязывала с ней общее осложнение обстановки в Индии. В материалах, обнародованных в ноябре 1922 г. членом парламентского комитета лордом Сайденхемом, отмечалось, что на фоне увеличения числа беспорядков, достигшего за год в различных индийских провинциях от 10 до 50%, произошло резкое снижение эффективности деятельности правоохранительных структур. Подчеркивая сложность сложившегося положения, он отмечал: «В пенджабской полиции [в результате проведения реформы – А. С.] из двадцати девяти районов в четырнадцать не осталось ни одного английского служащего, что не может не сказаться на моральном состоянии и уровне дисциплины службы в целом. В Мултане, где проживает значительное число фанатично настроенных мусульман, полностью отсутствуют английские полицейские чиновники, и имеется лишь пятнадцать английских судей» [19, col. 72]. Одной из проблем административной политики, по мнению Сайденхема, стало привлечение на работу в Индийскую гражданскую службу молодых образованных британцев, чей опыт и энергия, по его мнению, являлись непременным условием дальнейшего продвижения Индии по пути развития институтов самоуправления [19, col. 81].

Система взаимодействия существовавших ранее органов британской администрации и новых, формировавшихся в процессе реформы институтов индийской представительной власти складывалась достаточно сложно и противоречиво. Практически все ведущие индийские политические силы, несмотря на различия в их политических программах, были настроены в пользу скорейшего достижения полного самоуправления. В этих условиях трения внутри реформируемой системы англо-индийского управления являлись достаточно частым явлением. Уже в сентябре 1922 г. большинством голосов Законодательное Собрание заявило о недоверии действующему правительству. Примечательным в данной связи явил-

ся факт солидарного голосования представителей индуистской, мусульманской, сикхской и некоторых других конфессиональных групп, что продемонстрировало очевидную ограниченность британской администрации в возможности использования традиционных методов игры на противоречиях между крупными этническими и религиозными сегментами индийского социума [19, col. 81].

Снижение эффективности деятельности Индийской государственной службы стало одним из главных аргументов критиков осуществляемой политико-административной реформы. В августе 1922 г. был опубликован отчет специальной комиссии во главе с лордом Ислингтоном, в котором отмечалась очевидная тенденция к ухудшению материального положения сотрудников Индийской Гражданской службы, начиная с 1914 г. На фоне роста цен за данный период по разным категориям товаров в пределах 60–90 %, заработная плата чиновников англо-индийской администрации была увеличена лишь на 8 %, что было минимальным показателем среди всех британских управленческих структур. В данной связи высказывали традиционные для британской политической элиты опасения относительно способности индийцев принять и эффективно реализовывать ту часть административных функций, которая полагалась им в соответствии с проектом реформы Челмсфорда – Монтэгу. Предполагалось, что к 1929 г. доля индийцев в Индийской Гражданской службе должна была быть увеличена до 48 %, в других сферах управления она также должна была составить не менее половины [17, p. 132].

Процесс «индианизации» в различных сферах управления отличался определенной спецификой и осуществлялся различными темпами. Уже к 1922 г. в структурах образования доля индийских служащих составляла 38 %, в то время как в сфере управления сельским хозяйством она не превышала 25 % [16, p. 100]. Такое различие объяснялось, в первую очередь, сложностями в подготовке индийских специалистов различных профилей. Вопросы, связанные с переходом отдельных административных функций от британских к индийским чиновникам, продолжали оставаться предметом напряженных дискуссий между правительством вице-короля и индийскими представительными органами на протяжении всего периода реализации реформы [26, col. 2799]. Тем не менее к 1925 г. предусмотренный Актом принцип «50 на 50» при назначении британцев и индийцев на административные должности был в целом достигнут [26, col. 800]. Одной из важных проблем оставалось и поддержание баланса при назначениях между представителями мусульманской и индуистской общин.

Незадолго до своей отставки в октябре 1922 г. в одном из интервью Д. Ллойд-Джордж попытался еще раз дезавуировать обвинения в слабости и непоследовательности политики своего кабинета в Индии. «Великобритания, – подчеркнул он, – не может ни при каких обстоятельствах отказаться от своей власти в Индии. Данный шаг стал бы величайшим предательством в истории нашей страны и отказом от величайшего долга, предначертанного нашей стране ее великой судьбой» [5, p. 349]. Основой стабильности в Индии Д. Ллойд-Джордж назвал сохранение традиции администрации, служащих которой он назвал «стальной конструкцией», обеспечивающей эффективность британского правления [5, p. 349].

С приходом к власти в ноябре 1924 г. консервативного кабинета С. Болдуина, пост госсекретаря по делам Индии занял лорд Биркенхед, а его заместителем стал один из видных членов Консервативной партии лорд Уинтертон, активно участвовавший в подготовке реформы Челмсфорда-Монтэгю. Несмотря на существовавшие внутри партии различия в оценках проводимой реформы, серьезных корректив в политике Уайтхолла в отношении крупнейшего колониального владения не последовало. Основным ее содержанием явилось стремление за определенным фасадом индийского самоуправления сохранить ключевые рычаги управления в руках британской администрации.

Одним из важных методов в реализации данного курса стало использование разногласий между индуистским и мусульманским сегментами индийского политического движения. Формирование и активное развитие массового национально-освободительного движения в Британской Индии, несмотря на успехи, достигнутые М. Ганди, достаточно быстро выявили принципиальное различие между политическими силами, представлявшими две крупнейшие фракции индийского населения, в видении его перспектив и конечных целей. Новые политические противоречия накладывались на традиционную взаимную неприязнь представителей двух конфессий. Рост антиколониального движения в итоге своей побочной стороной имел постепенное обострение конфессиональных противоречий, наблюдавшееся на протяжении всех межвоенных лет и нередко принимавшее форму вооруженных столкновений.

Рост индуистско-мусульманской напряженности, в определенной степени выгодный колониальным властям, требовал, тем не менее, принятия определенных административно-политических мер. В соответствии с отчетом, представленным в ноябре 1926 г. лордом Уинтертоном, англо-индийское руководство дважды, в октябре 1924 г и в июне 1926 г., через провинциальные правительства инициировало заключение соглашений между представителями общин предполагавших моральное осуждение межрелигиозной ненависти и нетерпимости. По словам заместителя госсекретаря, важнейшая роль в реализации мер по преодолению вражды между двумя конфессиями, отводилась методам «моральных действий», хотя, с другой стороны, «исполнительная власть была полностью вооружена специальными полномочиями для наведения порядка» [27, col. 1209]. Уинтертон в данной связи упомянул о закрытии в Калькутте нескольких печатных изданий, «осуществлявших радикальную религиозную агитацию» [27, col. 1233]. В то же время им, от имени вице-короля, была озвучена идея проведения конференции с целью налаживания диалога между представителями двух конфессий [27, col. 1233].

В середине 1920-х гг. политическая ситуация в Индии несколько стабилизировалась. Основной причиной этого стало улучшение социально-экономического положения, связанное с преодолением кризиса рубежа 1910–1920-х гг. и возобновившийся рост сельскохозяйственного и промышленного производства. На этом фоне постепенно ослабевала экономическая зависимость Индии от метрополии. По данным официальной статистики, доля Великобритании в индийском импорте в 1926–1927 гг. сократилась с 51 до 48% [34, p. 208]. В целях снижения социальной напряженности, при активном участии индийских представителей велась ра-

бота по созданию механизмов урегулирования трудовых споров. В 1922–1924 гг. Индийским законодательным Советом был принят ряд законов, регулирующих трудовые отношения. Был, в частности, повышен возраст приема на работу на предприятия и шахты с 9 до 12–13 лет [14, *p.* 61]. В соответствии с данными официальной статистики в Бомбее, где была сосредоточена значительная часть индийской промышленной базы, реальная заработная плата на предприятиях в период с 1914 по 1927 г. выросла на 21 % [14, *p.* 74].

В июле 1923 г. лорд Пиль передал премьер-министру С. Болдуину письмо лорда Ридинга, в котором тот в очередной раз сетовал на непонимание в метрополии всех трудностей с которыми сталкивается британская администрация в Индии [14, *p.* 74]. В «Дейли Кроникл» от 3 апреля 1926 г. помещалось заявление уходящего в отставку вице-короля лорда Ридинга. В нем особенно отмечалось, что британский суверенитет в Индии «не может быть никоим образом поставлен под сомнение. Верховенство английской власти основано не на отдельных договорах или соглашениях, а существуют независимо от них» [3, *л.* 8].

Против уступок «индийским националистам» продолжала выступать весьма активная группа «романтических империалистов», типичным представителем которой являлся У. Черчилль. В ноябре 1924 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед писал вице-королю лорду Ридингу: «кабинет, как я полагаю, находится под влиянием определенной реакции от реформ Монтэгу... Можно говорить если не о слабости, то, по крайней мере, об определенном смятении, наступившем вследствие войны в Индии, Ирландии и Египте» [36, *p.* 283].

В 1924–1928 гг. ситуация в Индии несколько стабилизировалась. В тот же период наметился очевидный раскол между ИНК и Мусульманской Лигой, что давало представителям британской политической элиты мощный аргумент в пользу того, что индийцы не способны к самоуправлению. Арест Ганди и репрессии в отношении участников компании ненасильственного сопротивления вызывали критику со стороны немалой части сторонников Лейбористской партии.

Основным содержанием риторики официальных британских кругов в отношении Индии продолжал оставаться тезис о постепенном ее продвижении к полному политическому самоуправлению. Приверженность обозначенной в Акте об управлении Индией, идеи продвижения индийских владений к статусу доминиона, была зафиксирована в решениях Имперской конференции 1926 г. В мае 1927 г. С. Болдуин в очередной раз подчеркнул, что главной задачей его кабинета в Индии является ее скорейшее продвижение к «системе ответственного правительства» [10, *p.* 3].

В рамках административной реформы весной 1927 г. англо-индийское правительство инициировало обсуждение проектов разделения административных и судебных функций, в котором участвовал ряд провинциальных правительств [28, *col.* 1614]. При этом британские власти в очередной раз подчеркивали свое стремление к расширению сферы местного самоуправления и дальнейшей децентрализации административной системы в целом. «Одновременно с постепенным развитием институтов самоуправления в провинциях Индии, – отмечалось в документе, – местные правительства будут получать большую сте-

пень самостоятельности за счет разгрузки центральных органов управления [28, col. 1615].

Несмотря на обозначенные цели, британские власти довольно долго воздерживались от конкретизации сроков их выполнения и конкретных направлений реализации. Представителями кабинета неоднократно подчеркивалась принципиальная разница в условиях перехода к системе самоуправления в Индии и владениях с преимущественно европейским населением. В британских политических кругах на тот момент существовала убежденность в том, что внутренняя нестабильность и внешние угрозы являются главным препятствием на пути продвижения Индии к самостоятельному политическому статусу. Лорд Сайденхем, активно участвовавший в разработке проекта реформы, в ходе одного из публичных выступлений, заявил, что, по его мнению, «внутренняя и внешняя опасность для Британской Индии никогда не была столь угрожающей как в данный момент» [29, col. 613]. К числу внешних угроз лорд Сайденхем отнес, в первую очередь, распространение влияния большевиков и турецких националистов в Афганистане, свидетельством чему стали, в частности, события третьей англо-афганской войны 1919 г. [29, col. 619] Боевые действия на границе с афганским государством потребовали увеличения численности британских войск в этом регионе со 120 до 200 тыс. чел. Всего же, с учетом воинских частей, находившихся в других регионах крупнейшей британской колонии, численность войск в Индии превысила 300 тыс. чел. Содержание столь многочисленного военного контингента в корне расходилась с планами британского правительства по демобилизации и сокращению военных расходов [29, col. 622]. Внутренние опасности лорд Сайденхем связывал, в первую очередь, с деятельностью М. Ганди, который смог «ловко пробудить чувство ненависти среди необразованных фанатичных масс», а также «мусульманских экстремистов, являющихся еще более опасными, чем господин Ганди». Восстания, произошедшие среди мусульман в Бенгалии, Бомбейском президентстве и некоторых других регионах, он напрямую связал с проникновением в Индию большевистских идей [2, л. 8].

Внутренние беспорядки и угрозы извне стали одним из главных аргументов сторонников жесткой линии, настаивавших на незыблемости основ британского правления в Индии. «Представляется чрезвычайно маловероятным, – отмечалось в одной из публикаций, – чтобы демократическое правительство, сформированное по западной модели и опирающееся на незначительное меньшинство образованного населения, оказалось бы способным эффективно управлять Индией. Она, в этой ситуации, оказалась бы легко доступной для внешних вторжений и завоеваний. В данной связи принципиально важными являются усилия Парламента и Правительства Его Величества по укреплению обороны и сохранению внутренней стабильности в Индии...» [39, p. 5] Особое внимание в военной стратегии уделялось развитию ВВС и насыщению англо-индийских войск бронетехникой [39, p. 5]. В то же время в публикации признавалось, что рост военных расходов ложится тяжелым бременем на финансово-экономическую систему, что вызывает недовольство в обществе порождает определенные расхождения в позиции гражданских властей и представителей военного командования в Индии

[39, p. 5]. Многие из гражданских советников вице-короля высказывались в пользу скорейшего сокращения военных расходов с целью сбалансирования индийского бюджета. Активные дискуссии относительно основных направлений военного строительства в Индии в данный период происходили в рамках различных правительственных структур, но наиболее важное место они занимали в деятельности Комитета Имперской обороны [15, p. 94].

Дестабилизация обстановки в различных регионах Индии вызывала беспокойство и среди немногочисленной, но весьма влиятельной европейской общины в Индии. Совет Европейской Ассоциации в Калькутте неоднократно выступал с официальными обращениями к генерал-губернатору Бенгалии, в котором особо подчеркивалось, что среди проживающих здесь европейцев широко распространились «различные страхи и чувство небезопасности» [37, p. 32], в связи с чем они ожидают от правительства Бенгалии решительных мер по восстановлению серьезно нарушенной законности и правопорядка» [37, p. 32]. Среди них на первом плане отмечалась необходимость пресечения агитационной активности сторонников М. Ганди, стремившихся расширить масштаб протестных действий в Читтагонге и других городах провинции, деятельность которых «ставит под сомнение успех начатых реформ» [37, p. 37].

В британских политических кругах и прессе события в Индии напрямую увязывались с общими кризисными тенденциями, наметившимися в Британской империи. В ходе одного из парламентских слушаний, посвященных ситуации в Индии, отмечалось, в частности, что «в различных частях Индии растут преступность и коррупция, оживает необузданный фанатизм, подобно тому как это происходило в Ирландии, в Египте и Палестине, где агрессивные меньшинства осуществляют нападки на Британскую империю» [28, col. 1623]. В связи с этим внедрение системы диархии многими британскими политиками расценивалась как шаг, способствующий росту неэффективности и коррупции административного аппарата. Возросшая политическая активность в Индии первоначально ассоциировалась ими исключительно с «ограниченным слоем интеллигенции», оторванным от остальной массы населения, «95% которого продолжают прибывать на уровне образованности, существовавшем еще в эпоху средневековья» [28, col. 1635]. Тем не менее постепенно в британских политических кругах формировалось понимание масштабов национально-освободительного движения, возглавленного М. Ганди. В одном из официальных отчетов, представленных в парламенте комитетом Сайденхема, отмечалось, что Ганди «смог найти методы, побудившие к политической активности миллионы доверчивых и неграмотных простолюдинов» [28, col. 1659].

В данной связи в британских политических и интеллектуальных кругах продолжалась активная дискуссия, касавшаяся перспектив развития системы индийского самоуправления в контексте общей проблемы совместимости западных политических институтов и традиционных основ восточного социума. В ходе одного из парламентских слушаний лорд Лэндсдаун выразил достаточно типичную для консервативных британских кругов оценку событий, происходящих в крупнейшей колонии: «Я отношусь с глубоким недоверием к идее механического при-

менения западного демократического опыта к пестрой мозаике восточных народов, практически не имевших опыта развития институтов городского и местного самоуправления. Преждевременная реализация либеральных идей, в данной связи может привести лишь к параличу административной системы и безвозвратной потере бесценного опыта, накопленного за длительный период Индийской Гражданской службой» [20, col. 950].

Лорд Уинтертон, подробно анализируя ситуацию, связанную с реформами в Индии, в одном из интервью в очередной раз указал на объективные трудности, мешавшие, по его мнению, расширению системы индийского самоуправления. Главной из них по-прежнему был низкий уровень грамотности и образованности индийского населения, который «позволяет эффективно пользоваться своим правом голоса в лучшем случае лишь двум миллионам из трехсотмиллионного индийского населения» [20, col. 954].

Говоря о значимости, реформ, осуществленных в Индии после 1919 г., лорд Уинтертон еще раз подчеркнул наличие объективных трудностей, связанных со сложным составом индийского населения. Заместитель госсекретаря выделил в его структуре, по крайней мере, пять крупных конфессиональных сегментов: индуисты, небрахманские индуисты, мусульмане, сикхи, христиане, а также большое количество мелких кастовых групп. В связи со сложной обстановкой лорд Уинтертон указывал на опасность бойкота деятельности комиссии со стороны мусульман и «неприкасаемых» [20, col. 954].

В целях преодоления существовавших разногласий между различными индийскими общинами было предложено создать специальный комитет Индийского Законодательного собрания. Данный проект, вписывавшийся в концепцию дальнейшей либерализации индийской политической системы, получил поддержку и у парламентской оппозиции, представленной главным образом лейбористами. Лидер Лейбористской партии Р. Макдональд выразил надежду на то, что «итоги деятельности комиссии послужат важным основанием для гордости за работу, выполненную англичанами в Индии» [42, p. 233], отметив при этом, что ее задачи полностью соответствуют программным установкам лейбористов. В программе, принятой на партийной конференции в Ливерпуле, обозначалось видение будущего Индии как «самоуправляемой составной части Британской империи..., чего можно достигнуть только путем реализации положений Акта 1919 г.» [6, p. 205]. В ходе парламентских дебатов он неоднократно подчеркивал, что лейбористы полностью поддерживают право индийских народов на политическое самоопределение. «Я хотел бы пойти еще дальше, – отмечал Р. Макдональд, – и заявить, что мы должны признать не только право индийского народа на самоуправление...» [29, col. 1369]. В тоже время он выражал надежду на то, что «индийцы... пожелают остаться в качестве равноправных членов в составе Британского Содружества..., но у нас нет ни малейшего морального или демократического права отказать им в полной свободе самоопределения» [29, col. 1372]. Важнейшей задачей деятельности англо-индийского правительства он обозначил «содействие в продвижении Индии в кратчайшие сроки к самоуправлению путем налаживания тесного сотрудничества с индийским народом» [29, col. 1376]. В случае отсутствия этого

«духа искренности», британское правление будет лишено смысла и превратится, по мысли Р. Макдональда, «в пустую трату времени» [29, col. 1384].

Стратегия Лейбористской партии в отношении Индии строилась на понимании объективной необходимости изменения ее статуса. При этом стремление к осуществлению реформ и развитию институтов самоуправления, по мнению большинства лейбористов, должно было сочетаться с поиском оптимальных путей сохранения Индии в составе Британского Содружества [32, p. 121].

Сходных позиций придерживалось и большинство представителей Консервативной партии. Один из наиболее известных ее представителей лорд Уинтертон, отмечал, что идея «доверительного управления индийцами являлась основой [британского правления – А. С.] со времен королевы Виктории... Исходя из этого, мы должны перестать относиться к индийцам как к обучаемым нами детям, и признать их равное право определять будущее своей страны» [37, p. 212]. Осуществление успешных политических реформ в Индии представляло, по словам заместителя госсекретаря, «уникальную возможность доказать, что мы великая Императорская раса, которая дала свободу и самоуправление во всем мире» [37, p. 212].

В мае 1927 г. премьер-министр С. Болдуин еще раз обозначил стратегические цели британской политики в Индии: «Около десяти лет назад, было объявлено, что целью нашей политики в Индии является постепенный переход к системе ответственного управления в Британской Индии как составной части империи. С того момента были сделаны большие шаги к достижению этой цели. Во всех совместных мероприятиях Британского Содружества Наций Индия в настоящее время играет свою значимую и возрастающую роль, и через некоторое время мы можем ожидать окончательного формирования равных отношений с ними, подобных тем, которые складываются с самостоятельными доминионами» [18, p. 3]. При этом, однако, делалась традиционная для британской политической элиты оговорка, которая оставляла для колониальных властей широкое поле для маневра: «Конечно, никто не предполагает, что это может быть сделано одномоментно. Для осуществления данных изменений должно пройти достаточное количество времени, и их реализация возможна лишь с согласия и одобрения британского правительства и парламента» [18, p. 3].

Подобные же противоречия нашли свое отражение и в королевском послании к Индийскому законодательному собранию. «На протяжении многих лет, – отмечалось в документе, – возможно, в течение нескольких поколений, патристически настроенные индийцы мечтали о самоуправлении для своей родины. Сегодня мы можем с полным основанием утверждать о начале перехода к реальному самоуправлению внутри Индийской империи, и созданы самые широкие возможности для продвижения к свободам, которыми пользуются другие мои доминионы» [33, p. 95]. В данной связи от имен короля-императора была выражена принципиальная поддержка политики вице-короля, направленной на то, чтобы «через определенное время Индия могла превратиться в неотъемлемую часть нашей империи в качестве равноправного партнерства с другими нашими доминионами» [33, p. 95].

Несмотря на определенную внутреннюю противоречивость, политика британского руководства в Индии в 1920-е гг., являясь отражением нараставших внутри имперского механизма трудностей и противоречий, свидетельствовала о формировании принципиально нового вектора в дальнейшей эволюции его колониальной стратегии. Он был связан с постепенной, непоследовательной, и в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима в ряде колониальных владений. Данная тенденция получила дополнительный импульс к развитию в результате Великой депрессии, потрясшей в начале 1930-х гг. основы социально-экономической стабильности Великобритании и ее обширной колониальной империи.

Литература

1. АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп.10, папка 25, дело 79.
2. АВП РФ. Ф.69, оп. 14, папка 47.
3. АВП РФ. Ф. 69, оп. 19, папка 60, дело 58.
4. РГАСПИ. Ф. 495. Оп.100, д.87.
5. *Adams J. T.* Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784-1939. N.Y.–L. : C. Scribner's sons, 1940. XI, 391 p.
6. *Ashworth L. M.* International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making from 1918–1945. N.Y. : Tauris Academic Studies: 2007. IX, 294 p.
7. *Bridge C.* Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution. N. Y. : Sterling, 1986. XII, 220.
8. *Burke S. M., Quraishi S. A.* The British Raj in India. Oxford : Oxford University Press, 1995. XIV, 699 p.
9. Daily Chronicle. 1922. 10th March.
10. Daily Express. 1920. 19th May.
11. Daily Herald. 1922. 13th March.
12. Daily News. 1922. 18th March.
13. Daily Telegraph. 1922. 9th January.
14. *Darwin J.* The End of British Empire: The Historical Debate. Oxford : Basil Blackwell, 1991. XVI, 128 p.
15. *Darwin J.* The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 800 p.
16. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta : Forgotten Books, 2012. 486 p.
17. *Elliot W. Y.* The New British Empire. N. Y. –L. : McGraw Hill Book Company Inc., 1932. 553 p.
18. Evening Standard. 1927. 13th May.
19. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1922), vol. 52.
20. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 68.
21. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 150.
22. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151.
23. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 159.
24. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 189.
25. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 192.
26. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 198.
27. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 200.
28. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 203.
29. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 207.
30. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 208.
31. *James L.* The Rise and Fall of British Empire. L. : Abacus, 2000. 736 p.
32. Labour Party. The Colonial Empire. London : Trade Union Congress and the Labour Party, 1926.
33. *Mansergh N.* Constitutional relations between Britain and India. L. : Her Majesty's Stationery Office, 2013.

34. *Morris J.* Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L. : Harcourt, Brace Jovanovich, 1978. 576 p.
35. *Muldoon A.* Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act: Last Act of the Raj. L. : Routledge, 2009. 288 p.
36. *Porter B.* The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850–1983. L. : Longman, 1984. 432 p.
37. The Concept of Empire, 1774–1947. Burke to Attlee. Oxford, L. : Adam and Charles Black, 1962. 467 p.
38. The Times. 1922. 9th January.
39. The Times. 1927. 15th June.
40. *Trevelyan H.* The India We Left. L. : Macmillan, 1972. 255 p.
41. Westminster Gazette. 1922. 10th March.
42. *Williamson Ph.* National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926–1932. N.Y. : 1992. XVII, 569 p.

References

- AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Foreign Policy Archives of the Russian Federation]. Referentura po Anglii. Stock 69. List 10. Folder 25. Dos. 79.
- AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Foreign Policy Archives of the Russian Federation]. Stock 69. List 14. Folder 47.
- AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Foreign Policy Archives of the Russian Federation]. Stock 69, List 19, Folder 60, Dos. 58.
- RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 495. List 100. Dos. 87.
- Adams, J. T. (1940). *Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784–1939*. N.Y.–L., C. Scribner's sons. xi, 391 p.
- Ashworth, L. M. (2007). *International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making from 1918-1945*. N.Y., Tauris Academic Studies. ix, 294 p.
- Bridge, C. (1986). *Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution*. N. Y., Sterling. xii, 220 p.
- Burke, S. M., Quraishi S. A. (1995). *The British Raj in India*. Oxford : Oxford University Press. xiv, 699 p.
- Daily Chronicle. 1922. 10th March.
- Daily Express. 1920. 19th May.
- Daily Herald. 1922. 13th March.
- Daily News. 1922. 18th March.
- Daily Telegraph. 1922. 9th January.
- Darwin, J. (1991). *The End of British Empire: The Historical Debate*. Oxford, Basil Blackwell. XVI, 128 p.
- Darwin, J. (2009). *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970*. Cambridge, Cambridge University Press. 800 p.
- Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History* (2012). Calcutta, Forgotten Books. 486 p.
- Elliot, W. Y. (1932). *The New British Empire*. N. Y.–L., McGraw Hill Book Company Inc. 553 p.
- Evening Standard. 1927. 13th May.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1922), vol. 52.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 68.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 150.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 159.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 189.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 192.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 198.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 200.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 203.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 207.

- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 208.
- James, L. (2000). *The Rise and Fall of British Empire*. 736 p.
- Labour Party. The Colonial Empire* (1926). L., Trade Union Congress and the Labour Party
- Mansergh, N. (2013). *Constitutional relations between Britain and India*. L., Her Majesty's Stationery Office.
- Morris, J. (1978). *Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat*. L. Harcourt, Brace Jovanovich. 576 p.
- Muldoon, A. (2009). *Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act: Last Act of the Raj*. L., Routledge. 288 p.
- Porter, B. (1984). *The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983*. L., Longman. 432 p.
- The Concept of Empire, 1774–1947* (1962). Oxford, L. : Adam and Charles Black, 1962. 467 p.
- The Times. 1922. 9th January.
- The Times. 1927. 15th June.
- Trevelyan, H. (1972). *The India We Left*. L., Macmillan. 255 p.
- Westminster Gazette. 1922. 10th March.
- Williamson, Ph. (1992). *National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926-1932*. Cambridge : Cambridge University Press. XVII, 569 p.

The article was submitted on 12.09.2018

А. В. Антошин

**PAX BRITANNICA ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
ПРОСТРАНСТВО ВОСТОКА?
ОСТРОВА ФИДЖИ В СЕРЕДИНЕ ХХ В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)**

Аннотация: Статья посвящена развитию островов Фиджи в середине ХХ в. Она основана на материалах газет «Оушеания Дейли Ньюс» и «Ньюс фром Фиджи», которые выходили в административном центре территории Суве в 1940–1950-е гг. Публикации прессы показывают специфику колониального общества Фиджи, характеризуют образ жизни британцев, проживавших на островах. В статье говорится о формах проведения досуга, которые были характерны для британцев на Фиджи, существовавшей для этого в Суве социальной инфраструктуре. Показаны особенности положения индийской общины Фиджи, которая являлась наиболее многочисленной в колонии. Особое внимание уделено социально-экономическим проблемам территории, отмечены усилия британской администрации по их решению. Вместе с тем, публикации «Оушеания Дейли Ньюс» и «Ньюс фром Фиджи» показывают, что руководство колонии не игнорировало опасность обострения этнополитических конфликтов на Фиджи. Значительное внимание на страницах анализируемых изданий уделялось международным проблемам, ситуации в мире в эпоху холодной войны. Колониальная пресса возлагала основную вину за обострение международной напряженности на руководство СССР. В целом, как показывает анализ газет «Оушеания Дейли Ньюс» и «Ньюс фром Фиджи», эти издания являются важными историческими источниками, позволяющими охарактеризовать состояние островов Фиджи на заключительном этапе колониальной эпохи.

Ключевые слова: Британская империя, Фиджи, колониальная пресса, «Оушеания Дейли Ньюс», «Ньюс фром Фиджи».

A. V. Antoshin

**PAX BRITANNICA OR SPACE OF ORIENCE?
FIJI IN THE MIDDLE OF THE XX CENTURY
(ON THE BASE OF COLONIAL PRESS)**

Abstract: The article is devoted to the development of Fiji in the middle of the XX century. It is based on the materials of newspapers “Oceania Daly News” and “News from Fiji” published in Suva in 1940s-1950s. Publications show us special characteristics of colonial society, characterize way of living of Britons in Fiji. The article tells about forms of leisure of Britons and social infrastructure in Suva for it. The author shows special characteristics of status of Indian community which was the most numerous in islands. The article pays special attention to social-economic problems of territory and to attempts of British administration to decide it. But publications of newspapers show that colonial administration knew very well about ethnic-political conflicts in Fiji. Colonial press paid serious attention to international problems, situation during the Cold War. Colonial press blamed Soviet Union for global confrontation. Newspapers “Oceania Daly News” and “News from Fiji” are important historical sources which help us to characterize situation in Fiji on the final stage of Colonial epoch.

Key words: British Empire, Fiji, Colonial press, “Oceania Daly News”, “News from Fiji”.

Фиджи, являясь по меркам Океании достаточно значительным государством, нередко упоминается в работах российских исследователей. Более того, известный специалист по проблемам развития государств Индийского океана Н. Б. Лебедева в свое время посвятила этой стране отдельные книги [1;2]. Среди современных исследователей, бесспорно, следует выделить С. Е. Пале, чьи оригинальные сочинения привлекают внимание всех, кто интересуется прошлым и настоящим Океании [4]. Тем не менее многие аспекты истории Фиджи все еще нуждаются в дополнительном изучении. Что можно сказать об общественной жизни на островах в период британского господства? Какие проблемы волновали местное колониальное общество? Чем был заполнен досуг европейцев на Фиджи в середине XX в.? Большинство заданных выше вопросов связаны с более общей проблемой характеристики цивилизационной специфики Фиджи к концу колониального периода. Являлись ли острова периферией британского культурного ареала, сформировавшегося во времена Империи? Или Фиджи, как и другие островные государства Океании, все же тяготели к Востоку, будучи связанными с Юго-Восточной и Южной Азией миграционными потоками, относящимися к далекому или не слишком далекому прошлому?

Дать ответы на эти и некоторые другие вопросы помогает изучение уникального исторического источника – прессы Фиджи колониальной эпохи. Первой газетой, выпускавшейся на Фиджи, считается печатавшаяся в Левуке (остров Овалау) с 1870 г. «Фиджи Газетт». В середине XX в. на островах периодически возникали новые издания, редакции которых базировались в административном центре колонии Суве. Так, с 1948 г. выходила «Оушеания Дейли Ньюс», в 1950-е гг. издавалась газета «Ньюс фром Фиджи». Сохранившиеся в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне достаточно полные комплекты этих СМИ дают специалистам по истории Океании весьма любопытный материал. Вполне возможно, что сохранившиеся в Вашингтоне комплекты являются единственными на данный момент во всем мире, что еще более повышает ценность этих исторических источников.

Политическую и культурную элиту британского Фиджи составляли европейцы, прежде всего, естественно, приехавшие из метрополии чиновники и специалисты. В работах Н. Б. Лебедевой отмечалось, что европейцев на Фиджи всегда было немного (к 1960-м гг. – более 9 тыс.чел) [1, с. 15]. Тем не менее именно они, конечно, во многом формировали облик Сувы, этой «меланезийской Британии», по выражению известного чехословацкого путешественника и этнографа Милослава Стингла [5, с. 19]. Правда, многие из «колониалов», недовольные жарким климатом и удаленностью от центров мировой цивилизации, не стремились здесь обосноваться, а по истечении срока своей службы уезжали домой, в Великобританию. Однако, те британцы, которые жили на Фиджи, не только продолжали символизировать сохранение связи колонии с метрополией, но и в рамках британской системы косвенного управления играли важную роль в общественно-политической жизни данной территории. В 1940–1950-е гг. на островах по-прежнему торжественно отмечались День Королевы и День Империи. Именно эти мероприятия становились ареной для демонстрации культурного многообразия того своеобразного общественного организма, каким являлась Британская

империя. Фиджийские народные танцы здесь сочетались с индийскими, рядом с плясками маори можно было увидеть образцы ирландской и валлийской традиционной культуры. Причем исполнителями всех этих танцевальных номеров, которые и демонстрировали разнообразие культурных традиций Империи, были учащиеся школ Сувы. Естественно, что на таких мероприятиях обязательно присутствовали и представители официальных имперских структур, символизировавшие мощь Британии – губернатор, чиновники ведомства Государственного секретаря по делам колоний и т.д. За представлениями наблюдали и жены британских чиновников, составлявшие важную часть местного колониального общества.

Несомненно, подобные мероприятия должны были продемонстрировать и те успехи, которые были достигнуты колониальными властями в области развития культуры и системы образования на входивших в состав Империи территориях. Этому же служили и ежегодно проводившиеся в колонии профессиональные форумы, например, конференции Ассоциации учителей Фиджи [7]. Материалы газеты «Ньюс фром Фиджи» подтверждают, что колониальные власти проявляли заботу о развитии системы образования, открывали на островах новые школы.

Колониальная пресса может многое рассказать нам и об образе жизни проживавших на Фиджи британцев. В середине XX в. на островах имелись все основные атрибуты классического британского колониального общества. Многие из местных британцев вели ту же жизнь, что и их товарищи в Индии и африканских колониях. В Суве существовал яхт-клуб, в котором было около 400 членов. В конце 1940-х гг. Коммодором Генерального комитета клуба значился капитан Дж. Маллинс. Вполне возможно, что многие из любителей яхтинга были одновременно и членами сборной Сувы по крикету, которая участвовала в местных соревнованиях, играя с командами соседних островов (в начале 1949 г., например, местные болельщики жили в предвкушении матча с островом Левука). Но все это были, конечно, преимущественно развлечения для джентльменов. Что же касается дам, то им тоже было чем заняться в столице британского Фиджи. Двери им открывал местный Клуб искусств, который проводил выставки работ художников, преимущественно из числа таких же британцев-«колониалов». Так, в 1949 г. здесь прошел показ работ Ч. Макфи, 12 лет прожившего на островах Самоа. Если у местных джентльменов появлялась возможность провести вечер с дамами, то одним из прекрасных вариантов был, конечно же, кинотеатр. В 1940-е гг. «искусство XX века» уже дошло до островов Фиджи. Как показывает анализ киноафиш, публиковавшихся на страницах газеты «Оушеания Дейли Ньюс», западный кинематограф предлагал жившим на Фиджи британцам просмотр таких лент, как «Одинокий техасский рейнджер», «Фиеста» и т.д. [13]. Тем же из британцев, кто вынужден был большую часть времени проводить дома или кому наскучило светское общество, оставалось слушать радио. К тому времени оно уже было во многих домах «колониалов». Коротая время за традиционным чаем, можно было послушать новости BBC, выступления популярных тогда оркестров под управлением Эла Гудмэна, Роберто Инглиса и др.

Однако, бесспорно, мысли проживавших на Фиджи британцев были заняты в те годы отнюдь не только яхтингом и крикетом. Они лучше всех чувствовали, что

острова Фиджи отнюдь не являлись «раем на Земле». На страницах «Оушеания Дейли Ньюс» было опубликовано заключение прошедшего в Новой Зеландии в 1949 г. Тихоокеанского научного конгресса, оценившего состояние экономики Фиджи как «почти стагнирующее» [6]. Известно, что события Второй мировой войны привели к существенному сокращению объемов британско-фиджийской торговли. Как отмечала Н. Б. Лебедева, «замерла деловая жизнь... И в первое послевоенное десятилетие хозяйство колонии продолжало переживать ряд экономических и финансовых трудностей, связанных со структурной неравномерностью развития» и рядом других факторов [1, с. 59].

Очевидно, одним из источников пополнения казны мыслилось развитие въездного туризма. Неслучаен тот факт, что к началу 1949 г. вышел в свет новый туристический буклет, описывавший красоты островов Фиджи. Информация о выходе этого издания сразу попала на страницы «Оушеания Дейли Ньюс». При этом колониальные власти прекрасно понимали, что необходимы серьезные инвестиции в туристическую инфраструктуру, строительство новых отелей, оборудование комфортабельных пляжей и т.д. Руководство колонии приняло специальную программу, в рамках которой предполагалось к концу 1950-х гг. существенно улучшить состояние дорожной сети на островах. Эти проблемы часто обсуждались местной общественностью (прежде всего, конечно, жившими на островах британцами), материалы такого рода нередко появлялись на страницах «Ньюс фром Фиджи» [22]. В целом, как показывают публикации данной газеты, жизнь «колониапов» становилась все более комфортной, они пользовались благами цивилизации. Фиджи не были изолированы от остального мира: уже во второй половине 1950-х гг. население островов могло позвонить в Бельгию, Францию, ФРГ и многие другие европейские страны по телефону.

Вместе с тем кризисные тенденции в развитии экономики Фиджи не могли не вызывать беспокойство у верхушки местного колониального общества. В частности, как свидетельствуют материалы газеты «Ньюс фром Фиджи», весьма неприятная ситуация сложилась во второй половине 1950-х гг. в сахарной промышленности, одной из ключевых для Фиджи. Известно, что уже в конце 1956 – начале 1957 г. было принято решение о закрытии вследствие убыточности предприятия по производству сахара в Наусори (остров Вити-Леву, к северо-востоку от Сувы) [10]. Сложным было положение и других предприятий этой отрасли на Фиджи, что вызывало социальные конфликты: известно, что в июле 1957 г. на островах бастовали многие рабочие сахарных фабрик [8].

Совершенно очевидно, что негативные процессы в одной из ключевых отраслей хозяйства колонии не могли не отражаться на финансовом положении Фиджи. Газета «Ньюс фром Фиджи» не скрывала того, что в этой сфере далеко не все обстояло благополучно. В частности, она откровенно писала о том, что бюджет 1956 г. был сведен с существенным дефицитом, Фиджи имели пятимиллионное отрицательное сальдо внешнеторгового баланса [11].

Являлась ли причиной этой ситуации политика британских колонизаторов? Как свидетельствуют источники, британцы пытались развивать экономику островов, прежде всего, используя их природные богатства. Так, в 1950-е гг. на Фиджи

появляется все больше банановых плантаций. Колониальное сельскохозяйственное ведомство не раз заявляло на страницах газеты «Ньюс фром Фиджи» о возрождении ранее существовавших на островах производств, а также об открытии новых. Так, например, событием стало известие о том, что в 1957 г. с острова Ватулеле ушло первое судно, груженное бананами [12].

Однако британцы (которых в советское время нередко упрекали в насаждении в колониях монокультурного хозяйства) прекрасно понимали: банановые плантации не смогут решить все проблемы Фиджи. Они пытались открывать на островах сельскохозяйственные предприятия различной направленности (в частности, начать местное производство говядины). В 1950-е гг. предпринимаются попытки создания на островах производств в сфере легкой промышленности. В частности, в Суве в 1957 г. была открыта фабрика по изготовлению одежды.

Следует подчеркнуть, что колониальная пресса, ориентированная, бесспорно, прежде всего, на местных британцев, не замалчивала те проблемы, которые стояли перед Фиджи. Очевидно, редакции газет прекрасно понимали, что от решения этих проблем во многом будет зависеть будущее того хрупкого и прекрасного мира, в котором жили на островах европейцы. Так газета откровенно писала о тяжелой ситуации в местном здравоохранении: с тревогой отмечалось, что только 39% фиджийских детей в конце 1940-х гг. были признаны здоровыми [14].

Многие проблемы, в соответствии с принятой британцами системой местного управления, должны были решать муниципальные власти. Именно поэтому в 1949 г. столь большое внимание уделялось первым за 17 лет выборам в муниципалитет Сувы. На предыдущих выборах, в 1932 г., главным вопросом, который создавал «повестку дня» избирательной кампании, было открытие в районе Тавау на острове Вити-Леву месторождений золота. Это событие сразу привлекло в страну множество искателей легкой наживы, которые, однако, вскоре были разочарованы, узнав, что месторождения на Фиджи оказались весьма ограниченными по запасам драгоценного металла.

В 1949 г. центральным пунктом всех дебатов на муниципальных выборах стал проект строительства аэропорта. Совершенно очевидно, что в случае реализации этой идеи сложились бы гораздо более благоприятные условия для привлечения на Фиджи иностранных туристов, однако, у данной идеи в Суве было и немало противников. В местных клубах, в домах европейцев разворачивались горячие дискуссии о том, нужен ли «столице» Фиджи новый аэропорт. Многих пугала близость к городу взлетов и посадок самолетов, шум авиационных двигателей, выхлопные газы, которые нарушили бы тишину и уют этих райских мест. Однако, как известно, Фиджи стал, по меткому выражению Н. Б. Лебедевой, настоящим «перекрестком Океании», центром как международных, так и тихоокеанских воздушных путей. Через острова архипелага прошли авиатрассы, соединяющие Австралию и Новую Зеландию с государствами Северной Америки и Юго-Восточной Азии.

Дебаты вокруг строительства аэропорта создавали весьма беспокойную атмосферу предвыборной кампании, однако газета «Оушеания Дейли Ньюс» подчеркивала, что городское общество должно было сплотиться вокруг нового му-

ниципального органа, который без общественной поддержки не смог бы эффективно работать. Борясь с опасностью абсентеизма, газета писала: «Значение этих выборов не может быть поставлено под сомнение» [21].

В самой Суве было немало проблем, которые видели местные жители. Многим, например, не нравились строившиеся британским правительством новые бунгало, архитекторы которых не учитывали жаркий климат Фиджи: дома имели большие проблемы с вентиляцией [9].

Однако, гораздо тревожнее, чем бунгало, для многих было осознавать всю остроту расовых проблем на Фиджи. После Второй мировой войны, как известно, весь колониальный мир пришел в движение, и одним из катализаторов этого процесса были этнические конфликты. Об этом хорошо знали и на далеких от основных центров антиколониальной борьбы островах Фиджи. Рассказывая о «расовой войне» в Южной Африке, «Оушеания Дейли Ньюс» с тревогой писала, что эта проблема актуальна и для Фиджи. В этой ситуации только «подлинное сотрудничество рас» могло спасти острова, полагали публицисты газеты [18].

Как уже не раз отмечали российские историки, весьма значительной на Фиджи в XX в. являлась (и является) индийская община. Именно ее представители ярко олицетворяют связь островов Фиджи с цивилизационным ареалом Востока. Индийцы были завезены на острова в качестве рабочих на плантациях сахарного тростника. После истечения сроков контрактов часть индийцев уехала домой, однако многие остались на Фиджи уже в качестве фермеров. Советские исследователи подчеркивали, что именно индийские фермеры-производители сахарного тростника стали инициаторами первой забастовки на островах в 1921 г. В 1937 г. ими же был создан первый профсоюз, который в 1940–1950-е гг. не раз становился организатором стачечного движения [3, с. 32]. К концу 1950-х гг. 90% фермеров, занимавшихся на Фиджи выращиванием сахарного тростника, были индийцами. К середине XX в. индийская община численно доминировала на Фиджи. Прошедшая в 1956 г. перепись населения показала, что доля индийцев составляла 49% населения Фиджи 43% жителей были фиджийцами) [4, с. 69]. Постепенно внутри индийской общины перестала функционировать кастовая система: оказавшись в одинаковых жизненных условиях, представители различных каст сближались по своему социальному статусу. Многие индийцы со временем получили образование, стали преуспевающими адвокатами, врачами, учителями. Кроме того, в 1920-е гг. на Фиджи приехала большая группа выходцев из индийского штата Гуджарат, принадлежавших к касте торговцев. Многие из них постепенно вошли в состав экономической элиты островов.

Именно поэтому неслучаен тот факт, что индийской общине колониальные власти уделяли серьезное внимание. В 1949 г. на Фиджи начались экспериментальные трансляции передач радио «All India» на хинди [15], а в газете «Оушеания Дейли Ньюс» в отдельных номерах появились целые хиндоязычные полосы. Материалы колониальной прессы показывают, что британцы открывали на островах и специальные индийские школы [11]. В то же время, как отмечали ведущие российские исследователи (прежде всего Н. Б. Лебедева и С. Е. Пале), политика метрополии была направлена на сохранение доминирующего положения фиджийского насе-

ления по сравнению с индийской общиной, что закладывало основы для будущих этнополитических конфликтов.

События в Индии занимали одно из первых мест на страницах колониальной прессы 1940–1950-х гг. Осознавая значимость индийской общины на Фиджи, газета «Оушеания Дейли Ньюс» избегала критических оценок деятельности ИНК, отмечая, что Дж. Неру стремился сделать свою страну сильнейшей в Азии [17]. Вместе с тем большинство статей газеты, посвященных международной тематике, носили антикоммунистический характер. В набиравшей силу холодной войне проживавшие на Фиджи британцы, бесспорно, находились на стороне «западного блока». Их газеты настойчиво подчеркивали стремление Советского Союза сделать страны Европы своими сателлитами [19], указывали на разногласия в социалистическом «лагере» (прежде всего на конфликт Сталина и Тито) [20].

Как полагали публицисты «Оушеания Дейли Ньюс», в Восточной Европе Москва пыталась играть, прежде всего, на «многовековом страхе славян перед тевтонами». Особенно активно об этом писал Д. Уилки, совершивший в 1948 г. поездку по странам Европы. Его большая статья была помещена в одном из первых номеров газеты за 1949 г. По мнению автора, на повестке дня в мире стоял вопрос: «Победит ли, в конце концов, коммунизм или частное предпринимательство?». Любопытно, что в данной статье было продемонстрировано весьма неплохое знание ситуации в советском руководстве тех лет. В частности, Д. Уилки уделял особое внимание смерти А. А. Жданова, который «стоял за все, что было непримиримо и некомпромиссно в коммунизме». Однако именно такая политика и вызвала проблемы в отношениях со странами Восточной Европы. «Чехи, как и балканские славяне, – подчеркивал Д. Уилки, – сильные националисты. Хотя их коммунистическое руководство училось в Москве и сильно зависимо от ее линии, они не могут игнорировать местные националистические чувства» [23].

Возникает вопрос о причинах такого интереса на Фиджи к событиям далекой европейской политики. Совершенно очевидно, что они рассматривались проживавшими здесь британцами как один из сюжетов, связанных с «наступлением коммунизма» на западную цивилизацию. Особенно характерна статья, опубликованная 24 января 1949 г., в которой прямо отмечалось, что очень многие в Южнотихоокеанском регионе боятся, что в случае победы КПК в Китае коммунизм придет и в их страны. Народы Тихого океана, отмечала газета, тревожатся, что через Малайский полуостров и Австралию коммунизм придет к ним домой [24]. Это, как прекрасно понимали жившие на островах британцы, будет крушением того тихого уютного мира, в котором они привыкли жить.

Таким образом, как свидетельствуют материалы колониальной прессы, в 1940-е–1950-е гг. жизнь островов в составе Британской империи шла своим чередом. Несмотря на наличие определенных проблем (которые не замалчивались колониальной администрацией), открывались новые школы, строились дороги, на введенных в строй предприятиях появлялись новые рабочие места для местных жителей. В значительной степени это было возможно за счет средств, которые Великобритания инвестировала в развитие островов Фиджи. Британская колониальная администрация в целом стремилась и к тому, чтобы поддерживать

хрупкое равновесие, исторически сложившееся между общинами, которые представляли различные цивилизационно-культурные ареалы. Однако колониальному обществу на островах оставалось существовать уже недолго: в 1970 г. Фиджи получили независимость.

Литература

1. Лебедева Н. Б. Фиджи : история и современность. М. : Наука, 1981. 191 с.
2. Лебедева Н. Б. Фиджи – перекресток Океании. М. : Знание, 1985. 34 с.
3. Независимые государства Океании (особенности становления и развития) / Отв. ред. К. В. Малаховский и В. П. Николаев. М. : Наука, 1984. 214 с.
4. Пале С. Е. Этнополитические конфликты в Океании. М. : Институт востоковедения РАН, 2012. 180 с.
5. Стингл М. Приключения в Океании. М. : Правда, 1989. 592 с.
6. Fiji – almost stagnant // *Oceania Daily News*. Suva, 1949. February 7.
7. Fijian teachers Association // *News from Fiji*. Suva, 1957. January 23.
8. Governor criticizes strike // *News from Fiji*. 1957. July 24.
9. Homes – or somewhat to live // *Oceania Daily News*. 1949. January 28.
10. Nausori mill to close // *News from Fiji*. 1957. January 17.
11. News from Fiji. 1957. March 8.
12. News from Fiji. 1957. May 22.
13. *Oceania Daily News*. 1949. January 5.
14. *Oceania Daily News*. 1949. January 6.
15. *Oceania Daily News*. 1949. January 22.
16. *Oceania Daily News*. 1949. January 22.
17. *Oceania Daily News*. 1949. January 28.
18. Racial war on peace // *Oceania Daily News*. 1949. January 18.
19. A sinister invitation // *Oceania Daily News*. 1949. February 14.
20. Stalin’s olive branch // *Oceania Daily News*. 1949. February 4.
21. Today You must vote // *Oceania Daily News*. 1949. January 8.
22. To develop tourist industry // *News from Fiji*. 1957. July 11.
23. Wilkie D. European war unlikely for five, perhaps even ten years // *Oceania Daily News*. 1949. January 6.
24. Will China get peace? // *Oceania Daily News*. 1949. January 24.

References

- Lebedeva, N. B. (1981). *Fiji: istorija i sovremennost [Fiji: history and modernity]*. M. : Nauka. 191 p.
- Lebedeva, N. B. (1985). *Fiji: perekrestok Okeanii [Fiji: intersection of Oceania]*. M. : Znanie. 34 p.
- Malahovsky, K. V. and Nikolaev, V. P. (1984). *Nezavisimye gosudarstva Okeanii (osobennosti stanovlenija i razvitija) [Independent States in Oceania: special characteristics of becoming and development]*. M. : Nauka. 214 p.
- Pale, S. E. (2012). *Etnopoliticheskie konflikty v Okeanii [Ethnic-political conflicts in Oceania]*. M. : Institut vostokovedenija RAN. 180 p.
- Stingl, M. (1989). *Priklučenija v Okeanii [Adventures in Oceania]*. M. : Pravda. 592 p.
- Fiji – almost stagnant in *Oceania Daily News*. Suva, 1949. February 7.
- Fijian teachers Association in *News from Fiji*. Suva, 1957. January 23.
- Governor criticizes strike in *News from Fiji*. 1957. July 24.
- Homes – or somewhat to live in *Oceania Daily News*. 1949. January 28.
- Nausori mill to close in *News from Fiji*. 1957. January 17.
- News from Fiji. 1957. March 8.
- News from Fiji. 1957. May 22.
- Oceania Daily News*. 1949. January 5.
- Oceania Daily News*. 1949. January 6.
- Oceania Daily News*. 1949. January 22.

Oceania Daily News. 1949. January 22.
Oceania Daily News. 1949. January 28.
Racial war on peace in *Oceania Daily News*. 1949. January 18.
A sinister invitation in *Oceania Daily News*. 1949. February 14.
Stalin's olive branch in *Oceania Daily News*. 1949. February 4.
Today You must vote in *Oceania Daily News*. 1949. January 8.
To develop tourist industry in *News from Fiji*. 1957. July 11.
Wilkie, D. European war unlikely for five, perhaps even ten years in *Oceania Daily News*. 1949.
January 6.
Will China get peace? in *Oceania Daily News*. 1949. January 24.

The article was submitted on 22.03.2018

УДК 94(31) + 316.323.4 + 94(5-11) + 94(519) + 94(520)

Д.А. Суровень

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП КОРЕЙСКОГО ПОХОДА ВОЙСК ЯМАТО 346 ГОДА

Аннотация. В статье проанализированы сведения центральных и местных японских источников о начальной стадии Корейского похода государыни Окинага-тараси-химэ (известной под почетным посмертным именем Дзингū) в южнокорейское государство Силла в 346 году (как это было установлено при сопоставлении материалов японских и корейских хроник и уточнения датировок древнеяпонского циклического календаря по абсолютной хронологии). Указаны причины похода. Приведены материалы источников о начале Корейского похода при выступлении из Центральной Японии; названы сподвижники государыни Окинага-тараси-химэ, принявшие участие в военной операции; выяснено, кем были построены корабли, на которых плыли члены правящей семьи. Прослежен маршрут движения экспедиции из Центрального Хонсю (вдоль южного побережья этого острова) в юго-западную Японию (на Северный Кюсю) и далее – через острова Корейского пролива – в Силла, описаны сохранившиеся в местных источниках сведения о событиях начальной стадии похода. Охарактеризованы сложности, с которыми участники похода столкнулись в обозначенный период, попытки решения этих проблем, в том числе, и путем выполнения религиозных обрядов, направленных на обретение военной удачи в начавшемся военном предприятии. Определяется роль государыни Окинага-тараси-химэ (Дзингū) прежде всего как религиозного руководителя (верховной жрицы) в данном походе. Кратко охарактеризован обряд «усмирения чрева», проведенный беременной государыней при помощи своего приближенного из клана Цумори. Даны сведения местных сказаний о получении идеологической и религиозной поддержки со стороны местного жречества (прежде всего клана Адзуми – родственников правящего дома Ямато по женской линии). Приведены сообщения источников о разведке морских путей в Силла, о начале выдвигания военно-морских сил Ямато из Северного Кюсю через остров Окиносима, а также острова Сига, Ики и Цусима (двумя эскадрами) в сторону Силла, с описанием событий, произошедших на островах при сосредоточении морской армады в Северном Цусима перед броском в Южную Корею.

Ключевые слова: Ямато, Древняя Япония, Древняя Корея, Окинага-тараси-химэ, Дзингū, Силла, Самхан, поход 346 г.

Dmitry A. Surowen

INITIAL STAGE OF THE KOREAN CAMPAIGN BY YAMATO TROOPS IN 346 A.D.

Abstract: In this article, data of the central and local Japanese sources on the initial stage of Korean campaign of the empress Okinaga-tarashi-hime (known under the honourable posthumous name Jingū) into the South Korean state Silla in 346 A.D. (as it has been established by comparison

of materials of the Japanese and Korean chronicles and specifications of the datings of ancient Japanese cyclic calendar on absolute chronology) are analyzed. The campaign reasons are specified. Materials of sources about the beginning of the Korean campaign at departure from Central Japan are given; the associates of empress Okinaga-tarashi-hime who have accepted a participation in this military operation are called; it is found out who has constructed the ships by which members of ruling family floated. The route of the expedition from the Central Honshū (along the southern coast of this island) to southwest Japan (to Northern Kyushu) and further – through islands of the Korea Strait – in Silla is tracked, the data on events of an initial stage of the campaign which have remained in local sources are described. Difficulties which participants of a campaign have faced during this period, attempts of the solution of these problems, including one by performance of the religious practices directed to obtaining military success in the begun military campaign are characterized. The role of empress Okinaga-tarashi-hime (Jingū), first of all, as religious head (Supreme priestess) in this campaign is defined. The ceremony of “suppression of a womb” which is carried out by the pregnant monarchess with help of the confidant from Tsumori clan is briefly characterized. The information of local legends on receiving ideological and religious supports from local hieratic priesthood (first of all, Azumi clan – relatives of the ruling house of Yamato in the female line) is supplied. Reports of sources about scouting of maritime routes in Silla, about the beginning of motion of the Yamato Navy from Northern Kyushu through the Okinoshima island and also Shiga, Iki and Tsushima islands (two squadrons) to Silla, with description of the events which have happened on these islands, for concentration of this sea armada in Northern Tsushima before the attack on South Korea.

Key words: Yamato, Ancient Japan, Ancient Korea, Okinaga-tarashi-hime, Jingū, Silla, Samhan, campaign 346 A.D.

После того, как на основе сопоставления материалов древнеяпонских источников с корейскими хрониками удалось решить проблему точности древнеяпонской хронологии конца царствования государя Тараси-нака-цу хйко (Тюая, 344–346 гг. [испр. хрон.]), умершего в год Корейского похода государыни Окинага-тараси-химэ¹ (Дзингү, 347–389 гг. [испр. хрон.])² в государство Силла, и определить время этого похода японцев в Южную Корею, который в корейских источниках датирован 346 годом [см.: 11, 107–108; 29, 160–167; 35, 8–65; 36, 8–47] стало возможным говорить о реальности событий военной экспедиции в Самхан. Японские исследователи собрали сведения местных источников центральной и юго-западной Японии о событиях начального этапа похода в Силла. Так как этот вопрос слабо исследован в зарубежной и российской исторической науке, существует необходимость сопоставить и проанализировать материалы центральных и местных японских источников о начальном этапе Корейского похода государыни Дзингү 346 года.³

В качестве причины Корейского похода Дзингү исследователи называют стремление правителей Ямато объединить под своей властью не только Северный Кюсю, но и часть территории Кореи, которая традиционно находилась в тесной связи с Японским архипелагом в пределах единой культурно-географической и этнической зон [15, 62–63; 7, 23–24; 3, 110]. Корейская хроника «Самкук саги» в качестве повода для войны 346 года называет отказ правителя Силла – Хыльхэ-вана прислать в 344 году в Японию невесту для наследника [см.: 11, 107]. Это было сильнейшим оскорблением и жесточайшим унижением для японского двора.

¹ Об этом подробнее см.: [29, 160–167].

² Об этом подробнее см.: [31, 1–226; 33, 174–180].

³ Начало темы см. в статьях: [37, 150–167; 34, 38–54; 30, 245–254].

В результате во 2-м месяце 345 года, «ван Вэ» (правитель Японии; можно предполагать, что это был Тōай) прислал письмо о разрыве отношений с Силла. Поэтому государыня Дзингū не просто желала совершить поход в Силла, а была намерена «покарать» Силла (формулировки «Кодзики», «Нихон-сёки», «Сумиёсики» и «фудоки»). В «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» о Силла сказано: «...эта [страна] – враг нам...» [66, 27–28] (Rokugō kaizan nimmon daibosatsu hongī, Jingū). А.Дж. Мардер добавляет еще одну причину похода – наказание Силла за оказанную силласцами помощь восставшим на Кюсю *кумасо* [62, 4]. В результате в 346 году произошло мощное и многочисленное вторжение японцев в Силла [11, 107–108], которое удалось отождествить с Корейским походом государыни Дзингū в Самхан [см.: 31, 118–121; 29, 160–167; 35, 27–30.] (Самкук саги, летописи Силла, Хьльхэ, 35-й, 36-й, 37-й годы пр. [344, 345, 346 гг.]).

Акима Тосио полагал, что участие в походе вместе с государыней Окинага-тараси-химэ военачальника из рода Вани – Нанива-нэко Такэ-фуру-кума было началом установления полного контроля государевой семьи над маршрутом, проходившим по Внутреннему японскому морю до Кюсю [см.: 61, 142]. Завершив приготовления в Центральной Японии [см.: 37, 150–167; 34, 38–54] (как можно судить по материалам «Харима-фудоки»), сев на корабли (видимо, в Нанива), участники Корейского похода отправились из Кинай на Кюсю. «Харима-фудоки» сохранили описание процессии отбытия участников Корейского похода из Центральной Японии (отсутствующее в других источниках). По сведениям источника, «...когда царица *Окинага-тараси-химэ* задумала покорить страну Силла...», женщине-наместнице (*куни-но мияцуко*) по имени Ивасака-химэ (др.-яп. Ипасака-пимэ), управлявшей владением Акаси-но *куни*⁴, и, одновременно – жрице богини [6, 213, п. 3] Нихоцу-химэ (Нибуцу-химэ)⁵ было откровение: «...Страна, ширину которой не измерить даже предлинным копьем из дерева *хихира*, страна, где девы длиннобровы, страна, где блистают *тамакусигэ* (ящички для туалетных принадлежностей с драгоценностями⁶ – С. Д.), страна, где драгоценны даже головные валики *комамакура*⁷, страна (Сираги – С. Д.), белая (яп. *сира* – С. Д.) как одежда *такубусума*⁸,

⁴ Владение Акаси-но *куни* располагалось в самой юго-восточной части Харима на границе с провинцией Сэццу. В VII веке Акаси-но *куни* стало одним из десяти уездов провинции Харима [6, с. 213, п. 3; 266].

⁵ 丹生都比売神 яп. *Нифуцу-химэ-но ками*, *Нибуцу-химэ-но ками*, *Нихоцу-химэ-но ками*; имя состоит из 丹生 *нифу/нибу* > *нихо* (“порождающая краснозём”) + 都 *цу* (суффикс родительного падежа) + 比売 *химэ* (“знатная женщина”); таким образом, все имя можно перевести как “молодая богиня, порождающая краснозём” [6, с. 212, п. 2]. См.: [56].

⁶ 玉匣 яп. *тамакусигэ*; состоит из 玉 *тама* “драгоценность”, 匣 *кусигэ* “ящичек для туалетных принадлежностей” [6, с. 213, п. 6].

⁷ 苫枕 яп. *комамакура* – досл. “головной валик из травы *комо*”; цилиндрический валик, который подкладывался под шею, чаще женщинами из зажиточных семейств, чтобы не портить сложную причёску. – См.: [6, с. 213, п. 7].

⁸ 白衾 яп. *такубусума* – белая спальная одежда из волокон дерева *таку* (шелковица бумажная); здесь *такубусума* является (как во многих других случаях в древнеяпонских источниках) постоянным эпитетом к морфеме *сира* “белизна”, *сира* ассоциируется с японским названием Силла – *Сираги*. – См.: [6, с. 213, п. 8].

будет покорена при помощи красных волн». Из священного краснозема⁹ сделали красную краску. «Этой (красной – С.Д.) краской выкрасили священные копья и поставили их на носу и на корме царских судов, покрасили борта судов и окрасили одежду воинов, а также, подмешав краску, окрасили морскую воду...»¹⁰ Все это должно было принести удачу походу¹¹ (Фрагмент «Харима-фудоки» Нихоцухимэ из «Сяку-нихонги», кн. 11). Использование краснозема (в связи с оказанием помощи государыне Дзингү со стороны Нибуцу-химэ-но *ками*) упоминается в сказаниях святилища Хинэ-дзиндзя, где в храме Нибу-дзиндзя (Ноно-но *мия*) почиталась Нибуцу-химэ (она же – Вака-химэ-но *микото*) [56]. В некоторых песнях «Манъёсю», в комментариях, указывается, что правительственные корабли, отправлявшиеся на материк, окрашивались в красный цвет – по-видимому, в надежде оградить их от злых сил, крушений, желая их благополучного прибытия к цели, потому что путь на материк, судя по песням «Манъёсю», считался очень опасным. Однако из стихов поэтической антологии известно, что не только правительственные корабли, но и ладьи других людей, уходивших в опасное плавание, часто бывали выкрашены в красный цвет. До сих пор в Японии существует народное поверье, что красный цвет предохраняет от злых сил, бед, несчастий, болезней. Это связано, по-видимому, с земледельческой магией: красный цвет – цвет солнца, а солнце приносит урожай, благополучие. Отсюда и вера в красный цвет как цвет, охраняющий от бед и приносящий счастье. Именно поэтому красная ладья имела волшебные свойства: она должна была помочь преодолеть препятствия, избежать злых сил [16, 621, п. 3299]. Кроме того, челны обмазывались красной глиной для прочности [16, 621, п. 3300].

С этой же целью (обеспечить удачу) статуя корейского бога мореплавания (у корейских переселенцев в Идзумо) *Идатэ* (кор. *Итхэтэ*)¹² стояла «...на носу корабля царицы Окинага-тараси-химэ, когда она переплывала море,

⁹ Слово *ни* записано в одном случае иероглифами 赤土 *акато* “красная земля”, “краснозём”, в другом 丹 “киноварь”; переводчики полагают, что здесь речь идет о красной охре (*гематите*) или красной глине, являющихся естественными красками. – См.: [6, с. 212–213, п. 2; 56].

¹⁰ Цит. по: [6, 110]; 爾保都比賣命御教: 「播磨國風土記 曰: 息長帶日女命 [神功皇后 也]、欲平^レ新羅國、下坐之時、禱^レ於衆神。爾時、國堅大神之子 爾保都比賣命、着^レ國造 石坂比賣命、教曰: 『好治奉^レ我前者、我爾^レ出^レ善驗 而 比比良木、八尋杵根底不附國、越賣、眉引、國、玉匣賀賀益國、苦枕有寶國、白衾新羅國 矣、以丹浪 而 將平伏賜』。如^レ此教賜、於此、出賜^レ赤土。其土 塗天之逆杵、建神舟之艦舳、又 染御舟裳 及 御軍之著衣、又 攪濁^レ海水... (前田家本 『釋日本紀』 卷十一 「便到新羅時隨船胡浪遠速國中」條) [51, с. 149; 53]; ср.: 「釋日本紀、卷十一 (爾保都比賣命)。播磨の國の風土記に曰はく: 息長帶日女命 (おきながたらしひめのみこと)、新羅の國を平(ことむ)けむと欲(おもほ)して下りましし時、衆神に禱(ね)ぎたまひき。爾の時、國堅めましし大神のみ子、爾保都比賣命、國造 石坂比賣命 (いはさかひめのみこと) に著きて、教へたまひしく: 『好く我がみ前を治め奉(まつ)らば、我ここに善き驗を出して、ひひら木の八尋杵根(やひろほこね)底附かぬ國、越賣(をとめ)の眉引きの國、玉匣(たまくしげ)かがやく國、苦枕(こまくら)寶ある國、白衾(たくぶすま)新羅の國を、丹浪(に)ちて平伏(ことむ)け賜ひなむ』と、此く教へ賜ひて、ここに赤土(あかに)を出し賜ひき。其の土を天の逆杵に塗りて、神舟の艦舳に建て、又、御舟の裳(すそ)と御軍(みいくさ)の着衣(きもの)とを染(し)め、又、海水(うしほ)を攪き濁して...」 [52].

¹¹ Очевидно, красному цвету приписывалась магическая сила, которая переходила и на предметы, окрашенные в красный цвет [6, с. 213, п. 9].

¹² [6, с. 185, п. 17]. 伊太代之神 яп. *Идатэ-но ками*, кор. *Итхэтэ-чи син* – корейский бог мореплавания.

чтобы усмирить страну *Кара*»¹³ [кор. Хан – Южную Корею] (Харима-фудоки, уезд Сикама, село Идатэ). О том, что на носу корабля государыни Дзингү было божество *ми-фунэ-но маэ Идатэ-но kami* (досл. “божество Идатэ впереди государева корабля”)¹⁴, которому совершали религиозные обряды на флагманском корабле, говорится в сказаниях храма Хинэ-дзиндзя (в местности Хинэ-но города Сано-си района Идзуми округа Осака). Полагают, что под Идатэ-но *kami* мог подразумеваться *И-такэру-но микото* [56] (*Исо-такэру*, сын Сусаноо, который, по легенде, вместе с отцом побывал в стране Сираги – в местности Сосимори [см.: 21, с. 143]). Из «Сумиёси-ки» известно, что государыня плыла на одном из трех кораблей, построенных членами рода Фунаки под руководством *О-тата-но микото* и его сына *Каму-тата-но микото*¹⁵: «... Изначально [первым] сделанный корабль – [стал судном, на котором] поплыла государыня (*кōгō*) вместе с *О-мива-но ами* Яхара (др.-яп. *Опо-мива-но ами* Япара)».¹⁶ Вторым в процессии шел корабль, также сделанный членами рода Фунаки во главе с *О-тата-но микото* и *Каму-тата-но микото*. Следует обратить внимание, что и внутри данный корабль был выкрашен в красный цвет, видимо, также для удачи. «На следующем – вторым (“среднем”), с красным нутром, сделанном корабле плыли наследные принцы (яп. *хи-мико-ра* – досл. “государевы сыновья, [наследующие] солнцу”)¹⁷»¹⁸. Далее плыл корабль с членами рода правителей Ямато и самими кораблестроителями *О-тата-но микото* и *Каму-тата-но микото*. «На следующем – последним сделанном корабле (остальные) государевы дети (*мико*) вместе с *О-тата-но микото*, *Каму-тата-но микото* совместно плыли. [Так, на кораблях] переправившись по морю, отправились в поход (яп. *уцу*) [против Силла]...»¹⁹ (*Сумиёси-ки*, *Фунаки-ра-но хонки*). Кроме того, известно, что еще один корабль, участвовавший в походе против Силла, был построен младшим членом рода Фунаки (основателем рода *Фунаки-но мурадзи*) – *Умаро* (или *Ума*). В разделе «Сумиёси-ки» о владениях в уезде Камо провинции Харима сообщается: «И в поколение царствования государыни *Окинага-тараси-химэ-но кōгō* в местность [с владениями клана Фунаки] имели честь прибыть (яп. *ёритатэмацуру*) к Великому светлому божееству [Сумиёси] (?)... И тогда *Умаро* [вместе с] другими [членами рода Фунаки] преподнес дань государыне (*кōгō*) [*Окинага-тараси-химэ*], построив корабль. Во время похода против государства *Сираги-но куни* (кор. *Силла-кук*), благодаря тому, [что государыне] понравилось, [как] был сделан корабль, [она] изволила определить [*Умаро* и другим людям его клана родовое имя] *Фунаки*

¹³ [6, с. 78]; 「因達里... 右称^レ因達者: 息長帶比壳命 欲平^レ韓国、渡坐之時、御御船前、伊太代之神在^レ於此処。故因神名以為^レ里名。」 [50, с. 27].

¹⁴ 御船前 伊太氏神 яп. *ми-фунэ-но маэ Идатэ-но kami* – досл. “божество Идатэ в перед[ней части] государева корабля” [56].

¹⁵ 「而氣「息帶」長足姫皇后時、誅伏^レ熊襲國、并 新羅國征 時、大田田命、神田田命 伐^レ取^レ己所領山岑樹而造^レ船三艘。」 [27, с. 73–74; 28].

¹⁶ 「本造船者 乘^レ皇后 并大神臣八腹。」 [27, с. 74; 28].

¹⁷ 日御子等 яп. *хи-мико-ра* – досл. “принцы, [наследующие] солнцу” [27, с. 74; 28].

¹⁸ 「次 中腹赤造船者 乘^レ日御子等。」 [27, с. 74; 28].

¹⁹ 「次 末造船 御子等 并 大田田命、神田田命 共 乘渡^レ征。」 [27, с. 74; 28].

(“Корабельный лес”)...»²⁰ (Сумиёси-ки, Харима-но *кун*, уезд Камо, поля местности у горы Хасика-яма²¹). Остальные корабли были построены другими участниками Корейского похода.

По сведениям «Харима-фудоки» и «Кудзи-хонки» можно проследить маршрут движения участников похода. Из Нанива они прибыли к северной границе острова Авадзи. «...Когда царица *Окинагатарасихимэ* направилась в экспедицию в Корею, то далекий предок *обито* Томами [по имени] *Онакацуко* остановил свое судно на ночевку в Ивая²², что в Авадзи. В это время поднялся сильный ветер с дождем, и крестьяне (яп. *хякусэй* – досл. “простой народ”, т.е. общинники²³ – С. Д.) промокли. Тогда *Онакацуко* сделал хижину из камышовых циновок (яп. *тома* – С. Д.). А царица изрекла: “В этом богатство страны”, – так она сказала и, пожаловав [ему] родовое имя (яп. *кабанэ* – С. Д.), соизволила произвести его в *обито* Томами...» [Томами-но *обито* – досл. “глава вязчиков камышовых циновок”]²⁴ (Харима-фудоки, уезд Саё, село Накаугава).

Из северного Авадзи корабли двинулись на запад вдоль южного побережья провинции Харима до земель нынешнего города Химэдзи (преф. Хёго). В устье реки Удзу (нижнее течение реки Иибо²⁵ около современного города Химэдзи) корабли останавливались на ночлег около переправы Усуки. Пристань–переправа Усуки находилась на восточном берегу в устье реки Иибо.²⁶ «Переправа Усуки... когда царица *Отараси-химэ* (сокращенное прижизненное имя Дзингү [см.: 6, с. 252] – С. Д.) собралась в поход для умиротворения Кореи и намеревалась переправиться через море, то остановилась на ночлег в устье реки Удзу».²⁷ Далее сообщается то же самое. «Река Удзу... На этой реке царица *Отарасихимэ* остановила свои суда на ночлег»²⁸ (Харима-фудоки, уезд Иибо, река Удзу; переправа Усуки). Потом (после ночевки) стали переправляться на западный берег – в деревню Ицу (в уезде Иибо провинции Харима), лежащую западнее пристани Усуки (сейчас ее нет, но на территории города Мицу есть местность Ицу, где, видимо, и находилась эта деревня [6, с. 277]). Суда пришлось тащить через вóлок Фунагоси (ок. совр. города

²⁰ 「而氣「息帶」長足姫皇后,御宇,世。<...> 爰^レ宇麻〔呂〕等 貢獻^レ皇后^ニ造船^ヲ。新羅國,征,時、依好 造^レ船、定賜^レ船木...」 [27, с. 71; 28].

²¹ 「播磨國,賀茂郡,椅鹿山,領地,田畠」 [27, с. 71; 28].

²² *Ивая* – досл. “каменное жилище”; пристань на острове Авадзи; сейчас это гавань Ивая на берегу пролива Акаси на северном конце острова Авадзи [6, с. 272].

²³ 百姓 яп. *хякусэй* – арх. простой народ; ср.: 百姓 кит. *бэйсін* – 1) народ; простой народ, рядовой гражданин... [2, II, с. 609].

²⁴ [6, с. 93]; 「苦編首等 遠祖 大仲子、息長帶日売命 度行^レ於 韓國之時、船 宿^レ淡路、石屋之。爾時 風雨 大起、百姓 悉濡。于時 大中子 以苦 作^レ屋。天皇 勅^レ云:『此 為^レ國富』。即 賜^レ姓 為^レ苦編首。』 [50, с. 31].

²⁵ Удзу – река в уезде Иибо провинции Харима; Акимото Китирō и Мацуока Сидзуо полагают, что так назывался нижний участок реки Иибо в месте впадения в нее реки Хаясида (современная река Камикавахара в квартале Амарубэ города Химэдзи) [6, с. 317].

²⁶ Остаточное название – Усуки-хатиман в городе Химэдзи [6, с. 319].

²⁷ [6, 87]; 「宇須伎津、右 所以名^レ宇須伎 者: 大帶日売命 將平^レ韓國、度行之時、御船 宿^レ於 宇頭川之泊...」 [50, с. 29–30].

²⁸ [6, 87]; 「宇頭川... 大帶日売命 宿^レ御船之泊。」 [50, с. 30].

Мицу), так как дул встречный ветер. Для этой цели на основе трудовой обязанности было собрано большое количество общинников. «...Когда же она с этой стоянки стала переправляться в Ицу, вдруг подул встречный ветер, и суда не могли двигаться. Попробовали тащить их волоком, но и это не удалось. Тогда набрали [много] крестьян (яп. *хякусэй* – досл. “простого народа”, т.е. общинников – С. Д.) и перетащили суда. Там была одна женщина, которая послала на эти работы своего любимого сына; он, [торопясь] (*усуку*), упал [и утонул]; поэтому переправу и назвали Усуки...»²⁹ (Харима-фудоки, уезд Иибо, переправа Усуки). Волок находился севернее современного Симмайко (город Мицу), где сохранилось название Фунагоси, начинался недалеко от устья реки Иибо и тянулся до гавани Мицу (провинция Ивами) [6, с. 194, п. 50]. Перетащив суда, участники похода остались на ночлег в гавани Ми (современный город Мицу). «Переправа Ми; здесь царица Окинага-тараси-химэ ставила суда (*мифунэ*) на ночлег, поэтому переправу и называли Мицу»³⁰ (Харима-фудоки, уезд Иибо, переправа Ми). А когда они опять двинулись на запад, то «...кормщики царских судов говорили: “Когда же (*ицука*) мы снова вернемся на землю, которую видим сейчас?”»³¹ (Харима-фудоки, уезд Иибо, переправа Ми; деревня Ицу).

По сведениям “Реестра наместников” («Куни-но мияцүко-хонки») «Кудзи-хонки» (св. 10-й) и «Харима-фудоки» можно предположить, что далее флотилия участников Корейского похода Дзингү двигалась вдоль северного побережья острова Сикоку. Такой вывод можно сделать исходя из того, что наместники (*куни-но мияцүко*) во владениях северного Сикоку были назначены государыней Окинага-тараси-химэ (Дзингү) и ее сыном – государем Хомуда (Одзином), при котором Окинага-тараси-химэ начиная с 347 года [испр. хрон.] была регентом [Кудзи-хонки, св. 10-й, Ава-но *куни-но мияцүко*, Сануки-но *куни-но мияцүко*, Куми-но *куни-но мияцүко*, Оти-но *куни-но мияцүко*, Кадзахая-но *куни-но мияцүко*]. Из «Харима-фудоки» известно, что на момент возвращения государыни Окинага-тараси-химэ из Корейского похода область Сануки на северо-востоке острова Сикоку уже была под властью Ямато, куда эта правительница ездила за камнем в каменоломню Хавака [6, с. 72] (Харима-фудоки, уезд Инами, гора Ихю). Точно известно, что во владение Нума-но *куни* в северо-западном Сикоку наместник был назначен именно государыней Окинага-тараси-химэ (Дзингү). «Нума-но *куни-но мияцүко*.³² В царствование государыни Дзингү [на должность] “управляющего областью” (*куни-но мияцүко*) был определен Вака-мио-но *микото*, потомок

²⁹ Древние фудоки. С. 87; 「自此泊 度行^レ於 伊都之時、忽遭^レ逆風、不得進行。而 從船 越越^レ御船、御船 猶 亦 不得^レ進。乃 追發^レ百姓、令^レ引^レ御船。於是 有^レ一女人 為^レ資上 己之真子。而 墮^レ於江。故 号^レ宇須伎...」 [50, с. 30].

³⁰ [6, с. 88]. *Ми* – пристань в уезде Иибо провинции Харима; сейчас на месте прежней пристани и переправы стоит городок Мицу (префектура Хёго), в котором есть две пристани – Ицу и Ивами. *Мицу* – досл. “священная пристань” [6, с. 292]; 御津 яп. *мицу* также можно перевести как “государева пристань”; 「御津、息長帶日売命 宿^レ御船之泊、故 号^レ御津。」 [50, с. 30].

³¹ [6, с. 87]; 「伊都村、所以称^レ伊都者: 御船水手等 云: 『何時 將到^レ於 此所、見之乎』。故 曰^レ伊都。」 [50, с. 30].

³² В «Вамёсё» назван уезд (*кōри*) Нума провинции Иё (和名抄 云: 伊豫國 野間郡) [38, с. 423, прим. к Нума-но *куни-но мияцүко*].

в третьем поколении [т.е. правнук] Аки-хая-тама-но *микото* (др.-яп. Аки-пая-тама), [являвшегося] также предком Аки-но *куни-но мияцуюко*»³³ (Кудзи-хонки, св. 10-й, Нума-но *куни-но мияцуюко*). Из «Кудзи-хонки» же известно, что Аки-хая-тама был назначен наместником (*куни-но мияцуюко*) области Аки-но *куни* еще в период административно-территориальных реформ Кэйкō–Сэйму [ок. 341 года испр. хрон.]³⁴ (Кудзи-хонки, св. 10-й, Аки-но *куни-но мияцуюко*). Материалы «Реестра наместников» «Кудзи-хонки» могли отражать процесс перехода местных правителей под власть государыни Окинага-тараси-химэ при объезде данных территорий новой повелительницей.

По дороге на остров Кюсю флотилия участников похода, видимо, сделала традиционную остановку в Суо – скорее всего, в бухте Саба-цу (ныне город Хōфу в западном Хонсю [6, с. 304]), где всегда останавливались правители Ямато в путешествии в западную Японию (как это было в Западном походе государя Ōтараси-хико). Наместник Суо-но *куни* также был назначен сюда правителем Хомуда (Ōдзином) (Кудзи-хонки, св. 10-й, Суо-но *куни-но мияцуюко*).

Из местных источников Северного Кюсю известно, что в начале похода против Самхана (видимо, по дороге из Суо) государыня Дзингū побывала в местности Курамоти провинции Будзэн в Северном Кюсю (в землях нынешнего городка Саигава-мати уезда Мияко префектуры Фукуока), где на священной горе Курамоти-яма, в Верхнем храме святилища Кутамотияма-дзиндзя она молила трех богов о даровании победы. Исследователи обнаружили на горе сохранившееся до сих пор множество руин зданий и каменной ограды [10]. Здесь же, поблизости – на горе Кагура-яма (местность Инумару в землях нынешнего городка Саигава-мати уезда Мияко префектуры Фукуока) государыня Дзингū молила небесных богов и земных духов о даровании победы [10].

Затем через пролив Симоносэки флотилия прошла к побережью северо-западного Кюсю. В 9-й луне 346 года [испр. хрон.] экспедиция наконец-то добралась до Северного Кюсю (где-то в районе Ито-но *мура* [13, с. 82] в округе Ито-но *агата* провинции Тикудзэн [12, с. 249, п. 7; 21, с. 268; 28]). По прибытии государыни Окинага-тараси-химэ (Дзингū) с ее людьми на Северный Кюсю «было приказано всем владениям (*куни*) собирать корабли (флот) [и] тренироваться [в использовании] оружия и доспехов».³⁶ То же самое повторено в «Дай-нихон-си»³⁷ (Нихон-сэки, св. 9-й, Дзингū, 9-й год пр. Тōая, 9-я луна; Сумиэси-ки, Дзингū, 9-й год пр.

³³ 「怒麻國造。神功皇后、御代、阿岐國造、同祖 飽速玉命、三世孫 若彌尾命、定賜^レ國造。」 [38, с. 423]; ср.: 「怒麻國造 (ぬまのくにのみやつこ)。神功皇后の御代に、阿[岐]國造と同祖 飽速玉命の三世孫の若彌尾命(わかみおのみこと)を國造に定められました。」 [39].

³⁴ О реформах подробнее см.: [32, с. 10–39].

³⁵ 「阿岐國造。志賀、高穴穗朝、<...> 飽速玉命、定賜^レ國造。」 [38, с. 420]; ср.: 「阿岐國造(あきのくにのみやつこ)。志賀高穴穗朝の御世に、<...> 飽速玉命(あきはやたまのみこと)を國造に定められました。」 [39]. В «Вамёсё» названа деревня, или волость (*сато*), Аки в уезде (*кōри*) Аки провинции Аки (和名抄云: 安藝國、安藝郡、安藝郷) [38, с. 420, прим. к Аки-но *куни-но мияцуюко*].

³⁶ 「令^レ諸國集^レ船舶、練^レ兵甲。」 [20, с. 245; см.: 21, с. 267; 27, 28; 28; 62, 4].

³⁷ 「九月、令^レ諸國具^レ船舶、練^レ兵甲。」 «В 9-й луне [9-го года царствования Тōая], приказано всем областям подготавливать корабли [и] тренироваться [в использовании] оружия». [4, с. 2а; 5].

Тюая, 9-я луна; Дай-нихон-си, св. 232-й, *рэцу-дэн*, раздел 159-й, *сёбан*, часть 1-я, Сираги, верхний раздел, Тюай, 9-й год пр., 9-я луна).

Из местных сказаний известно, что мачтовый (*хобасира*) лес для кораблей, участвовавших в походе против Силла, стали рубить и доставлять с горы, с вершины которой открывался вид на дорогу в Северный Кюсю, равнину Онга и море Гэнкай. В результате эта гора получила название *Хобасира-яма* (досл. “Мачтовая гора”; находится в местности Итиносэ западного района Яхата города Кйтакюсю преф. Фукуока) [25]. По сообщению «Хатиман гудокун» (нач. XIV в.), государыня построила тогда 48 кораблей.³⁸

Пока шло формирование флота и войска (ополчения общинников в том числе), выявились определенные проблемы. «В те времена собрать солдат (яп. *гунсоцу* – воинов, пеших ратников³⁹ – С. Д.) было нелегко».⁴⁰ Что значит “нелегко” – объясняется в сохранившемся фрагменте «Тикудзэн-фудоки»: «[Когда] Окинага-тараси-химэ-но *микото* пожелала покарать Сираги (кор. Силла)... бойцы (др.-яп. *икўса*, яп. *гунси*⁴¹) в пути разбегались и терялись...»⁴² (Тикудзэн-фудоки, фрагмент “*О-Мива-но ками*” из св. 11-го «Сяку-нихонги»).

Поэтому «Окинага-тараси-химэ-но *микото*... [решила] навести порядок в войсках (др.-яп. *икўса*, яп. *гунси*⁴³ – досл. “среди бойцов”)... [Стали] спрашивать гаданием причину этого [бегства воинов]. И тогда был бог, навлекший [эту] беду, по имени звался бог *О-Мива-но ками*. Потому-то возвели этому божеству святилище...»⁴⁴ (Тикудзэн-фудоки, фрагмент “*О-Мива-но ками*” из св. 11-го «Сяку-нихонги»). Как рассказывается в местных источниках, чтобы помочь этой беде, Дзингү решила ублажить великого бога *О-мива* – *О-намути* и приказала построить храм *О-мива* (др.-яп. *Опо-мива*), поднесла в дар божеству меч и копье. Ныне это святилище *О-намути-дзиндзя*, называемое также храмом *О-мива-дзиндзя*, местные жители говорят “[святилище] *Онга-сама*”. Оно находится в местности *Иянага* городка *Мива-мати* уезда *Асакура* префектуры *Фукуока* [25].

³⁸ 「皇后は48艘の船をお造りになった。」[8]; 「四十八艘」*«48 кораблей»*. – См.: [54, 450].

³⁹ 軍卒 яп. *гунсоцу* – *ист.* солдат, рядовой [60, с. 123]; 軍 яп. *гун*, кит. *цзюнь* – *суц.* 1) рать, войско; войска, армия; военный, воинский... [2, II, с. 915; см.: 60, с. 122]; 卒 яп. *соцу*, кит. *цзү* – *суц.* 1) солдат, воин; пеший ратник... [2, II, с. 816; см.: 60, с. 545].

⁴⁰ [21, 267]; 「時軍卒難集。」[20, 245]; 「軍卒難集。」[27, 28; 28].

⁴¹ 軍士 др.-яп. *икўса*, яп. *гунси*, кит. *цзюнь-ши* – 1) *воен.*... младший командный состав; 2) *уст.* солдат; боец [2, II, с. 915].

⁴² 「大三輪神社 [甲類] 『筑前國風土記 曰: 氣長足姫尊 欲伐 新羅... 軍士、發行之間、道中 遁亡。』(前田家本『釋日本紀』卷十一「立大三輪社以奉刀矛」條) [46, с. 195; 48]; 「釋日本紀 卷十一(大三輪神): 『筑前の國の風土記に曰はく、氣長足姫尊、新羅を伐たむと欲して、軍士(いくさ)を整理(ととの)へて發行(いでた)たしし間(ほど)に、道中(みちなか)に遁(に)げ亡(う)せき。』」 [47; см.: 46, с. 195].

⁴³ 軍士 др.-яп. *икўса*, яп. *гунси*, кит. *цзюнь-ши* – см. выше.

⁴⁴ 「大三輪神社 [甲類] 『筑前國風土記 曰: 氣長足姫尊... 整理^レ軍士... 占求^レ其由。即 有^レ崇神、名曰^レ大三輪神。所以、樹^レ此神社...』(前田家本『釋日本紀』卷十一「立大三輪社以奉刀矛」條) [46, с. 195; 48]; 「釋日本紀 卷十一(大三輪神): 『筑前の國の風土記に曰はく、氣長足姫尊、新羅を伐たむと欲して、軍士(いくさ)を整理(ととの)へて... 即ち、崇る神あり、名を大三輪の神と曰ふ。所以(ゆゑ)に此の神の社を樹(た)てて...』」 [47; см.: 46, с. 195].

В результате проблемы с формированием войска разрешились. Из «Нихон-сёки», «Сумиёси-ки» и «Дай-нихон-си» известно, что подготовленное войско Дзингү делилась на “три рати” (кит. *сангун*).⁴⁵

Для уточнения морских путей в Корею (которые люди Ямато не знали, или знали плохо), в “Западное море” были отправлены разведчики из народа *ама*. Первый разведчик Абэ-но *ама* Вомаро доложил, что на западе «никакой страны не видно», второй – Сика-но *ама* Нагуса, пробыв в море несколько дней, доложил: «На северо-западе есть горы. Поперек них протянулся пояс облаков. Видно, все же там есть страна» [21, с. 267; 27, с. 28; 28; 59, с. 175] (Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингү, 9-й год пр. Тёая, 9-я луна; Сумиёси-ки, Дзингү, 9-й год пр. Тёая, 9-я луна). Следует обратить внимание на то, что Абэ-но *ама* Вомаро и Сика-но *ама* Нагуса упомянуты в другом разделе «Сумиёси-ки» как люди, связанные с расширением владений святилища бога Сумиёси [27, с. 46; 28] (Сумиёси-ки, Ямагава хё-ёри хонки [“Основные записи о подношениях и посылках”], Абэ-но *ама* Вомаро и Сика-но *ама* Нагуса).

В «Синсэн-сёдзи-року» рассказана одна очень интересная история, упущенная в «Нихон-секи». Из нее следует, что государыня Окинага-тараси-химэ (Дзингү), когда она еще находилась на острове Кюсю во дворце Касихи-но *мия* округа На-но *агата* [в 346 году испр. хрон.], послала в море для выяснения ситуации еще одного человека – потомка Тоёки-ири-хйко (сына государя Мимаки) по имени Уцу-сико-но *кими* (др.-яп. Уту-сико-но *кими*). Как следует из сообщения источника, Уцу-сико-но *кими*, видимо, побывал в Южной Корее (“стране Кара”), откуда с ним прибыли корейцы из рода, получившего в Японии название Со-но *ами* (досл. “главы посланцев” Со) из [страны] Кара (Южной Кореи) [яп. Кара Со-но *ами*]. За это деяние Уцу-сико-но *кими* получил наследственное звание (*кабанэ*) – Кара-ятабэ-но *мияцукэ* (досл. “управляющий корпорацией Ятабэ из [страны] Кара [Южной Кореи]”). «Кара-ятабэ-но *мияцукэ*... Потомки [принца] Тоеки-ири-хйко-но *микото*. [У его] потомка в третьем поколении [по имени] Мимори-вакэ-но *микото* [был] внук, [которого звали] Уцу-сико-но *кими* (др.-яп. Уту-сико-но *кими*). [Уцу-сико-но *кими*], во время царствования во дворце Касихи-но *мия* на Цукуси [государыни] Окинага-тараси-химэ (посмертное почетное имя – Дзингү), в море было нечто. Уцу-сико-но *кими* был послан для того, чтобы посмотреть [что это такое]. В день, когда [он] возвратился и доложил государыне [о сделанном], [он] пришел на аудиенцию⁴⁶ [к Окинага-тараси-химэ] во главе членов рода Со-но *ами* (досл. “главы посланцев” Со) из [страны] Кара (Южной Кореи) [яп. Кара Со-но *ами*]. По этой то причине [ему] было даровано наследственное звание (*кабанэ*), [которое] называлось Кара-ятабэ-но *мияцукэ*.

⁴⁵ 三軍 др.-яп. *митаморо-но икуса*; яп. *сангун* – досл. “три рати” [20, с. 246; 27, с. 28; 4, с. 2а]. В Китае армию “три рати”, численностью в 37,5 тысяч человек имели большие князья. Этот термин с указанным значением перешел из Китая в Японию, но слово *сангун* для обозначения войсковых единиц, помимо заимствованного значения, получило еще и новое значение в зависимости от чисто японской войсковой организации. Термин *сангун* в Японии был термином не мирного, а военного времени. [17, с. 18].

⁴⁶ 参来 др.-яп. *мавикикэри*; где 参 кит. *цань* – гл... 2) наносить визит; посещать (*кого-л.*); являться на аудиенцию к (*кому-л.*); представляться... [2, III, с. 376].

В Нихон-[сё]ки» [рассказ об этом событии] пропущен»⁴⁷ (Синсэн-сёдзи-року, св. 8-й, [255] Кара-ятабэ-но *миацуко*).

Когда все приготовления были завершены, гаданием определили благоприятный день для похода [21, с. 268; 27, с. 28; 28]. В «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» сообщено: «Ей [государыне], после завершения приготовлений, подарили доспехи. Когда она появилась [в] своих отполированных доспехах и [с] завязанным шнуром шлема, она стояла в семь *сяку*⁴⁸ ростом, и была заметна красота ее тела с серебристым оттенком; ее красота сияла [вокруг], как приличествует главе [японского] народа...» [66, с. 28] (Rokugō kaizan nimmon daibosatsu hongī, Jīngū). Таким образом, переодевание в мужскую одежду [см.: 62, 4] и боевой доспех должно было символизировать превращение государыни Окинага-тараси-химэ в правителя государства. Окинага-тараси-химэ «самолично, схватившись за боевой топорик, повелела *трем* своим *воинствам*: “Если золотые барабаны бьют не в такт и стяги стоят не по порядку, воины тоже не будут в готовности. Если стремиться лишь к тому, чтобы овладеть сокровищами, если алчность чрезмерна, если жалеть себя и думать лишь о себе самом, то непременно попадешь в руки врага. Не надо презирать и недооценивать врагов, даже если они малочисленны. И не надо склоняться перед ними, даже если они сильны. Не прощайте тех, кто насильничает над женщинами. Не убивайте того, кто сдастся сам. Если мы одержим победу, всех ждет награда. Если же кто отступит, то сам и будет виноват”» [21, с. 267; 27, с. 28; 28] (Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингū, 9-й год пр. Тюая; 9-я луна; Сумиёси-ки, Дзингū, 9-й год пр. Тюая, 9-я луна). В связи с тем, что Окинага-тараси-химэ, одевшись в боевой доспех, взяла в руки оружие, Акима Тосио обратил внимание на тот факт, что шаманки святылища Уса Хатиман исполняли свои обрядовые функции, нося оружие. По мнению данного исследователя, оружие, возможно, было необходимо для защиты жриц, когда они вступали в контакт с существами из нижнего мира⁴⁹, а также когда они выступали на войну [61, с. 128–129]. Так как древние японцы мало различали нижний мир (*нэ-но кун*) и далекие чужие земли за морями, государыня Дзингū также отправилась через моря, неся оружие с той же целью [см.: 61, с. 129]. Акима Тосио полагает, что Дзингū в Корейском походе также исполняла роль шаманки *ёси*.⁵⁰

⁴⁷ 「撰津国。皇別。韓矢田部造。上毛野朝臣，同祖 豊城入彦命之後也。三世孫 弥母里別命，孫 現古君。氣長足比売 [諡神功。] 筑紫 樞氷宮，御宇之時，海中 有 物。差現古君 遣 見。復奏之日，率 韓蘇 使主等 参来。因 賜 韓矢田部造，姓。日本紀 漏。」 [23, 197]; ср.: 「韓矢田部造 (からやたべのみやつこ)。豊城入彦命 (とよきいりひこのみこと) の後なり。三世孫、弥母里別命 (みもりわけのみこと) の孫、現古君 (うつしこのきみ)、氣長足比売 (おきながのたらしひめ) [諡は神功] 筑紫の樞氷宮 (かしひのみや) に御宇 (あまのしたしろしめ) しし時に、海中に物有り。現古君をつかはして、見しめたまひしに、復奏 (かへりごとまを) す日 (とき) に、韓蘇使主 (からそのおみ) らを率て参来 (まみき) けり。これによりて、韓矢田部造といふ姓を賜ひき。日本紀に漏れたり。」 [24].

⁴⁸ 尺 яп. *сяку* – в период Эдо – 32 см [66, с. 28, п. 23].

⁴⁹ Акима Тосио указывает, что в «Кодзики» и «Нихон-сёки», богиня солнца Аматэрасу-ōмиками оделась как мужчина и вооружилась, чтобы встретить своего младшего брата Сусаноо-но микото, который был богом из *нэ-но кун*. Это действие описано как подготовка к войне против вторгнувшегося захватчика – Сусаноо [61, с. 129].

⁵⁰ [61, 129]. Подробнее о *ёси* см.: [30, с. 248].

Активно поход против Силла поддерживали жрецы культа тройного морского божества Сумиёси (он же тройной морской бог Ватацуми, почитавшийся на Северном Кюсю и островах Цусима [см.: 13, с. 49–50, с. 257–258, с. 243, с. 268; 12, с. 50, 51, 52; 64, с. 27, 31]). Предсказание, провозглашенное оракулом божества, гласило, что “мягкая душа” божества будет охранять тело государыни – «ее долгий век оберегать, а грубая душа станет как копье, что несут впереди войска, и будет указывать воинам путь. Вот, получив наставление божества, государыня вознесла ему моления, а жрецом, совершающим обряды в его честь, назначила Ёсами-но Абики-вотаруми» [21, с. 268; 27, с. 28; 28] (Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингû, 9-й год пр. Тёоя; 9-я луна; Сумиёси-ки, Дзингû, 9-й год пр. Тёоя, 9-я луна). Акима Тосио, проанализировав обряд *Ясосима-мацури*, проводимый жрецами святилища Сумиёси в Нанива, пришел к выводу, что тройное божество Сумиёси в сказании о государыне Дзингû играло очень заметную роль: божество защищало ее корабль [61, с. 144]. По сказаниям святилища Орихата-дзиндзя (где почитаются Великое божество Сумиёси, Великое божество Сига и Такэути-но сукунэ) на военном корабле (видимо, государыни) подняли *красно-белое* боевое знамя, которое было сделано в местности Канэсаки (земли городка Гэнкай-мати уезда Мунэката префектуры Фукуока). Поэтому эти земли, где соткали (*оритта*) знамя, стали называть Орихата (досл. “[там, где] соткали знамя”). Здесь впоследствии было построено святилище Орихата-дзиндзя (упоминаемое в «Энги-сйки») [25].

Из местных источников Северного Кюсю известно, что непосредственно в момент отбытия из Северного Кюсю, государыня Дзингû на горе Миядзидакэ (ныне местность Миядзи городка Цуядзаки-мати уезда Мунаката префектуры Фукуока) совершила обряды богам небес и духам земли [25].

«Сумиёси-ки» добавляют, что (по одному из сказаний)⁵¹ государыню Дзингû сопровождал предок рода Цумори-но сукунэ по имени Тамоми-но сукунэ (сын Ориха-но сукунэ) [см.: 27, с. 29; 28] (Сумиёси-ки, Дзингû, 9-й год пр. Тёоя, 9-я луна; Фунаки-ра-но хонки). Из «Синсэн-сёдзи-року» известно, что: «[Люди клана] Цумори-но сукунэ имеют одинакового предка с [кланом] Овари-но сукунэ. Являются потомками Ё-михи-но сукунэ (др.-яп. Опо-мипи-но сукунэ) – потомка в 8-м поколении Хо-акари-но микото»⁵² (Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й <тэнсон>, [596] Цумори-но сукунэ). Таким образом, жрецы клана Цумори (из святилища Сумиёси) провозглашали свое происхождение от Хо-акари-но микото, о котором в «Нихон-секи» и «Кодзики» сказано, что он – младший брат Хо-но Сусори-но микото (Ходэри-но микото – предка людей *хаято* в южном Кюсю) и Хйко-хохо-дэми-но микото (Хоори-но микото – предка государева рода Ямато).

Генеалогия клана Цумори указывает на близкое родство между ними, хотя прямое происхождение ни от Хоори (Хйко-хохо-дэми) [это бы означало притязания на трон], ни от Ходэри (Хо-но Сусори) [так как люди *хаято* были инородцами для людей Ямато] не обозначено [см.: 61, с. 145]. Тамоми-но сукунэ, участвовав-

⁵¹ 「一云」 [27, с. 29, 73–74; 28].

⁵² (596) 撰津国、神別、天孫：「津守宿禰。尾張宿禰、同祖。火明命、八世孫 大御日足尼之後也。」 [23, с. 256]; 「津守宿禰(つものすくね)。尾張宿禰(おはりのすくね)と同じき祖。火明命(ほあかりのみこと)の八世孫、大御日足尼(おほみひのすくね)の後なり。」 [24].

ший в создании храма божества Сумиёси в Анато, назван в «Нихон-сёки» предком клана Цумори-но *мурадзи* (др.-яп. Тумори-но *мурази*) [21, с. 271] (Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингû, 9-й год пр. Тёая, 12-я луна). Известен также клан Цумори (др.-яп. Тумори – досл. “охранников бухты”), видимо, находившийся под управлением клана Цумори-но *мурадзи* или Цумори-но *сукунэ*⁵³ (Синсэн-сёдзи-року, св. 18-й <тэнсон>, [601] Цумори). Таким образом, кланы Цумори, Цумори-но *сукунэ* и Цумори-но *мурадзи* возводили свое происхождение к первопредку клана Овари-но *мурадзи*. Акима Тосио указывает, что клан Цумори играл важную роль в событиях Корейского похода, так как его люди использовали новые способы кораблевождения (навигации), введенной с континента [61, с. 141].

Этот Тамоми-но *сукунэ* (предок рода Цумори-но *сукунэ* – жрецов храма Сумиёси-тайся), как говорят «Сумиёси-ки», получил свое новое родовое имя – Тэса-но *сукунэ* (*тэса* – досл. “руками потирающий”)⁵⁴ за то, что помог государыне Дзингû [в 9-й луне 346 года испр. хрон.] провести обряд “усмирения чрева” (выбрал камень, потер о юбку государыни и помог его приложить к низу живота, а также произнес заклятие)⁵⁵ (Сумиёси-ки, Дзингû, 9-й год пр. Тёая, 9-я луна). Данный обряд должен был, во-первых доказать, что Дзингû, несмотря на поздние роды, зачала своего будущего сына – принца Хомуда “вовремя” и “от государя Тёая”; а, во-вторых, магический обряд (в преддверии похода против Силла, когда Дзингû находилась на седьмом месяце беременности [3, с. 110]), должен был предотвратить *преждевременные роды* во время военных действий. Возможно, что у Окинага-тараси-химэ в результате пережитого стресса, действительно, начались ранние схватки, которые нужно было прекратить известными тогда средствами. Одним из таких магических средств был обряд “усмирения чрева” при помощи камня (камней).⁵⁶ Магический камень (или камни) в ранней японской магии использовался для того, чтобы отсрочить рождение ребенка [61, с. 116, 116, п. 10]: «И тут настало у государыни время раскрытия чрева. Взяла государыня камень, положила между бедер и стала молиться: “Родись в этой местности, в день моего возвращения после похода!”...» [21, с. 268] (Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингû, 9-й год пр. Тёая, 9-я луна) «А когда это деяние (Корейский поход – С. Д.) еще не было завершено, пришло время явить разрешение от бремени. И вот, чтобы усмирить священное чрево, государыня взяла камень и привязала к бедрам на юбке...» [14, с. 82] (Кодзики, св. 2-й, Тёай). По сообщению «Цукуси-фудоки», это был местный обычай таким магическим действием беременные женщины пытались задерживать роды: «Местные женщины, если внезапно начинались схватки (досл. “беременность [букв. ‘ребенок в животе’] начинал двигаться [наружу]”), то в юбку меж-

⁵³ (601) 摂津国、神別、天孫：「津守。火明命之後也。」[23, с. 256]; ср.: 「津守(つもり)。火明命の後なり。」[24].

⁵⁴ 「故改^レ名手搓宿禰止詔賜。」[28; см.: 27, 29].

⁵⁵ 「于時也、適當皇后之開胎。皇后則取^レ石二枚、挿^レ御裳腰而祈之曰：『事竟還日、産^レ於茲土』、宣賜、事在^レ驗。(一云：田裳見足尼取^レ石、搓^レ御裳、挿^レ御裳腰、祈^レ曰：『産^レ吾廣國、美土賜』。爰脱^レ石落。因『耶波多佐波奈良波佐志』止白。強挾挿支。仍八幡止皇子白。隨斬^レ止、譽田天皇止号申。故改^レ名手搓宿禰止詔賜。)其石今在^レ于伊都縣道側。(一枚長一尺一寸、重卅斤。一枚長一尺一寸、重卅九斤。)[28; 27, с. 28, 29]. Перевод см.: [30, с. 251].

⁵⁶ Подробнее см.: [30, с. 249].

ду бедер вставляють [камень], [чтобы] колдовством (*мадзинаитэ*) оттянуть время [родов]. По-видимому, с этого [все] пошло»⁵⁷ (Цукуси-фудоки, округ Хэцу-но *агата*, равнина Кобу; фрагмент “Поле Уми-но” из св. 11-го «Сяку-нихонги»). О данном магическом обряде с камнем, совершенном Дзингү, есть упоминания в местных источниках центральной и юго-западной Японии [см.: 59, с. 178]: в «Сэццу-фудоки»⁵⁸ (Сэццу-фудоки, фрагмент “Мисаки-но хама – Муко” из ч. 2-й «Хонтё-дзиндзя-кō»); во фрагментах “Каму иси”⁵⁹ и “Кобу иси”⁶⁰ «Тикудзэн-фудоки» (Тикудзэн-фудоки, округ Ито, фрагмент “Каму иси” из «Дадзай-кан най-си»; округ Ито, уезд Кобу, фрагмент “Кобу иси” из св. 11-го «Сяку-нихонги»); во фрагменте “Поле Уми-но” «Цукуси-но куни-но фудоки»⁶¹ (Тикудзэн-фудоки, округ Хэцу-но *агата*, равнина Кобу; фрагмент “Поле Уми-но” из св. 11-го «Сяку-нихонги»). Кроме того, об этом же событии рассказывается в «Касихи-но мия энги»⁶² (Хатиман Уса-но мия го-такүсэн-сү, Касихи-но мия энги, 1-й год *Дзэнки*).

⁵⁷ 芋渚野:「筑紫風土記曰:逸都縣。子饗原。…俗間 婦人、忽然 娠動、裙 腰 插 石。…厭令 延 時。蓋由 此乎。」[46, с. 193, 194];「釋日本紀、卷十一(芋渚野):『筑紫(つくし)の風土記に曰はく、逸都の縣。子饗(こふ)の原。…俗間(よ)の婦人(をみな)、忽然(たちまち)に娠(はらのこ)動けば、裙の腰に石を插(さしはさ)み、厭(まじな)ひて時を延べしむるは、蓋しは此に由るか。』」[47]; см.: [46, с. 194; 61, с. 116].

⁵⁸ 「廣田明神、御前濱・武庫:風土記。…於是、發 軍 伐 三韓。時當 産月、取 石、插 其 腰裳、欲 不 産 也。[林道春(羅山)『本朝神社考』、第二卷、二六丁表 裏「廣田」條] [42]; cp.:「本朝神社考、二(御前濱・武庫):『是に軍を發(おこ)して三韓を伐ちたまふ。時に産月(うみづき)に當れり。石を取りて其の腰裳に插(さしはさ)みて、産まざらむとしたまひき。』」[41]. Перевод см.: [30, с. 248].

⁵⁹ 「太宰管内志(神石):『筑前風土記に、神功皇后、三韓に入らむとしたまふに、時既に産月(うみづき)に臨(のぞ)みき。皇后、み自ら祭主(いはひぬし)と為りて禱(うけ)ひたまひしく、「事竟(を)へて還らむ日、茲土(ここ)に産(ある)べし。」とのりたまひき。時に月の神誨(をし)へて曰りたまひしく、「此の神石を以ちてみ腹を撫(な)べし」とのりたまひき。皇后、乃(すなは)ち神石に依りて腹と心(むね)とを撫でたまふに、み體忽に平安(やす)けかりき。今、其の石、筑前の伊靨(いと)の縣の道の邊にあり。後、雷霹(かむどき)して、神石三段(みきだ)に為りき。』」[47]. Перевод см.: [30, с. 250].

⁶⁰ 兒饗野、兒饗石 [甲類]:「筑前國風土記曰:怡土郡。兒饗野。(在 郡西)。此野之西、有 白石、二顆。(一顆、長一尺二寸、大一尺、重卅一斤。一顆、長一尺一寸、大一尺、重卅九斤)。曩者、氣長足姫尊 欲征伐 新羅、到 於 此村、御身 有 妊、忽當 誕生。登時、取 此二顆石、插 於 御腰、祈曰:『朕 欲定 西塚、來著 此野、所 妊 皇子。若 此神者、凱旋之後、誕生 其可。』…前田家本『釋日本紀』、卷十一、「皇后取石插腰」條 [46, с. 191–192; 48]; cp.:「釋日本紀、卷十一(兒饗石):『筑前の國の風土記に曰はく、怡土の縣。兒饗野(こふ)の郡の西にあり。此の野の西に白き石二顆(いしふたつ)あり。一顆(ひとつ)は片長(なが)さ一尺(さか)二寸(き)、大きさ一尺、重さ卅一斤(はかり)、一顆は長さ一尺一寸、大きさ一尺、重さ卅九斤なり。曩者(もの)、氣長足姫尊、新羅を征伐(う)たむと欲(おも)ほして此の村に到りますに、御身妊(みみはら)ませるが、忽に誕生(みこあ)れまさむとしき。登時(すなは)ち、此の二顆の石を取らして御腰に插(さしはさ)み、祈(うけ)ひたまひしく、「朕(あれ)、西の塚(くに)を定(つた)ひら)げむと欲(おも)ひて此の野に來著(きつ)きぬ、妊める皇子(みこ)。若し此れ神にまさば、凱旋(かちか)りなむ後に誕生(あれ)まさむぞ可からむ」とのりたまひて…』」[45, с. 13; 46, с. 192–193; 47]. Перевод см.: [30, с. 250–251].

⁶¹ 子饗原、芋渚野 [乙類]:「筑紫國風土記曰:逸都縣、子饗原、有 石兩顆。一者、片長一尺二寸、周一尺八寸。一者、長一尺一寸、周一尺八寸。色白而鞭、圓如 磨成。俗傳 云:『息長足比賣命、欲伐 新羅、閱 軍之際、懷娠 漸動。時 取 兩石、插著 裙腰…(前田家本『釋日本紀』、卷十一、「皇后取石插腰」條) [57, с. 14; 58]; cp.:「釋日本紀、卷十一(芋渚野):『筑紫(つくし)の風土記に曰はく、逸都の縣。子饗(こふ)の原。石兩顆(いしふたつ)あり。一は片長(なが)さ一尺(さか)二寸(き)、周(めぐ)り一尺八寸、一は長さ一尺一寸、周(めぐ)り一尺八寸なり。色白くして鞭(かた)く、圓きこと磨き成せるが如し。俗(くに)にひと、傳へて云へらく、息長足比賣命(おきながたらしひめのみこと)、新羅を伐たむと欲(おも)ほして、軍(いくさ)を閱(み)たまひし際(とき)、懷娠(みはらのみこ)、漸に動きき。時に、兩の石を取りて裙(も)の腰に插(はさ)み著(つ)けて…』」[47]; см.: 46, с. 194]. Перевод см.: [30, с. 250].

⁶² 「香椎宮縁起 云、…新羅國 惡賊 癸來 為 日本打取之日、乍奉入 胎之四所君 達、依滿当月之給、取 白石 給 御裳腰 指給、云:『若是石 有 驗、我胎子 今 七日之間 不生 給、我石神 奉祈 誓給…』」[55]. Перевод см.: [30, с. 251].

После того, как приличия по поводу запоздалой беременности были соблюдены, а также была обеспечена магическая защита от преждевременных родов на время Корейского похода – можно было отправляться в поход. Из местных источников Северного Кюсю известно, что в момент начала Корейского похода государыня Дзингû, по желанию оракула тройного божества Кэго-но *мицу-ками* в местности Тэндзин (ныне земли центрального района города Фукуока) – на горе Фукусаки-яма (там обнаружены руины Корокан) совершила обряды тройному божеству Кэго-но *мицу-ками*. Впоследствии здесь было построено святилище Кэго-дзиндзя [26].

Местные сказания передают, что на равнине Ики-но мацу-бара (досл. “Равнина живой сосны”; ныне местность Нижнее Ямато в западном районе города Фукуока) государыня Дзингû гадала о победе, согнув в обратную сторону ветвь сосны, которая осталась живой, что и дало название данной местности. Позднее здесь было построено святилище Ики-дзиндзя [26].

Исследователи указывают на то, что судя по всему, силы Ямато выдвигались к островам Цусима по двум маршрутам. Часть войск выступила к островам Цусима от мыса Цуядзакки местности Миядзи, через остров Окиносима. Археологические исследования на острове Окиносима показывают, что большинство находок, датируемых IV веком – японского происхождения и принадлежат к культуре Ямато. Они имеют большое сходство с вещами из погребального инвентаря, обнаруженного в курганах раннего периода *кофун*. Обряды на острове Окиносима непрерывно продолжали исполнять вплоть до начала IX века, когда были прерваны дипломатические отношения между Японией и Китаем. Акима Тосио подчеркивает, что археологические материалы **подтверждают достоверность** японских, корейских и китайских исторических хроник, которые упоминают японские вторжения в Корею начиная с IV века [61, с. 96, п. 1. См.: 65].

Из местных источников известно, что вторую группировку войск возглавляла сама государыня Окинага-тараси-химэ (Дзингû). Из сообщения «Сумиёси-ки» («Списка святилищ» в заключительном разделе), известно, что выдвижение к побережью Силла началось от побережья у дворца Касихи-но *мия* местности Нака.⁶³ В «Рокугô кайдзан ниммон дайбосацу хонги» очень красочно описано отбытие сил Ямато в поход. «Отъезд на битву был великолепен; придворные в ее [государыни] окружении, даже знатные дамы, сопровождали ее. Часовые *такигути* [дворцовые стражники]⁶⁴ несли свое оружие и охраняли паланкин государыни – и впереди, и позади. Государевы вооруженные силы кишели вокруг нее [государыни Окинага-тараси-химэ] подобно кружащимся облакам...» [66, с. 28].

Эта часть японской армии на кораблях проследовала вдоль побережья Северного Кюсю в западном направлении. Первая остановка была сделана на острове **Ноко-но сима** (в «Сумиёси-ки»: Ного-сима, у западного побережья нынешнего города

⁶³ 「筑前國,那珂郡,往吉荒魂社三前。右社者、擊^レ...新羅國時。」 [27, с. 88; 28].

⁶⁴ 滝口 яп. *такигути* – досл. “верх водопада”. Термин *Такигути*, изначально обозначавший часть сада *Сэйрѳ-дэн* 清涼殿 в императорском дворце, стал применяться к дворцовой страже, которая заняла место для своего пребывания в данной части сада. Это подразделение стражи было создано в царствование императора Уда (889–897), после чего стражники приняли наименование *такигути* как свое собственное название [66, с. 28, п. 24].

Фукуока); где Дзингû останавливалась вкисить пищу (там была «государева кухня»⁶⁵) и совершила очередное моление божеству Сумиёси о даровании победы [26]) [25].

Из сообщения «Сумиёси-ки» («Списка святилищ» в заключительном разделе), известно, что далее корабли проследовали к острову **Сига**, находившемуся здесь же – в бухте На-но цу (расположенному на входе в залив Хаката): «Святилище Сига-но ясиро. Во время (нападения) на [государство] Сираги (кор. Силла), корабли государыни (яп. *ми-фунэ*) окружили с обеих сторон (яп. *хасамитэ*) [остров Сига], пройдя кратчайшим путем (яп. *сэ̄*)⁶⁶»⁶⁷ [Сумиёси-ки, Список святилищ в конечном разделе]. По сведениям «Тикудзэн-фудоки», корабли остановились на острове Сига (здесь сохранилось множество сказаний, связанных с государыней Дзингû [25]) [18, с. 98]. Остров Сига был местом, важным для навигации между Японией и Кореей [61, с. 107]. На взморье у нынешнего святилища Одо-дайджингû (в местности Одо западного района города Фукуока [25]) есть скала, на которой государыня Дзингû изволила установить свой обеденный столик и отобедать [25].

Из «Тикудзэн-фудоки» известно также, что государыня Дзингû осталась на острове Сига на ночевку. «Уезд Касуя, остров Сига-сима. В древности, Окинага-гараси-химэ-но *микото* [государыня Дзингû-кôгô], когда в Силла поехать изволила, корабль государыни (*ми-фунэ*) ночью приплыл к этому острову, [чтобы] заночевать. [Государыню] сопровождали в свите (др.-яп. *митомо-бито*, совр.-яп. *байдзю*)⁶⁸ люди, которых звали Ô-хама (др.-яп. *Опо-пама*) [и] Во-хама (др.-яп. Во-пама). И тогда [государыня] повелела Во-хама на этот остров отправиться и найти⁶⁹ огонь⁷⁰, чтобы можно было быстро подойти [к острову]. Ô-хама спросил: “Есть ли поблизости дом?”. Во-хама ответил: “Этот остров и взморье Утиагэ-но хама [на полпути в море] близко друг к другу примыкают. [Они] почти одна и та же земля, должно быть, [можно] сказать”. Поэтому называли [этот остров] Тика-сима (досл. “Близкий остров”). Ныне на местном диалекте говорят Сига-сима”⁷¹ (Тикудзэн-фудоки, уезд Касуя, остров Сига; фрагмент “Сига-сима” из св. 6-го «Сяку-нихонги»).

Исследователи полагают, что упомянутый выше Ô-хама (др.-яп. Опо-пама) – это тот же человек, что и предок клана Адзуми-но *мурадзи* – Ô-хама-но *сукунэ*

⁶⁵ 「并能護嶋爲御厨所領。」 [27, с. 88; 28].

⁶⁶ 抄 яп. *сэ̄*, кит. *чào* – зл... 3) проходить (*кратчайшим путем*), срезать угол... [2, III, с. 359].

⁶⁷ 「志賀社、〔撃〕新羅時、御船 挾抄。」 [27, с. 88; 28].

⁶⁸ 陪從 др.-яп. *ми-томо-бито*, яп. *байдзю*, кит. *пэйцун* – сопровождать, находится в свите [2, II, с. 470].

⁶⁹ 覓 яп. *магу* – арх. разыскивать.

⁷⁰ 火 яп. *хи*, кит. *хэ* – 1) огонь... 5) очаг... [2, III, с. 789].

⁷¹ 「資珂嶋 [甲類]. 筑前國風土記 曰: 糟屋郡. 資珂嶋. 昔時、氣長足姫尊 幸^レ於 新羅之時、御船、夜時 來泊^レ此嶋. 有^レ陪從 名云^レ大濱・小濱者. 便 敕^レ小濱、遣^レ此嶋、覓^レ火、得^レ早來. 大濱 問云: 『近^レ有^レ家耶?』. 小濱 答云: 『此嶋 與 打昇濱、近相 連接、殆 可謂^レ同地』. 因 曰^レ近(ちか)嶋. 今 訛^レ之 資珂(しか)嶋. (前田家本『釋日本紀』卷六「阿曇連等所祭神」條) [46, с. 188–189; 48]; ср.: 『釋日本紀、卷六(資珂嶋): 筑前の國の風土記に曰はく、糟屋の郡. 資珂嶋. 昔者(むかし)、氣長足姫尊(おきながたらしひめのみこと・神功皇后)、新羅に幸(いでま)しし時、御船、夜時(よる)來て此の嶋に泊(は)てき. 陪從(みともびと)、名は大濱・小濱と云ふ者あり. 便ち小濱に勅(みことり)して、此の嶋に遣りて火を覓(と)めしめたまふに、得て早(と)く來つ. 大濱 問ひけらく、『近く家ありや』といふに、小濱 答へけらく、『此の嶋と打昇(うちあげ)の濱(海ノ中道)と、近く相連接(つづ)けり. 殆(ほとほと)同じき地(ところ)と謂ふべし』といひき. 因りて近嶋と曰ひき、今、訛(よこなまり)て資珂嶋と謂ふ。」 [47]; см.: [46, с. 189–190].

(др.-яп. Опо-пама-но *сукунэ*), упомянутый в «Нихон-сёки»⁷² и «Дадзёкан-фу» (792 г.)⁷³ в разделе 11-й луны 3-го года правления государя Хомуда [см.: 21, с. 285–286] [392 года испр. хрон.], когда он был назначен управителем (яп. *микотомоти*) всех людей *ама* (Нихон-сёки, св. 10-й, Ёдзин, 3-й год пр., 11-я луна; Дадзёкан-фу, Хомуда, 3-й год пр.). Таким образом, этот Адзуми-но Ё-хама-но *сукунэ* подчинился государыне Дзингү [1].

Кроме того, как говорится в народных сказаниях и в местных источниках Северного Кюсю, к походу государыни Окинага-тараси-химэ присоединился человек из народа *ама* с острова Сига по имени Адзуми-но Исора⁷⁴ (Адзуми-но Исо-такэ-ра). Есть предположение, что Адзуми-но Исора был отцом вышеназванного Адзуми-но Ё-хама-но *сукунэ*. Адзуми-но Исора принадлежал к влиятельному клану народа *ама* – Адзуми-удзи, происходившему от предков государя Дзимму по материнской линии – Тоё-тама-хико, Тоё-тама-химэ, Тама-ёри-химэ и др. [1; 61, с. 107]. Следует обратить внимание на то, что клан Адзуми-удзи снабжал продовольствием главного жреца святилища Сумиёси, где отправлялся культ тройного морского божества [61, с. 107].

В «Хатиман-гү го-энги» («Священной истории происхождения святилища Хатиман-гү») сообщается, что Адзуми-но Исора занимался священными делами светлого божества с мыса Исора-га *саки* острова Сика-но *сима* (Сига-но *сима*) области Тикудзэн.⁷⁵ Это божество, именуемое Исора-но *ками*, Великое светлое божество, Светлое божество [острова] Сига, Атобэ-но Исора, Исора Мару, Исора, Адзуми-но Исора⁷⁶ – отождествляют с **Ватацуми-но ми-ками**, морским божеством – предком Тоё-тама-хико, Тоё-тама-химэ, Тама-ёри-химэ.⁷⁷ Данному Светлому божеству с мыса Исора-га *саки* поклонялись люди клана Адзуми-удзи [66, с. 29, п. 27]. Акима Тосио указывает, что за этой историей лежала все та же мифическая концепция божества, которое управляет рыбами, навигацией и водой (и свежей, и соленой) [61, с. 107].

Стоит отметить, что в источниках Северного Кюсю *человека*⁷⁸ из клана Адзуми-удзи по имени Адзуми-но Исора (как сказано, жившего во время царствования государя Тёая и Корейского похода государыни Дзингү) постоянно путают с *божеством* Исора-но *ками*, для которого этот человек в качестве жреца исполнял религиозные обряды [см.: 1; 8; 66, с. 29, п. 27; 29–30; см.: 61, с. 107]. Сам Адзуми-но Исора почитался впоследствии в святилище Сика-но Уми-но *дзиндзя*⁷⁹ на острове Сика у побережья Хаката (в Фукуока) на Кюсю [61, с. 107].

⁷² [21, 285–286; ср.: 64, 256]. 「十一月。…阿曇連,祖 大浜宿禰、…海人之幸。」 [20, с. 271].

⁷³ Цит. по: [63, 117]; 「及 輕島,明宮御宇,誉田天皇,三年。…阿曇連,祖 大浜宿禰。…海人之幸。」 [44, с. 67–68].

⁷⁴ 安曇 磯良 яп. Адзуми-но Исора [66, с. 29, п. 27; 1].

⁷⁵ 『八幡宮御縁起』: 「安曇磯良, 申, [筑前国], 志賀(鹿)島, 大明神, [御事也]。」 [54, с. 453; 1; 66, с. 29, п. 27].

⁷⁶ Некоторые исследователи пытаются отождествлять морское божество Атобэ-но Исора и, видимо, его жреца – Адзуми-но Исора. – См.: [61, с. 107].

⁷⁷ 「磯良神は、磯良の神、大明神、志賀明神、わたつみの御神、海神、阿度部(あとべ)の磯良、磯良丸、磯良(いそら)、安曇磯良、安曇磯良などである。」 [8]; см. также: [1; 61, с. 106, 107].

⁷⁸ См.: 「安曇磯良, 云 人…」 [54, с. 450]; где 人 яп. *хито* – человек.

⁷⁹ 志賀海神社 яп. Сика-но Уми-но дзиндзя – досл. “Морское святилище на [острове] Сика”. – См.: [61, с. 107].

В «Хатиман гудōкун» говорится, что Великое светлое божество Сумиёси повелело (через жрецов), чтобы рулевым (яп. *кадзитори* / *бисю*)⁸⁰ на корабле государыни стал именно человек по имени Адзуми-но Исора⁸¹. В «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» сообщается: «Когда государыня вступила в государеву резиденцию, [жрецы] восьмисот мириад божеств были созваны и приняты на аудиенции государыней. Среди тех, [кто] присутствовал, были [жрецы] почтенного [тройного] божества Сумиёси, искусного в военном деле, [поэтому] был объявлен государев указ, [в котором] повелевалось, чтобы этому [тройному] божеству [Сумиёси] была поручена задача выработки стратегии для предстоящей экспедиции. Вскоре в ответ [оракулом божества Сумиёси] было сделано объявление: “План божества Сумиёси состоит в том, чтобы послать *фāн-шй* [яп. *хō-си*]⁸² ко дворцу Дракона-царя, чтобы позаимствовать две волшебные жемчужины, которые управляют отливом и потоком потоков. Таким образом, мы сможем проследовать в ту страну [Силла] и подчинить ее, не купая наши клинки в крови. Кроме того, нашим проводником в морях будет некий Адзуми-но Исора, который проживает на острове Сика-но *сима* в [провинции] Тикудзэн. (Это [жрец (?)] почтенного божества Фурō, святилище которого находится в Тикуго). [Жрец] этого божества – [Адзуми-но Исора] – наиболее осведомленное существо. Пусть он придет!” Когда государыня объявила подобным образом, все ответили одобрительно, и [жрец этого] божества – [Адзуми-но Исора] был, соответственно, призван во дворец. Но в совете [знати при государыне] было тогда [такое] пояснение по [этому] вопросу: “Так как [Адзуми-но] Исора оставил человеческое царство и больше не общается с людьми, желание государыни трудно выполнить. Что должно быть сделано?”. Тогда [жрец] некоего божества выдвинул следующее объяснение: “Поскольку [жрец] божества Исора – [Адзуми-но Исора] находится в постоянном горе, он спит на ложе моря. Так, [некогда] приплывшие [ядовитые] моллюски попали на его лицо, [в результате чего] его внешний вид (лицо) [оказался] изуродован. Он стыдится, [что кто-нибудь] увидит [его], и поэтому он не осмеливается выходить [из своего убежища]”...» [66, 28–29; см.: 61, 106]. Благодаря хитроумному плану, отшельник Адзуми-но Исора был выманен из своего убежища музыкой и танцами красиво одетых девушек⁸³ (Rokugō kaizan nimmon daibosatsu hongī, Jingū; Хатиман гудōкун).

⁸⁰ 梶取 яп. *кадзитори* / *бисю* – рулевой (на корабле), где 梶 яп. *кадзи* – руль, рулевое весло [49, с. 319].

⁸¹ 「安曇磯良、云人…」 [54, с. 450]; 「住吉大明神が『梶取には、…安曇磯良(あずみのいそら)が良い。』というので、」 [8].

⁸² 方士 яп. *хō-си*, кит. *фāн-шй* – 1) маг, волшебник; даос, добывающий пилюлю бессмертия... [2, III, с. 414]; *фāн-шй* – термин, обозначавший мастеров по изгнанию злых духов и специалистов в гадании. – См.: [66, с. 29, п. 26].

⁸³ В «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» рассказано: «Другой [советник государыни] предложил: “Будь это возможно, [жрец] божества Исора [Адзуми-но Исора], определенно, имеет любовь к музыке. Мы должны украсить барки *дракона* и *феникса*, установить танцевальную платформу на берегу в Тоёура, и элегантно одеть танцующих дев. Когда музыка заиграет, и рукава дев из легкой шелковой ткани и парчи будут развеваться на морском ветру, тогда [жрец] божества [Исора] конечно появится”. Государыня тогда повелела: “Пусть эти приготовления будут сделаны”. Таким образом, когда танцы начались и были в самом разгаре, [жрец] божества Исора, переполненный чувствами и забывший о себе, дал [волю] своему желанию [посмотреть, что происходит], и прибыл для того, чтобы присоединиться к девам в их танце». [66, с. 29]. См.: [54, с. 451].

В «Хатиман гудōкун» и «Мунаката дай-босацу го-энги» («Священной истории происхождения великого бодхисатвы [из] Мунаката»), передаваемой в святилище Мунаката-*тайся*, рассказывается, что, когда государыня Дзингū отправилась в поход против Самхана (яп. “Трѣх Кара”), Исора появился едущим верхом на черепахе, после чего стал помогать государыне.⁸⁴ Об участии Адзуми-но Исора (Адзуми-но Исо-такэ-ра, Атобэ-но Исора) в походе против Силла также рассказывается в «Тайхэй-ки» [источнике 1371–1372 гг.] (в разделе о походе государыни Дзингū в Силла, св. 39-й, история 10-я). Здесь Исора назван полным именем [Адзуми-но] Атобэ-но Исора [43; см.: 61, с. 106], и рассказана история, подобная той, что зафиксирована в «Хатиман гудōкун» [см.: 54, с. 451–453; 8]. Похожие сведения об Адзуми-но Исора также приведены в других источниках Северного Кюсю: «К̄ю̄с̄юдō-но ки» («Записи об округе Кюсю», 1587 г.) [61, с. 107], в храмовых сказаниях святилища Сига-но Уми-дзиндзя (записанных в XVII в.) и «Уса-но мия-но к̄ю-ки» («Древних записях из дворца в Уса») [цитируемых в 10-м свитке (“Бундзэн-кунни”) сочинения «Дадзай-кан най-си» («Внутренние записи управления Дадзай-кан»), 1841 г.] [8], а также и в местных сказаниях островов Цусима, зафиксированных в описании земель Цусима под названием «Цусима ки-дзи» («Описание исторических событий Цусима», 1809 г.).⁸⁵

В «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» рассказано о беседе, произошедшей между Адзуми-но Исора и государыней Окинага-тараси-химэ. «В это время, государев запрос [правительницы Окинага-тараси-химэ] был сообщен ему, и он с уважением ответил: “Желание растет во мне, [по мере того] как я смотрю на Ваше самообладание и восхищаюсь Вашим изящным поведением. Если Вы выполните мое желание, то я позаимствую и представлю Вам две жемчужины, которые управляют потоками [воды]. [Государыня спросила]: “Что [же] является вашим желанием?” [Адзуми-но Исора ответил]: “Я почувствовал любовь к Вам и таō желание, что Вы одарите меня Вашей привязанностью”. Государыня ответила: “Ваше желание было бы просто выполнить, но в моем чреве я укрываю государева сына. Я боюсь исполнить то, что является и препятствием (бременем), и осквернением”...» [66, с. 29–30]. И тут, якобы, младенец, находившийся в утробе государыни Окинага-тараси-химэ, позволил своей матери вступить в половую связь с Адзуми-но Исора “ради завоевания чужой земли”⁸⁶, чем молодая женщина, видимо, не преминула воспользоваться.

Таким образом, получалось, что Адзуми-но Исора стал любовником государыни Дзингū. Что же давала эта связь государыне, помимо получения магиче-

⁸⁴ 「宗像大社に伝わる『宗像大菩薩御縁起』には、神功皇后の三韓出征の時、亀に乗った磯良が現われて加勢したとある。」 [1]. См.: [54, с. 451].

⁸⁵ 「1809年(江戸中期)成立の対馬の地誌『津島紀事』」 [1]; где 紀事 яп. *ки-дзи*, кит. *цзйшй'* – записывать события; делать записи; исторические записи, описание событий (раздел исторической литературы). [2, IV, с. 338]. См.: [59, с. 5, 104–105, 106, 107, 120, 164, 173, 174, 178, 267, 270, 279–280, 299, 300 и др.].

⁸⁶ «...В тот момент государев сын в ее чреве заговорил, объявляя: “Завоевание вражеской земли – ради покойного императора, и порабощения этой земли принесет честь к моему правлению. Даруй ему его желание, поскольку это не причиняет мне никакого неудобства. Это не личное дело; это – для пользы моего правления”...» [66, с. 30].

ских предметов – двух жемчужин (жемчужину прилива и жемчужину отлива [61, с. 106; см.: 54, с. 451, 452]), которые, как считалось, принадлежали Дракону–Царю (т.е., видимо, морскому богу Вата-цуми) и, надо полагать, хранились в каком-то святилище Вата-цуми (в «Гайхэй-ки» названном *Рюгү* “Драконий дворец” [61, с. 106]) как сакральные вещи, находившиеся в ведении жрецов рода Адзуми (по крайней мере, именно к людям из семьи Вата-цуми плавал дед государя Дзимму – Хйко-хохо-дэми, получивший эти две жемчужины для борьбы с людьми *хаято* [см.: 21, с. 165, 169, 171; 13, с. 93; 61, с. 106]). По мнению Аллана Дж. Грэпарда (опирающегося на исследования Касай Вадзина [см.: 66, с. 24, п. 11]), люди клана Адзуми-удзи составили ударную силу военно-морского флота Ямато, участвовавшего в военных операциях по захвату земель Кореи [см.: 66, с. 23, п. 9; с. 23-24, 29, п. 27]. Ради этого государыне Дзингү, действительно, можно было не обращать внимания на беременность, убажывая в постели Адзуми-но Исора.

После этого «... младшая сестра спутника (“супруга”) государыни [т.е. младшая сестра Адзуми-но Исора – С. Д.], [по имени] Сиканосима-[но] Даймёдзин (находившаяся [в качестве жрицы (?) – С. Д.] в [святилище области] Тикудзэн) была выбрана как *фён-ши* [яп. *хё-си*], и [жрец] божества Исора [т.е. Адзуми-но Исора – С. Д.] был назначен ее сопровождающим. По их прибытию во дворец Дракона–Царя [т.е. святилище морского бога Вата-цуми – С. Д.] запрос государыни был [ими] передан [жрецам божества]: “Мы [государыня Окинага-тараси-химэ – С. Д.] собираемся пересекать [море и прибыть] в землю Санкана (кор. Самхан), чтобы завоевать это. Мы хотели бы позаимствовать эти две жемчужины, жемчужину прилива и жемчужину отлива. Мы носим в нашей утробе государева сына. Когда он родится, мы сделаем дочь Дракона–Царя его невестой”. С этим обещанием государыня получила две драгоценных жемчужины и отправилась в Самхан...» [66, с. 30; см.: 54, с. 453] (*Rokugō kaizan nimmon daibosatsu hongī, Jīgū*). Причем далее в тексте «Рокугō кайдзан ниммон дайбосацу хонги» названы дети будущего государя Хомуда (Ќдзина) от “драконьей принцессы” (его главной жены), которых он (по сведениям «Кодзики» и «Нихон-сёки») впоследствии породил, прежде всего, от государыни Нака-цу химэ и от других своих жен [см.: 14, с. 86-87; 21, с. 285]. Получается, что под дочерью Дракона–Царя, обещанной еще не родившемуся принцу Хомуда, подразумевалась принцесса Нака-цу химэ (дочь принца Хомуда-мавака-но *мико* – сына Ихоки-но ири-бико [см.: 14, с. 86] и внука государя Кэйкō [см.: 14, с. 67]).

После Сига корабли достигли местности **Такано** (ныне земли городка *Каварамати* уезда Тагава префектуры Фукуока) [19]. Местные источники рассказывают, что здесь в Северном Кюсю, на холме Кагами-яма, когда войска уже выступили в поход против Силла, государыня Дзингү совершила обряды небесным богам и земным духам, прося победы. Кроме того, она поднесла божествам зеркало, чтобы усмирить свою душу (*митама-о сидзумэта*) [25]. [Зеркало выступало в качестве магического предмета, должного удерживать дүшу правительницы в стабильном состоянии и, тем самым, укрепить ее здоровье] [см.: 22, с. 231]. Впоследствии здесь было создано святилище Кагамияма-но *дайдзингү* (где почитаются государь Тёай и государыня Дзингү) [25].

Кое-какие подробности даны во фрагменте “Минумэ-но Мацу-бара” «Сэццу-фудоки», где сообщается о проведении государыней Дзингү в Мацу-бара религи-

озных обрядов. «В древности, когда государыня Окинага-тараси-химэ-но сумэрамикото [Дзингү-кōгō] выехала в область Цукуси-но кунь, собрали всех [жрецов – С.Д.] богов Неба и Земли в [землях] уезда Кавабэ, на равнине Мацу-бара мыса Камудзаки, и (обряд) моления о счастье (благословении богов)⁸⁷ провести (изволили) (яп. *нэги тамаики* [как синтоистские жрецы *нэги*]...)». В результате этой религиозной церемонии было получено (надо полагать, через оракула) веление богини Минумэ, вызвавшейся оберегать государыню, в котором, в частности, говорилось, что необходимо из древесины деревьев *суги* (криптомерии японской)⁸⁸, срубленных и взятых со священной горы этой богини – Минумэ-но яма в землях уезда Носэ-но кōри (области Сэццу), построить для богини корабль: «...“И если [государыня Окинага-тараси-химэ] сядет на этот корабль и будет совершать объезд, то, естественно, счастье–удача будет”, – [так сказала]. Государыня затем, следуя поучению богини, повелела, чтобы был построен корабль...». Этот корабль участвовал в походе против Силла.⁸⁹ Далее в «Сэццу-фудоки» цитируется “одно предание”, в котором сообщается, что этот корабль имел одну особенность – он издавал скрип, похожий на рев быка: «Тогда, этот корабль сильно скрипел–шумел, подобно реву быка...»⁹⁰ (Сэццу-фудоки, фрагмент “Минумэ-но Мацу-бара” из св. 3-го «Маньёсю тōсяку»).

Из «Истории происхождения святилища Кагамияма-дзиндзя» («Кагамияма-дзиндзя-но юйсё»)⁹¹ известно, что участники похода продолжили движение и прибыли в местность **Кагами** (ныне земли города Карацу префектуры Сага). Государыня Дзингү взшла на гору Кагами-яма и на скале “Тоникаку ива” (досл. “Скала как бы то ни было [во всяком случае]”) [см.: 60, с. 595] поставила сокровища, зеркало, подношения божеству в виде шелковых лоскутков (др.-яп. *нуса*, яп. *хэйхаку*)⁹², совершила обряды небесным богам и земным духам, прося победу в походе против Силла [26].

⁸⁷ 祈福 яп. *кифүку*, кит. *цífú* – просить благословения неба (богов); молить о счастье [2, II, с. 740].

⁸⁸ 「須義の木木」 яп. *суги-но киги* – деревья криптомерии японской; где яп. *суги* 須義 (записано фонетически) – это: 杉 яп. *суги* – бот. криптомерия японская [49, 308; 60, 547].

⁸⁹ 美奴賣松原: 『攝津國風土記』云: 美奴賣松原。...昔、息長帶比賣天皇 [譯注: 天皇、此指^レ神功皇后]、幸于^レ筑紫國、時、集^レ諸神祇於川邊郡内、神前松原、以求^レ祈^レ禮^レ福。于時、此神亦同來集。曰: 『吾亦護祐』。仍諭之曰: 『吾所住之山、有^レ須義乃木、木名。宜伐採、為^レ吾造船、則乘^レ此船、而可^レ行幸、當有^レ幸福』。天皇 [譯注: 天皇、此指^レ神功皇后]、乃隨^レ神教、遣^レ命作^レ船。此神船、遂征^レ新羅。(冷泉家本『万葉集註釋』卷第三、二五零番歌條) [40, с. 20–21; 41]; ср.: 「萬葉集註釋、卷第三(美奴賣松原): 攝津の國の風土記に云はく、美奴賣(みぬめ)の松原。...昔、息長帶比賣の天皇(神功皇后)、筑紫の國に幸(いでま)しし時、諸(もろもろ)の神祇(かみたち)を川邊の郡内の神前の松原に集へて、福を求禮(ね)ぎたまひき。時に、此の神も亦同じく來集ひて、『吾も亦 護祐(まも)りまつらむ』と曰ひて、仍ち諭しく、『吾が住める山に須義の木の名なりあり。宜しく、伐り採りて、吾が為に船に造れ。則ち此の船に乗りて行幸(いでま)さば、當(まさ)に幸福あらむ』といひき。天皇、乃ち神の教の隨に、命(おほ)せて船を作らしめたまひき。此の船の神、遂に新羅を征(う)ちき。」 – См.: [40, с. 21–22].

⁹⁰ 「一云: 于時、此船大鳴響、如^レ牛吼。(冷泉家本『万葉集註釋』卷第三、二五零番歌條) [40, с. 21; 41]; ср.: 「...一(ある)ひと云へらく、時に、此の船、大く鳴り響みて、牛の吼ゆるが如く...」 – См.: [40, с. 22].

⁹¹ 鏡山神社由緒 яп. *Кагамияма-дзиндзя-но юйсё* – досл. “История происхождения святилища Кагамияма-дзиндзя” [26].

⁹² 幣帛 яп. *хэйхаку* – подношения божеству в виде шелковых лоскутков (бумажных полосок); где 幣 яп. *нуса* – принадлежность синт. культа в виде бумажных полосок, которые вешают у входа в храм; 帛 яп. *хаку* – в сочетаниях: шелк [49, с. 208, 204].

В западной части бухты **Карацу**, на расстоянии около 1 км от берега в море находится остров Касибэ-*дзима* (досл. “Остров, [где] были собраны боги”). Как сообщают местные источники (сказания храма Сумиёси-*дзиндзя*), в северо-восточной части острова – на песчаной отмели Миядзаки (досл. “Дворцовый мыс”) государыня, призвав всех богов, снова молила их о победе в походе [26]. После этого, судя по всему, флот двинулся вдоль западного побережья залива Карацу на север и пересек море, подойдя к острову Ики.

По сведениям местных сказаний, во время похода против Силла, на острове **Ики** – в нынешнем местечке Хигаси-фурэ (Восточный Фурэ) местности Сумиёси (городок Асибэ-*мати* уезда Ики префектуры Нагасаки) в храме Сумиёси-но *мия* (ныне Сумиёси-*дзиндзя*) государыня Дзингû (для того чтобы покорить земли Трёх Кара, кор. Самхана – Южной Кореи) начала проводить обряды почитания государевых предков, чтобы получить помощь в военном переходе. В границах святилища есть маленькая молельня на священном пруде (*камишкэ*) (святилище Тикубусима-*дзиндзя*), при котором есть боевой колокол (*дзинсэ*), здесь было выкопано зеркало [26]. Акима Тосио подчеркивает, что святилище Сумиёси в уезде Исида острова Ики располагалось на морском пути из Ямато на континент [61, с. 141].

Японский флот прошел далее вдоль восточного побережья острова [62, с. 4] до северной оконечности острова Ики и собрался в бухте Кацумото-но *ура*. Из сказаний местного храма Сэйбо-но *мия* известно, что здесь – в бухте Кацумото-но *ура* государыня Дзингû приказала построить походный дворец, где она жила некоторое время [9].

Когда сюда прибыл флот государыни – не стало попутного ветра. Здесь (в Кацумото-но *ура*) в границах святилища Нидзи-*дзиндзя* (ныне местность Ариясу-Фурэ городка Гоноура-*мати* уезда Ики префектуры Нагасаки) существует большой камень трех метров в диаметре “Коти-*иси*”, называвшийся в древности “Великое светлое божество Коти”. В сказании говорится, что тогда помолились непосредственно этому камню, подул освежающий восточный ветер и корабли смогли выйти в море в направлении островов Цусима [9]. После отбытия государыни, походный дворец на острове Ики остался в забвении [9].

Таким образом, несмотря на то, что официальные японские хроники пытались подавать результаты Корейского похода государыни Дзингû как нечто само собой разумеющееся и предопределенное богами, тем не менее, материалы местных источников Северного Кюсю показывают, что участники похода и его руководительница – государыня Дзингû не были столь уверены в победе и постоянно молили богов о даровании успеха военной экспедиции.

С острова Ики японская армия на кораблях проследовала на острова **Цусима**, где войско и флот сосредоточились перед последним броском в Силла. Следует обратить внимание на то, что здесь – в уезде Агата островов Цусима располагалось святилище Сумиёси – последнее на морском пути из Японии на континент [61, с. 141]. В местных сказаниях селения Офутиромо-*мура* сообщается, что в походе кончилась трава для кормления лошадей (яп. *ума куса*), тогда стали собирать

в море морские растения (яп. *мо*) и кормить ими коней.⁹³ Здесь же Дзингү лично провела обряд *мацури* в двух местных святилищах.⁹⁴ В местных сказаниях селения Асими-мура сообщается, что, еще когда корабли государыни Дзингү миновали (др.-яп. *сугитамаэру*) восточную часть моря, они временно останавливались (др.-яп. *томэтамату*) в этом селении. Там государыня случайно (яп. *тамасака*) увидела танцующую цаплю (яп. *саги*, на местном диалекте: *аси*) и решила испытать судьбу (счастье и несчастье), самолично натянув лук, выстрелила в эту птицу, которая тут же упала. Поэтому на местном диалекте селение называли Асими (досл. “цаплю [государыня] увидела”). Люди последующих поколений стали говорить Асими (досл. “тростник видеть”).⁹⁵

В сказаниях островов Цусима, зафиксированных в «Цусима ки-дзи», рассказывается об инциденте, произошедшем в ходе Корейского похода на стоянке у мыса Кин-саки (уезда Верхний Цусима, на северо-восточном побережье северной оконечности Цусима). На дне моря у мыса Кин-саки есть грот, именуемый “Проход в Драконий дворец”. Во время похода против Силла, когда флот государыни Окинага-тараси-химэ встал у мыса на стоянку, якорь одного из кораблей, участвовавших в этой военной операции, застрял в гроте, и его никак не удавалось вытаскивать. Рулевым на этом корабле был Адзуми-но Исо-такэ-ра (имеется в виду – Адзуми-но Исора). Исора, ухватившись за морскую черепаху, спустился на морское дно, и смог достать якорь, после чего его корабль отплыл⁹⁶ вместе с другими судами флота Окинага-тараси-химэ в бухту Вани [62, с. 4] на северной оконечности островов Цусима.

После стоянки в бухте Вани [62, с. 4], в 3-й день 10-го месяца 346 года [испр. хрон.], когда установился попутный ветер, вся эта армада⁹⁷ выступила из бухты Вани-но цу в сторону побережья Кореи (в район Кымхэ–Пусан). Так началась основная часть военной операции Корейского похода государыни Окинага-тараси-химэ (Дзингү) в Силла.⁹⁸

⁹³ 大千尋藻村(於布知呂毛, 読ム): 「神功皇后三韓, 伐玉, 時, 馬艸, 海中, 藻, 取, 馬, 飼, 依, 名付, 。」 [59, с. 316].

⁹⁴ 「兩社, 神功皇后三韓, 向, 給, 時, 御自身, 祭給, 社也。」 [59, с. 317].

⁹⁵ 葦見村(阿志美, 読ム)。葦見, 驚見, 訛, 也, 傳, 云: 「神功皇后新羅, 征伐, 玉, 東, 海上, 過, 時, 御舟, 此所, 停, 玉, 偶, 驚, 舞, 見, 試, 吉凶, 自, 弓, 引, 射, 玉, 其鳥, 同時, 落, 是, 驚見, 名付, 也。後代, 人, 葦見, 云。」 [59, с. 267].

⁹⁶ 『津島紀事』には、『琴崎(きんさき)の海底には「龍宮の通路」と称する穴有り。神功皇后の新羅出征の時、碇(錨)がこの穴に挟まって抜けず、舵取安曇磯武良、亀に乗りて海に入り、碇を得て出で来る。』とあり [1].

⁹⁷ В «Хатиман гудōкун» преувеличенно сообщается: 「三韓 既 十萬八千艘舟, 出, 卒, 數萬軍兵。」 «[В] Три Кара (кор. Самхан) уже десять десятков тысяч и восемь [т.е. 108] тысяч судов (ладей) вышло, заполненных несколькими десятками тысяч солдат (軍兵 яп. *гумпё*)», где число 十萬 *tō ёродзу* «десять десятков тысяч» (100 тыс.) явно несоразмерно больше нескольких десятков тысяч воинов – надо полагать, знаки 十萬 «100 тысяч» добавлены к «восемью тысячам судов (ладей)», т.к. для перевозки нескольких десятков тысяч воинов нужно несколько тысяч (в данном случае – 8 тыс.) ладей (舟 яп. *фунэ* – “лодка, судно” – ЯРУСИ. С. 497), а не «108 тысяч кораблей», как в источнике [54, с. 449]; где 卒 яп. *соцу*, кит. *цзү* –...гл... 4) заполнить... [2, II, с. 816].

⁹⁸ [59, с. 174]. Подробно см.: [29, с. 160–167; 35, с. 8–65; 36, с. 8–47].

Литература

1. Адзуми-удзи – Адзуми-удзи 阿曇氏・安曇氏 // URL: <http://homepage2.nifty.com/amanokuni/azumi.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
2. Большой китайско-русский словарь. М. : Наука, 1983. Т. I–IV.
3. Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. М. : Наука, 1980. 344 с.
4. Дай-нихон-си 大日本史. Токио : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, Токугава-ка дзёхан 徳川家藏版 / под ред. Ёсикава Хансити 吉川半七, 1907. Т. 25. 114 с.
5. Дай-нихон-си 大日本史 (хон-ки 本紀 и рэму-дэн 列傳 по изданию: 大日本史 (主要底本). Токио : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, Токугава-ка дзёхан 徳川家藏版 / под ред. Ёсикава Хансити 吉川半七 1900; си 志 и хэ 表 по изданию 大日本史 (要底本) / под ред. Токугава Сёко 徳川總子. Токио : Гэнкёхэн гэнсэйсёхо гэнкэйтокукё 源光國編 源齊昭補 源慶篤校, 1906–1907) // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/dainihonsi/dainihon.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
6. Древние фудоки. М. : Наука, 1966. 340 с.
7. Иофан Н.А. Культура древней Японии. М. : Наука, 1974. 261 с.
8. Исора-га саки то Исора-но kami 磯良崎と磯良神 // URL: <http://www.k3.dion.ne.jp/~kodaira/hyz1107a.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
9. Каэри-мити 1 帰路 1 // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/gingu17.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
10. Каэри-мити 4 帰路 4 // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/gingu19.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
11. Ким Бусик. Самкук саги. М. : Изд. вост. лит., 1959. Т. I. 384, VI, 202, VII с.
12. Кодзика 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсю” 日本古典文学全集). Токио : Сёгаккан 小学館, 2001. 464 с.
13. Кодзика: Записи о деяниях древности, свиток 1-й / Пер. Е.М. Пинус. СПб. : Шар, 1994. Т. I. 320 с.
14. Кодзика: Записи о деяниях древности, свитки 2-й и 3-й / Пер. А. М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб. : Шар, 1994. Т. II. 256 с.
15. Конрад Н.И. Япония: народ и государство. Пг. : Наука и школа, 1923. 168 с.
16. Манъёсю: Японская поэзия. М. : ООО “Издательство АСТ”, 2001. Т. II. 720 с.
17. Мендрин В.М. История сёгуната в Японии (Нихон-гайси). М.–СПб. : Летний сад, 1999. Т. II. 384 с.
18. Мори Киёто 森 清人. Нихон синси 日本新史. Токио : Кинзэйся 錦正社, 1962. 366 с.
19. Мунаката-тайся 宗形大社 // URL: <http://www.munakata-taisha.or.jp/e/index.htm> // Munakata-taisha00.files/top.htm (дата обращения: 04.02.2018).
20. Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-гайкэй” 国史大系). Токио : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. 417 с.
21. Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб. : Гиперион, 1997. Т. I. 496 с.
22. Норито. Сэммё. М. : Наука, 1991. 299 с.
23. Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録 // Саэки Арикиё 佐伯 有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкё. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. Токио : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 149–350.
24. Синсэн-сёдзи-року, в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷 – в кн.: 佐伯有清『新撰姓氏録の研究 本文篇』. 東京: 吉川弘文館, 1962 (Саэки Арикиё. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио : Ёсикава кобункан, 1962) // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (дата обращения: 04.02.2018).
25. Сираги-но сьуппэй (1) 新羅出兵 (1) // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/gingu15.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
26. Сираги-но сьуппэй (2) 新羅出兵 (2) // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/Jingu06.files/gingu16.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
27. Сумиёси-ки 住吉記 // Курита Хирочи 栗田 寛. Сумиёси-дзиндзэ дзиндай-ки кёсё 住吉神社神代記考証 // В кн.: Ридзюри-сэнсэй дзатге 栗里先生雜著 / Под ред. Курита Цутэму 栗田 勤. Токио : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1901. Т. I 上卷. Ч. 2-я 卷二. С. 1–93.
28. Сумиёси-ки 住吉記 // URL: <http://kamnavi.jp/sumiyosi/index.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
29. Суровень Д.А. Корейский поход Окинага-тараси-химэ (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск : Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1998. Вып. 5. С. 160–167.

30. *Суровень Д.А.* Культурные и ритуальные аспекты начального этапа Корейского похода государыни Дзингү 346 года // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Зимовники: ЗКМ, 2015. Вып. 1. С. 245–254.

31. *Суровень Д.А.* О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ(государыни Дзингү) и Хомудавакэ (государя Одзина) // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 1–226.

32. *Суровень Д.А.* Обезд Восточных территорий государем Ётараси-хико и административно-территориальные реформы начала 40-х годов IV века в Ямато // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 10–39.

33. *Суровень Д.А.* Период регентства *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингү) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск : Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1998. Вып. 6. С. 174–180.

34. *Суровень Д.А.* Подготовка правительницей Дзингү Корейского похода в Силла 346 г. Ч. 2-я: Окинага-тараси-химэ в Центральной Японии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 38–54.

35. *Суровень Д.А.* Поход государства Ямато в Силла 346 года // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 8–65.

36. *Суровень Д.А.* Сведения японских источников о возвращении войска государства Ямато из Корейского похода 346 года // Научный диалог. 2015. № 5 (41). С. 8–47.

37. *Суровень Д.А.* Сведения японских источников о подготовке правительницей Дзингү Корейского похода в Силла 346 г. Ч. 1-я: Окинага-тараси-химэ в юго-западной Японии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 150–167.

38. Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 // Кокуси-тайкэй 国史大系. Токио : Кэйдай дзасси-ся 経済雑誌社, 1901. Т. 7. С. 171–418.

39. Сэндай кудзи-хонки, в 10-ти свитках 先代舊事本紀. 全十卷 // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/mokujik.htm> (дата обращения: 04.02.2018).

40. Сэцу-но куни-но фудоки ицубун 攝津國風土記逸文 // Кофудоки ицубун 古風土記逸文. Токио : Оока-яма сэтэн 大岡山書店, 1927. С. 14–29.

41. Сэцу-но куни-но фудоки ицубун 攝津國風土記逸文 из кн.: Син-нихон котэн бунгаку дзэнсё “фудоки” 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun01.htm> (дата обращения: 04.02.2018).

42. Сэцу-но куни-но фудоки ицубун (санкё) 攝津國風土記逸文【参考】 из кн.: Син-нихон котэн бунгаку дзэнсё “фудоки” 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun07.htm#settu> (дата обращения: 04.02.2018).

43. Тайхэй-ки, св. 39-й, история 10-я (神功皇后攻新羅給事) // Тайхэй-ки, 40 свитков 太平記、全四十卷 (из серии “Кокумин бункохон” 国民文庫本) // URL: <http://www.j-texts.com/taihei/thkm.html> (дата обращения: 04.02.2018).

44. Такахаши-удзи буми (фрагменты из “Дадзёкан-фу”, “Хонтё-гацурё”, “Сэйдзиёряку” с переводом на совр.-яп. язык) 高橋氏文 (「高橋氏文云」として引用してある『太政官符』、『本朝月令』所引、『政事要略』所引) // Цит. по: Курано Кэндзи 倉野憲司. “Такахаши-удзи буми” кё 高橋氏文考 // Бунгэй то сисё 文芸と思想 (Фукуока дзёси дайгаку 福岡女子大学). 1952, июль. Т. 5. С. 67–68.

45. Тикудзэн-но куни-но фудоки 筑前國風土記逸文 // Кофудоки ицубун 古風土記逸文. Токио : Дай-нихон дзусё кабусйки сякай 大日本圖書株式会社, 1898. Ч. II. С. 12–18.

46. Тикудзэн-но куни-но фудоки ицубун 筑前國風土記逸文 // Кофудоки ицубун 古風土記逸文. Токио : Оока-яма сэтэн 大岡山書店, 1927. С. 188–204.

47. Тикудзэн-но куни-но фудоки ицубун 「筑前國風土記」逸文 // URL: <http://homepage2.nifty.com/toka3aki/geography/fudoits8.html> (дата обращения: 04.02.2018).

48. Тикудзэн-но куни-но фудоки ицубун 筑前國風土記逸文 из кн.: Син-нихон котэн бунгаку дзэнсё “фудоки” 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun05.htm> (дата обращения: 04.02.2018).

49. *Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М. : Русск. яз., 1977. 680 с.

50. Харима-но куни-но фудоки 播磨國風土記 // Фудоки 風土記 (из серии «Нихон котэн бунгаку-тайкэй» 日本古典文学大系). Токио : Иванами сэтэн 岩波書店, 1958. Т. II. С. 25–35.

51. Харима-но куни-но фудоки ицубун 播磨國風土記逸文 // Кофудоки ицубун 古風土記逸文. Токио : Оокаяма сэтэн 大岡山書店, 1927. С. 145–156.

52. Харима-но куни-но фудоки ицубун 「播磨國風土記」逸文 // URL: <http://homepage2.nifty.com/toka3aki/geography/fudoits6.html> (дата обращения: 04.02.2018).

53. Харима-но куни-но фудоки ицубун 播磨國風土記逸文 из кн.: Син-нихон котэн бунгаку дзэнсю “фудоки” 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun03.htm#harima> (дата обращения: 04.02.2018).
54. Хатиман гудōкун 八幡愚童訓 // Гунсё руйдзю 群書類従. Токио : Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1902. Т. 1 第壹輯. С. 447–497.
55. Хатиман Уса-но мия ми-такүсэн-сё, Касихи-но мия энги 『八幡宇佐宮御託宣集』、香椎宮縁起 // Цит. по: *Каваниси Ёсихиро*. Тайхō-идзэн-но ицу нэнгō сирё сёсэй 大宝以前の逸年号-逸年号史料集成 // URL: <http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
56. Хинэ-дзиндзя 日根神社(ひね) // URL: <http://kamnavi.jp/ny/hine.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
57. Цукуси-но куни-но фудоки ицубун 筑紫國風土記逸文 // Кофудоки ицубун 古風土記逸文. Токио: Дай-нихон дзусё кабусйки сякай 大日本圖書株式会社, 1898. Ч. II. С. 14.
58. Цукуси-но куни-но фудоки ицубун 筑紫國風土記逸文 из кн.: Син-нихон котэн бунгаку дзэнсю “фудоки” 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun04.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
59. Цусима ки-цзи 津島紀事. Идзухара 巖原町 (преф. Нагасаки 長崎県) : Цусима ки-дзи канкōкай 津島紀事刊行会, 1917. 499 с.
60. Японско-русский словарь. М. : Русск.яз., 1984. 696 с.
61. *Akima Toshio*. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla // *Japanese journal of religious studies*. 1993. № 20/2–3. P. 95–185.
62. *Marder Arthur J.* From Jimmu tennō to Perry sea power in early Japanese history // *The American historical review*. 1945, Oct. Vol. 51. № 1. P. 1–34.
63. *Mills D.E.* The Takahasi Uzibumi // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London, 1954. Vol. XVI. № 1. P. 113–133.
64. *Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697* / Transl. by W.G. Aston. London: Allen, 1956. Part I. 407 p.
65. Okinoshima Island and Related Sites in the Munakata Region. Study Report. II / 1. – Munakata: World Heritage Promotion Committee of “Okinoshima Island and Related Sites in the Munakata Region”, 2012. 214 p.
66. Rokugō kaizan nimmon daibosatsu hongī // Цит. по: Lotus in the mountain, Mountain in the Lotus: Rokugō kaizan Nimmon daibosatsu hongī / Transl. by Allan G. Grapard // *Monumenta Nipponica*. 1986, spring. Vol. 41. № 1. P. 21–50.

References

- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Big Chinese-Russian dictionary]. М. : Nauka, 1983. Vol. I–IV.
- Fel'dman-Konrad, N.I. (1977). Iaponsko-russkii uchebnyi slovar' ieroglifov [Japanese-Russian educational dictionary of hieroglyphs]. Moscow : Russk. iaz. 680 p.
- Dai-nihon-shi 大日本史 (1907). Tokyo: Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, Tokugawa-ka zōhan 徳川家藏版 / Ed. by Yoshikawa Hanshichi 吉川半七. Vol. 25. 114 p.
- Drevnie fudoki (1966) [Ancient Fudoki]. Moscow : Nauka. 340 p.
- Iaponsko-russkii slovar' (1984) [Japanese-Russian dictionary]. Moscow : Russk. iaz. 696 p.
- Iofan, N. A. (1974). Kul'tura drevnei Iaponii [Culture of ancient Japan]. Moscow : Nauka. 261 p.
- Kim Busik (1959). Samkuk sagi. Moscow : Izd. vost. lit. Vol. I. 384, VI, 202, VII p.
- Kojiki 古事記 (2001) (“Nihon koten bungaku zenshū” 日本古典文学全集). Tokyo: Shōgakkan 小学館. 464 p.
- Kodziki (1994). Zapisi o deianiiakh drevnosti, svitok 1-i [Records of Ancient Matters, scroll 1st] / Per. E.M. Pinus. St. Petersburg : Shar. Vol. I. 320 p.
- Kodziki (1994): Zapisi o deianiiakh drevnosti, svitki 2-i i 3-i [Records of Ancient Matters, scrolls 2nd and 3rd] / Per. A.M. Ermakovoi i A.N. Meshcheriakova. St. Petersburg : Shar., Vol. II. 256 p.
- Konrad, N. I. (1923). Iaponiia: narod i gosudarstvo [Japan: People and State]. Petrograd : Nauka i shkola. 168 p.
- Man'esiu: Iaponskaia poeziiia [Man'yōshū: Japanese poetry]. Moscow : OOO “Izdatel'stvo AST”, 2001. Vol. II. 720 p.
- Mendrin, V. M. (1999). Istoriiia segunata v Iaponii (Nihon-gaisi) [Shogundom's history in Japan (Nihon-gaishi)]. Moscow–St. Petersburg : Letnii sad. Vol. II. 384 p.

- Mori Kiyoto 森 清人. *Nihon shinshi* 日本新史. Tokyo : Kinseisha 錦正社, 1962. 366 p.
- Nihon-shoki* 日本書紀 (1957). (“Kokushi-taiki” 国史大系). Tokyo : Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館. Part I. Vol. I. 417 p.
- Nikhon-seki: Annaly Iaponii* (1997) [*Nihon-shoki: Annals of Japan*]. St. Petersburg : Giperion. Vol. I. 496 p.
- Norito. Semme (1991) [Norito. Semmyo]. Moscow : Nauka. 299 p.
- Nihongi* (1956) : *Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697* / Transl. by W.G. Aston. London : Allen. Part I. 407 p.
- Okinoshima Island and Related Sites in the Munakata Region. Study Report. II / 1. – Munakata: World Heritage Promotion Committee of “Okinoshima Island and Related Sites in the Munakata Region”, 2012. 214 p.
- Sendai kuji-honki 先代舊事本紀 (1901). In *Kokushi-taiki* 国史大系. Tokyo : Keizai zasshi-sha 經濟雜誌社. Vol. 7, pp. 171–418.
- Settsu-no kuni-no fudoki itsubun 攝津國風土記逸文 (1927). In *Kofudoki itsubun* 古風土記逸文. Tokyo: Ōoka-yama shoten 大岡山書店, pp. 14–29.
- Shinsen-shōji-roku 新撰姓氏錄 (1962). In *Saeki Arikio* 佐伯 有清. “*Shinsen-shōji-roku*”-no kenkū. *Hombun-hen* 新撰姓氏錄の研究 本文篇. Tokyo : Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, pp. 149–350.
- Sumiyoshi-ki 住吉記 (1901) // Kurita Hiroshi 栗田 寛. *Sumiyoshi-jinja jindai-ki kōshō* 住吉神社神代記考証. In *Ritsuri-sensei zaiyo* 栗里先生雜著 / Ed. by Kurita Tsutomu 栗田 勤. –Tokyo: Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館. Vol. I 上巻. Part 2nd 卷二, pp. 1–93.
- Tsushima ki-ji 津島紀事 (1917). Izuhara 巖原町 (pref. Nagasaki 長崎県): Tsushima ki-ji kankōkai. 499 p.
- Vorob’ev, M.V. (1980). *Iaponiia v III–VII vekakh* [Japan in the 3-7th centuries]. M. : Nauka, 1980. 344 p.
- Akima Toshio. (1993). The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū’s subjugation of Silla. In *Japanese Journal of Religious Studies*. No. 20/2-3, pp. 95–185.
- Chikuzen-no kuni-no fudoki itsubun 筑前國風土記逸文 (1898). In *Kofudoki itsubun* Tokyo: Dai-nihon zusho kabushiki shakai 大日本圖書株式会社. Part II, pp. 12–18.
- Chiuzen-no kuni-no fudoki itsubun 筑前國風土記逸文 (1927). In *Kofudoki itsubun* 古風土記逸文. Tokyo: Ōoka-yama shoten 大岡山書店, pp. 188–204.
- Harima-no kuni-no fudoki 播磨國風土記 (1958). In *Fudoki* 風土記 (“*Nihon koten bungaku taiki*” 日本古典文学大系). Tokyo : Iwanami shoten 岩波書店. Vol. II, pp. 25–35.
- Harima-no kuni-no fudoki itsubun 播磨國風土記逸文 (1927). In *Kofudoki itsubun* 古風土記逸文. Tokyo : Ōoka-yama shoten 大岡山書店, pp. 145–156.
- Hachiman gudōkun 八幡愚童訓 (1902). In *Gunsho ruijū* 群書類從. Tokyo : Keizai zasshi-sha 經濟雜誌社. Vol. 1, pp. 447–497.
- Marder, Arthur J. (1945). From Jimmu tennō to Perry sea power in early Japanese history. In *The American Historical Review*. Oct. Vol. 51. No. 1, pp. 1–34.
- Mills, D.E. (1954) The Takahasi Uzibumi. In *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London. Vol. XVI. No 1, pp. 113–133.
- Rokugō kaizan nimmon daibosatsu hongī // Lotus in the mountain, Mountain in the Lotus: Rokugō kaizan Nimmon daibosatsu hongī / Transl. by Allan G. Grapard (1986). In *Monumenta Nipponica*. Spring. Vol. 41. No. 1, pp. 27–50.
- Suroven’ D.A. (1998). Koreiskii pokhod Okinaga-tarasi-khime (pravitel’nitsy Dzingu) [Korean campaign of Okinaga-tarashi-hime (empress Jingū)]. In *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. Moscow–Magnitogorsk: Institut arkeologii RAN – MGPI. Iss. 5, pp. 160–167.
- Suroven’ D.A. (2015). Kul’tovy e ritual’nye aspekty nachal’nogo etapa Koreiskogo pokhoda gosudaryni Dzingy 346 goda [Cult and ritual aspects of the initial stage of the Korean campaign of empress Jingū 346 A.D.]. In *Drevnie kul’ty, obriady, ritualy: pamiatniki i praktiki*. Zimovniki: ZKM. Iss. 1, pp. 245–254.
- Suroven’ D.A. (2015). O khronologii pravlenii Okinaga-tarasi-khime(gosudaryni Dzingy) i Khomudavake (gosudaria Ōdzina) [About chronology of reigns of Okinaga-tarashi-hime (empress Jingū) and Homuda-wake (emperor Ōjin)]/ In *Genesis: istoricheskie issledovania*. No. 6, pp. 1–226.
- Suroven’ D.A. (2011). Ob’ezd Vostochnykh territorii gosudarem Ōtarasi-khiko i administrativno-territorial’nye reformy nachala 40-kh godov IV veka v Iamato [Detour of East territories by emperor Ōtarashi-hiko and administrative-territorial reforms in Yamato of early 40s of the 4th century]. In *Ural’skoe vostokovedenie. Mezhdunarodnyi al’manakh*. Ekaterinburg : Izd-vo Ural’sk. un-ta. Iss. 4, pp. 10–39.

Suroven' D. A. (1998). Period regentstva Okinaga-tarasi-khime (pravitel'nitsy Dzingu) [Period of regency of Okinaga-tarashi-hime (empress Jingū)]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. M.–Magnitogorsk : In-t arkhologii RAN – MGPI. Iss. 6. pp. 174–180.

Suroven' D. A. (2013). Podgotovka pravitel'nitse Dzingō Koreiskogo pokhoda v Silla 346 g. Ch. 2-ia: Okinaga-tarasi-khime v Tsentral'noi Iaponii [Preparation by empress Jingū the Korean campaign in Silla 346 A.D. Part 2nd: Okinaga-tarashi-hime in Central Japan]. In *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. No. 3 (117), pp. 38–54.

Suroven' D. A. (2015). Pokhod gosudarstva Yamato v Silla 346 goda [Campaign of the Yamato state in Silla 346 A.D.]. In *Nauchnyi dialog*. No. 1 (37), pp. 8–65.

Suroven' D. A. (2015). Svedeniia iaponskikh istochnikov o vozvrashchenii voiska gosudarstva Yamato iz Koreiskogo pokhoda 346 goda [Data of Japanese sources on return of Yamato state's army from the Korean campaign of 346 A.D.]. In *Nauchnyi dialog*. No. 5 (41). pp. 8–47.

Suroven' D. A. (2013). Svedeniia iaponskikh istochnikov o podgotovke pravitel'nitse Dzingu Koreiskogo pokhoda v Silla 346 g. Ch. 1-ia: Okinaga-tarasi-khime v iugo-zapadnoi Iaponii [Data of the Japanese sources on preparation by empress Jingū of the Korean campaign in Silla of 346 A.D. Part 1st: Okinaga-tarashi-hime in southwest Japan]. In *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (114), pp. 150–167.

Takahashi-uji bumi 高橋氏文 (1952). (Fragments of “Dazyōkan-fu”, “Honchō-gatsuryō”, “Seijiyōryaku” with translation on Japanese 「高橋氏文云」として引用してある『太政官符』、『本朝月令』所引、『政事要略』所引) // Kurano Kenji. “Takahashi-uji bumi” kō 高橋氏文考. In *Bungei to shisō* 文芸と思想 (Fukuoka jōshi daigaku 福岡女子大学). July. Vol. 5, pp. 67–68.

Tsukushi-no kuni-no fudoki itsubun 筑紫國風土記逸文 (1898). In *Kofudoki itsubun* 古風土記逸文. Tokyo: Dai-nihon zusho kabushiki shakai 大日本圖書株式会社. Part II, p. 14.

Azumi-uji – Azumi-uji 阿曇氏・安曇氏 // URL: <http://homepage2.nifty.com/amanokuni/azumi.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Chikuzen-no kuni-no fudoki itsubun 筑前國風土記逸文 // URL: <http://homepage2.nifty.com/toka3aki/geography/fudoits8.html> (mode of access: 04.02.2018).

Chikuzen-no kuni-no fudoki itsubun 筑前國風土記逸文. In *Shin-nihon koten bungaku zenshū “fudoki”* 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun05.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Dai-nihon-shi 大日本史 (1900-1907). (*hon-ki* 本紀 and *retsu-den* 列傳: 大日本史 (主要底本). Tokyo: Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, Tokugawa-ka zōhan 徳川家藏版 / Ed. by Yoshikawa Hanshichi 吉川半七 1900; *shi* 志 and *hyō* 表: 大日本史 (要底本) / Ed. by Tokugawa Sōko 徳川總子. Tokyo: Genkōhen genseishoho genkeitokukō 源光國編 源齊昭補 源慶篤校) // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/dainihonsi/dainihon.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Harima-no kuni-no fudoki itsubun 播磨國風土記逸文 // URL: <http://homepage2.nifty.com/toka3aki/geography/fudoits6.html> (mode of access: 04.02.2018).

Harima-no kuni-no fudoki itsubun 播磨國風土記逸文. In *Shin-nihon koten bungaku zenshū “fudoki”* 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun03.htm#harima> (mode of access: 04.02.2018).

Hachiman Usa-no miya mi-takusen-shū, Kashihi-no miya engi 『八幡宇佐宮御託宣集』、香椎宮縁起 // Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei 大宝以前の逸年号-逸年号史料集成 // URL: <http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Hine-jinja 日根神社 (ひね) // URL: <http://kamnavi.jp/ny/hine.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Isora-ga saki to Isora-no kami 磯良崎と磯良神 // URL: <http://www.k3.dion.ne.jp/~kodaira/xyz1107a.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Kaeri-michi 1 帰路 1 // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/gingu17.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Kaeri-michi 4 帰路 4 // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/gingu19.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Munakata-taisha 宗形大社 // URL: <http://www.munakata-taisha.or.jp/e/index.htm> // Munakata-taisha00.files/top.htm (mode of access: 04.02.2018).

Sendai kuji-honki, 10 scrolls 先代舊事本紀. 全十卷 // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/mokujik.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Settsu-no kuni-no fudoki itsubun 攝津國風土記逸文. In *Shin-nihon koten bungaku zenshū “fudoki”* 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun01.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Settsu-no kuni-no fudoki itsubun (sankō) 攝津國風土記逸文【參考】. In *Shin-nihon koten bungaku zenshū “fudoki”* 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun07.htm#settu> (mode of access: 04.02.2018).

Shinsen-shōji-roku 新撰姓氏錄, 30 scrolls (1962). In *Saeki Arikie. “Shinsen-shōji-roku”-no kenkū. Hombun-hen.* Tokyo: Yoshikawa kobunkan (佐伯有清『新撰姓氏錄の研究 本文篇』。東京: 吉川弘文館) // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (mode of access: 04.02.2018).

Shiragi-no shuppei (1) 新羅出兵 (1) // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/gingu15.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Shiragi-no shuppei (2) 新羅出兵 (2) // URL: // URL: <http://www.ne.jp/asahi/wacoku/tikushi/Jingu06.files/gingu16.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Sumiyoshi-ki 住吉記 // URL: <http://kamnavi.jp/sumiyosi/index.htm> (mode of access: 04.02.2018).

Taihei-ki, scroll 39th, story 10th (神功皇后攻新羅給事) // Taihei-ki, 40 scrolls 太平記、全四十卷 (“Kokumin bunkokhon” 国民文庫本) // URL: <http://www.j-texts.com/taihei/thkm.html> (mode of access: 04.02.2018).

Tsukusi-no kuni-no fudoki itsubun 筑紫國風土記逸文. In *Shin-nihon koten bungaku zenshū “fudoki”* 新日本古典文學全集『風土記』 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/fuudo/itubun/itubun04.htm> (mode of access: 04.02.2018).

The article was submitted on 7.03.2018

Зайцев Р. В.

АМЕРИКАНСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПО СЛЕДАМ РУССКОГО РАЗНОСЧИКА ЙОХАНА АМИНОВА

Аннотация: В 2017 году было предпринято исследование, посвященное жизни русских путешественников и резидентов на Тайване в XIX веке. Особый интерес вызвала фигура Йохана Аминова – русского подданного, жившего на Формозе более 25 лет и умершего там в 1918 году. Выяснилось, что до переезда на остров Аминов много лет жил в Китае, где работал в Американском библейском обществе (АБО). Он был разносчиком книг, торговцем христианской литературой, и в этом качестве побывал во многих местах Цинской империи. Фрагменты его донесений о работе и жизни вошли в ежегодники АБО. Материалы содержат массу интересных свидетельств о деятельности Американского библейского общества и протестантских миссионеров в Китае в XIX веке. Как Общество могло распространять сотни тысяч христианских книг в год усилиями всего лишь нескольких десятков миссионеров и торговцев? В чем заключалась торговая стратегия АБО, принесшая ему такой большой успех? Кем были эти бродячие иностранные торговцы Библией? И почему разносчиком Американского библейского общества стал русский подданный Й. Аминов? На эти и другие вопросы автор попытался ответить в этой статье.

Ключевые слова: Американское библейское общество, Китай, протестантские миссии, Библия, Йохан Аминов

Zaitsev Roman

AMERICAN BIBLE SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN CHINA: RETRACING STEPS OF THE RUSSIAN COLPORTEUR JOHAN AMINOFF

Abstract: In 2017, the author of this article was engaged in research on the Russian travelers and residents in Taiwan in the 19th century. In particular, a great interest was caused by the figure of a Russian citizen Johan Aminoff, who lived on Formosa for more than 25 years and died there in 1918. Before moving to the island, Aminov lived for many years in China, where he worked in the American Bible Society (ABS). He was a colporteur, a Bible salesman, and visited many places in the Qing Empire. Fragments of his reports about his work and life in China were included in the ABS annual reports. These books contain a lot of interesting information about the American Bible Society and Protestant missionaries in China in the 19th century. How did it happen that the Society could distribute hundreds of thousands of Christian books a year with the efforts of just a few dozen missionaries and salesmen? What was the trading strategy of ABS and why was it so successful? Who were these foreign colporteurs? And why did the Russian citizen J. Aminoff work in American Bible Society? The author tried to answer these and other questions in this article.

Key words: American Bible Society, China, protestant missionaries, Bible, Johan Aminoff

Американское библейское общество. Первые годы АБО в Китае

Американское библейское общество (АБО) – большая миссионерская организация, первоочередными задачами которой были перевод, издание и распространение Библии. Общество было основано в США в 1816 году со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Уже спустя два десятилетия АБО работало во многих странах и регионах мира, сотрудничая с самыми крупными протестантскими миссиями. В 1830-х годах несколько американских миссионеров побывали в Восточной Азии и высоко оценили потенциал китайского рынка. С 40-х годов XIX века АБО стало готовиться к работе в Цинской империи.

Самым важным моментом стала подготовка главного «товара» – перевода протестантской Библии на классический китайский язык. Эта работа потребовала почти десятилетия, участия многих человек и серьезной финансовой поддержки. Наконец, в 1851 году общество с гордостью объявило о завершении перевода, этого «совместного результата деятельности европейских и американских миссионеров». «Население империи превышает 360 000 000 человек и можно утверждать, что новая только что законченная версия Нового Завета может быть прочитанной колоссальным количеством людей. Библия оказалось доступной трети населению мира благодаря всего лишь одному переводу» – ликовали авторы сборника [1, *р. 100*].

Однако широкомасштабное проникновение на китайский рынок, так хорошо подготовленное, пришлось отложить еще на несколько лет: в Китае бушевало восстание тайпинов. В Шанхае, который контролировался западными державами, удалось напечатать крупную партию книг, но реализовывалась она медленно. В 1860 году, например, с досадой отмечалось, что было «введено в оборот» всего около 30 000 книг [2, *р. 93*]. В том же 1860 году тайпинский полководец Ли Сючэн подошел к Шанхаю, но город удалось отстоять. Война шла совсем близко, было не до торговли книгами. В этой ситуации предприимчивые миссионеры нашли интересный выход: они стали продавать Библию на китайском языке в Японию, заметив, что японские образованные люди легко читают иероглифику, а некоторые из них владеют письменным китайским языком [3, *р. 94*].

Но и в Китае положение дел постепенно становилось лучше. Уже в 1864 году, после поражения тайпинов, миссионеры получили возможность работать на юге страны, а вскоре для них была открыта и столица. В 1866 году Американским библейским обществом вместе с британскими миссионерами было реализовано 171 732 единиц печатной продукции [4, *р. 99*]. В дальнейшем деятельность АБО и других протестантских миссий в Китае непрерывно расширялась. Каковы же были механизмы успеха протестантских миссионеров в Китае?

Торговая стратегия АБО в Китае

С середины 60-х годов обозначились три основных центра деятельности миссионеров: Пекин (северный Китай), Шанхай (центральный Китай) и Фучжоу (южный Китай). Они же были типографскими центрами. С конца 60-х годов постепенно выработалась общая стратегия проведения торговых операций в Цинской империи. Мы можем выделить, по крайней мере, 4 причины успеха АБО:

1) Широкое сотрудничество со многими протестантскими миссиями в Китае, особенно с пресвитерианской и методистской. Так, в сборнике 1867 года отмечено, что именно благодаря сотрудничеству этих двух миссий удалось сравнительно быстро сделать перевод Нового Завета и некоторых книг Старого Завета на фучжоусский диалект [4, *p.* 99].

2) Предоставление покупателям широкого выбора товара, причем наибольшей популярностью пользовались компактные маленькие издания. В отчете Общества за 1887 год с гордостью упоминается факт издания «самого маленького Нового Завета на китайском языке в истории» и особо подчеркивается его достоинство помещаться в карман без особых проблем. Следуя этой стратегии, АБО предпочитало избегать больших изданий и продавать Священное Писание «по частям». Так, в 1887 в Шанхае году было напечатано 3000 экземпляров полного Нового Завет на современном китайском языке, а Евангелий и Деяний Апостолов на том же языке было издано в количестве 175 030 книг. Эта книга была самой массовой продукцией того года и содержала 64 страницы, при этом мы не должны забывать, что по размеру это были маленькие и компактные томики. Из общего количества проданных единиц печатной продукции за тот год (239 534) количество проданных полных Библий составляло всего 277 книг [16, *p.* 138].

3) Гибкий подход в вопросе языка издания. Священные книги печатались на нескольких китайских языках, выбор языка зависел от местности. Первыми, кто понял, что классический китайский не лучший язык для работы с местным населением, были миссионеры южных районов империи. Уже в 1867 году в Фучжоу Священные книги печатались на фучжоусском диалекте. Тогда же миссионеры на севере Поднебесной осознали острую необходимость перевода Библии с классического на современный им китайский язык [4, *p.* 99]. Через 4 года Библия продавалась в Китае на классическом китайском, современном китайском, диалектах Фучжоу, Шанхая, Нинбо и даже на монгольском языке [6, *p.* 103]. Практическая необходимость заставляла миссионеров постепенно отказываться от классического китайского. Например, если в 1877 году в Фучжоу книги издавались, кроме *фучжоуского*, на классическом и современном китайском, то спустя 10 лет издательства полностью переориентировались на местный диалект. В Шанхае книги печатались на классическом и современном китайском, английском и кантонском языках [15, *p.* 138].

4) Эффективная система способов реализации товара. Существовало три типа продажи: со склада (с торговых точек, в книжных лавках), продажи миссионерами и продажи разносчиками – бродячими книготорговцами («*colporteur*»). Стратегия реализации с годами менялась. Сначала АБО делала ставку на миссионеров как главных продавцов и распространителей христианской литературы. При этом отмечалась важность работы разносчиков, но говорилось о трудности найти подходящих людей для этой нелегкой деятельности [5, *p.* 128]. Возможно, что на начальном этапе миссионеры, как более мотивированные «люди идеи» были эффективнее наемных торговцев. С расширением продаж, однако, стало ясно, что миссионеры не могут быть основным «каналом сбыта»: людей не хватало и главными источниками продаж стали именно профессиональные разносчики. Так, в 1887

году бродячим книготорговцам удалось продать 205 918 единиц печатной продукции, то есть приблизительно 4/5 всего товара [15, р. 138]. Разносчики стали главной движущей силой развития Общества – его символом и основным источником дохода от торговых операций. Расскажем о них подробнее.

Разносчики-книготорговцы АБО: их жизнь и работа

Состав разносчиков был неоднороден. Они делились на иностранных и местных. Сформировывались группы, во главе каждой из которых стоял миссионер или иностранный торговец. У него в подчинении были местные разносчики. Группы были очень мобильны и эффективны, их состав менялся каждый год, они могли работать вместе или поодиночке. Численный состав групп колебался, большинство иностранных торговцев имело по 1–2 подчиненных, но были и исключения. Возьмем к примеру статистику за тот же 1887 год: в Американском библейском обществе в Китае числилось 76 разносчиков, 10 человек из которых были иностранными подданными, в подчинении у которых находилось 66 местных торговцев. В основном это были маленькие группы, но, например, в группе самого опытного книготорговца Дж. Торна (J. Thorne), проработавшего в Китае 10 лет, было 19 человек.

В материалах Общества невероятно подробно дана статистика как по группам, так и персонально по иностранным разносчикам. Впрочем, эту статистику во многих случаях можно назвать весьма приблизительной. Как показывает практика, количество проданных книг, пройденного расстояния и посещенных населенных пунктов указывали сами бродячие торговцы. В вышеупомянутом письме Плама есть любопытная инструкция для разносчиков из числа местных: «Им приказано путешествовать по стране, посещая на своем пути каждый город и деревушку, не имея при себе ничего, кроме Священных книг. Они должны использовать каждую возможность для продажи, в соответствии с своими возможностями просвещать местное население, и, таким образом, нести свет правды в более удаленные и уединенные области страны. От разносчиков требуется составления полных письменных докладов священнику, под ответственность которого они были наняты. Доклады составлялись каждый квартал, в них должно было быть указано количество проданных книг, количество полученных денег, пройденное расстояние, число посещенных городов и деревень, их приблизительное население, а также вероятное число людей, узнавших от них о христианстве» [7, р. 108].

В 1876 году разносчик Пирсон (Pierson) в докладе Обществу описал схему работы иностранного торговца Библией. По его словам, есть два способа реализации товара. Первый – это работа на местах. Шесть дней в месяц в городах проводятся торговые ярмарки. Иностранец посылает местных подчиненных на окрестные ярмарки, где иногда удается продать значительную часть товара. Иногда местные торговцы отправляются на отдаленные от миссионерского центра ярмарки, чтобы вести проповедь и «прощупать почву» для будущей торговли. Однако самым успешным способом, по его словам, является торговое путешествие: «...мы путешествуем, главным образом, на двухколесной повозке, запря-

женной муллами. На задней части повозки есть выступ, где может разместиться вместительная коробка с книгами. В долгих путешествиях мы делаем перерыв в 11 часов утра и останавливаемся на ночь в 5 часов вечера. В местах, где мы останавливаемся мы всегда можем продать несколько книг и устроить проповедь собравшейся толпе. Когда же случается останавливаться на ярмарке, иностранец, который может произнести речь, является большим стимулом сделать покупку, и часто связки книг продаются в считанные секунды». [9, *p. 108*].

Среди трудностей и опасностей работы разносчика иногда счастливый случай помогал решить проблему сбыта. В докладе миссионера Э. Томпсона (E. H. Thompson) приведена довольно типичная история: «Однажды одному из разносчиков неожиданно помог слепой человек, которого он встретил на дороге. Этот человек воскликнул «Это хорошая книга. Я ее куплю». Другие, услышав это и увидев, что он купил книгу начали скупать книги и купили сорок или пятьдесят штук. Как жаль, что мы не можем следовать за этим слепым!» [9, *p. 108*]. Подобные удивительные встречи и следующий за ними «ажитаж», когда все книги раскупаются, можно часто наблюдать в докладах миссионеров и разносчиков, для которых эти истории – наиболее запоминающиеся моменты в долгих буднях путешественника-торговца.

Встречаются в письмах миссионеров и рассказы о противодействии со стороны местных язычников, которые встречали торговцев Библии оскорблениями, пытаясь помешать их работе. Миссионер А. Копп (A. Copp), путешествуя в 1882 году в северном Китае встретил такой прием: «Меня всюду называли «собакой» «дьяволом», «диким дьяволом», «рыжеволосым дьяволом»... Мое самое распространенное имя здесь – «заморский дьявол», я к нему настолько привык, что уже не уверен какое же мое настоящее имя» [11, *p. 128*]. Впрочем, таких рассказов немного. Еще меньше – о прямом насилии, хотя встречаются и они. Так, миссионер У. Уиллс (W. A. Wills) рассказывает об истории двух местных разносчиков, один из которых «встретил воров и был обобран до нитки, второй – избит некими студентами» [10, *p. 128*]. Он же в другом докладе пишет, что его местные подчиненные были забросаны камнями, впрочем, никто серьезно не пострадал [11, *p. 129*]. А вот еще одна история, рассказанная тем же миссионером: «Женщина купила два Евангелия. Когда ее муж увидел два иероглифа, обозначавших «Христос», он выхватил у нее книги, начал их рвать, в потом набросился на разносчика. Собралась толпа. Некоторые говорили: «Это хорошее учение». Другие кричали: «Если ты еще придешь мы с тобой разделаемся.» [12, *p. 129*]

Профессиональный разносчик-иностранец обладал следующими навыками: во-первых, он должен был хорошо знать библейский материал, уметь объяснить смысл христианского учения, ответить на каверзные вопросы сомневающихся и вести полемику, например, с духовными лицами других конфессий, которые могут некстати оказаться на месте торговли. Во-вторых, он должен был уметь делать все это на местном языке, а учитывая диалектную раздробленность тогдашнего Китая – подчас на нескольких местных языках. В-третьих, это должен был быть физически сильный, выносливый человек, проводящий более половины времени в путешествиях в чужом климате, часто ночующий в грязных гостиницах или про-

сто под открытым небом, готовый каждый день дать отпор разбойникам, ворам и агрессивным фанатикам местных верований. Даже работа в городах была подчас нелегким делом. Тот же Уиллс во время сильной жары летом в Шанхае работал по ночам, в основном продавая книги на борту пароходов и джонок, в среднем сбывая по 50 экземпляров за ночь. Миссионеру Дж. Уэйру (J. Ware) приходилось работать в опиумных курильнях, впрочем, как отмечено в докладе, он встречал среди посетителей там «весьма радушный прием» [10, *p.* 127].

Протестантам приходилось выдерживать конкуренцию со стороны католической церкви. Иногда отношения христиан между собой были хуже, чем между ними и язычниками. Об этом можно прочитать, в частности, в вышеупомянутом письме Томпсона. Он рассказывал о своих подчиненных разносчиках из числа местных, которые активно работали в районе Шанхая «...иногда их оскорбляли язычники. Но оскорбления со стороны католиков были еще более злобными. Они упрекали наших торговцев, говоря, что те продают фальшивую книгу, искаженную копию их собственной Библии» [9, *p.* 108]. Неприязнь католиков и протестантов была взаимной. В докладе 1874 года приведен рассказ миссионера Плама, который отправившись в далекое торговое путешествие обнаружил в одном селекции католическую общину, которая насчитывала не менее 300 человек. Посетив местный храм, Плам обнаружил «многочисленные картинки, распятия и другие принадлежности католической службы», но с возмущением не нашел ни одной Библии. Неудивительно, что, по его словам, «люди были ужасающе необразованы в вопросах христианской веры» [8, *p.* 112].

АБО в Китае в 70-е и 80-е годы XIX века. Эволюция торговой стратегии.

С расширением торговли и деятельности Общества в Поднебесной его торговые операции претерпели значительные изменения. Прежде всего это касается самих продаж. Дело в том, что в первые годы АБО в Китае большинство книг и брошюр не продавались, а бесплатно распространялись среди местного населения. Например, в 1866 году из напечатанных протестантскими миссиями 265 150 книг всего лишь 5 615 были проданы, 166 117 были розданы [4, *p.* 99]. Впоследствии пропорции проданных и розданных книг сокращались, хотя и довольно медленно. В 1869 году было напечатано 203 493 книги, продано 21 413, а роздано 216 275 книг [5, *p.* 128]. В 1872 году методистский миссионер Н. Дж. Плам (N. J. Plumb) предложил протестантским миссиям не раздавать книги бесплатно, а продавать их по номинальной цене. Плам заметил, что «покупатели заботятся о тех книгах, которые они купили больше, чем о тех, которые достались им даром» [7, *p.* 108]. В последующем миссионер неустанно пропагандировал свою теорию, иллюстрируя ее достоинства примерами из собственного опыта.

В 1881 Лютер Гулик (L. Gulick), с середины 70-х курировавший деятельность АБО в Цинской империи и Японии, был назначен постоянным агентом Общества в Китае и получил, наконец, возможность сосредоточиться на работе в Поднебесной. При нем деятельность АБО была упорядочена, статистика, состоявшая ранее из разрозненных данных по миссиям и разносчикам, приобрела

форму строгой отчетности. Количество введенных в оборот книг (сюда относятся проданные и распространенные экземпляры) составило в 1881 году 105 595 штук (сравним с 74 504 в 1879 году и с 77 029 в 1880 году). Более половины книг (55 740) было введено в оборот разносчиками, причем на долю иностранных торговцев пришлось 40 167 книг [10, *p.* 126].

В 1882 году Обществу, наконец, удалось отделить в статистике проданные и розданные печатные товары. Выяснилось, что времена, когда большинство книг отдавалось даром, прошли: из 181 062 единиц продано 122 046. Более 90% проданных книг приходилось на долю разносчиков – 111 603. Впрочем, из всей продукции количество проданных полных комплектов Библии по-прежнему было очень малым – 488 книг (роздано 415 книг). Нового Завета было продано в количестве более 2000 экземпляров, остальные продажи – это маленькие части Библии отдельно [11, *p.* 122].

Нельзя сказать, что эта стратегия «малых изданий» вызывала всеобщее одобрение. Подчас среди восторженных докладов и писем протестантских миссионеров встречаются также достаточно сдержанные, а иногда и просто критические замечания по поводу политики АБО в Китае. Например, в 1876 году миссионер Джордж Фитч (G. Fitch) отмечал, что очень низкий процент продажи полного комплекта Библии по сравнению с ее отдельными частями ясно показывает достаточно поверхностный интерес местного населения к христианству: «В письмах за последнее время я утверждаю, что китайцы не хотят нашу Библию. Мне горько об этом говорить, но это правда. К местным разносчикам, которые несут слово Божье в народ, по большей части, относятся с презрением и встречают их оскорблениями. Если же разносчик иностранец, то, скорее всего, книгу купят охотно, но только потому что ее продает иностранец, а не по причине любви к этой книге» [9, *p.* 106].

Были и другие попытки объяснить низкие цифры продаж полного комплекта Библии. Так, миссионер Плам писал, что Библия на классическом китайском – первом языке Библии в Цинской империи – не пользуется спросом по причине того, что большинство очень плохо владеют этим языком. Он выражает надежду, что книги на местных языках будут продаваться намного лучше. Была и проблема грамотности местного населения. Миссионер Генри Портер (Henry Porter) отмечал, что на юге могут читать всего лишь 1/5 городского населения, в то время как в северных городах таких едва ли наберется 10%. В деревнях статистика была еще хуже. «Знание нескольких иероглифов, даже нескольких сотен иероглифов едва ли позволит читать Библию, впрочем, читать наши книги намного легче, чем местные» [9, *p.* 107].

Тем не менее, несмотря ни на что, в 70-е и 80-е годы XIX века продажи Американского библейского общества в Китае стремительно росли. В 1884 году оно смогло за год продать в Китае 196 738 единиц печатной продукции (роздано 26 364) [13, *c.* 128], в 1885 – 197 693 единиц (роздано 16 818) [14, *p.* 126], а в 1886 – 211 348 (роздано 23 465) [15, *p.* 151]. Особенно успешным был 1887, когда удалось продать 239 534 книг и брошюр (роздано 13 321) [16, *p.* 138]. Неуклонно сокращалось количество розданных книг: в 1888 году оно составляло всего 12 344, причем, как отмечалось, большинство из них было отдано в школы, открытые

миссионерами [17, *p.* 142]. Сами протестантские проповедники высоко оценивали работу и роль христианства в современной истории Китая. Многолетний глава миссии доктор Л. Гулик отмечал: «Миссионерская работа последних пятидесяти лет является несомненно сильным фактором интеллектуального пробуждения, которое мы наблюдаем сейчас в этой старейшей и самой инертной нации» [14, *p.* 124]. Такова была ситуация в Китае для АБО в 1884 году, когда в число разносчиков вошел только уроженец российской Финляндии Йохан Аминов.

Русский подданный Й. Аминов – торговец Библией в Китае (1884–1892)

Кто же такой Йохан Аминов и как получилось так, что русский подданный стал работать на Американское библейское общество в Китае? Для ответа на эти вопросы проследим известные нам факты удивительной биографии этого человека.

Йохан Аминов родился 29 (или 21) декабря 1850 года в финском городке Нейшлоте (совр. Саволинна). Он был выходцем из шведской дворянской семьи Аминовых русского происхождения. Аминева были древним родом, восходящим к легендарному Радше, от которого берут свое начало многие русские дворянские роды, в том числе и Пушкины. Йохан был прямым потомком в восьмом поколении воеводы Федора Григорьевича Аминева, который во время Смуты в 1612 году перешел служить шведам. В 17–18 веке многие представители этой семьи (уже называвшиеся Аминовыми) жили на территории Финляндии, которая в то время была частью шведского королевства.

История этого рода хорошо прослеживается по материалам сайта www.geni.com. После присоединения Финляндии к России в 1808 году жившие здесь Аминовы вновь перешли на службу к русским властям. Так, дед нашего героя Бернт Йонес Аминов (Berndt Jonas Aminoff), бывший изначально шведским лейтенантом, стал капитаном, а затем майором российской армии [27]. Отец будущего разносчика Феодор Аминов (Feodor Aminoff), родившийся в 1811 году на юге Финляндии, также стал профессиональным военным. В 1839 году он получил звание лейтенанта, а в 1845 году стал капитаном. С 1846 года Феодор Аминов служил в Хельсинки, а в 1850 году был переведен Нейшлот, где в том же году и родился сын Йохан. В 1862 году он получил звание майора и был переведен на новое место – в Вильманstrand, где и умер год спустя (10 декабря 1863 года) в возрасте 52 лет.

О дальнейшей судьбе Йохана Аминова мы узнаем, в основном, из его двух кратких автобиографий, написанных на Тайване в 1896 и 1897 годах и адресованных японским властям острова. Сейчас оригиналы документов находятся в архиве тайваньского генерал-губернаторства (фонд 00011094007, папка 11094, документ номер 007; фонд 00000017060, папка 00017, документ номер 060). Второй источник – это короткая выписка из альбома выпускников Шведского педагогического училища (Svenska normallyseum или сокращенно «Norsen») в Хельсинки [29]. Итак, рассмотрим основные вехи биографии Аминова.

После смерти отца 13-летнего Йохана взял на воспитание его дядя Берндт Адольф Карл Грегори Аминов. Он жил в Хельсинки и был известным в Финляндии

государственным деятелем, единственным на тот момент живым из братьев Феодора Аминова [28]. В 1864 году Йохан был отдан в только что открывшийся элитный мужской лицей Helsingfors normalskola (впоследствии переименованный в Svenska normallyceum). Казалось, будущее мальчика обеспечено. Но в том же году скончался дядя и Йохан, проучившийся всего год, покинул лицей. В 15 лет он был вынужден стать профессиональным моряком и отправился, как он сам пишет в автобиографии, в «бесконечное плавание». Со своей матерью, которая умерла в 1908 году, он уже не увидится никогда.

За почти 20 лет странствий по морям Аминов побывал во многих странах Европы, Южной и Северной Америки, Азии, на Дальнем Востоке. Вот лишь некоторые страны, которые он упоминает в своей биографии: Швеция, Норвегия, Дания, Россия, Голландия, Германия, Англия, Испания, Турция, Пруссия, Франция, Аргентина, Бразилия, Британская Вест-Индия, США, Канада, Бирма, Япония. Наконец, в 1884 году 33-летний Аминов решил поступить на службу в Американское библейское общество в Китае.

Аминов приехал в Фучжоу 9 февраля 1884 года. В его первом докладе Обществу он пишет: «Несмотря на незнание языка, мне позволили, благодаря доброте миссионеров методистской Епископальной Миссии, путешествовать вместе с ними... В моей последней поездке, я, однако, серьезно заболел. Болезнь мучила меня все лето». Выздоровев, Аминов вернулся к работе и стал свидетелем исторического события – войны Франции и Китая, случившейся как раз в 1884 году. В августе французская эскадра атаковала Фучжоу: «Первые 14 дней не было конца вопросам типа “А французы верят в того же Бога, что и ты?” и “Если да, то почему они воюют?”». Впоследствии любопытные фучжоусцы еще долго надоедали вопросами начинающему разносчику: «Иногда, находясь среди незнакомцев, я устаю от их бесконечно повторяющихся вопросов, таких как “Из какой ты страны?” На это я отвечаю: “Я из страны «Книгопродажи» (Sell-book-country)”. Они воспринимают это очень хорошо» [13, *p. 140*].

В последние месяцы 1884 года, как говорится в докладе, «господину Аминову удалось продать беспрецедентное количество книг. Его ободряла доброта местного населения к нему». Всего за год разносчик проехал 575 миль, посетил 82 населенных пункта и продал 6 663 единиц товара. Его помощник продал всего 1237 книг и брошюр [13, *p. 140*].

В последующие несколько лет Аминов работал в основном в Фучжоу и на севере провинции Фуцзянь. Его статистика в 1885 году такова: у него был один китайский помощник, он проработал 233 дней, проехал 1632 мили, посетил 310 населенных пунктов (второй индивидуальный показатель среди книготорговцев АБО) и продал 11020 единиц товара (снова второй индивидуальный показатель), его помощник продал 2377 единиц печатной продукции [14, *p. 128*]. Как показывает статистика, это был очень успешный год для начинающего разносчика. Сам Аминов докладывает о нем так:

«Я очень благодарен за этот год Создателю. Здоровье позволило мне путешествовать больше, чем в прошлом году. Я выучил местный язык и сейчас могу понимать людей и рассказать им о смысле книг, которые я продаю. Я совершил

шесть путешествий, из которых путешествие в Хингва (Hingwha) более всего меня воодушевило. Когда я изо-всех сил пытался продать книги неподалеку от этого места, один старик непрерывно шел за мной и, используя всю оскорбительную лексику, которая была в его распоряжении, убеждал людей не покупать их. В этой деревне люди были настолько грубы, что мне было трудно продолжать мою работу, однако же я продал шесть книг. Когда я пошел туда в следующий раз, они были уже добрее, и я продал 29 книг, на nasledующей день я продал 101 книгу, а уже на завтра я продал весь мой запас. Многие из моих книг попадали в руки женщин, некоторые из которых могли читать, а некоторые не могли, но последние всегда просили их сыновей почитать тексты для них» [14, p. 135].

Отличные результаты за 1885 год не могли не вызвать позитивное внимание начальства. Глава Американского Библейского Общества в Китае Л. Гулик отметил: «Й. Аминов очень эффективно отработал в провинции Фуцзянь, и по моему указанию провел последние недели года в Шанхае, помогая мне завершить отчетную работу в этом году» [14, p. 127].

Видно, что Аминов работал добросовестно и уже на следующий 1887 год поразил Общество еще более высокими показателями. В 1886 году у Аминова в подчинении было четыре китайских разносчика, за 1886 год он проработал 226 дней, проехал 1674 мили, посетил 549 населенных пунктов (больше всех из торговцев), продал 8001 книгу и брошюру, четыре его помощника продали 1412 единиц печатной продукции [15, p. 152]. В 1887 году у него в подчинении было всего два китайских помощника, он проработал 214 дней в году, проехал 2032 мили, посетил 405 населенных пунктов (опять больше всех) и продал 9417 единиц товара (второй индивидуальный показатель среди торговцев), два его помощника продали 5520 единиц печатной продукции [16, p. 138]. Помимо работы в Фучжоу, Аминов в 1887 году совершил два больших путешествия – весной в Шау и осенью на Тайвань. Рассказ о путешествии в Шау дает хорошее представление о работе разносчика в те времена:

«12 февраля я начал путешествие на лодке в Шау. Поскольку я взял с собой определенное количество книг, было легче и дешевле взять лодку; несмотря на то, что я и мои помощники проводили в основном время на берегу, прочесывая городки, селения и деревушки на обоих берегах реки, а также лодки вблизи берегов. Книги продавались почти каждый день, как моими товарищами, так и мной.

Однажды мне случилось остаться ночевать на острове, и я провел всю ночь под открытым небом. Разразилась гроза. Я должен был переплыть через реку, чтобы попасть на мою лодку, которая была впереди меня. В другой день я снова остался позади лодки с одним из моих помощников и провел еще одну ночь под открытым небом. Однако дождя не было. Мы разожгли большой костер и грелись у него всю ночь.

После успешного торгового путешествия 4 марта я прибыл в Шау, но очень скоро обнаружил, что фучжоуский диалект здесь совершенно бесполезен; поэтому в моем немолодом возрасте мне пришлось начать учить еще один язык. Я пробыл в городе Шау и в окрестных деревнях целый месяц, и всегда мне сопутствовал успех. Люди здесь очень отличаются от жителей Фучжоу. Они никогда не против разговора, поэтому книга легко находит путь в их сердца.

Однажды один человек купил полный комплект Завета и несколько Евангелий. Другой купил несколько книг для своего книжного лотка. В другой раз на реке матрос, руку которого я перевязал, купил книгу и так горячо ее хвалил, что перед тем, как мы покинули то место, я продал лодочникам 50 книг. Один человек, у которого была картина, изображающая казнь святого Стефана, и который ранее купил у меня Евангелие, пришел ко мне и спросил, есть ли у меня книга, которая может рассказать о событиях на этой картине. Я вручил ему экземпляр «Деяний», открыв его на соответствующей странице. Он заплатил за книгу и ушел... Между 12 февраля и 22-м апреля было продано около 3000 книг. Как только погода позволит, я поеду в Инхук (Ing-hook), а оттуда в Фучжоу за новыми книгами» [25, *p.* 134–135].

А вот как Аминов описывает свое первое путешествие на Тайвань: «Лето было очень жарким – иногда столбик термометра достигал 102 градуса по Фаренгейту в тени. В начале октября я поехал в долгое путешествие на Формозу и был благословлен хорошими продажами. Все на острове кажется символизирует быстрый прогресс и рост цивилизации. Я рад отметить, что здесь Библия и Истина, о которой учит «Священное писание», намного более популярны, чем на материке или, по крайней мере, в основной части провинции Фуцзянь» [16, *p.* 141].

Следующий 1888 год мог стать переломным для Аминова: судя по его письмам он был близок к тому, чтобы покинуть Китай и переехать на другой континент. Для этого он отправился в Гонконг, однако по какой-то причине он никуда не уехал и остался в Азии. В Гонконге работать было трудно: «Все лето я был болен, а после моего выздоровления, когда я пытался продать мои книги, многие не покупали их только потому, что это книги Американского Библейского Общества... Тем не менее мне разрешили продать несколько английских и русских книг Священного Писания солдатам и матросам, и я свидетель того, что эти книги, по крайней мере, попали в хорошие руки...» [17, *p.* 144]. Показатели Аминова резко упали: в 1888 году он проработал 160 дней, проехал 1646 миль, посетил 43 населенных пункта и продал всего 3127 книг. Помощников в том году у него не было [17, *p.* 142].

1889 год был характерен для АБО, прежде всего, резким сокращением числа разносчиков: количество иностранных торговцев сократилось до 5, а количество китайских помощников – до 28 человек. Однако судьба благоволила Аминову: в начале года он снова отправился на Тайвань и там только за первые шесть месяцев 1889 года ему удалось продать 23 508 книг. Это был фантастический результат, если учитывать, что он действовал в незнакомом месте и без помощников [18, *p.* 145]. Вот как описывает Аминов свое второе путешествие на Формозу в письме от 28 апреля того же года: «Мои первые книги были проданы в Тамсуе и в его ближайших окрестностях; самое большое количество, которое удалось продать за один день, составляет 920 книг. Основательно прочесав эту местность, я направился в рыбацкий городок на морском побережье. Повсюду мне встречались добрые люди, торговля шла хорошо и была бы еще лучше, если бы не суровость погоды. Местные гостиницы находятся в ужасном состоянии и нередко представляют собой небрежно покрытые соломенной крышей бамбуковые сараи, где две-три свиньи оспаривают у постояльца место ночлега... В местах, где не было ни одной часовни, я часто находил людей, ждущих меня с деньгами в руках и желающих ку-

пить коробки книг, каждая из которых состояла из четырех Евангелий и Деяний... Один мужчина купил целую корзину книг, сказав, что желает их для своей деревни. Три дня подряд приходил в гостиницу старик, брал наугад одну из моих книг, читал немного, а затем брал другую. В конце концов, он заявил, что книги хорошие, купил несколько упаковок, и, довольный, ушел, отметив, что провернул выгодное дело» [26, *p.* 116].

Это путешествие стало для Аминова поворотным моментом – с тех пор он в основном работал только на Тайване. Ему невероятно понравился этот остров, где торговля шла так хорошо. В его отчетах о работе на Формозе, в отличие от предыдущих докладов, нет и одного случая оскорбления или неприязни со стороны местных жителей: везде только «добрые люди». Впрочем, встречаются в его письмах и некие отрицательные стороны жизни на острове: плохая инфраструктура, проблемы безопасности и, особенно, природные условия и погода. Жалобы на последние встречаются почти в каждом донесении разносчика: «Великим удовольствием было работать в прошлом году в той части Формозы, которую коснулась цивилизация... Формоза – лучшее место для продажи вразнос, но самое трудное для переездов. Среди многих речушек и потоков легко сосчитать те, что можно перейти вброд. На юге же путешествия рискованны из-за бродячих банд и разбойников, которые вечно ищут приключений. Цивилизация появляется на Формозе в виде фортов, орудий с казенниками, винтовок с обоймами, и теперь мы также можем похвалиться железной дорогой, хотя бы и такой» [18, *p.* 147].

А вот отрывок из письма 1892 года: «Я начал мой путь из Тайваньфу пешком, но не прошел и многих миль, как потерял мои сапоги в грязи. Все было затоплено. В городке Тунсяо, что на полпути между Тайваньфу и Тамсуем меня постигло наказание в виде другого тайфуна. Мне казалось, что землетрясения и тайфуны преследовали меня по всему острову. Пересекая пороги Тайки, я сперва послал мою поклажу вперед, а когда лодка вернулась, поехал сам, но судно было перегружено и распалось на части. У всех у нас остались весла, которые мы использовали как челны. Четыре китайца, которые не умели плавать, утонули» [21, *p.* 144].

Впрочем, природные условия не мешали Аминову работать, и даже очень успешно: только за вторую половину 1891 года разносчик проработал 171 день, проехал 717 миль, посетил 243 населенных пункта и продал 8748 книг, почти столько же, сколько все оставшиеся в Обществе торговцы-иностранцы вместе взятые [20, *p.* 158]. Видя, как хорошо у Аминова все складывается на острове, начальство перевело его из Фучжоу на Тайвань. В 1891 году новый глава АБО в Китае Л.Н. Уилер (L.N. Wheeler), сменивший на этой должности Л. Гулика, оставил следующую запись: «Где-то в середине года я привлек господина Й. Аминова... к расширенным торговым операциям на острове Формоза. У него хорошо получается» [21, *p.* 144].

Впрочем, сам Аминов, судя по всему, очень устал от восьмилетних бесконечных разъездов и лишений, связанных с работой разносчика. Ему уже исполнилось 42 года – время, когда пора было подумать о более спокойной деятельности. В 1892 году после 8 работы он ушел из Американского библейского общества, но остался жить на Тайване. Как же сложилось его судьба в дальнейшем?

В 1893 году он начал работать в компании торгующей камфорой “A. Butler & Co.” (公泰洋行) в Тамсуге [30]. Однако после передачи острова Японии в 1895 году дальнейшая деятельность в этой сфере стало невозможной. В конце 90-х годов он был сотрудником японской колониальной администрации в городе Тайчю (современный Тайчжун), где в частности преподавал японским военным местный диалект. В 1900 году Аминов по неизвестным причинам увольняется и в течение последующих нескольких лет работал в международной компании Smith, Baker and Co., торгующей тайваньским чаем. В 1909 году, в преддверии своего 60-летия, Йохан Аминов покинул компанию. Еще несколько лет он прожил на Тайване, женившись на местной уроженке.

Он умер 21 марта 1918 года и был похоронен на европейском кладбище в Тамсуге. Могила была обнаружена в 1996 году российским синологом В.Ц. Головачевым, после чего его судьба вызвала интерес со стороны нескольких исследователей колониального Тайваня. В данной статье мы в основном рассмотрели свидетельства китайского периода его жизни. Подробный рассказ о его тайваньских годах еще ждет своей публикации.

Что можно сказать о личности Йохана Аминова? Это был человек неординарной судьбы. Потомок древнего дворянского рода, он в 15 лет покинул родину, чтобы никогда на нее не возвращаться. Проведя все молодые годы в скитаниях по свету, побывав во множестве стран, он был безусловно человеком с необычайно богатым жизненным опытом. Судя по оставленным документам, он был обаятельным и трудоспособным работником, везде ценным начальством и умеющим быстро приспосабливаться к новым обстоятельствам. В его докладах АБО, написанных в соответствующем жанре «восторженного торговца Истиной», часто встречаются ироничные и трезвые наблюдения. Объехав полмира, блестяще овладев многими иностранными языками, космополит Аминов выбрал Тайвань в качестве последнего пристанища и стал первым известным нам сознательным русским эмигрантом на остров. В том числе и поэтому он должен быть интересен российским востоковедам.

Заключение

Уход Аминова из Американского библейского общества совпал со значительными переменами в организации. 20 апреля 1893 года внезапно умер Л. Н. Уилер – талантливый и умелый менеджер. Число иностранных агентов сократилось с 9 до 3, из-за чего продажи упали на самый низкий за последнее десятилетие – 192 215 книг, о чем с большим беспокойством писал новый глава Общества 41-летний Джон Хайкер (John Hucker). Тогда еще никто не знал, что он будет руководить Обществом вплоть до своей смерти в 1921 году.

Став агентом АБО в Китае и столкнувшись с нехваткой иностранных торговцев, Хайкер изменил стратегию торговых операций. Во-первых, он сделал ставку на местных разносчиков (это намеревался сделать еще Уилер [19, с. 154]), а чтобы их контролировать он привлек к сотрудничеству множество сотрудников протестантских миссий. В основном это были группы по два человека, где миссионеру

полагался местный помощник. У нескольких миссионеров, а также у иностранных торговцев были группы побольше. В 1895 году на Общество работало 120 разносчиков, из которых 4 – иностранцы, в подчинении у которых было 28 местных, остальные 88 китайских торговцев подчинялись 30 миссионерам [23, p. 165].

Эти и другие меры привели к тому, что уже в 1894 году продажи АБО возросли до 262 794 книг [22, p. 158], в 1895 составили 383 398 экземпляров [23, p. 157], а в 1899 году – 428 158 экземпляров. В то же время очевидная слабость Цинской империи и политическая нестабильность подчас весьма позитивно воспринималась в докладах АБО – ведь это давало надежду на модернизацию Китая и его дальнейшую христианизацию. Миссионеры особенно надеялись на внимание к христианству со стороны высшей знати. Это порождало истории, подобные докладу разносчика Гатрелла (Т. J. N. Gattrell) о сплетнях евнухов императорского двора, что император якобы тайно молится «Тяньчжу» и что великий князь Гун перед смертью завещал императору «учиться религии Запада» [24, p. 115]. Входя в 20-й век, Американское библейское общество смотрело в будущее с оптимизмом.

Подводя итоги деятельности АБО в XIX веке можно сказать, что начав с работы в Китае в качестве фактически благотворительной организации, бесплатно раздававшей большинство религиозной печатной продукции, спустя пару десятилетий Общество превратилось в успешный коммерческий проект. Этому способствовала не только эффективная торговая стратегия, но и гибкость организации, способность менять свою политику и, благодаря этому, быстро выводить АБО из краткосрочных кризисов. Одним из ключевых факторов успеха Американского библейского общества стали разносчики-книготорговцы, среди которых встречаются люди с удивительной судьбой, такие как русский поданный по рождению и «гражданин мира» по факту Йохан Аминов.

Литература

1. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1851. 272 p.
2. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1861. 124 p.
3. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1863. 48 p.
4. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1867. 158 p.
5. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1870. 152 p.
6. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1871. 148 p.
7. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1872. 150 p.
8. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1874. 181 p.
9. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1876. 44 p.
10. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1882. 212 p.
11. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1883. 192 p.
12. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1884. 191 p.
13. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1885. 208 p.
14. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1886. 214 p.
15. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1887. 224 p.
16. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1888. 218 p.
17. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1889. 219 p.
18. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1890. 224 p.
19. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1891. 232 p.
20. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1892. 226 p.
21. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1893. 226 p.

22. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1895. 236 p.
23. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1896. 245 p.
24. *Annual report of the American Bible Society*. New York: American Bible Society, 1899. 230 p.
25. *Bible Society Record*. Vol. 32/9. New York: American Bible Society, 1887. 144 p.
26. *Bible Society Record*. Vol. 34/8. New York: American Bible Society, 1889. 128 p.
27. https://www.adelsvapen.com/genealogi/Aminoff_nr_456#TAB_61 (mode of access: 24.01.2017)
28. <https://www.geni.com/people/Berndt-Adolf-Carl-Gregori-Aminoff/6000000001664963389> (mode of access: 24.01.2017)
29. <https://www.geni.com/people/Johan-Aminoff/6000000008389920633> (mode of access: 24.01.2017)
30. *The chronicle and directory for China, Corea, Japan etc. for the year 1894*. Hong Kong : Daily Press, 1895. 716 p.

References

- Annual report of the American Bible Society*. (1851). New York, American Bible Society. 272 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1861). New York, American Bible Society. 124 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1863). New York, American Bible Society. 48 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1867). New York, American Bible Society. 158 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1870). New York, American Bible Society. 152 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1871). New York, American Bible Society. 148 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1872). New York, American Bible Society. 150 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1874). New York, American Bible Society. 181 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1876). New York, American Bible Society. 144 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1882). New York, American Bible Society. 212 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1883). New York, American Bible Society. 192 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1884). New York, American Bible Society. 191 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1885). New York, American Bible Society. 208 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1886). New York, American Bible Society. 214 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1887). New York, American Bible Society. 224 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1888). New York, American Bible Society. 218 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1889). New York, American Bible Society. 219 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1890). New York, American Bible Society. 224 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1891). New York, American Bible Society. 232 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1892). New York, American Bible Society. 226 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1893). New York, American Bible Society. 226 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1895). New York, American Bible Society. 236 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1896). New York, American Bible Society. 245 p.
- Annual report of the American Bible Society*. (1899). New York, American Bible Society. 230 p.
- Bible Society Record*. Vol. 32/9. (1887). New York, American Bible Society. 144 p.
- Bible Society Record*. Vol. 34/8. (1889). New York, American Bible Society. 128 p.
- https://www.adelsvapen.com/genealogi/Aminoff_nr_456#TAB_61 (mode of access: 24.01.2017)
- <https://www.geni.com/people/Berndt-Adolf-Carl-Gregori-Aminoff/6000000001664963389> (mode of access: 24.01.2017)
- <https://www.geni.com/people/Johan-Aminoff/6000000008389920633> (mode of access: 24.01.2017)
- The chronicle and directory for China, Corea, Japan etc. for the year 1894*. (1895). Hong Kong, Daily Press. 716 p.

The article was submitted on 29.03.2018

«ОБРЕЧЕННЫЕ НА НЕИЗБЕЖНОЕ ВЫРОЖДЕНИЕ И ВЫМИРАНИЕ»: АБОРИГЕННАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА КОЛОНИАЛЬНОМ ТАЙВАНЕ В СОВЕТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (1920–1930-Е ГОДЫ)

Аннотация: В статье рассматриваются освещение и оценка в советской и коминтереновской печати 1920–1930-х годов политики японских колониальных властей на Тайване в отношении аборигенов «малайского» (т.е. не-китайского) происхождения. Материалы проанализированы в контексте как советской антиколониальной риторики, так и двусторонних советско-японских отношений, переходивших после «Маньчжурского инцидента» (осень 1931 г.) от относительного нейтралитета к открытой конфронтации, прежде всего в сфере информации и пропаганды. Советские авторы категорически отрицали любой прогресс в жизни аборигенов Тайвана в период колониального правления и утверждали, что японские власти сознательно обрекают их на неизбежное вырождение и вымирание. Революционная пропаганда и коммунистическое движение на Тайване практически не затрагивали аборигенов, не готовых к сознательной политической и экономической борьбе, но пытались использовать имевшиеся национальные проблемы и этнические конфликты для ослабления режима колониального правления и дестабилизации ситуации на острове изнутри. Несмотря на не слишком успешные усилия японской колониальной администрации по «цивилизации» аборигенов, они не стали орудием антияпонской борьбы в целях Коминтерна и «мировой революции». Представляется перспективным сопоставление работ советских авторов с освещением аборигенной политики Японии на Тайване в официальных японских изданиях и в записках других иностранных путешественников.

Ключевые слова: Япония, Тайвань (Формоза), колония, колониальная политика, аборигены, японизация, этнические конфликты

Vassili E. Molodiakov

“DOOMED TO INEVITABLE DEGENERATION AND EXTINCTION”: ‘ABORIGINAL’ COLONIAL POLICY OF JAPAN AT TAIWAN AS SEEN BY SOVIET ANALYSTS, THE 1920–1930S

Summary: This article analyzes critical representation by Soviet and Comintern authors of the 1920–1930s of Japanese colonial policy at Taiwan dealing with ‘Malay’ (non-Chinese) aborigines in the broad context of anti-colonial rhetoric as well as of the evolution of Soviet-Japanese relations from relative neutrality before ‘Manchurian Incident’ (Autumn 1931) to open confrontation mainly in the domain of information and propaganda. Soviet authors negated any progress in the life of aboriginal tribes under colonial rule and postulated that Japanese administration consciently doomed ‘Malay’ aborigines to inevitable degeneration and extinction. Revolutionary propaganda and Communist movement on Taiwan had no connection with aboriginal tribes not ready for organized political and economical struggle but tried to use existing national problems and ethnic conflicts meaning the aim to weaken Japanese colonial rule and to destabilize the situation on the island from inside. In spite of not so successful efforts of Japanese colonial administration to ‘civilize’ Taiwanese aborigines of Malay extraction they did not become a tool for anti-Japanese struggle for the aims of Comintern and ‘world revolution’. It will be useful to compare these works of Soviet authors with the covering of Japanese aboriginal policy on Taiwan in official Japanese sources and other foreigners’ texts.

Key words: Japan, Taiwan (Formosa), colony, colonial policy, aborigines, Japanization, ethnic conflicts

В эпоху колониализма важнейшей частью «цивилизаторской миссии» колониальных держав считалось «цивилизация» аборигенных народов, обычно именовавшихся «дикарями». Это «цивилизация» заключалось в поверхностном приобщении аборигенов к материальной культуре европейского типа, прежде всего к ее внешним атрибутам, без учета местной специфики. Степень распространения среди аборигенов основных атрибутов «белой», европейско-американской цивилизации и культуры, почитавшихся единственной «цивилизацией» и «культурой», служила важным мерилем оценки успеха или неуспеха политики той или иной державы в ее колониях.

Специфика положения Японии как колонизатора в начале XX в. и оценки ее политики в других странах, особенно в тех, которые сами обладали колониями, определялась тем, что она оказалась первой не-«белой» и не-христианской державой, имевшей колонии и претендовавшей на проведение «цивилизационной» политики, что считалось прерогативой «белых» и христианских стран. Правящая элита Японии в ходе модернизации после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.) поставила стратегической целью вхождение страны в «клуб великих держав», для чего по условиям эпохи необходимо было обладать колониями. Именно этот фактор стал одним из определяющих при выработке условий Симоносекского мирного договора 1895 г. после войны с Китаем, по которому Япония приобрела Тайвань и Пескадорские острова – свои первые колонии. Затем ей предстояло «сдать экзамен» по управлению ими, доказать свою способность успешно проводить колониальную политику по «мировым стандартам» того времени.

Анализ иностранной литературы 1900–1930-х годов о политике Японии на Тайване – объемная и многоаспектная тема, которой автор посвятил несколько статей и разработкой которой намерен заниматься далее ([14], [15]). Важным аспектом данной темы является аборигенная политика, т.е. политика колониальных властей в отношении коренных жителей Тайваня, которых в литературе того времени обычно именовали «малайцами», чтобы отличать от китайского или китаеязычного населения, или «дикарями». В настоящей статье речь идет именно о них.

Японские власти почти с самого начала управления островом, точнее, со времени назначения в 1898 г. гражданским губернатором выдающегося администратора Гото Симпэй, уделяли «дикарям» большое внимание, причем не только из-за необходимости «замирить» племена, враждебно относившиеся к любой власти. Гото считал всестороннее обследование коренного населения как части «старой системы» необходимым предварительным условием для выработки эффективной политики колонизации [7]. Именно при нем и под его руководством были заложены основы научного изучения аборигенов Тайваня, результатами которого этнологи пользуются до сих пор [9]. Следующим этапом явилось «замирение» аборигенов, разделенных на «мирные» и «воинственные» племена, отношение колониальных властей к которым радикально различалось. Посещение образцово-показательных поселений «мирных» аборигенов стало неотъемлемой частью туров по острову, которые власти организовывали для заморских гостей в расчете на максимально благоприятное освещение результатов их политики (этот сюжет нуждается в дальнейшем исследовании).

Аборигенная политика колониальной администрации на Тайване – тема куда более объемная, чем ее освещение в иностранной литературе, поэтому реальные достоинства и недостатки этой политики мы здесь не рассматриваем. Цель статьи – показать репрезентацию хода и итогов аборигенной политики в советской литературе 1920–1930-х годов, основное влияние на которую оказали два фактора. Первый – принципиальное неприятие советской ортодоксией любой колониальной политики, которая объявлялась безусловным и абсолютным злом, вне зависимости от страны, о которой шла речь [16]. Второй – постепенное ухудшение отношений между СССР и Японией, непосредственно и оперативно сказывавшееся на том, *что* и *как* писала о Японии советская и коминтерновская печать.

Безоговорочно критическим отношением к японской политике на Тайване отличается уже наиболее ранний выявленный историками коминтерновский документ, посвященный этой колонии. Это анонимная справка «Формоза или Тайван» (в то время чаще использовалось первое название, а второе писалось без мягкого знака) от 1 августа 1923 г., представленная Г. Н. Войтинскому, руководителю Восточного отдела Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) [27, с. 258–265]. Фактические данные в ней соседствуют с резкими антияпонскими выпадами пропагандистского характера, что характерно для коминтерновской аналитики, даже предназначенной для служебного пользования, а не для публикации. Приведу лишь несколько фраз: «Японские колонизаторы ознаменовали начало своего господства невероятными жестокостями, взяточничеством, распутством, всевозможными беззакониями, пьянством и другими художествами, о которых громко с возмущением кричала даже всепрощающая японская пресса. <...> Господствующий там режим еще хуже, чем в Корее».

Пресса Коминтерна, выступавшего как «международная общественная организация», а также его «дочерних предприятий» вроде Профинтерна, отличалась большей критичностью и резкостью в отношении других стран, нежели печатные органы ВКП(б) или советских учреждений, – при том, что они направлялись из единого центра. Позицию открытой печати (ряд коминтерновских изданий отсутствовал в свободном доступе) можно оценить как промежуточную. Она старалась – хотя далеко не всегда – соблюдать приличия в отношении японской монархии и правительства и воздерживаться от прямых «призывов к свержению существующего строя», что могло стать основанием для официальных протестов или санкций. В то же время ее главными темами были тяжелое экономическое и социальное положение японского пролетариата и крестьянства и их борьба за свои права в условиях жестокой эксплуатации и полицейского гнета. О коммунистическом движении писали немного, умалчивая о потрясавших его идейных и организационных расколах и, тем более, о том, как Москва стремилась руководить им и контролировать его. Сказанное верно и в отношении того, что писалось о Тайване.

По справедливому замечанию ведущего отечественного тайвановеда XX в. Ф. А. Тодер, начавшей научную деятельность в 1930-е годы, большая часть доверенных советских публикаций о колониальном Тайване имела «скорее пропагандистский, чем научный характер», поскольку «основными поставщиками материалов о японских колониях – Корее и Формозе – были референты Коминтерна

и Профинтерна, получавшие прессу соответствующих стран. <...> Регулярные обзоры для Профинтерна перерабатывались в статьи сотрудником Профинтерна» [28, с. 52] М. И. Лукьяновой, впоследствии заведующей отделом Японии Института востоковедения АН СССР (ныне – РАН).

При отсутствии на Тайване советских дипломатических представителей и журналистов, вся информация о положении на острове получалась из «вторых – третьих рук», включая официальные японские источники, а для публикации интерпретировалась в строгом соответствии с «генеральной линией». Одна из первых в советской печати статей о Тайване, появившаяся в 1927 г. в журнале «Международное рабочее движение» под красноречивым заголовком «Сахарные плантации обогрены кровью крестьян» (о подавлении волнений в провинции Тайтю осенью 1926 г.), открывалась признанием: «До нас очень редко доходят сведения о Формозе и о положении угнетенных и эксплуатируемых туземцев этой колонии». «Это происходит не потому, – говорилось далее в этой анонимной публикации, – что в колонии все тихо и мирно и туземное население благоденствует, а исключительно по той причине, что колониальное правительство Формозы принимает все меры к тому, чтобы не дать миру услышать стоны этого островного народа» [2].

Обобщением советских публикаций второй половины 1920-х годов о колониальном Тайване, в которых аборигенной политике вообще уделялось мало внимания, стала глава «Японский империализм на Тайване» в книге «Японский империализм. Политико-экономический очерк», вышедшей под псевдонимом «Г. Гастов». Ее автор – Георгий Александрович Астахов (1896/97–1942), в то время работавший заместителем редактора иностранного отдела газеты «Известия».

Более всего известный своей ролью в подготовке советско-германского сближения в 1939 г., когда он служил советником полпредства и поверенным в делах в Берлине, Астахов с марта 1925 г. по 1927 г. в ранге первого секретаря заведовал бюро печати советского полпредства в Токио. По свидетельству его сослуживца, советника и поверенного в делах, затем «невозвращенца» Г.З. Беседовского, Астахов «очень интересовался Японией, изучил японский язык, хорошо знал внутреннюю японскую жизнь», «прекрасно знал Японию, говорил по-японски и по-английски, имел обширные знакомства в Токио» [4, с. 183–184]. Во время службы в Грузии, Германии и Турции в первой половине 1920-х годов Астахов приобрел опыт аналитической и журналистской деятельности и напечатал ряд научных и популярных работ востоковедной тематики. В 1927 г. по инициалам «Г.Г.» он опубликовал брошюру «Япония» в серии «Наши соседи» издательства «Московский рабочий», где в том числе приводились элементарные сведения о Тайване. «Японский империализм» представляет собой бойко и увлекательно написанную научно-популярную работу для широкого читателя, без указания использованных источников.

В очерке японской колонизации Тайваня Астахов отметил «свирепую расправу с тайваньскими аборигенами малайской расы», которую новые хозяева острова осуществляли, «оттесняя их вглубь страны, изолируя, обрекая на голод и вымирание и просто истребляя в беспощадных карательных экспедициях» [8, с. 69]. «Туземцы, – пояснил он, – в первый период японской оккупации лишены были

как возможностей, так и особого желания бороться с японцами, поскольку китайские помещики были для них не лучше, если не хуже. <...> Настоящая борьба с туземцами началась впоследствии. Долгое время туземцы держались в горах, держа пришельцев в состоянии постоянного напряжения и боевой готовности. Лишь в 1910 г. правительство решило окончательно расправиться с туземцами, снарядив ряд экспедиций вглубь страны. <...> После этого остров оказался до известной степени “замиренным”, хотя до сих пор, даже по официальным японским источникам, ряд племен находится вне влияния японских властей, и с ними приходится вести борьбу» [8, с. 68].

Характеризуя современную ситуацию на Тайване, включая положение, в котором оказались «неукротимые горные племена» [8, с. 70], автор сочетал риторику официального образца со стремлением к живости описаний (возникает вопрос, не побывал ли он сам на Тайване в бытность заведующим бюро печати полпредства): «Проезжая по Тайвану, турист сначала поражается кипучей и созидательной работой империализма. <...> Он готов преклониться перед мощью и организаторскими талантами империализма, который создал из дикого острова культурный очаг, брызжущий искрами созидательной энергии. Но когда он присмотрится, заглянет в глубь страны, внимательно расшифрует велеречивые отчеты и статистические таблицы, он поймет наносность и мишуру этой культуры. Даже в приморской полосе все блага принадлежат только японцам. Местному населению (китайского происхождения – В. М.) оставлена лишь самая незначительная посредническая и рабочая роль. Дальше он увидит, что “по-культурному” причесана лишь узкая полоска земли вдоль западного берега острова. <...> Чуть-чуть вглубь, на 5/6 территории, там, за завесой трудно проходимых гор и полицейских кордонов, начинается так называемая “дикая зона” – туда, как правило, не пускают туристов. Там, между высочайшими хребтами, в болотистых низинах ущелий, в зарослях тропических джунглей гнездятся голые люди. Они живут в шалашах, под деревьями и в наскоро сколоченных хижинах, перебираясь ежегодно с места на место, вырубая лес и примитивным способом возделывая убогие посевы риса. Они не знают ни лечебной помощи, ни школы, ни одежды. Огнестрельное оружие заменяют им первобытные деревянные луки. Но они знают sake, табак и опиум. Эти “культурные” навыки поторопились передать им японцы. Они вымирают от голода и малярии, они исподтишка вырезают неосторожно попадающих в горы японцев, кое-где не брезгуя, говорят, даже полакомиться их трупами. <...> Изредка под вооруженной охраной проходят туда отряды исследователей или экскурсантов, а остальное время весь огромный, изобилующий неизведанными богатствами остров молчаливо дремлет под сенью высочайших гор. Лишь крики мартышек нарушают его тишину, да одинокие выстрелы разбросанных по нескольким тропам японских полицейских постов напоминают униженным, озлобленным голым людям лесных чащ о том, что они – рабы, что им закрыты все выходы к морю, к земле, к труду» [8, с. 77–78].

Впрочем, посещение Астаховым Тайваня представляется не слишком вероятным, поскольку колониальные власти стремились не допускать на остров советских граждан, даже если те имели на это формальное право. Так они поступили в 1926 г. с писателем Б. А. Пильняком, хотя полученная им японская виза позво-

ляла въехать на Тайвань [20, с. 225–226]. Приезд на остров лингвиста и этнографа Николая Александровича Невского (1892–1937) в июле 1927 г. был обусловлен тем, что он жил в Японии с 1915 г., преподавал русский и айнский язык в Осацком институте иностранных языков и до 1929 г. не имел советского паспорта. Целью поездки было изучение языка и фольклора аборигенов племени цоу. Ее результатами стали книга «Материалы по говорам языка цоу», увидевшая свет восемь лет спустя, когда ученый вернулся в СССР [17], – единственная работа Невского, вышедшая при его жизни отдельным изданием, рукописный «Словарь диалекта северных цоу», опубликованный посмертно в виде факсимиле рукописи ученого [18], а также неизданные заметки и записи, хранящиеся в составе его архива в библиотеке г. Тэнри (Япония) (сообщено автору исследователем и публикатором наследия Невского д-ром Д. Цукамото).

Пребывание Невского на Тайване и значение проделанной им работы в области языка и фольклора изучены и хорошо известны ([11, с. 122–132], [21, с. 119–120]). В свете нашей темы интерес представляют критические суждения ученого о японской политике на острове, которые содержатся в «Предисловии» к «Материалам по говорам языка цоу», датированном «Ленинград. 1935». Автор готовил к печати свой труд в совсем иных политических условиях, нежели когда находился на Тайване, что могло наложить отпечаток если не на содержание, то на форму и общий тон его высказываний.

Невский относил цоу к племенам, «вымирающим и вырождающимся под прямым и непосредственным влиянием капиталистической цивилизации» [17, с. 4] и отмечал, что они «в результате административно организованного японцами обмена за бесценок отдают результаты своего труда, получая взамен колониальную дешевку, выбрасываемую сюда японской индустрией» [17, с. 5–6]. По его словам, «колониальная политика империалистической Японии исключает всякую возможность исторического прогресса племени, в этих условиях обреченного на неизбежное вырождение и вымирание» [17, с. 6]. Характеризуя использование японской администрацией старшин кланов для подчинения цоу, Невский отметил: «Эти, вчера еще независимые, сыны природы широко эксплуатируются японской полицией (так – В. М.) при прокладке новых путей сообщения, на заготовках строевого материала, гонке камфары и прочих работах, оплачиваемых жалкими грошами, но обеспечивающих завоевателям огромные колониальные сверхприбыли. И здесь, в этом деле порабощения племени, японскому империализму не в малой степени помогают сами старшины кланов» [17, с. 6–7].

Невский изучал жизнь и быт различных народов в составе Японской империи и мог искренне критиковать политику японизации аборигенов, однако не в этом видел свою цель. В том же предисловии, после приведенных выше фраз, как будто взятых из коминтерновского журнала или агитпроповской брошюры, следует короткий поэтический рассказ о путешествии в деревню аборигенов (по специальному разрешению генерал-губернаторства). Поэтичной получилась даже концовка предисловия к сугубо академической работе, вышедший в издательстве АН СССР: «Выпускаемая ныне в свет первая часть работы “Материалы по говорам цоу” является результатом моих исследований этого весьма интересного

языка, покоящихся главным образом на материалах, данных мне моим учителем Вонгы (абориген, знавший японский язык и обучавший ему местную молодежь, – В. М.) и проработанных первоначально с ним вместе в горах Формозы под непрерывный шум дождя сырого горного сезона» [17, с. 8].

В иной тональности, нежели коминтерновские публикации, выдержаны опубликованные в 1930 г. впечатления академика Николая Ивановича Вавилова (1887–1940), который осенью 1929 г. побывал в командировке в Японии, Корее и на Тайване ([5], [6, с. 81–98]). Его интересовали не социальные и, тем более, не политические вопросы, но растительный мир, состояние сельского хозяйства и растениеводства и научной работы в данной области. Именитому гостю оказывалось всяческое содействие, в том числе при посещении Тайваня: «Был разработан маршрут по всему острову – и вглубь, и на самый юг. Власти предоставили в наше распоряжение средства сообщения, были даны телеграфные указания о встречах и ночлегах. В маршрут включалось и посещение горных районов, заселенных малайскими племенами, наиболее воинственными жителями острова, так называемыми “охотниками за черепами”. <...> Короткий визит на Тайвань оказался чрезвычайно продуктивным» [6, с. 99–101].

Проблема отсутствия «независимых источников информации на Тайване» у советских органов, включая разведку, остро встала во время событий, ненадолго сделавших Тайвань ньюсмейкером если не мирового, то регионального масштаба. Речь идет об «инциденте в Ушэ» (яп. *Муся дзихэн*) в октябре 1930 г. – кровопролитном конфликте в провинции Тайтю между аборигенами племени атаял и японской полицией. Начавшийся с бытовой ссоры между офицером полиции и тамадой на свадебной церемонии аборигенов, «инцидент» перерос в настоящее анти-японское восстание, которое было жестоко подавлено полицией и армией с применением авиации, слезоточивого газа и отравляющих веществ. Японские власти препятствовали проникновению информации о подобных событиях в прессу, особенно с учетом того, что район Ушэ считался образцовым в плане политики по отношению к национальным меньшинствам.

Статьи об этих событиях в московской прессе свидетельствуют о недостатке у авторов фактической информации о происходящем, поэтому большую часть текста составляет пересказ общих сведений о ситуации на острове и об эксплуатации аборигенов ([3], [13], [19]). Подчеркнув, что в изображении японцев аборигены – это «дикий народ, самое существование которого является опасностью для всех соседних мест <...> кровожадные люди, которые при встрече с кем-либо не из их племени немедленно отрезают несчастной жертве голову и прибивают ее на изгородь своего жилища, делают набеги на мирных жителей и безжалостно их убивают» [13, с. 16], М. И. Лукьянова разъясняла советскому читателю: «Японцы никогда не пытались подойти к местному населению Формозы “как братья”. <...> Если японцам сравнительно легко удалось устрашить и привести в покорность население долин острова (китайского происхождения – В. М.) путем применения военного насилия и средств истребления, которые им дала в руки “цивилизация”, то гораздо труднее оказалось это проделать в горах, где условия местности дали возможность населению (аборигенам – В. М.) оказать стойкое сопротивление колониальному грабежу. <...>

С захватом острова японцы решили очистить камфарные леса от “дикарей”, переводя их на кабальное плантационное хозяйство. Попытки проделать это насильственным путем встретили со стороны туземцев сильный отпор. <...> Японцы явно отказывались сколько-нибудь считаться с туземцами. Неудивительно после всего этого, что последние платят японцам за их “благоденствия” жестокой ненавистью. <...> Иногда эта ненависть прорывается в восстаниях отдельных племен, которые жестоко расправляются с своими притеснителями» [13, с. 16–17].

В восстании приняли участие 1500 человек, которые в одном из сообщений ТАСС превратились в 15 000, но журнал «Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение» пояснил, что это ошибка [3, с. 21]. Не упоминая о конфликте, с которого начался «инцидент», Лукьянова назвала причинами восстания «издевательства японских лесопромышленников, отказавшихся уплатить им (аборигенам – В. М.) за порубку и перевозку леса» и то, что «под предлогом постройки электростанции в Дзицугеттан их заставили освободить площадь и идти на все четыре стороны» [13, с. 18].

Можно предположить, что, помимо сообщений японской печати, источником этих сведений послужил доклад работавшего в Шанхае китайского коммуниста Вэн Цзэ-шэна от 13 января 1931 г., дополненный информацией о других выступлениях «революционных аборигенов» в докладах от 4 и 10 мая 1931 г. [27, с. 400–401, 559–561, 565–566]. Со ссылкой на «человека, который поддерживает регулярную связь с ЦК Формозской (коммунистической – В. М.) партии», он назвал причинами недовольства «снижение зарплаты, принудительный труд и то, что японское правительство заставляет аборигенов покидать нынешнее место жительства», а также политику японцев в Хуаляне, заставлявших местных жителей выращивать для них сахарный тростник. Вэн Цзэ-шэн сообщил, что «японские империалисты подавили выступление с особой жестокостью», используя «докрасна раскаленные наручники, которыми сковывали арестованных аборигенов перед тем как расстрелять их».

Это в московскую прессу не попало, хотя в ней говорилось, что «в разгроме мятежников принимали участие 3–4 роты солдат, не считая полицейских, аэропланов, бомбометов и горной артиллерии» [3, с. 21]. «В течение недели шла бомбардировка и разгром мятежных селений. Через неделю порядок был восстановлен, и японцы с гордостью могли написать, что в горах “наступило успокоение”, причем потери со стороны туземцев значительно превышают японские. Военная мощь Японии, – саркастически заключила Лукьянова, – достаточно велика для того, чтобы справиться с кучкой “дикарей”, посмевших напомнить им о своих правах» [13, с. 18].

Немногочисленные тайваньские коммунисты попытались использовать восстание – к которому не имели никакого отношения – для пропагандистской кампании и привлечения внимания к своей деятельности. Они подготовили открытое письмо ЦК КПТ «к мировому пролетариату и угнетенным народам в поддержку восстания аборигенов на Формозе» (21 ноября 1930) с призывом «Да здравствует вооруженное восстание наших революционных братьев-аборигенов» [27, с. 408–409], которое, видимо, так и не было опубликовано. Вэн Цзэ-шэн в упомянутом докладе признал неудачу задуманной кампании, сославшись на цензурный гнет.

Заслуживают внимания оценки восстания в советской прессе. По мнению анонимного автора журнала «Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение», «стихийные попытки сбросить владычество японского империализма, типа настоящего восстания, заранее обречены на неудачу» [3, с. 21]. Заключительная часть статьи Лукьяновой прямо перекликается с коминтерновскими документами: «Пролетарии Японии должны понять, что в своей борьбе против японской буржуазии они тем сильнее, чем теснее увяжут свои силы с нарастающим революционным подъемом японских колоний. Объединившись с революционными крестьянскими массами Кореи и Формозы против общего врага, они наилучшим образом обеспечат себе победу. Формозское восстание не должно пройти мимо японского пролетариата, который должен внимательно изучить создавшееся положение и четко выявить свое отношение к этому вопросу» [13, с. 18].

Возможно, выступление тайваньских аборигенов привлекло бы большее внимание, но его полностью заслонили последующие события. Известная как «Маньчжурский инцидент», оккупация Маньчжурии Квантунской армией осенью 1931 г. изменила баланс сил на Дальнем Востоке. Японская экспансия на материке перешла в активную фазу, что было закреплено созданием в 1932 г. «независимого государства» Маньчжоу-го, представлявшего собой японский протекторат. Начатое в октябре 1931 г. следствие по делу тайваньских коммунистов и их «попутчиков» закончилось судебным процессом в Тайбэе в июне 1934 г., на котором 45 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения. В зале суда все они заявили об отказе от своих убеждений. Вэн Цзэ-шэн был арестован в марте 1933 г. в Шанхае и депортирован на Тайвань; в августе 1935 г. он был осужден на 15 лет заключения и умер в тюрьме. Это был конец тайваньского коммунистического движения [27, с. 183–187].

Одним из последствий «Маньчжурского инцидента» стало ухудшение советско-японских отношений, которые после отказа Японии от пакта о ненападении с СССР и выхода из Лиги Наций весной 1933 г. перешли в открытый информационно-пропагандистский конфликт. Не позднее 21 октября 1933 г. И.В. Сталин дал В. М. Молотову и Л.М. Кагановичу указание «начать длительную солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии», пояснив: «Пора начать широкую, осмысленную обработку обществ[енного] мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в «Правде», отчасти в «Известиях». Надо использовать также ГИЗ (Государственное издательство – В. М.) и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и с положит[ельными] сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что *вытукло надо выставить* отрицательные, империалистические, захватнически милитаристские стороны» [25, с. 396].

В течение нескольких месяцев был оперативно подготовлен и издан ряд книг о Японии (не говоря о многочисленных газетных и журнальных статьях), в которых даже материалы научного характера имели ярко выраженную политическую окраску ([23], [24], [26], [29], [30]). Например, в краткой справочной статье о японских колониях отмечалось, что «Формоза имеет огромное стратегическое

значение как передовой форпост для военной агрессии японского империализма», а аборигены «до последнего времени ведут непрекращающуюся партизанскую войну с японскими захватчиками» [10].

Специально Тайваню в этой волне публикаций уделялось мало внимания, за исключением статьи Б. А. Александрова (биографическими сведениями не располагаем) «Формоза в тисках японского империализма» [1]. Повторяя привычные клише о Тайване как «типичном колониальном аграрно-сырьевом придатке капиталистической метрополии», автор обращал внимание читателей на «режим ужаса и жестокой эксплуатации, который навсегда вырыл пропасть между японским империализмом и туземными китайскими и малайскими народами». Новыми для советской литературы в статье были определение событий 1895 г. (вооруженная борьба против японской армии и провозглашение «Тайваньской республики») как «Формозской революции» и характеристика политики «японизации» как «одного из наиболее действительных средств покорения туземцев и приспособления их к выполнению задач японского империализма».

В той же тональности выдержана «последняя серьезная довоенная работа по Тайваню» [28, с. 53] – статья «Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895–1935 гг.)», опубликованная в 1935 г. в двух номерах журнала Тихоокеанского кабинета Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП) «Тихий океан» под фамилией «А. Розен». Под этим псевдонимом укрылся Ян Петрович Бремман (1898–1938), заведовавший Восточным сектором иностранного отдела ТАСС и преподававший в Московском институте востоковедения (МИВ), ранее связанный с разведывательной и «секретной» работой: в 1918–1924 гг. – сотрудник органов ВЧК-ОГПУ; в 1924–1928 гг. – секретарь секретного отдела ЦК ВКП(б), в 1930–1932 гг. – заведующий отделом торгпредства СССР в Японии, в 1933–1934 гг. – помощник заведующего Культпропотделом ЦК ВКП(б). Добавлю, что в конце 1934 г. Бремман прочитал в МИВ лекцию о колониальной политике Японии, основное внимание в которой было уделено Тайваню [27, с. 242]. Статья строго следовала ортодоксии, из-за чего в ряде случаев выдавала желаемое за действительное, но в ней обобщен обширный фактический материал, не только полученный по каналам спецслужб и Коминтерна, но собранный автором во время службы в Токио, включавшим труды японских историков и экономистов.

Политика японцев на Формозе оценивалась автором как «исключительно жестокий, варварский колониальный режим»: «Вся Формоза является ничем иным, как большой тюрьмой» [22-В, с. 86]. Во второй части статьи он уделил особое внимание карательным операциям властей по «замирению» аборигенов, подчеркнув, что «до сих пор еще японцы в ряде районов Формозы находятся на положении военных оккупантов, сидящих в укрепленных лагерях» [22-В, с. 87]. Экономическое положение большинства «мирных» аборигенов он определил как «пауперизацию» в результате попыток японцев приобщить их к земледелию и скотоводству: «Для аборигенов-охотников этот поворот прежде всего означал резкое ухудшение условий существования. Во-первых, они имели весьма слабое представление о земледелии; во-вторых, из огромного количества принадлежавших им земель им оставили крайне мизерные клочки земли; в-третьих, они не имели ни инвентаря

для обработки земли, ни средств для его приобретения. Отсюда ясно, что процесс разорения и полного обнищания аборигенов развивался с чрезвычайной быстротой. Выбитые из привычных условий жизни, они в своей основной массе превратились в пауперов, имеющих лишь сезонные заработки на сахарных заводах, и только частично более или менее постоянных батраков на сахарных плантациях. Вымирание этих пауперизованных аборигенов происходит в поистине ужасающих размерах» [22-В, с. 87–88]. «Такого режима, который установлен японцами для аборигенов, не существует ни в одной из других колоний мира», – подытожил Розен-Бреман [22-В, с. 88], хотя к этому приему прибегали советские авторы, писавшие о разных частях света.

Для полноты обзора упомянем статью географа и этнографа, профессора ЛГУ Николая Васильевича Кюнера (1877–1955) «Коллективные охоты у формозских племен», написанную по японским данным [12] (несколько работ Кюнера по этнографии Тайваня остались неопубликованными). Думаю, не только научная добросовестность автора, пользовавшегося чужими материалами, но и политические обстоятельства, даже применительно к столь не-политической теме, вынудили его заявить: «Сведения эти содержат значительные пробелы, несмотря на разнообразие и объемистость опубликованных материалов, и совершенно не отвечают ни по содержанию, ни по методу обработки современным научным требованиям. Необходимо также подчеркнуть явную тенденциозность подбора и освещения рассматриваемых японских материалов в целом, подсказанную классовыми и империалистическими тенденциями их авторов и издателей».

Освещение советскими и коминтерновскими аналитиками японской колониальной политики на Тайване, включая аборигенную политику, подчинялось стратегическим целям обличения колониальной политики как таковой и политики «империалистической» Японии в процессе нараставшего противостояния с ней. Написанные нередко со знанием фактического материала, хотя и заимствованного из «вторых-третьих рук», эти работы в настоящее время не представляют ценности как источник достоверной информации, но остаются незаменимым материалом для изучения информационно-пропагандистских конфликтов и «имиджевых войн». Особенно перспективным представляется их сопоставление с освещением аборигенной политики Японии на Тайване в официальных японских изданиях и в записках иностранных путешественников, в той или иной степени инспирированных «принимающей стороной».

Литература

1. Александров Б. Формоза в тисках японского империализма // Современная Япония. Сб. 2. М. : ИМХМП, 1934. С. 74–95.
2. [Аноним.] Формоза. Сахарные плантации обгарены кровью крестьян // Международное рабочее движение. 1926. № 5. С. 13–14.
3. [Аноним.] Восстание на Формозе // Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение. 1931. № 1. С. 20–21.
4. Беседовский Г. На путях к термидору. М. : Современник, 1997. 464 с.
5. Вавилов Н.И., Акад. Наука в Японии. (Из впечатлений поездки в Японию, Корею и Формозу осенью 1929 г.) // Природа. 1930. № 4. С. 355–378.

6. Вавилов Н.И. Пять континентов. М. : Мысль, 1987. 348 с.
7. Ватанабэ Т. Колониальный Тайвань как модель регионального развития // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 8–16.
8. Гастов Г. [Астахов Г.А.] Японский империализм. Политико-экономический очерк. М. : Московский рабочий, 1930. 144 с.
9. Головачев В.Ц. Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских ученых колониального и послевоенного периода // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 206–221.
10. Горшенин И. Японские колонии // Япония. Сборник статей. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 129–131.
11. Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М.: Наука, 1978. 216 с.
12. Кюнер Н.В. Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял) // Советская этнография. 1937. № 2/3. С. 101–110.
13. Лукьянова М. Восстание на Формозе // Международное рабочее движение. 1931. № 1. С. 16–18.
14. Молодяков В.Э. Витрина японской колониальной политики: Тайвань в записках американских путешественников 1920-х годов // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 162–178.
15. Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е – 1930-е годы // Япония. 2016. Ежегодник. М., 2016. С. 156–172.
16. Молодякова Э.В. Колониальная политика Японии: взгляд из России // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 17–25.
17. Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 136 с.
18. Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М. : Наука, 1981. 292 с.
19. Петровский В. Восстание «дикарей» на Формозе // Проектор. 1930. № 34. С. 22–24.
20. Пильняк Б. Корни японского солнца / Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М. : Три квадрата, 2004. 336 с.
21. Решетов А.М. Н.А. Невский как этнограф // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.
22. Розен А. [Бреман Я.П.] Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895-1935 гг.) // Тихий океан. 1935. № 3. С. 105–122 [22-А]; № 4. С. 86–97 [22-В].
23. Современная Япония. Сб. 1. М. : ИМХМП, 1934. 304 с.
24. Современная Япония. Сб. 2. М. : ИМХМП, 1934. 232 с.
25. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 798 с.
26. Танин О., Иоган Е. [Тарханов О.С., Иолк Е.С.]. Военно-фашистское движение в Японии. М. : Партиздат, 1933. 272 с.
27. Тертицкий К.М., Белогурова А.Э. Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). Исследование. Документы. М. : Восток–Запад, 2005. 624 с.
28. Тодер Ф.А. История изучения Тайваня в России // Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 5. С. 45–56.
29. Япония. Сборник статей и материалов. М. : Партиздат, 1934. 400 с.
30. Япония. Сборник статей. М. : Соцэкгиз, 1934. 416 с.

References

- Aleksandrov, V. (1934). Formosa v tiskakh iaponskogo imperializma. [Formosa in the Grip of Japanese Imperialism]. In *Sovremennaiia Iaponiia*, Iss. 2, Moscow : Institut mirovogo khoziaistva i mirovoi politiki, pp. 74–95.
- [Anon.] (1926). Formosa. Sakharnye plantatsii obagreny krov'iu krest'ian. [Formosa. Sugar Plantations Dipped with Peasants' Blood]. In *Mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie*, 1926, № 5, pp. 13–14.
- [Anon.] (1931). Vosstanie na Formoze. [Mutiny at Formosa]. In *Mirovoe sel'skoe khoziaistvo i krest'ianskoe dvizhenie*. 1931, № 1, pp. 20–21.
- Besedovskii, G. (1997). *Na putiakh k termidoru*. [Going to the Termidor]. Moscow : Sovremennik. 464 p.
- Gastov, G. [Astakhov, G.A.] (1930). *Iaponskii imperializm. Politiko-ekonomicheskii ocherk*. [Japanese Imperialism. Politico-Economic Outline]. Moscow : Moskovskii rabochii. 144 p.
- Golovachev, V.Ts. (2016). Issledovaniia po etnologii Taivania v trudakh iaponskikh uchenykh kolonial'nogo i poslevoennogo perioda. [Japanese Ethnologic Studies on Taiwan during the Colonial and Post-War period]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. М. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 206–221.

- Gorshenin, I. (1934). Iaponskie kolonii. [Japanese Colonies]. In *Iaponiia. Sbornik statei*. M. : Sotsekgiz, 1934, pp. 129–131.
- Gromkovskaia, L.L., Kychanov, E.I. (1978). *Nikolai Aleksandrovich Nevskii*. [Nikolai Aleksandrovich Nevskii]. Moscow, 1978. 216 p.
- Iaponiia. Sbornik statei i materialov*. (1934). [Japan. Collected Papers and Sources]. M. : Partizdat. 400 p.
- Iaponiia. Sbornik statei*. (1934). [Japan. Collected Papers]. M. : Sotsekgiz. 416 p.
- Kiuner, N.V. (1937). Kollektivnye okhoty u formozskikh plemen (u plemeni ataiial). [Collective Hunts of Formosan Tribes (Atayal Tribe)]. In *Sovetskaia etnografiia*, 1937, № 2/3, pp. 101–110.
- Luk'ianova, M. (1931). Vosstanie na Formoze. [Mutiny at Formosa]. In *Mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie*, 1931, № 1, pp. 16–18.
- Molodiakov, V.E. (2016A). Vitrina iaponskoi kolonial'noi politiki: Taivan' v zapiskakh amerikanskikh puteshestvennikov 1920-kh godov. [Showcase of Japanese Colonial Policy: Taiwan Seen by American Voyagers in the 1920s]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 162–178.
- Molodiakov, V.E. (2016B). Kolonial'naia politika i modelirovanie obraza Iaponii: Taivan', 1900–1930-e gody. [Colonial Policy and Japanese Image-Making: Taiwan, the 1900–1930s]. In *Iaponiia. 2016. Ezhegodnik*. M. : 2016, pp. 156–172.
- Molodiakova, E.V. (2016). Kolonial'naia politika Iaponii: vzgliad iz Rossii. [Japanese Colonial Policy As Seen from Russia]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 17–25.
- Nevskii, N.A. (1935). *Materialy po govoram iazyka tsou*. [Tsou Language Dialects. Materials]. M.–L. : Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 136 p.
- Nevskii, N.A. (1981). *Materialy po govoram iazyka tsou. Slovar' dialekta severnykh tsou*. [Tsou Language Dialects. Materials / Northern Tsou Dialect. Dictionary]. M. : Nauka. 292 p.
- Petrovskii, V. (1930). Vosstanie “dikarei” na Formoze. [“Savages” Mutiny at Formosa]. In *Prozhektor*. 1930, № 34, pp. 22–24.
- Pil'niak, B. (2004). *Korni iaponskogo solntsa* [Roots of Japanese Sun]. / Savelli, D. *Boris Pil'niak v Iaponii: 1926*. [Boris Pil'niak in Japan? 1926]. M. : Tri kvadrata. 336 p.
- Reshetov, A.M. (1993). N.A. Nevskii kak etnograf. [N.A. Nevskii as Ethnographer]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. 1993, № 6.
- Rozen, A. [Bremar, Ia.P.] (1935). Krovavoe sorokaletie. (Formoza 1895–1935 gg.). [Bloody Forty Years. Formosa, 1895–1935]. In *Tikhii okean*, 1935, № 3 pp. 105–122; № 4, pp. 86–97.
- Sovremennaia Iaponiia*. (1934A). [Contemporary Japan]. Iss. 1. M. : Institut mirovogo khoziaistva i mirovoi politiki. 304 p.
- Sovremennaia Iaponiia*. (1934B). [Contemporary Japan]. Iss. 2. M. : Institut mirovogo khoziaistva i mirovoi politiki. 232 p.
- Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* (2001). [Stalin and Kaganovich. Letters, 1931–1936]. Moscow: ROSSPEN. 798 p.
- Tanin, O., Iogan, E. [Tarkhanov, O.S., Iolk, E.S.] (1933). *Voенно-fashistskoe dvizhenie v Iaponii*. [Military–Fascist Movement in Japan]. M. : Partizdat. 272 p.
- Tertitskii, K.M., Belogurova, A.E. (2005). *Taivan'skoe kommunisticheskoe dvizhenie i Komintern (1924–1932 gg.)*. *Issledovanie. Dokumenty*. [Taiwanese Communist Movement and Comintern (1924–1932). Study. Documents]. M. : Vostok–Zapad. 624 p.
- Toder, F.A. (1993). Istoriiia izucheniiia Taivania v Rossii. [A History of Taiwanese Studies in Russia]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1993, № 5, pp. 45–56.
- Vavilov, N.I., Akad. (1930). Nauka v Iaponii. (Iz vpechatlenii poezdki v Iaponiiu, Koreiu i Formozu osen'iu 1929 g.). [Science in Japan. Impressions of the Trip to Japan, Korea and Formosa, Autumn 1929]. In *Priroda*, 1930, № 4, pp. 355–378.
- Vavilov, N.I. (1987). *Piat' kontinentov*. [The Five Continents]. M. : Mysl'. 348 p.
- Watanabe, T. (2016). Kolonial'nyi Taivan' kak model' regional'nogo razvitiia. [Colonial Taiwan as a Model of Regional Development]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 8–16.

The article was submitted on 20.02.2018

БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛУЖЕБНЫХ МАТЕРИАЛАХ ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

Аннотация: Статья посвящена борьбе корейского народа за освобождение в период конца 10-х – начале 40-х гг. Одним из важных источников изучения развития антияпонских настроений и выступлений в колонии можно считать служебные материалы японского генерал-губернаторства в Корее, в частности, публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Они, словно зеркало раскрывают как деятельность японских властей в Корее, так и положение дел в колонии, в том числе и борьбу корейцев за национальное освобождение. Закрытые японские издания серьезно помогают и анализу методов подавления японскими властями корейской освободительной борьбы. В этой области полицейские издания являются в полном смысле слова первоисточниками. Они позволяют сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии методов подавления всех форм антияпонских настроений и выступлений. Хотелось бы подчеркнуть, что в своей колониальной политике Япония все же достигла определенных успехов. Это видно даже при сравнении антияпонских настроений и выступлений в конце 10-х – 20-х гг. и 30-х гг. и первой половины 40-х гг. Так, во время выступления 1919 г., а также июньской демонстрации 1926 г., Вонсанского движения главными лозунгами были освобождение от японского господства. Однако уже в 30-х гг. ситуация меняется. Японские закрытые издания приводят огромное количество материалов о стачках, арендных конфликтах, которые не имели национально-освободительной направленности и выдвигали на первый план проблемы социального протеста против японских и корейских капиталистов. Во второй половине 30-х гг., в начале 40-х и особенно в годы второй мировой войны в значительной степени из-за разумной политики колониальных властей практически все антияпонское сопротивление ушло за пределы Кореи, приобрело форму партизанской борьбы. При этом все потоки, все участники движения за освобождение Кореи внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость. Это касается деятельности групп, подпольных союзов, действующих в конце 10-х, на протяжении 20-х и первой половины 30-х гг., а также и корейских патриотов, ведущих свою деятельность во второй половине 30-х – начала 40-х гг., и партизан в Маньчжурии.

Ключевые слова: генерал-губернаторство, Япония, Корея, колониальная администрация, борьба за освобождение, антиколониальное движение, антияпонские настроения.

L. V. Ovchinnikova

KOREAN LIBERATION MOVEMENT REFLECTED IN THE DOCUMENTS OF JAPANESE COLONIAL ADMINISTRATION

Summary: The article is devoted to colonial Korean and Japanese history. The author has been conducting research using – as a scientific base – Japanese documents for official use published in Japanese by the Japanese General-Governor's Office in Seoul, Korea in the early 20-s – 30-s and early 40-s. These books provide us important data concerning situation and various aspects of history of colonial Japan and Korea, including strategy and tactics of Japanese governance, methods of liberation movement suppression. Being maneuverable, flexible and adjustable, Japanese colonial governance combined numerous means and methods, including suppression of all forms of anti-colonial resistance. The author argues that the Japanese governance can be called quite successful. For example, she compares anti-colonial uprisings, incidents and public mood at the end of the 10-s, the 20-s, the 30-s and early 40-s. Thus, during the 1919 Movement, as well as the 1926 June

Demonstration and the Wonsan movement the main slogan was liberation from Japanese rule. Whereas in the 30-s the situation changes. The documents of Japanese colonial administration give us a huge amount of valuable information concerning the workers strikes, conflicts in the rural areas, which did not have national liberation slogans and mainly dealt with social protests against both Japanese or Korean capitalists and landlords. Due to the clever, rational and quite successful colonial governance, in the second half of the 30-s and first half of the 40-s practically all anti-Japanese resistance was driven out from the country, transforming into partisan activity. Though the author argues that all streams of liberation movement made their certain contribution to the Korean people*s struggle for independence. This concerns groups, underground organizations acting in late 10-s, the 20-s and first half of the 30-s, as well as Korean patriots acting in the mid and late 30-s and early 40-s, as well as partisans in Manchuria.

Key words: colonial administration, General-Governor, Japan, Korea, liberation movement, anti-colonial activity, partisan activity, struggle for independence.

В 2018 г. исполнилось 70 лет со времени образования на Корейском полуострове двух государств – Республики Корея и КНДР. В связи с этим хочется еще раз обратиться к истории до 1948 г., а именно к проблематике колониального периода, в частности, к борьбе корейского народа за обретение независимости. Эта тема освещалась в трудах отечественных востоковедов, но наряду с объективными оценками и суждениями в них немало спорного, требующего переосмысления.

Отечественные востоковеды – Ф.И. Шабшина (Куликова), В.И. Шипаев, М.Н. Пак и др. – создали немало трудов по теме борьбы корейского народа за освобождение. Они высоко оценивали самоотверженность корейских патриотов. В тоже время освободительное движение часто олицетворялось с коммунистами, хотя кроме борьбы леворадикальных сил были и другие направления движения за независимость. Националистическое течение тоже было, и источники, в частности доступные автору издания японского генерал-губернаторства, содержащие огромный фактический материал, дают много тому подтверждений.

Эта тема и сейчас активно изучается российскими востоковедами. Однако и в последних работах также превалирует несколько односторонний подход. Несомненно, японский колониальный режим рассматривал Корею прежде всего как плацдарм для экспансии в Восточной Азии, использовал ее как колониальный рынок. Именно на эту эксплуатационную часть и делается упор в выпущенных в последнее время трудах. Думается, что при анализе колониальной истории Кореи и Японии следует также подумать о том, какие основы были заложены для последующего после освобождения развития государственности на Корейском полуострове.

Нельзя замалчивать и тот факт, что в период генерал-губернаторства на корейском полуострове началось строительство современной инфраструктуры; были созданы предпосылки для развития государственности, здравоохранения, образования. Именно тогда в Корею появились железные и шоссейные дороги, стали появляться первые газеты, вышли в свет издания древних литературных памятников и т.п. Колонизаторская, эксплуатационная «составляющая», несомненно, превалировала, но с ней соседствовали и элементы модернизации экономической и общественной жизни.

Итак, проблематика истории Кореи и Японии колониального периода, в том числе и проблем борьбы корейского народа за освобождение, остается актуальной.

Источниковедческая база исследований по рассматриваемому периоду представляется недостаточной, и поиск новых источников приобретает большое значение. Такими источниками можно считать служебные издания и материалы японского генерал-губернаторства в Корее, в частности публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Они раскрывают как деятельность японских властей в Корее, так и положение дел в стране, развитие антияпонских настроений и выступлений, помогают проследить этапы корейского сопротивления. Эти закрытые издания были выпущены японским генерал-губернаторством на японском языке в Сеуле в 20-е, 30-е гг., в начале 40-х гг. Исследуемые публикации были рассчитаны на очень узкий круг чиновников японской колониальной администрации; их издание имело прагматические, прикладные цели. Думается, эти публикации дают более или менее достоверную информацию, но все же автор счел необходимым тщательно сверять ее с другими материалами. Это советская пресса 20–30х гг., монографии и статьи советских корееведов, содержание которых в наиболее концентрированном виде представлено в фундаментальном труде «История Кореи», т.2, 1974 г., монографии «История Кореи (Новое прочтение)», 2003 г., книге Хан Ёнью «История Кореи – новый взгляд», 2010 г., и др. В ряде случаев автор обращался к монографиям американских ученых, в частности, Р.Скалапино, Ли Чжонсика, посвященным вопросам корейского освободительного движения, также монографии Дж. Акита и Б. Палмера («Японского колониальное управление в Корее. 1910–1945. Новый взгляд») и др.

Исследуя тематику колониальной истории Кореи и Японии, автор использовал служебные издания японского генерал-губернаторства. В данной статье ограничимся их общим перечнем. Прежде всего это относящаяся к комплексно-аналитическим, исследовательским изданиям книга в двух изданиях «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» (最近における朝鮮治安状況 «Сайкин-ни окэру тё:сэн дзиан дзё:кё:») (Сеул, 1939 г. и 1943 г.); сборники «Вестников идеологии» (思想彙報 «Сисо: ихо:»), (выпуски за 1934 г. № 12, 1936 г. № 6, 1937 г. № 11, 1938 г. № 14 и № 16); секретные справочные издания “Корейская полиция” (朝鮮警察概要 «Тё:сэн кэйсацу»), Сеул, 1938 г. и “Словарь тайной полиции” (高等警察用語辞典 «Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн»), Сеул, 1935 г. Отметим и обзорные издания генерал-губернаторства «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» (朝鮮總督府時局対策調査会諮問案参考書 «Тё:сэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё») Сеул, 1938 г. Необходимо отметить и публикации «25 лет управления Кореей» (施政二十五年史 «Сисэй нидзюгонэнси»), Сеул, 1935 г., «30 лет управления Кореей» (施政三十年史 «Сисэй сандзюгонэнси»), Сеул, 1940 г. «Обстановка в Корее» (朝鮮事情 «Тё:сэн дзидзё:»), Сеул, 1941 г., 1943 г. и др.

Думается, что при исследовании темы борьбы корейского сопротивления в период японского колониального господства необходимо рассмотреть все его этапы (1910–1945 гг.). Из обширного арсенала содержащихся в японских изданиях сведений хотелось бы проанализировать те, которые позволяют рассмотреть основные этапы борьбы корейского народа за обретение независимости. Интересна и их трактовка авторами японских изданий. При рассмотрении этой темы условно можно выделить следующие блоки вопросов:

I. Подъем корейской освободительной борьбы в начале новейшего периода истории. Выступление 1919 г. Зарождение и развитие социалистического движения в Корее, его зарубежный период (1919–1925 гг.)

II. Создание Компартии Кореи. Зачатки и потенции единого фронта патриотических сил Кореи. Июньская демонстрация 1926 г. Образование общества «Синганхве» (1925–1928 гг.)

III. Левосектантский курс мирового революционного движения в конце 20-х – начале 30-х гг.

VI Конгресс Коминтерна. Ультралевизна и сектанство в борьбе корейских патриотов, их трагические последствия и уроки. Роспуск Синганхве (1929–1935 гг.)

IV. Изменение тактики корейского освободительного движения накануне и после VII Конгресса Коминтерна. Патриотическое подполье в стране. Борьба корейских партизан в Маньчжурии (1935–1939 гг.)

VIII Корейское сопротивление в годы 2-ой мировой войны.

Как же излагают и трактуют источники события каждого из этих этапов? К началу новейшего периода истории в Корее сложились условия для подъема народной борьбы за освобождения. Исследуемые материалы раскрывают степень нищеты, бесправия и протеста широких слоев населения в обстановке «сабельного режима». Издания генерал-губернаторства приводят сведения о «первомартовском» выступлении 1919 г. Движение за провозглашение независимости распространилось по всей территории Кореи. Руководителями и участниками его были представители интеллигенции, молодежи и учащихся, предприниматели, крестьяне, религиозные деятели. «Первомартовское» выступление было жестоко подавлено [1, с.37–58].

После событий 1919 г. японская администрация была вынуждена сменить методы управления и контроля в Корее на политику «культурного управления». В этот период в зоне борьбы за национальное освобождение образовалось 2 течения. Правое унаследовало традиции движения за первоочередное накопление «реальных сил», за предложение автономии и движение, выступившее против примирения с японскими властями и за развертывание активной борьбы. В данный период оба крыла национально-освободительного движения – левое и правое – охватило состояние кризиса, но в то же время наблюдалось стремление к созданию единого фронта. Одним из свидетельств этой тенденции стала июньская демонстрация 1926 г., проходившая под лозунгом борьбы за независимость Кореи и ставшая заметной вехой в борьбе народа за освобождение. Движение за сотрудничество между правыми и левыми проявилось в деятельности с 1927 г. «Синганхве» («Общества новых деяний»). Инициаторами его создания были члены националистических групп и компартия, представители христианских организаций, старой ветви «Чхондоге», буддистов. Оно имело 140 отделений по всей стране и насчитывало свыше 40 тыс. членов [11, с.74]. Как известно, общество «Синганхве» было распущено в 1931 г.

30-е годы стали особым этапом в борьбе корейцев за свое освобождение. С одной стороны, в рассматриваемое время нарастают милитаристские устремления Японии и связанные с этим меры по обеспечению спокойствия в Корее, созда-

нию прочного тыла, особенно после захвата Маньчжурии и усиления подготовки к «большой» войне. Придавая особое значение Корее как плацдарму продвижения на материк и «успокоению» народа колонии, японская администрация усилила полицейский террор, отбирая у народа остатки тех частичных свобод, которые была вынуждена провозгласить после движения 1919 г., ужесточая карательные акции в отношении антиколониальных и антивоенных сил Кореи.

С другой стороны, освободительная борьба в Корее в данный период приобрела новые черты. Это прежде всего касается леворадикального движения – в нем усилились левацкие ультрареволюционные наслоения, отход от наметившегося единства действий с буржуазно-патриотическими силами, что было в первую очередь отражением установок VI Конгресса Коминтерна. Японские издания приводят сведения об огромном количестве так называемых «красных» рабочих и крестьянских союзах, подпольных организациях интеллигенции, учащихся, которые наряду с борьбой за независимость Кореи выдвигали на первый план беспочвенные лозунги «коммунизации» Кореи, строительства там социалистического общества. Материалы позволяют классифицировать эти союзы по профессиональному и социальному принципу, определить содержание их требований и задач, уточнить методы и формы деятельности, преимущественно насильственные. Явно повышенное внимание источники уделяют левым союзам интеллигентов: «левые» по-прежнему рассматривались японской администрацией как влиятельная, активная сила освободительной борьбы.

К ценным, во многом новым можно отнести материалы источников, касающихся умеренного крыла интеллигенции, центристов, часть которых хотя и входила в «красные» союзы, но не поддерживала их ультралевацкий курс, выступая за первоочередность национально-освободительных задач, за блокирование с националистами-патриотами разных политических направлений. «Центристы» старались сочетать подпольную работу с легальной, вели культурно-просветительскую деятельность, особенно в деревне, связывались с красными союзами трудящихся, участвовали в их выступлениях, хотя не были сторонниками насильственных форм борьбы. Они ратовали за духовное развитие деревни и вообще корейского общества. К сожалению, в рассматриваемое время не они – умеренные – играли ведущую роль в левом движении.

В рассматриваемое время резко усилился процесс дифференциации в среде национал-реформистов. Это было связано не только с приобщением Японией корейской буржуазии к военно-промышленному строительству, но в большей мере и с крайним левачеством в подполье страны. Одних патриотов, не согласных с этим, оно толкало вправо. Другие – вовсе отходили от освободительной борьбы. Отток, как свидетельствуют материалы, был очень значительным. Но вместе с тем японские материалы позволяют судить о мужестве и самоотверженности оставшихся в подполье патриотов. Вместо репрессированных, отошедших от борьбы лидеров, активистов, участников приходили новые. Взамен разгромленных организаций под разными названиями создавались другие. Несмотря на глубокую ошибочность курса, на драматизм его последствий, на заведомо обреченные на провал выступления и многочисленные жертвы, подполье продолжало функционировать.

Неслучайно оно столь сильно тревожило японскую администрацию, притом, что ей был «на руку» отказ разнородных политических сил от блокирования, на что указывают многие страницы исследуемых книг.

В эти годы велась и партизанская борьба; по материалам японских служебных изданий можно сделать вывод, что, по сравнению с 20-ми гг., активность партизан в первой половине 30-х годов снижается. «Во время маньчжурских событий, – говорится в книге «Состояние общественного спокойствия...», – в Маньчжурии насчитывалось около 50 тыс. партизан; затем с созданием маньчжурского государства усилились объединенные действия против них японо-маньчжурских войск и полиции, и к концу марта того же года (1931 г.) число партизан сократилось до 10 тыс. С началом китайских событий активность партизан возросла, и число их превысило 16 тыс чел.» [11, с. 412–413].

Японские издания представляют ценные сведения о методах подавления партизанских выступлений, об акциях полиции и жандармерии. Подчеркивается, что они были «самыми решительными». В пограничных с Маньчжурией провинциях, по сведениям японских материалов, действовала наиболее широкая сеть подпольных групп, созданных партизанами для воспитания национального самосознания корейцев и дезорганизации корейского тыла. Отмечая неоднократные аресты руководителей этих групп, японские служебные издания указывают, что членами их была главным образом молодежь, что из пограничных районов они распространяли свою деятельность на юг, что организуя диверсии на транспорте, военных объектах, подпольные группы намечали организовать совместно с партизанами вооруженное восстание в Корее» [там же].

Вторая половина 30-х гг. была периодом серьезных перемен в мире. Менялась обстановка и в зоне корейской освободительной борьбы. Подготовка Японии к войне с Китаем и ее развязывание усилили бдительность в колонии, еще более ужесточили репрессии в отношении антияпонских сил. Но одновременно с этим в левом лагере освободительного движения стали проявляться симптомы постепенного «выздоровления», что было в немалой степени связано с решениями VII Конгресса Коминтерна.

Борьба корейского народа за свое освобождение велась в рассматриваемое время в двух направлениях: и в самой стране, и в Маньчжурии. Относительно партизанской борьбы у отечественных востоковедов существовали разные точки зрения. Одни переоценивали деятельность партизан в Маньчжурии, называя ее решающим участком всей корейской освободительной борьбы. Другие, наоборот, считали, что существенного места в борьбе корейцев за освобождение она не занимала.

Материалы японских изданий свидетельствуют, что к середине 30-х годов центр партизанского движения переместился в Маньчжурию, так как в Корее, наводненной японскими войсками, действия партизан были почти невозможны. Как следует из японских источников, к середине 30-х гг. именно Маньчжурия стала активной ареной антияпонской борьбы корейцев-партизан. Как известно, там были сильны традиции вооруженных форм борьбы. Партизанская борьба велась там еще с начала 20-го века; здесь действовали «Армия справедливости» (Ыйбен)

и «Армия независимости» (Топпинкун). Точнее говоря, это были не армии – так называли совокупность отрядов, организаторами и руководителями которых были члены националистических групп. Способствовали ведению партизанской борьбы и географическое положение, непосредственная близость к Корее, особенности ландшафта. К 1935 г. в Маньчжурии проживало около 1 млн. корейцев, многие из которых включились в антияпонскую борьбу. Кроме того, там обосновалось значительное количество коммунистов, которые до роспуска корейской компартии (1925 г.) входили в нее как составная часть. Позже (в марте 1930 г.) они объявили о своем слиянии с компартией Китая. Отряды корейских коммунистов-партизан вошли в Китайскую освободительную армию. Компартия Китая со своей стороны была кровно заинтересована в том, чтобы корейский тыл становился все более неспокойным, чтобы в борьбе против японской армии участвовали все силы.

Помощь Компартии Китая корейским коммунистам-партизанам концентрировалась, в основном, на «кадровом» фронте. Китайцы часто являлись комиссарами в корейских партизанских отрядах: они участвовали в подготовке пропагандистских и агитационных материалов, листовок, обращений. Американские авторы, в частности, Скалапино, Ли Чжонсик пишут о крайне натянутых отношениях между корейцами и китайцами в партизанских отрядах, об их соперничестве, вражде и пр. [7] Японские источники не останавливаются на этих вопросах.

Как уже отмечалось, решения VII Конгресса Коминтерна оказало воздействие на освободительную борьбу китайского и корейского народа. Это нашло отражение в создании «Общества возрождения отечества» (декларировалось как организации единого фронта).

Обратимся к характеристике партизанской борьбы во второй половине 30-х гг., данной японскими изданиями. К примеру, «Состояние общественного спокойствия» сообщает, что приблизительно до 1935 г. коммунисты и партизанские группы действовали раздельно, без всякой связи между собой. Однако в 1935 г. КПК опубликовала так называемую декларацию «8.1» («Спасение страны и борьба с Японией»), объединив на базе прежней Северо-восточной народно-революционной армии все партизанские группы, находившиеся в Маньчжурии. Преобразовав эти силы в Объединенную Северо-восточную антияпонскую армию, КПК подчинила ее своему руководству. Каждой армии или дивизии был определен свой участок действий; в каждую такую армию, дивизию или группу были посланы политработники. Таким образом, установилась прочная связь партии и партизанских групп. Находившийся по ту сторону границы от провинции южная Хамген маньчжурский уезд Чанбай был определен районом действий 6-й дивизии 2-й армии в составе антияпонской объединенной армии. Командиром был назначен Ким Ир Сен. В районах действий 6-й дивизии под его руководством совершались частые рейды, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, похищениями отдельных лиц и нанесением им ранений. По указанию Коминтерна и Компартии Китая, эта дивизия, как и другие подобные соединения, развернула работу по расширению организаций антияпонского фронта» [11, с. 409–410].

Сравнительно большой материал приводится в изданиях о связях партизан и «Общества возрождения отечества» с Кореей. Он показывает, что такие свя-

зи были установлены несмотря на усилившиеся репрессии японских властей. Политработники, посланные в Корею руководством партизан, часто работали с коммунистами и подпольными организациями, которые функционировали в стране. К примеру в книге «Состояние общественного спокойствия...» сказано, что «Ким Ир Сен привлек некоторых радикалов из пограничного района Южная Хамген волости Унхын, поручил им развернуть там активную деятельность» [11, с.410]. В том же издании говорится, что политработники 6-ой дивизии были командированы на важные военные базы Кореи в Ханнам, Хамхын, Вонсан, Синьиджу, а также на другие пункты в провинции Северная Пхэнан, Южная и Северная Хамген (более 10 пунктов), где были созданы антияпонские организации». Наиболее широкая их сеть была в пограничных районах провинции Южная Хамген и в районе Хыннам, где проводились аресты, казалось бы, окончательно разгромившие эти организации. На деле оказалось не совсем так» [там же]. В числе якобы разгромленных, но продолжавших функционировать, организаций названы «Союз освобождения корейской нации», «Корейское общество возрождения отечества», «Лига истинных друзей», «Антияпонская лига» и т.д. Число сторонников этих организаций после арестов составляло 200 человек [11, с.422]. Впрочем, можно полагать, что это были ячейки Общества возрождения отечества, которые, как следует из источников и литературы, действовали под разными названиями.

По сведениям рассматриваемых изданий «партизаны нападали на военные объекты, нарушали связь, совершали диверсии на железных дорогах, срывали важные работы военного характера, разоружали японские гарнизоны» [8, с.9–14]. Для борьбы с партизанами полицией Японии была установлена тесная связь с полицейскими органами Маньчжурии, приняты японской полицией в Корее совместные меры, проводились массовые аресты [там же].

Издание «Состояние общественного спокойствия...» отмечает, что «1937 г. отмечен возросшей активностью партизанских отрядов». Специфику этого периода оно определяет следующим образом:

1) Непосредственное руководство базировавшейся в Маньчжурии корейской антияпонской объединенной армии коммунистов и партизан со стороны Китая.

2) Развитие движения по созданию народного фронта, ставившего целью борьбу с Японией.

3) Активизация в Корее и Маньчжурии деятельности подпольных антияпонских организаций и большая численность их членов.

4) Непрерывающаяся деятельность группы Ким Ир Сена.

5) Значительное усиление подрывной работы партизан в период китайских событий.

6) Убийство многих лиц как, якобы, реакционных (прояпонских) элементов.

7) Массовое участие женщин в антияпонском движении.

8) Действия партизан «имеют самое непосредственное отношение к происходящим в настоящее время событиям. Если не будут проведены аресты, все это может привести к дезорганизации тыла, результатов которой следует опасаться» [11, с.418–419].

Партизаны продолжали действовать и во время усилившейся подготовки Японии к войне против СССР, когда в 1938 г. в районе озера Хасан и в 1939 г. в Монголии, у реки Халхин-гол имели место японские провокации. В это время в промышленных центрах Северной Кореи усилились саботаж и диверсии на военных объектах, были случаи ухода рабочих в партизанские отряды. Как сообщают японские издания, ранее аналогичные факты имели место и в других районах северной Кореи [8, с.84–85, 92].

Выше отмечалось, что борьба корейцев за освобождение от японского колониализма в 30-е годы была представлена двумя направлениями: движением непосредственно в стране и действиями партизан, база которых находилась в Маньчжурии. Отечественные исследователи часто ставили вопрос о том, какой поток был главный. Материалы служебных изданий скорее опровергают утверждение, что им являлась партизанская борьба в Маньчжурии и подтверждают приоритет, хотя и ослабленного, но продолжающего свою деятельность сопротивление в самой Корее. Думается, эти потоки не стоит противопоставлять. Ведь они были взаимосвязаны, подпитывали друг друга. Материалы свидетельствуют, что и в 30-е годы мы наблюдаем антияпонские настроения и выступления, деятельность немногочисленного, но мобильного и сильного подполья. Оно в неменьшей степени тревожило японскую администрацию, чем действия партизан. Об этом говорит и само соотношение материалов в японских служебных изданиях по обоим потокам борьбы. О действиях партизан их не так много. При этом внимание японских властей приковано не к ущербу, который они наносили японским подразделениям – он был, думается, незначителен, а к напряжению, создаваемому партизанами в японских тылах.

В кругах отечественных востоковедов велись дискуссии по следующим вопросам: не была ли деятельность корейцев-партизан в Маньчжурии лишь составной частью китайской национально-освободительной борьбы, в какой мере она являлась самостоятельной, была ли она связана с подпольем непосредственно в стране. С этими суждениями можно согласиться лишь частично. Как представляется, руководители и актив корейских партизан являлись членами Компартии Китая и, разумеется, полностью следовали ее установкам, причем во многом утилитарно-прагматическим. Но при этом они преследовали и свои, корейские национальные интересы, что нашло отражение в их программных материалах. Некоторое время назад полемика велась и по поводу того, существовало ли на практике «Общество возрождения отечества», была ли у него программа, поддерживало ли оно реальную связь с Кореей. Ответ, вытекающий из критического анализа полицейских изданий, утвердительный, обоснованный содержащимися в них конкретными данными. В качестве примеров можно привести связанные с ним рейды корейских партизан в Почхонбо и другие районы Кореи, существование в стране Капсанского комитета действия – филиала «Общества возрождения отечества» – и отправку эмиссаров из Маньчжурии в Корею, снабжение ее подполья литературой, помощь ему в организационной, кадровой работе, в других областях.

Корейские партизанские подразделения рассматриваются закрытыми изданиями японской администрации как составная часть китайской освободительной армии, которая слепо следовала ее установкам и указаниям. С этим трудно спорить, но подходя к оценке событий объективно, всесторонне, нельзя отрицать и то, что корейские партизаны – члены китайской компартии – одновременно ставили и задачи достижения корейской независимости. Это нашло отражение в разработанных ими документах, особенно в программе «Общества возрождения отечества». Судя по материалам, Общество возрождения отечества действительно существовало, роль его как организации единого фронта могла бы быть значительной, оно имело филиалы по стране, но общенациональной организацией, консолидирующей все разнородные силы против колониализма и войны, оно не стало.

Важными и интересными представляются материалы, позволяющие исследовать феномен Ким Ир Сена. Что касается его роли в корейском освободительном движении 30-е гг., то из сведений японских изданий следует, что он являлся его активным участником, но отнюдь не руководителем общенационального масштаба, не идеологом, не героем. Он не участвовал непосредственно и в операциях по освобождению Кореи Советской Армией от японского колониализма осенью 1945 г. Вместе с тем феномен Ким Ир Сена требует специального изучения, и сведения закрытых японских изданий о его участии в освободительной борьбе, о формировании его характера, конечно, важны.

Вторая мировая война изменила ситуацию в корейском освободительном движении. Его основной задачей было сплочение всех антияпонских сил. Япония, увязшая в агрессии против Китая, продолжала готовиться к большой войне. Обстановку в мире усложнила начавшаяся в 1941 г. агрессия Японии на юге и юго-востоке Азии. Весь этот период японские колониальные власти сочетали военно-полицейский террор и идеологическую экспансию, насаждая паназиатизм, расово-шовинистические идеи, лозунг «Азия для азиатов» под эгидой Японии, как нации, якобы призванной историей стать руководителем «сферы совместного процветания». Эта политика проникла во все поры общественной жизни, и особенно глубоко в бытовые сферы. Деятельность Союзов по мобилизации сил нации, «патриотических групп» (доносы, обязательная подача сведений в полицию обо всех подозрительных лицах и т.п.) порождала у населения подозрительность, недоверие, враждебность, разобщение людей.

Если первое время после событий 1919 г. именуется периодом «культурного управления», временем «бархатной кошачьей лапки», то период Второй мировой войны правомерно характеризовать как сочетание полицейского террора и политико-идеологической обработки населения; оно менялось и увеличивалось по мере перемен обстановки на фронтах. Естественно, все антияпонские, антиколониальные выступления в Корею были строго запрещены, но сопротивление японскому колониальному господству продолжались, преимущественно, в самой Корею. Роль китайской зарубежной базы корейской освободительной борьбы резко снизилась. Руководители крупных отрядов перебрались в Советский Союз, а мелкие партизанские группы действовали непосредственно в Корею. Руководили ими и другими малочисленными организациями и их выступлениями из подполья пре-

имущественно члены леворадикальных патриотических групп. Существовавшие в стране архипасные, сложнейшие условия надломили многих патриотов. Отход от борьбы был очень значительный.

Действовавшие подпольные группы проявляли большое мужество и стойкость. В это время наметилась тенденция к тому, что потоки национально-освободительного движения снова сливались. Из Северо-Восточного Китая в Корею время от времени тайно перебирались члены партизанских отрядов, связывались с местными леворадикальными группами; вместе с ними они проводили разъяснительную работу среди населения. Иногда партизаны привозили листовки, брошюры, информационные листки, рассказывающие о текущих событиях, о японской агрессии, о положении на фронтах. Достаточно сказать, что 180 дней в году японская полиция, как указывают служебные японские издания, относила к числу «опасных».

В годы войны возникали различные группы, провозглашавшие своей задачей освобождение Кореи от колониального господства. Например, сеульская группа, возглавляемая Пак Хон Йоном, деятельность которой выходила за рамки столицы; другие, более мелкие леворадикальные группы. В их задачи входило установление связей с патриотами-националистами, но даже наладить между ними контакты в условиях полицейского террора было очень сложно. В августе 1944 г. Е Ун Хеном был создан Союз возрождения государства, провозгласивший одной из своих задач «создание объединенного антияпонского фронта». Союз просуществовал недолго, но сумел оставить свой след в антияпонском сопротивлении корейского народа. Продолжали свою деятельность и корейцы-патриоты в Китае. Ким Ду Бон, Чхве Чханик и другие создали там «Лигу независимости Кореи» в качестве организации единого фронта.

Исследуя тему корейского сопротивления, необходимо коснуться и лагеря национал-реформистов, который долгие годы в работах отечественных корееведов был показан как однородный и однообразный, а деятельность его представителей характеризовалась исключительно негативно. Между тем в него входило много искренних патриотов, ратовавших не за соглашательство с колонизаторами, а лишь за временные компромиссы, лавирование с целью избежания крови и насилия. То же самое можно сказать и о корейцах – авторах воззваний, призывавших студентов добровольно вступать в японскую армию. Также заслуживает внимания заметно усилившаяся в годы войны деятельность корейских эмигрантских организаций в США и других странах.

Итак, в годы второй мировой войны открытые формы борьбы, массовые выступления были невозможны. Что же происходило в военные годы в самой Корее? Несмотря на запреты властей, иногда на страницы легальных газет проникали сведения о растущем брожении в стране. Так, широко практиковался саботаж рабочих на заводах, шахтах, в портах, на транспорте. В промышленных районах Пхеньяна, Чхонджина, Хыннама несмотря на строжайший запрет властей проходили стачки. В годы войны получили распространение диверсии на военных заводах и шахтах; взрывы, организованные рабочими на военных предприятиях, аэродромах, железных дорогах, в портах. Выводились из строя станки, оборудование. Все это было одной из форм антивоенной борьбы, антияпонского сопротивления.

Японские власти отводили Корее важную роль в обслуживании войны, поэтому выведение из строя военных объектов, диверсии на транспорте, срыв выполнения военных заказов наносили серьезный ущерб японскому милитаризму.

Брожение происходило не только в городе, но и в деревне. В годы войны усилилось недовольство крестьян. Весной 1943 г. в городах прошли «рисовые волнения». Ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия, рост налогов и другие тяготы военного времени вызывали недовольства. Так, в 1941 г. было отмечено более 4850 арендных конфликтов, в которых участвовало 10,4 тыс. человек [1, с. 144] Сопrotивление крестьян мероприятиям властей выражалось в невыполнении программы военных обложений, плана поставок риса. Протест в разных слоях населения вызвали закон о всеобщей воинской повинности для корейцев и закон об их трудовой мобилизации. Многие из студентов не вняли призывам колониальных властей и ушли в горы к партизанам. В своеобразные демонстрации протеста превращались проводы корейцев, отправляемых в Японию по трудовой мобилизации. Примером такого протеста населения против трудовой мобилизации может быть названо и одно из крупных выступлений, которое произошло летом 1944 г. на привокзальной площади Сеула, жестко подавленное полицией. Уклонившиеся от мобилизации уходили в горы, вливались в отряды сопротивления. Они разбирали железнодорожные пути, организовывали диверсии. Массовые аресты, облавы, полицейские угрозы создавали в стране обстановку предельной напряженности, но не могли ослабить народное сопротивление, оно уходило глубже в подполье. Доступные автору служебные издания генерал-губернаторства дают меньше информации о 40-х гг.; их повествование заканчивается 1941 г.

Призывы властей «думать, говорить и писать по-японски, ибо это необходимо для участия Кореи в построении Великой Восточной Азии» не встречали ожидаемого отклика. В движении против ассимиляторских акций властей участвовала прогрессивная корейская интеллигенция. Нараставшие в колонии недовольство и волнения вынудили японские власти принять дополнительные меры по «успокоению корейского тыла». Был разработан закон о политических правах корейцев, предусматривалось некоторое улучшение условий их жизни в Корее и Японии. В том же году был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав и некоторые другие меры.

Продолжались выступления интеллигенции, студенчества. Отказ многих студентов идти добровольцами в японскую армию расценивался национальными силами как крупная антивоенная, патриотическая акция. Для борьбы с ней власти задабривали молодежь, заигрывали с ней, в то же время запугивали и наказывали ее. Следует отметить, что настроение молодежи, студентов, как и профессуры, не было единым и однозначным. Антияпонские, антивоенные настроения были не у всех, некоторые группы находились в плену идеологической пропаганды. Часть интеллигенции продолжала ориентироваться на ожидаемую ею помощь США. Профессура, призывавшая студентов идти служить в японскую армию, во многих работах отечественных корееведов оценивалась однозначно как антипатриотическая. Думается, это было не так. Часть преподавателей и профессоров, действительно, стала прояпонской силой. Другие же в условиях жестокого военно-поли-

цейского режима выполняли требования властей, чтобы выжить, но оставались при этом патриотами. Была и такая часть интеллигентской элиты, которая искренне надеялась, что победа Японии принесет корейскому народу если не свободу, то какое-то облегчение, вера лозунгам единства метрополии и колонии.

Итак, в период второй мировой войны в Корее действовало патриотическое подполье. На первый взгляд могло казаться, что оно полностью уничтожено японскими карательными органами, но это не так. Ослабленное, малочисленное, обезкровленное, оно все же продолжало жить.

Подводя итог сказанному выше отметим, что антияпонские выступления в Корее в годы второй мировой войны проходили в нескольких направлениях: борьба отрядов сопротивления и партизанских групп; саботаж и забастовки на предприятиях, диверсионные акты на железных дорогах; движение протеста против призыва в японскую армию, уход студентов в партизаны, которые, разбившись на небольшие группы, продолжали борьбу.

Хочется подчеркнуть, что, как корейское подполье, действовавшее внутри страны, так и группы и организации, ведущие свою деятельность за пределами страны, в том числе и партизаны в Маньчжурии, внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость. Это корейское сопротивление подтачивало японское колониальное господство и стало одним из факторов победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне.

Литература

1. История Кореи: в 2 т. М. : Наука, 1974. Т. 2. 480 с.
2. История Кореи (Новое прочтение). М. : РОССПЭН, 2003. 429 с.
3. Хан Енъю. История Кореи – новый взгляд. М. : Восточная литература РАН, 2010. 758 с.
4. Шабшина Ф. И. Южная Корея 1945–1946. Записки очевидца. М. : Наука. 1974. 271 с.
5. Шабшина Ф. И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М. : Наука, 1982. 287 с.
6. Akita George, Palmer Brandon. The Japanese colonial Legacy in Korea. 1910–1945 //A new Perspective. USA : MerwinAsia, University of Hawaii Press, 2015, 218 p.
7. Lee Chong-Sic, Scalapino Robert. Communism in Korea. Berkeley : University of California Press, 1972, 670 p.
8. Вестник идеологии (Сисо: ихо:) 思想彙報, выпуск 1937 г. № 11. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1937. 321 с. (на япон. языке)
9. Корейская полиция (Те:сэн кэйсацугайе:) 朝鮮警察概要. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1938. 161 с. (на япон. языке)
10. Словарь тайной полиции (Ко:то: кэйсацу е:годзитэн) 高等警察用語辞典. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1935. 258 с. (на япон. языке)
11. Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время (Сайкин-ни окэру те:сэндзиан дзе:ке:) 最近における朝鮮治安状況. Сеул : издание генерал-губернаторства, 1939. 480 с. (на япон. языке)

References

1. Akita George, Palmer Brandon. (2015). *The Japanese colonial Legacy in Korea. 1910–1945 //A new Perspective*. USA : MerwinAsia, University of Hawaii Press. 218 p.
2. *Cho:sén keisatsu gaiyou* (朝鮮警察概要), [Outline of Korean Police], (1938), Seoul : Governor-general Office Publ., 161 p. (in Japanese)
3. *Istoriia Korei*, [History of Korea], Vol. 2, (1974), Moscow : Nauka Publ., 480 p. (in Russian)

4. *Istoriia Korei. Novoe prochtenie*, [History of Korea. A New Perspective], (2003), Moscow : ROSSPĖN Publ., 429 p. (in Russian)
5. Khan En"u. (2010) *Istoriia Korei – novyi vzgliad* [History of Korea – a New Perspective], Moscow : «Vostochnaya literature» RAN Publ., 758 p. (in Russian)
6. *Koutou keisatsu yougojitĕn* (高等警察用語辞典), [Secret Police in Korea. A Dictionary of Terms], (1935), Seoul, Governor-general Office Publ., 1935, 258 p. (in Japanese)
7. Lee Chong-Sic, Scalapino Robert. (1972) *Communism in Korea*. Berkeley : University of California Press, 670 p.
8. *Saikin-ni okeru chousenjian joukyou* (最近における朝鮮治安状況), [Recent Situation of Peace and Order in Korea], (1939) Seoul : Governor-general Office Publ., 480 p. (in Japanese)
9. Shabshina F. I. (1974) *Yuzhnaya Koreya 1945–1946. Zapiski ochevidtsa*. Moscow : «Nauka» Publ., 271 p. (in Russian)
10. Shabshina F. I. (1982) *V kolonial'noi Koree (1940–1945). Zapiski i razmyshleniya ochevidtsa*. Moscow : «Nauka» Publ., 287 p. (in Russian)
11. «Shisou ihou» (思想彙報), [Thought Control in Korea], (1937), № 11, Seoul : Governor-general Office Publ., 321 p. (in Japanese)

The article was submitted on 10.06.2018

В. В. Хренов

ОСТРОВ ЧЕДЖУДО: ГОРОДА И ЖИТЕЛИ ГЛАЗАМИ УРАЛЬСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Аннотация: путевой очерк посвящен путешествию по самому необычному, самобытному и уникальному месту Южной Кореи – острову Чеджудо. Очерк представляет собой дорожные заметки автора статьи, основанные на его личном опыте, наблюдениях и впечатлениях во время путешествия по острову в июле 2013 года.

Ключевые слова: Азия, Южная Корея, общество, путешествия, туризм, Чеджудо, путевые заметки

V. V. Khrenov

JEJU ISLAND: ITS TOWNS AND PEOPLES THROUGH THE EYES OF THE URAL TRAVELER. PART II

Abstract: the article presents a traveling essay on a trip to the Jeju Island as the most unusual, unique and marvelous region of South Korea. These are the Author's own travel notes based on his personal experience, observations and impressions during his trip to the Island in 2013.

Key words: Asia, South Korea, society, traveling, tourism, Jeju, travel notes.

День четвертый. Центрально-восточный Чеджу

В этот день я собирался посетить достопримечательности центрально-восточной части Чеджудо: парк «Чеджу Мини-мини Лэнд», кратер вулкана Сангумбури, лавовые пещеры Комун Орым и пляж с черным песком в районе Самьянг в г. Чеджу. Этот план мне почти полностью удалось реализовать.

По уже привычной схеме на автобусе №100 я к 10 утра добрался до автовокзала. На этот раз мне нужен был маршрут оранжевой линии в направлении города Согвипо, расположенного на юге острова. В отличие от других, данный маршрут соединяет Чеджу и Согвипо по прямой, не огибая побережье. Оранжево-белый автобус отправлялся от стойки 7 каждые полчаса, а ближайший был на 10:30. Стоимость проезда до остановки «Керэ ипку сагори», у пересечения зеленой и оранжевой линий маршрутов в центрально-восточной части острова, рядом с которой находится парк «Чеджу Мини-мини Лэнд», составляла 3 тыс. вон. По сравнению с полуторачасовой дорогой до Пика Восходящего Солнца, 40 минут пути до «Керэ ипку сагори» прошли совсем незаметно, и уже к 11:10 я прибыл в место назначения. Вход в парк был в 30 метрах через дорогу от перекрестка, на его восточной стороне. В кассе я купил входной билет за 9 тыс. вон и отправился смотреть эту «страну миниатюр». Парк работал все дни недели, кроме понедельника, с 9:00 до 18:00.

Погода в тот день снова не подвела: ярко светило солнце, а в небе ни одного облачка. Но, к моему удивлению, несмотря на хорошую погоду и выходной день,

посетителей было совсем немного. «Чеджу Мини-мини Лэнд» представляет собой парк, на территории которого под открытым небом находятся копии известных достопримечательностей мира и некоторых литературных и мультипликационных персонажей в различном масштабе, начиная от лежащего у входа в парк Гулливера и динозавров и заканчивая Тадж Махалом, Большим Театром, Ниагарским водопадом и храмами Камбоджи. Расположение объектов в парке выстроено в следующем порядке: сначала идут детские достопримечательности (Гулливер, динозавры), затем национальные корейские (королевские дворцы, резиденция южнокорейского президента Чонвадэ). После них следует большой блок туристических объектов стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Камбоджи, Японии и другие), затем США (статуя Свободы, Капитолий и др.), государств Центральной Америки и, наконец, Европы (замки Германии и Уста истины в Риме). Там же находится тематический парк, в котором представлены различные персонажи из детских фильмов и мультфильмов, а также миниатюрная железная дорога. Рядом с этим местом расположен небольшой сквер с настенными портретами знаменитых людей и памятниками разных стран и эпох, в т.ч. Карла Маркса с надписью на русском «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Оттуда я перешел в другую часть парка, где, помимо еще некоторых азиатских и европейских достопримечательностей (например, зданий Гонконга, ворот Иштар в Вавилоне и Китайской стены), представлены туристические объекты России (МГУ, Большой театр, Храм Василия Блаженного) и Австралии (Сиднейская башня и Оперный театр), а также стена с действующим макетом Ниагарского водопада. Если обойти этот «Ниагарский водопад», то можно увидеть гору Рашмор – скалу с изображением четырех американских президентов США. Заключительные экспозиции Мини-мини Лэнда представлены другими достопримечательностями Европы (Пизанской и Эйфелевой башнями, зданием Мулен Руж в Париже, Фонтаном Треви в Риме и Памятником атому в Брюсселе). Таким образом, я обогнул по периметру весь парк, в конце которого оказалось одноэтажное здание с зеркальным лабиринтом. Там были и плюшевые мишки, и картины известных корейских художников, где вместо лиц людей были вклеены лица персонажей мультфильмов: Шрека, Маски (персонажа Джима Керри) и других. Выйдя оттуда, я снова оказался на аллее с Гулливером и динозаврами, ведущей к выходу, и покинул парк, где провел в общей сложности два часа.

В 13:20 я отправился к «Сангумбури» – кратеру потухшего вулкана, расположенного в одной остановке в восточном направлении от Мини-мини Лэнда, поэтому я решил прогуляться пешком. Идти пришлось по обочине проселочной дороги, так как тротуара там не было. По пути попался ресторан «Сонми Гадэн», где я перекусил блюдом «нэнмен» – холодной лапшой, что было очень кстати в жаркую погоду. Оттуда по мостику пересек русло высохшей речки, полюбовался лугами и полями местной деревни. Дорога заняла 15 минут и к 13:40 я подошел к входу в парк под названием «Сангумбури Кратер», на территории которого расположена вершина высотой 439 м. над уровнем моря, представляющая собой огромный кратер древнего вулкана. Входной билет стоил 6 тыс. вон. В начале парка были беседки и дорожки, которые разными путями вели через заросшее бескрайнее поле

наверх к смотровой площадке, откуда виднелся гигантский кратер, составлявший в диаметре не менее километра. Когда я почти забрался на вершину, поднялся очень сильный, но теплый ветер: мне навстречу летели шляпки корейских и шарфики китайских туристов, которые я иногда удачно ловил, отдавая владельцам. При этом мне приходилось удерживать свою кепку, не позволяя суровому ветру сорвать ее с меня и унести в бездну кратера. По сравнению с Пиком Восходящего Солнца, жерло этого потухшего вулкана выглядело унылым и чересчур заросшим деревьями. Да и облака делали свое в буквальном смысле темное дело, скрывая часть кратера от посетителей. Внезапно полил сильный ливень. Наверху укрыться от него было негде, поэтому все посетители ринулись со смотровой площадки вниз, разбегаясь по деревянным беседкам.

На прогулку по парку «Сангумбури Кратер» у меня ушло полчаса. Переждав дождь, в 14:15 я отправился дальше. На остановке с одноименным названием сел на попутный пригородный автобус зеленой линии и проехал на нем одну остановку в восточном направлении до пересечения с автомагистралью (остановка «Тэсон Мокчан»). Расстояние было небольшое, поэтому проезд обошелся лишь в 1 тыс. вон. Там я пересел на автобус, следовавший по трассе в северо-западном направлении, проехав одну остановку до «Комун Орым Ипку» – входа в лавовые пещеры, причем пересадка по транспортной карте обошлась бесплатно. Оттуда я направился по узкой автодороге без тротуара к так называемым «лавовым пещерам».

К этому времени облака рассеялись и снова появилось солнце. За 15 минут я дошел до места назначения. Но тут меня ждало разочарование: оказалось, что это были вовсе не пещеры, которые я ожидал увидеть, а горный парк для любителей треккинга с музеем, где находились павильоны с макетами всех пещер Чеджудо, картины с пейзажами острова, демонстрационные фильмы извержения вулкана в формате 4D. Билет в парк стоил символическую сумму – 1 тыс. вон, но вход в него открыт только до 13:00, после чего из него можно только выходить, поскольку восхождение на гору и спуск с нее занимает несколько часов. Раз уж в парк опоздал, решил посетить музей, купив билет 3 тыс. вон. От входа вдоль всего главного коридора вела галерея с картинами и фотографиями местных художников, на которых были запечатлены горные пейзажи Чеджудо. Далее шли павильоны с макетами лавовых пещер острова. Заглянул в демонстрационный зал, где, стоя на площадке, посетители смотрели 5–7 минутный 4D ролик с извержением вулкана. Все тряслось и грохотало, будто вулкан был где-то рядом. В 15:30 в кинозале начался 20 минутный 4D фильм, где главные герои попали в извержение вулкана. Кресла тряслись, шипели, издавали звуки, выпускали из себя дым. Для полного эффекта не хватало разве что запаха сероводорода! На этом мое посещение музея можно было считать законченным. В 16:00 вышел оттуда и за 15 минут добрался до остановки автобуса зеленой линии. На обратном пути я решил заехать на один из популярных местных пляжей под названием «Самьянг» с черным песком, который находится в восточной части города Чеджу. Стоимость проезда от пещер до этого места составила 3 тыс. вон.

По пути случайно разговорился с водителем. Он расспрашивал меня про каких-то известных российских спортсменов, о которых я тогда ничего не знал.

Оказалось, что в 1980-е годы он был чемпионом Южной Кореи по легкой атлетике и знает имена всех чемпионов в этом виде спорта. Узнав, что я собираюсь на Самьянг, водитель пообещал подсказать, где мне лучше выйти. Ровно через час я вышел на остановке, расположенной в нескольких километрах на запад от въезда на пляж. Перейдя на противоположную сторону дороги, я бесплатно пересел на пригородный автобус красной линии, ехавший в восточном направлении. Проехав пару километров, в 17:35 я вышел на остановке «Офис Самьянг-донг» возле школы искусств. На противоположной стороне увидел зеленую арку с надписью желтыми буквами «Самьянг Комын Морэ Хэбен», т.е. «пляж с черным песком». Как потом выяснилось, именно сюда сворачивал автобус №100, следуя до конечной Самьянг 1 донг. Ближайшая к пляжу остановка этого маршрута со стороны города называлась Самьянг 2 донг, а обратно – «Самьянг комын морэ хэбен ипку», т.е. «вход на пляж Самьянг с черным песком».

Так как к этому времени я уже достаточно проголодался, то перед походом на пляж решил основательно подкрепиться. Зашел в ближайшую к остановке забегаловку, которая находилась напротив вышеупомянутой арки. И не прогадал: за 6 тыс. вон заказал блюдо «Пулькоги ссамбап» – мясной суп в керамической тарелке, к которому подавалась тарелка риса с фиолетовым оттенком, листья салата, холодный супчик из водорослей, чеснок, соус, пять разных закусок (в т.ч. бобовые блинчики «пиндэтток», ломтики полусырой, но вкусной картошки). Кушал всю эту прелесть, заворачивая ломтики мяса вместе с рисом в салатный лист. Это было просто объединение! Ужинал за обычным столом, хотя там также были и низкие столы в корейском стиле. По словам хозяйки, ресторанчик открыт ежедневно с 10:00 до 20:00 (хотя, когда я приехал сюда днем в день своего отъезда, он оказался закрыт).

В 18:20 я вышел из ресторана и через арку направился к пляжу. За десять минут я дошел до поворота дороги направо, которая вела непосредственно к его входу и конечной автобуса №100. Пляж был открыт для посещения с 9:00 до 21:50, а вход на него абсолютно свободный. Это место мне сразу понравилось: примерно на триста метров простиралась береговая линия без мелководья (которое мне потом встречалось на пляжах Хамдок и Кимненг и оставило не самые лучшие впечатления), имевшая в меру глубокий песчаный вход с традиционными для этих мест водорослями, ну и конечно же песок, который в мокром состоянии действительно был очень темным. В сухом же виде, вопреки своему названию, песок оказался не черным, а светло-коричневым. На пляже были пластмассовые стулья со столиками и зонтами, очевидно, принадлежавшие близлежащей торговой палатке и бару. На свободных столиках и стульях можно было без проблем оставлять свои вещи. Рядом была будка охраны, где дежурили люди в черных шортах и желтых майках, у которых на спине на корейском и английском было написано «полиция». Несмотря на такое название, они следили не только за порядком на пляже, но и выполняли функцию спасателей.

Много слышал, что этот «черный песок» вулканического происхождения очень полезен для здоровья, и, видимо, поэтому некоторые корейцы зарывались или зарывали друг друга в песок по самую шею, оставляя на поверхности лишь свою голову. Причем делали они все это, по непонятной для большинства евро-

пейцев традиции, в той же одежде, в которой купались: в майках, шортах, платьях и т.п., поэтому трудно сказать, много ли могло быть от этого пользы.

Вечерело. Желтая полоса заката в безоблачном небе, низколетающие самолеты, легкий шум волн, ненавязчивое щебетание корянок создавали настоящую идиллию. Из теплой воды с нежным песком и водорослями совсем не хотелось выходить. Уже в начале восьмого часа спасатели поставили буйки на расстояние в два раза ближе, чем было изначально: если к моему приходу буйки стояли примерно в 50 м. от берега, то с началом заката спасатели их сдвинули ближе к берегу на 25 метров. Плавать на мелководье в воде ниже пояса сразу же стало неудобно. Но я и заметить не успел, как буквально через полчаса из-за прилива вода поднялась до плеч. Только тогда я понял смысл их действий. При этом спасатели-полицейские регулярно ныряли вдоль буйков чтобы убедиться в том, что никто не утонул.

Встретив потрясающий закат, в начале девятого вечера я начал собираться. В 20:40, точно по расписанию, на ост. «Самьянг комын морэ хэтбен ипку» подъехал автобус №100, на котором к 21:15 я добрался до своего мотеля и сразу же стал составлять план поездки на следующий день на юг острова – в город Чунмун.

День пятый. Южный Чеджу. Город Чунмун

Проснулся в 9:30 и, позавтракав кимбабом с кофе, в 10:00 отправился на маршруте №100 к автовокзалу. Нужный мне автобус до города Чунмун (розовая ветка на карте) оказалось очень легко узнать: так как он следует по дороге №1100, то на его ветровом стекле красовалась крупная надпись по-корейски «1100 торо». Он отправлялся от стойки 3 и, в отличие от остальных маршрутов, ездил достаточно редко – с 6:30 до 16:00 летом и с 8:00 до 15:00 зимой с интервалами 1–1,5 часа. Ждать автобуса на 11:00 на перроне автовокзала пришлось почти полчаса.

По пути в Чунмун я планировал посетить так называемую «Токкэби торо» (Дорога дьявола), которая находилась к югу от города Чеджу. Это место входило в минимальную городскую тарифную зону пригородных маршрутов 1 тыс. вон, поэтому при пересадке по транспортной карте снялось лишь 50 вон. Автобус сначала проезжал на запад Чеджу, поблизости от моего мотеля, после чего стал следовать в юго-западном направлении к выезду из города.

«Дорога дьявола» находится неподалеку от остановки «Торип Мисульгван» (Музей изобразительных искусств) в 25 минутах езды от автовокзала. Остановка расположена в довольно заброшенном и пустынном месте: по одну сторону был бескрайний пустырь, а по другую – заброшенное кладбище и музей, который оказался закрыт. Поскольку потом я рассчитывал продолжить свой путь на автобусе этого же маршрута с отправлением от автовокзала в 12:20, то мне нужно было вернуться на это место примерно к 12:40. Сразу же после остановки была развилка, где одна дорога уходила на Чунмун, а другая вела к Токкэби Торо. По второй из них я за семь минут дошел до пресловутой «дороги дьявола», которая представляла собой 150-200 метровый участок дороги с заметным уклоном, где, как считается, в горку могут сами по себе катиться бутылки, ехать накатом автомобили, мотоциклы и т.д.

Когда я добрался до этого «заколдованного» места, я увидел такую картину: люди катали по дороге бутылки, а машины, съехав вниз по дороге, разворачивались, доезжали до специального знака, останавливались, глушили двигатель и... начинали постепенно разгоняться в гору как минимум до 10–15 км/ч. По крайней мере, со стороны создавалось именно такое впечатление. Начало и конец данного участка были обозначены соответствующими дорожными знаками «Старт» и «Финиш». На верхней точке дороги находилось летнее кафе, хозяин которой предприимчиво предлагал всем желающим купить у него пластиковые бутылки чтобы их покатали. Я тоже решил попробовать и это удалось: стоило мне только слегка подтолкнуть 1,5-литровую пластиковую бутылку в горку, как она начинала быстро разгоняться. Прodelывал этот эксперимент на разных участках дороги и на различной высоте, но везде был одинаковый эффект. Неподалеку от меня пытались проделывать то же самое китайские и корейские туристы. Как пояснил мне хозяин кафе, для получения такого эффекта бутылка должна быть обязательно наполнена водой и не иметь выступов на своей поверхности. Стекланные же бутылки катались более убедительно и резво, поэтому мне иногда приходилось даже догонять их.

Вдруг около меня остановился черный легковой автомобиль и открылась дверца: за рулем сидел кореец лет сорока, который жестом зазывал меня в машину, предлагая прокатиться по дороге. Я с удовольствием согласился, так как хотел изнутри увидеть процесс движения машины накатом в горку. Мы проехали вниз, развернулись, остановились у знака «Старт» и выключили двигатель. Тут машина начала двигаться в гору, постепенно набрав к середине участка скорость около 15 км/ч, а остановилась только на вершине горки напротив кафе. В чистоте эксперимента сомневаться не приходилось: двигатель был выключен, а водитель все это время даже не притрагивался к рулю и педалям. Потом я вышел и, поблагодарив корейца, некоторое время еще покатали бутылки по асфальту, пытаюсь разгадать загадку этой дороги. При более тщательном осмотре участка я обнаружил, что локальные участки пути шли волнами: то в горку, то на спуск. Но даже если так, то почему же тогда при движении на подъем машина плавно набирает обороты, не сбавляя их? Чтобы машина могла сама набрать такую скорость, уклон должен быть приличным, что визуально было незаметно. Говорят, что весь фокус кроется в обыкновенном оптическом обмане, и что на самом деле машины движутся не в гору, а под нее. И, скорее всего, это и есть объяснение загадки, ведь не в дьяволе же дело!

После всего этого я прошелся по автостоянке у «дороги дьявола», чтобы посмотреть на каменные фигурки мистических персонажей в образе чертиков-человечков, и поспешил обратно на пустынную остановку. Даже не верилось, что сюда вообще может подойти автобус: ни табличек, ни указателей. Но он подъехал почти точно в соответствии с моими расчетами, в 12:42. Я уселся на переднее сиденье и поехал на нем до самой конечной – города Чунмун. Поездка от Токкэби Торо до Чунмуна обошлась мне в 2 тыс. вон. Дорога проходила вдоль западного подножия горы Халласан с заездом к одному из многочисленных входов в одноименный национальный парк. На этой остановке вышли все пассажиры кроме меня, после чего свой путь до конечной я продолжал вдвоем с водителем. Дорога в этих ме-

стах проходила по горной местности и автобус, сильно скрипя, ехал в буквальном смысле сквозь облака.

В Чунмун я прибыл в 13:30, но, вопреки моим ожиданиям, автобус не доехал до южной части города, где находятся основные достопримечательности, а высадил меня у перекрестка с круговым движением на севере города. Оказалось, что это и была конечная. Водитель развернулся, несколько секунд постоял в ожидании пассажиров на противоположной стороне дороги и порожняком уехал обратно в город Чеджу. К этому времени небо заволокло облаками, хотя дождя не было. Вдали я разглядел краешек моря, и пошел в этом направлении вдоль той же дороги, по которой приехал. По правую от меня сторону простиралась огромная плантация с длинными теплицами, которая оказалась научно-исследовательской частью местного Ботанического сада, а за ним – школа картинга. По левую же сторону был огромный пустырь, заросший травой. На горизонте, в конце дороги, за очередным перекрестком с круговым движением с высокой статуей дедушки-харубана в его центре, виднелось полностью стеклянное круглое здание международного выставочного центра Чеджу (ICC). Именно за ним располагался один из объектов моего путешествия сюда – скалы Чусан Чолли. У этого же перекрестка находилась остановка аэропортного автобуса №600, на котором я планировал возвратиться из Чунмуна вечером. Путь от автобусной конечной до этого места занял у меня 20 минут.

Недалеко от входа в выставочный центр стояла четырехметровая серебристая статуя кубка в форме вазы. Прогулялся по самому зданию, но не нашел там ничего интересного – обычный выставочный центр. Выйдя с его противоположной стороны, я сразу попал в парк с множеством статуй харубанов, каменных колонн и беседкой со скамеечками. Его аллеи вели ко входу в другой парк, в который нужно было покупать билет за 2 тыс. вон, потому что только с его территории можно попасть к скалам. Как потом выяснилось, я зашел с западной стороны, а главный вход в парк находился дальше, на его восточной стороне. Аллей здесь было еще больше, повсюду росло множество пальм и стояли десятки статуй харубанов. Пройдя в южном направлении, я вышел к смотровой площадке, откуда открывался обзор на море и скалы Чусан Чолли, представляющие собой многочисленные базальтовые «столбики» разной высоты. Из парка я спустился на другую небольшую смотровую площадку. Она располагалась внизу, у самого моря, откуда можно было посмотреть на скалы с очень близкого расстояния. Там уже резвилось несколько десятков китайских туристов, поэтому было не протолкнуться. Скалы мне очень напомнили множество пластилиновых столбиков черного цвета, составленных вертикально. От процесса удара волн об этих базальтовых гигантов было трудно оторвать взгляд, настолько это было красиво: морская пена от столкновения со скалами устремлялась ввысь фонтаном причудливых форм. Этим можно было наслаждаться бесконечно, но от нашествия очередной партии туристов находится там стало уже невозможно, поэтому я решил продолжить свой путь дальше.

Я вышел к главному входу с автостоянкой, посреди которой стоял трехметровый памятник морской раковине белого цвета. В 14:45 я покинул парк и отправился к перекрестку, где останавливался автобус № 600. С этой дороги, если смотреть

в восточном направлении, хорошо просматривалось огромное здание рыжего цвета, напомнившее мне сказочный замок с фигурами искусственных жирафов во дворе. Это было здание Музея Африки, который был открыт только по будням, поэтому посетить его в тот субботний день у меня не получилось. Тогда я проехал полкилометра в западном направлении на автобусе № 600 за 1 тыс. вон до Музея шоколада, находящегося через дорогу от одноименной остановки.

Музей шоколада представляет собой двухэтажное высокое и длинное темно-серое здание. У самого входа посетителей встречали шоколадные фигуры в натуральную величину четырех музыкантов с корейскими традиционными ударными инструментами: барабанами «пук», «чанго» и тарелками «чин». На стойке в холле продавались разные изделия из шоколада. Продавщица попросила меня купить входной билет за 3 тыс. вон, пояснив, что на выходе можно будет обменять билет на шоколад в пределах этой суммы. Пройдя через весь холл, я оказался в большом помещении, где под стеклянными витринами и на полках были представлены уникальные изделия: сделанные полностью из шоколада шахматы, настольные игры, яйца, фигурки людей и предметов, исторические сцены. А на полках вдоль стен лежали коробки конфет и сладостей с ценниками. Словом, все было похоже на тематический магазин. На втором этаже было продолжение экспозиции, где был представлен шоколад из разных стран мира (среди прочего я обнаружил там даже несколько советских шоколадок). На том же этаже находилась комната, где проводился мастер-класс для детей по изготовлению шоколада. Занятие вела кореянка, которая помогала детям наполнять разноцветной шоколадной массой пластмассовые формочки. После застывания эта масса превращалась в аппетитные сладости и под дружные аплодисменты дети принимались их есть.

На выходе из музея я обменял свой входной билет на несколько шоколадных конфет и в 15:25 отправился дальше. В этом районе находились тематические музеи, Ботанический сад и парк с водопадами.

Начал я с Музея плюшевых мишек (Teddy bear's Museum), который расположен буквально в трех минутах ходьбы на запад от Музея шоколада. Летом музей был открыт ежедневно с 9:00 до 20:00, а входной билет стоил 8 тыс. вон. Как ни странно, ни одного посетителя с европейской внешностью я там не увидел. Музей занимает два этажа, причем главный вход находится на втором. Там же в огромном павильоне под стеклянными витринами можно увидеть плюшевых мишек в виде сказочных, исторических и других персонажей. Например, там есть мишка-космонавт, мишки-Битлз и даже мишки-арабы. В комнате поменьше представлены мишки в облике известных личностей (например, Махатма Ганди). На лифте можно было спуститься на первый этаж с тематическим магазином, вокруг которого находились фигуры плюшевых панд в натуральную величину.

В 16:15 я отправился в музей «Верить, нет» (Believe it or not), который находится через дорогу от Музея мишек и посвящен самым невероятным людям и предметам. Входной билет стоил также 8 тыс. вон. На двух этажах можно было увидеть манекены людей с тремя ногами, женщину с узкой длинной шеей, трехглазых, самых высоких людей и других персонажей. Из необычных предметов

особенно выделялось несколько моделей в натуральную величину: конь, полностью сделанный из гвоздей; картонная модель автомобиля Мазерати; настоящая спортивная машина, весь корпус которой обклеен позолоченными монетами; двухметровая Эйфелева башня из спичек; бюст Джона Леннона, сплетенный из проволоки и многое другое. У входа на улице стоял трехосный лимузин, в задней части которого на месте багажника в кузов была встроена красная ванна в форме сердечка, очевидно, предназначенная для новобрачных.

В 17:10 я вышел с северной стороны музея и уже через пять минут оказался у ворот Ботанического сада Емидзи. Его крытая оранжерея, открытая с 9:00 до 18:00, а наружная часть сада – до захода солнца. Стоимость билета – 9 тыс. вон. Ботанический сад представляет собой огромную территорию с фонтанами, многочисленными аллеями, деревьями причудливой формы, спиралевидными елочками, а также растениями из различных регионов мира, разделенных по странам: корейский, японский, итальянский сад и т.п. Однако русского сада я там не нашел. В центре парка находится большая стеклянная оранжерея круглой формы, посреди которой возвышается 20-метровая башенка с остекленным куполом – своего рода закрытая смотровая площадка, куда можно подняться на лифте.

Я решил начать с осмотра оранжереи, состоящей из секций в виде отдельных тематических оранжерей, расположенных по периметру здания: аквасад, тропический, моховый, кактусовый, цветочный сад и многие другие. На лифте поднялся на смотровую площадку, однако открывшийся вид меня не впечатлил: стекло было грязное, а небо заволочено облаками. У лифта на первом этаже стоял макет помятой красной машины, сделанной из отходов производства – пластика. Машина символизировала собой борьбу за улучшение экологии в мире.

Уже в 17:45 оранжерею начали подготавливать к закрытию, поэтому все пришлось досматривать на бегу. Выйдя из нее в 18:00, я еще минут 15 погулял по парку, заглянув в тематические национальные сады, среди которых больше всего понравился японский садик с красным мостиком через искусственный ручей. Оттуда открывался вид на длинный сводчатый красный мост над горной речкой, а его фасадные арки были украшены белыми изваяниями, напоминавшими издавна множество фигур белых лебедей.

Прямо у ворот в Ботанический сад стояла касса, которая к этому времени уже закрылась. Стоимость билета днем составляла 2500 вон, а после 18:00 вход становился свободным. Оттуда начиналась аллея, ведущая к мосту Сонимге и трем водопадам Чонджэен. С моста открывался вид на горную речку, а сразу за ним находился еще один парк с традиционными харубанами и дорожками, ведущими непосредственно к водопадам. Если стоять лицом к парку и спиной к мосту, то, пройдя налево 400 метров, можно добраться до первых двух больших водопадов. Если же пройти метров 300 направо, то дорога приведет к третьему, самому маленькому из них. Решил начать с самых больших. Несмотря на воскресенье, народу там было очень мало. Вдоль речного берега проходили деревянные дорожки с перилами, имеющие спуск к смотровым площадкам у каждого водопада. Площадки находились на уровне реки и оттуда можно было снизу восхищаться ниспадающими потоками бурлящей воды.

К этому времени я уже достаточно нагулялся и устал. На улице смеркалось. Несмотря на это, выбравшись обратно к парку, я все-таки решил успеть до наступления темноты посмотреть на третий, самый маленький водопад. Путь к нему оказался еще интереснее: в отличие от дороги к двум большим водопадам, эта представляла собой деревянный навесной мост с перилами справа и зеленой сеткой-рабицей слева. Она тянулась сквозь плотные заросли высоких деревьев и была настолько узкой, что на ней мне было бы очень трудно разминуться со встречным человеком. Но это стоило того: в итоге дорожка меня привела к отвесу с двумя смотровыми площадками. Одна была наверху, где по типу трибун располагались скамейки, откуда открывался вид на лес и горы и был слышен шум ниспадающей воды. Вторая же, в виде беседки, находилась внизу, и только оттуда открывался хороший обзор на водопад, а его звучание было просто потрясающим. Закрыв глаза, я наслаждался его журчанием на фоне пения птиц. Но нужно было спешить, чтобы успеть выбраться оттуда до наступления темноты. За 8 минут я вышел к мосту Сонимге, где увидел его в абсолютно другом виде: каменные фонарики вдоль моста светились огнями, плавно меняющими свой цвет: красный, бордовый, фиолетовый... Было очень красиво. Полюбовавшись некоторое время этим цветопредставлением, я за 12–15 минут дошел до остановки автобуса № 600 напротив музея «Belive it or not». Автобуса, который курсирует ежедневно с интервалом 18–20 минут, долго ждать не пришлось, и в 20:20 я отправился на нем обратно, в город Чеджу. В отличие от остальных местных пригородных маршрутов, этот является экспрессом и пересекает остров с юга на север не по горной дороге № 1100, а по скоростной трассе № 1135. Поэтому, если время следования пригородного автобуса от автовокзала Чеджу до Чунмуна составляет около 1 ч. 10 мин за 3 тыс. вон, то на экспрессе мне удалось преодолеть этот же путь в обратную сторону за 45 минут по цене 3,9 тыс. вон.

Около 21:05 я вышел на остановке «Тохотель» у своего мотеля и отправился где-нибудь поужинать, так как к этому времени изрядно проголодался. На улице между парком «Самму» и улицей Саммуро зашел в забегаловку «Турудуру сиктан». Несмотря на то, что цены за порцию варьировались там в диапазоне от 25 тыс. до 60 тыс. вон, хозяйка предложила мне за 12 тыс. вон полпорции «ханчхимуль» – холодного супа из осьминога и других морепродуктов со льдом, хотя такого блюда в меню не было. К этому супу были также поданы горячий бульон, фиолетовый рис и шесть закусок, среди которых свежие огурцы и безумно вкусная рыбка, вымоченная в каком-то сладко-солонятом коричневом соусе. В завершение трапезы мне принесли горячий омлет, который доест у меня уже не хватило сил.

В 22:05 я покинул заведение и минут через пять добрался до своего мотеля.

День шестой. Пещера Манджангуль и лабиринт Кимненг

В планах этого дня было посещение пещеры «Манджангуль», лабиринта «Кимненг» (Kimnyoung Maze Park) и нескольких пляжей на северо-востоке острова. Проторенной дорогой добрался до автовокзала и в 10:20 выехал оттуда на пригородном автобусе красной линии (на котором я ездил до Пика Восходящего

Солнца). На сей раз мне надо было выйти немного раньше Пика, на остановке с одноименным названием «Манджангуль ипку», т.е. «Вход в пещеру Манджангуль», куда я добрался ровно за час. От этого места к лабиринту и пещере вела единственная дорога, причем расстояние от остановки до лабиринта составляло 1,6 км., а до пещеры и вовсе 2,1 км. И здесь я снова столкнулся с тем же неудобством, с которым уже неоднократно встречался на острове: вдоль всего пути не было ни одного намека на тротуар, поэтому приходилось внимательно следить за дорогой, благо машин на моем пути почти не попадалось. Пейзаж был в основном представлен поросшими травой лугами и немногочисленными деревьями необычной формы с красивыми розовыми цветками.

В этот день погода была жаркой и на небе не было ни облачка. Через 600 м. слева от меня показался вход в еще одну лавовую пещеру – «Кимненсагуль», которая оказалась закрытой на реконструкцию. Продолжив свой путь дальше, уже к 11:50 подошел к лабиринту. Но я решил посетить его на обратном пути, а осмотр достопримечательностей начать с пещеры «Манджангуль», дорога до которой заняла у меня еще около десяти минут. Эта пещера находится на территории одноименного парка, открытого в высокий сезон (с 20 июля по 31 августа) ежедневно с 8:30 до 18:20. На площади перед входом я увидел небольшое здание музея, посвященного истории Манджангуль, а также фонтан, в центре которого вертикально стоял символ пещеры – каменное кольцо диаметром семь метров с имитацией лавы внутри него. Вход в музей был свободным, но смотреть там оказалось особо нечего: в его единственной комнате на стенах висело несколько фотографий и иллюстраций с информацией об истории создания Манджангуль. Осмотрев его за пять минут и передохнув в беседке у фонтана, я отправился в дальний конец парка непосредственно к спуску в пещеру, проходя мимо многочисленных скульптур харубанов. Входной билет в нее стоил 2 тыс. вон. Кроме того, с 9:00 до 16:30 через определенные интервалы организованным группам предоставлялся бесплатный гид. Не став дожидаться формирования группы, я решил пойти один. Непосредственно от кассы вниз вела каменная лестница. По мере долгого спуска по ней я стал понимать, что оделся слишком легко для такого мероприятия: внизу оказалось гораздо холоднее, по ощущениям, градусов 5 против 25 на улице.

Доступная для посещения часть пещеры составляла 1 км. В ней было темно и сыро. На протяжении всего пути по обеим сторонам периодически встречались достаточно хорошо освещенные плакаты с информацией и фотографиями, а также экспонаты в виде различных лавовых форм, некоторые из которых очень напоминали фигуры животных. Сам же тоннель подсвечивался лишь небольшими лампами, направленными под углом к его своду. Влажный пол был выполнен в образе застывшей лавы и имел выпуклую неровную волнообразную форму, поэтому приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться в полутьме. Последние сто метров в конце тоннеля представляли собой подсвеченный голубыми огнями, возвышающийся над лавовым полом деревянный мост с перилами, в конце которого находилась освещенная мощными прожекторами смотровая площадка, где можно было пофотографироваться на фоне вертикальных лавовых отложений.

Во время прогулки по пещере довелось наблюдать сцену, когда родители-корейцы просили своего сына лет десяти с хриплым и звонким голоском (что придавало ему комичности) и в панамке с солнечными очками (и это в пещере то!) прочитав то, что было написано на одном из информационных стендов. Малыш не проявлял типичного для корейских школьников рвения к получению знаний, крича им по-корейски «широ широко широко, ному мана! («не хочу, не хочу, слишком много!»).

Обратно я пошел быстрым шагом, что объяснялось главным образом желанием поскорее выбраться из подземелья под горячее солнце. В 13:25 я вышел из пещеры и за 15 минут по той же дороге дошел до парка-лабиринта «Кимненг», открытого ежедневно с 8:00 до 22:00 в летний сезон, а в другое время – до заката. Входной билет стоил 3,3 тыс. вон, но, к моему удивлению, с меня взяли 2,8 тыс. (такая цена действовала при групповом посещении от 20 чел., а также для жителей Чеджудо, инвалидов 4-6 группы, военнослужащих и почетных граждан). Для иностранцев же никаких льгот не было. Видимо, меня отнесли к одной из вышеуказанных категорий.

От входа непосредственно к лабиринту вел деревянный мост с перилами и беседкой, по другую сторону от которой находился искусственный водопад в виде камня двухметровой высоты, откуда ниспадали бурлящие потоки воды, а у его основания был небольшой пруд с японскими карпами. Парк представлял собой лабиринт из искусственных зеленых насаждений четыре метра в высоту и два метра в ширину, внутри которых была натянута металлическая сетка, не позволяющая перебежать с одной дорожки на другую. Здесь шумели, бегали и веселились в основном китайцы, корейцев же было относительно мало. В центре лабиринта находился финиш, и успешно дошедшие или добежавшие до него поднимались на мост, где возвышалась мачта с колоколом, звонили в него, а потом по этому же мосту покидали парк. Стоя у мачты, можно было рассмотреть сверху весь лабиринт, а неподалеку от нее находилась беседка, заполненная отдыхающими. Сначала я забрался на мост и, ориентируясь по карте парка, которую выдавали каждому посетителю на кассе, определил возможные пути движения, после чего спустился к входу и снова вошел в лабиринт. Там обратил внимание на стенд с информацией о том, насколько быстро можно добраться до финиша: вероятность пройти его за 5 мин. составляла 5%, за 10 мин. 10%, за 20 мин. 80%, за 1 час 95% и за более чем 1 час 5%. Я же решил пойти быстрым шагом, не пользуясь картой. Ориентируясь только на интуицию, мне удалось достичь финиша за 17 мин. В обратную сторону я проделал этот же путь намного быстрее – всего за 10 мин.

Погуляв еще немного по лабиринту, в 14:40 я направился к остановке Манджангуль, добравшись до нее за полчаса. Пока ждал автобуса в направлении города Чеджу, обратил внимание на местную достопримечательность: буквально в 15 м. от меня на двухметровом постаменте стоял такой же высоты позолоченный памятник буддистскому монаху с длинным посохом. Все надписи на постаменте были сделаны по-китайски. У остановки обратил внимание на коричневый указатель на то, что в 8 километрах от этого места находится «Тольхарубан парк» (парк скульптур харубанов). Но туда я решил не ехать, так как уже настроился остаток дня посвятить пляжному отдыху.

Минут через десять подошел пригородный автобус (красная линия) и за пять минут за 1 тыс. вон я добрался до следующей остановки – «Кимненг Сонсэги Хэбен», где находится пляж Кимненг. По общему впечатлению, он был гораздо больше уже знакомого мне пляжа Самьянг, а песок был мелким и абсолютно белым. Здесь я обнаружил не более десятка раскрытых зонтов с лежаками, причем веревки для фиксации зонтов в открытом положении были растянуты естественным образом и зафиксированы при помощи увесистых мешков с мокрым песком. По пляжу ходил бич-бой, предлагавший арендовать такой зонт, рассчитанный на 4 человек, за 10 тыс. вон без ограничения по времени, но я отказался от такой услуги.

Вдали можно было увидеть островки из черных как смоль вулканических камней, а у побережья виднелся небольшой песчаный остров, образованный в результате отлива. Там не было ни зонтов, ни лежаков, а вся территория устлана зелеными водорослями, которые тщательно сгребали и собирали в мешки сотрудники пляжа. Скорее всего, эти водоросли потом продадут в какую-нибудь местную забегаловку, где из них сделают вкусную и питательную закуску.

Глубина моря оказалось настолько мелкой, что поплавать в нем толком не удалось: на расстоянии 50 м. от берега вода едва доставала до пояса. В ней не плавала, а лишь плескалась пара десятков молодых людей в зеленых майках. У входа на пляж находилось одноэтажное здание с платными душевыми, стоимость пользования которыми составляла 2 тыс. вон, однако существовал и бюджетный вариант смыть с себя морскую соль: прямо на улице стоял большой красный таз, который каждый желающий мог бесплатно наполнить водой из умывальника и помыться из него у всех на виду. Вот такой своеобразный пляжный сервис мне удалось встретить на Чеджудо! Радует то, что до Южной Кореи пока не дошла тенденция организации платных пляжей, характерная для многих курортных регионов мира.

От пляжа Кимненг на автобусе в направлении города Чеджу я, оплатив 1 тыс. вон, за 10 мин. добрался до остановки «Хамдок Соубонг Хэбен ипку», где находится один из самых известных среди туристов местных пляжей – Хамдок. И мне очень хотелось узнать секрет его популярности. Пляж находится в черте города Чеджу, на его восточной окраине, поэтому, помимо пригородных, там курсируют также и городские автобусы №10 и 38. От остановки к нему ведет автодорога, вдоль которой стоят многочисленные лавки торговцев овощами и фруктами. Но Хамдок меня разочаровал, так как я ожидал от него большего: песок обычный, желтый, а по общей компоновке территория многим напоминала Кимненг. В центре песчаного побережья Хамдока было озеро, образованное в результате отлива, с уровнем воды выше колена. По аналогии с пляжем Кимненг, у входа были душевые за 2 тыс. вон, только вот тазиков здесь уже не было. Зато у душевых были натянуты веревки, на которых в тени сушилось мокрое белье купающихся.

Там я пробыл около 20 минут и в итоге решил провести остаток дня на уже полюбившемся мне пляже с черным песком Самьянг. От остановки «Хамдок Соубонг Хэбен ипку», где была конечная 10 и 38 маршрутов, я за полчаса добрался до Самьянга. Для начала я решил основательно поужинать в близлежащей забегаловке, где я был уже два дня назад. На этот раз я заказал блюдо «Хэмуль ттукпэги» за 6 тыс. вон – суп из морепродуктов в керамической посуде: там были

и ракушки, и краб, и креветки. Блюдо подавалось с привычным для того места набором закусок, а также рисом. Все было необычайно вкусно и ароматно.

В 18:40 я вышел из ресторана и отправился на пляж, где пробыл до 21:00. Я наслаждался последним днем пляжного отдыха на Чеджудо, внимал каждому звуку, каждому мигу этой корейской сказки. Когда стемнело, стало отчетливо видно мигающий огонь маяка Сандзи, который находится у морского порта с северной стороны холма Сарабон. А вдалеке были видны чайки, будто обгоняющие низколетающие самолеты... Но настала пора возвращаться...

В отель я вернулся к 22:00. Весь следующий день я планировал провести за осмотром достопримечательностей города Чеджу.

День седьмой. Город Чеджу. Отъезд

В этот день я планировал погулять по центру города Чеджу, набережной Тхаптонг и посмотреть там скалу Ендуам. Судя по прогнозу погоды, все последние дни в Сеуле продолжался сезон дождей. А на Чеджудо, напротив, в этот период было жарко и солнечно. Даже не верилось, что мне так повезло с погодой на Чеджу, где она очень переменчива, а ураганный ветер и проливные дожди являются обычным делом.

Сел на маршрут № 100 и отправился в направлении центра. По пути вышел на остановке Тонмун Ротэри, где находится крытый «Ночной рынок «Тонмун». Несмотря на свое название, рынок был открыт и ночью, и днем. В нем продавались в основном фрукты, сладости, свежие морепродукты (живые гребешки, осьминоги и т.п.) и немногочисленные сувениры. Текстильной продукции и одежды в продаже там не видел. Стены рынка были пропитаны запахом морепродуктов. У одной торговой точки наблюдал такую забавную картину: шустрый краб бегал от продавщицы между лотками, а потом она долго и безуспешно пыталась выманить его из-под ящиков с мандаринами. В итоге беглец был пойман и посажен в аквариум с водой к своим собратьям.

В 13:10 отправился осматривать центр города. Посреди перекрестка с круговым движением, что напротив рынка, стояла белая стела с надписью на китайских иероглифах. Дорога в сторону моря шла параллельно небольшой реке Сандзичхон с несколькими пешеходными мостами. По всей ширине одного из них, со стороны рынка, стояли каменные фигуры шести ныряльщиц «хэне», а поблизости работал мощный фонтан, струи которого по очереди взмывали в небо. Пройдя пару километров вдоль реки, я увидел пересекавший ее автомобильный мост, от которого вела дорога к пассажирскому терминалу морского порта. Сама же река за мостом впадала в небольшую гавань в открытом море. Прямо на мосту стояла полно-размерная копия корабля коричневого цвета образца середины XX в. Как гласит легенда, на этом судне в годы культурной революции коммунистического Китая на Чеджудо приплыли первые китайские беженцы, которые создали на острове свои поселения. Рядом с кораблем, в небольшом стеклянном павильоне, находился музей, посвященный корейскому кораблестроению. Вход в него был свободным. Там были представлены макеты корейских судов разных эпох, начиная

с Имджинской войны до XX в. На примере макетов жизненных сцен с текстовой информацией было наглядно показано, как и на чем китайские мигранты добирались до Чеджудо.

В 13:40 я пешком направился от музея на запад по улице Ямхангно и вышел на набережную Тхаптонг, которая тянется от пирса в западной части порта на восток, до скалы Ендуам и парка Ендам. С нее открывался великолепный вид на море и низколетящие самолеты, прибывающие в аэропорт Чеджу, находящийся в паре километров от этого места. Ограждение Тхаптонга было украшено фигурками и скульптурами ныряльщиц, а также ракушек, морских звезд, крабов, дельфинов, рыб и других обитателей моря. Набережная довольно просторная, со спортивными площадками и многочисленными элитными отелями (например, «Оушэн Сьютс Чеджу Отель» и другие). К 14:20 я дошел до конца Тхаптонга, откуда была видна вулканическая скала Ендуам. Набережная плавно поворачивала и далее тянулась вдоль узкой речушки, впадавшей в море, откуда попасть на другой берег можно было по другой местной достопримечательности – навесному (облачному) пешеходному мосту Енген (полное название «Енген гурым тари», т.е. «мост, где играл дракон»). Его ограждение и каркас сделаны только из веревок и тросов с настилом из деревянных дощечек. Этот мост смотрится довольно красиво. Когда я шел по нему, под воздействием ветра и моих шагов он стал ощутимо раскачиваться. Ширина моста около двух метров, поэтому со встречными пешеходами можно разминуться без проблем. По одну сторону моста открывается вид на море, а по другую – вид на реку со скалистыми берегами с густым лесным массивом наверху. У входа на мост стояла красная круглая беседка в китайском стиле, отлично гармонирующая с речным ландшафтом. Здесь в начале сентября проводится ежегодный фестиваль «Енген Ябом», во время которого проводятся концерты под открытым небом.

Перейдя реку по мосту, я оказался у главных ворот Ендам парка, перед которыми вереницей выстроились автобусы китайских туроператоров. Свернув направо и пройдя мимо нескольких зданий, я вышел на смотровую площадку, откуда можно было увидеть туфовую скалу Ендуам, по своей форме напоминающую какое-то морское чудовище. На площадке была статуя русалки и ведущая вниз лесенка. Оттуда по дорожке можно было пройти вдоль берега из черных вулканических камней. Но после увиденных несколькими днями ранее бесподобных пейзажей Сопчикодзи, скала Ендуам не произвела на меня особого впечатления. Затем я немного прогулялся по парку Ендам, въезд машин к которому был перекрыт двумя «охранниками» – каменными статуями дедушек-харубанов. Такое стилистическое решение для парковочных барьеров мне очень понравилось. Ведь это гораздо красивее, чем просто вкопанные в землю по ширине дороги металлические столбы.

Обратно я пошел не по мосту, а по улице Ендуам, идущей вдоль реки на юг. Дойдя до перекрестка Ендам Сагори, я сел на первый попавшийся автобус в восточном направлении и проехал несколько остановок до места, где пересел на маршрут №100, чтобы добраться до так полюбившейся мне забегаловки у пляжа Самьянга. К моему огромному сожалению, ресторан оказался закрыт несмотря на то, что на дверях были указаны часы работы с 10:00 до 20:00 ежедневно.

Поэтому я, недолго думая, перешел дорогу, и поехал до своего отеля, решив пообедать где-нибудь возле него. На часах было начало шестого вечера и оставалось еще около двух часов до планируемого отъезда в аэропорт. Во дворах между улицей Саммуро и парком Самму я зашел в забегаловку под названием «Ноендонг Камасоткуппап», хозяйка которой предложила мне порцию поджарки из каракатицы и кальмара (Одзинго поккым) по цене 7 тыс. вон. К этому блюду бесплатно подавались рис, омлет и 3 закуски. Я с аппетитом умял всех каракатиц, а в оставшееся время решил прикупить сувениров в местной лавке. После этого вернулся в отель и, получив свой чемодан на ресепшен в целости и сохранности, в 19:15 отправился на автобусную остановку. Через несколько минут подошел автобус № 37 и к 19:40 я уже прибыл в аэропорт города Чеджу. Точно по расписанию, в 20:50, наш бело-оранжевый самолет взлетел с острова Чеджудо, ночные огни которого я долго провожал взглядом из иллюминатора.

Эпилог

Через час после вылета я приземлился в аэропорту Кимпхо в Сеуле. Так закончилось это незабываемое путешествие на самый необычный и чудесный остров Чеджудо. Ливень, который встретил меня по прилету в столицу Южной Кореи, напомнил мне о затянувшемся сезоне дождей на континентальной части этой страны. Даже не верилось, что переменчивый и порой очень суровый остров «трех изобилий» встретил меня очень радушно, оставив мне о себе только наилучшие впечатления. Конечно, недели на Чеджу не хватит для полноценного знакомства со всеми прелестями этого самобытного очага природы, но вполне достаточно для того, чтобы восхититься его красотой, неповторимыми пейзажами, гармонией и отсутствием ненужной суеты, характерной для Сеула и других больших городов. Это место стоит того, чтобы туда снова вернуться и увидеть другие неизведанные уголки потрясающего острова Чеджудо.

The article was submitted on 1.08.2018

УДК 929 Сюзюмов + 930(470.54) + 94(495) + 030

К. Р. Капсалыкова

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ СЮЗЮМОВ КАК ВОСТОКОВЕД

Аннотация: В ноябре 2018 г. исполняется 125 лет знаменитому российскому и советскому ученому М. Я. Сюзюмову, основателю Уральской (или – Свердловской) школы византиноведения на основе сформулированной им еще в 1940-е гг. теории континуитета (преемственности) политических, военных, административных институтов Римской империи в истории Византии. Изучение его научного наследия, несмотря на обилие учеников и мировую известность, только началось и не является полномасштабным историографическим направлением. В статье используются неопубликованные архивные данные – письма к знаменитому византисту А. П. Каждану, рецензий М. Я. Сюзюмова на статьи из Большой и Малой советских энциклопедий, а также на седьмой том Детской энциклопедии, посвященный историческим проблемам. Ценные сведения, полученные из этих источников, позволяют пролить свет на наиболее важные аспекты работы знаменитого ученого. Следует отметить, что М. Я. Сюзюмов еще в студенческие годы, которые он провел в Тарту, испытал влияние своих преподавателей – арабиста, академика А. А. Васильева, историка церкви П. А. Яковенко. Статья посвящена анализу научных интересов М. Я. Сюзюмова в области востоковедения. В частности, речь идет об истории Малой Азии в разные периоды римской истории, о восточном влиянии на Византийскую империю. Это влияние, по М. Я. Сюзюмову, оказывается значительным, особенно в плане византийского отношения к государству и государственности и в области структур повседневности: роли религии и философских предположений о жизни. Ключевыми понятиями для М. Я. Сюзюмова являются «восточный деспотизм» и «восточная община». Также знаменитого историка интересовали проблемы истории раннего христианства, церковей и ересей. Отдельно отметим, что М. Я. Сюзюмов уделял особое внимание проблемам преподавания истории Востока в школе и вузе. Данная статья является лишь первым шагом в освоении обширнейшей проблематики – М. Я. Сюзюмов и Восток, а сама эта научная проблема еще ждет своего исследователя.

Ключевые слова: М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан, византистика, Тартуский университет, Большая Советская Энциклопедия, Малая Советская энциклопедия, Детская энциклопедия

K. R. Kapsalykova

MICHAEL YAKOVLEVICH SJUZJUMOV AS ORIENTALIST

Summary: 125 years are executed to the famous Russian and Soviet scientist M. Ya. Syuzyumov, the founder Ural (or – Sverdlovsk) schools of Byzantine Studies which is based on the continuity theory of political, military, administrative institutes in the Roman Empire in the history of Byzantium (1943) in November, 2018. Reseaches of scientific heritage, despite abundance of pupils and world fame, only began and is not the full-scale historiographic direction. In article unpublished very extra data – letters to the well-known Byzantinist A. P. Kazhdan and M. Ya. Sujzujmov's

reviews of articles from *The Great Soviet encyclopedia* and *The Small Soviet encyclopedia* and also on the seventh volume of the *The Children's encyclopedia* devoted to historical problems are used. The valuable data received from these sources allow to shed light on the most important aspects of work of the famous scientist. It should be noted that M. Ya. Sujuzimov in student's years which he spent to Tartu University came under influence of the teachers – the arabist, academician A. A. Vasiliev, the historian of church P. A. Yakovenko. Article is devoted to the analysis of scientific interests of M. Ya. Sujuzimov in the field of Oriental studies. In particular, it is about history of Asia Minor during the different periods of the Roman history, about east influence on the Byzantine Empire. This influence, according to M. Ya. Sujuzimov, is considerable, especially in respect of the Byzantine relation to the state and statehood and in the field of structures of daily occurrence: roles of religion and philosophical ideas of life. M. Ya. Sujuzimov's key concepts for are "east despotism" and "east community". Also famous historian was interested in problems of history of early Christianity, churches and heresies. Let's separately note that M. Ya. Sujuzimov paid special attention to problems of teaching history of the East at school. This article is only the first step in development of the extensive perspective – M. Ya. Sujuzimov and the East, and this scientific problem still waits for the researcher.

Key words: M. Ya. Sujuzimov, A. P. Kazhdan, Byzantine studies, Tartu University, Great Soviet Encyclopedia, Small Soviet Encyclopedia, Children's Encyclopedia

Изучение научного наследия М. Я. Сюзюмова невозможно без восстановления его научной биографии, а нашего классика отличает интерес к самой широкой исторической проблематике, что и является сегодня актуальной исследовательской задачей. Между тем, судьба чаще связывала М. Я. Сюзюмова с Западом, нежели с Востоком. Так, вскоре после его рождения родители, коллежский секретарь Яков Адрианович и его жена Анна Яковлевна, отправились из Ставропольской губернии в Тарту (Лифляндия). Там он с золотой медалью окончил гимназию, в которой немецкий был практически вторым языком после русского [9, с. 24]. М. Я. Сюзюмов поступил на историко-филологический факультет Тартуского университета, где из востоковедческих дисциплин преподавался лишь «санскритский язык» магистром Д. Н. Кудрявским [7, с. 10] с необязательными практическими занятиями, за которые не взималось платы, а магистрант П. А. Яковенко читал общую «историю Востока» [8, с. 11]. В университете М. Я. Сюзюмов специализировался на классической истории, однако, в *curriculum vitae*, предворяющем текст его кандидатской диссертации «Проблемы иконоборческого движения в Византии» (1943), с нотками светлой грусти упомянуто имя знаменитого арабиста А. А. Васильева: *Inter vivos eminent praecceptor meus Alexander Vasiliev* (среди ныне живущих выдающимся учителем моим является Александр Васильев) [4, л. 5]. В «тартуских текстах» М. Я. Сюзюмова Восток упоминается только в контексте истории римлян [1, л. 37] или истории дипломатии [2, л. 105].

В сентябре 1937 г. М. Я. Сюзюмов поступил на работу в Свердловский государственный педагогический институт. Стилистика его работ не изменилась: полиязычная историография, перемежающаяся систематическим и скрупулезным переводом источников, повышенное внимание к истории повседневности. Однако, важнейший текст М. Я. Сюзюмова предвоенной поры, масштабное эссе «Византийское государство и византийская культура в X–XI в.», отправленное провинциальным автором в «Исторический журнал», так и не было напечатано. В этой концептуальной работе Византия представлена как теократическая монар-

хия, а «византийская бюрократия предпочитала иметь дело с организацией населения. Восточный деспотизм вообще охотно допускает существование таких учреждений, которые снимают с него обязанность что-либо делать» [3, л. 28–29].

Идея о том, что Византия во многом заимствовала исторический опыт восточных деспотий, где религия подчинила себе остальные сферы социальной жизни, а знать ничего не могла противопоставить царской власти, стала для М. Я. Сюзюмова принципиально важной. С истинно тартуским остроумием он характеризовал робкую попытку византийских чиновников смягчить ситуацию: «Какое же всеспасающее средство предлагает Никулица царю в своих советах? Очень характерный для теократической монархии совет: “Найди себе человека, боящегося бога и подающего добрые советы, и дай ему свободу обличать тебя каждый день в том, что ты сказал или сделал неразумно!” То есть Никулица советовал царю найти себе некоего вроде Григория Распутина. (Уж не пригласил ли и Николай II себе Распутина под влиянием чтения изданных В. Г. Васильевским в “Журнале Министерства народного просвещения” “Советов византийского боярина XI в.”?)» [3, л. 59].

М. Я. Сюзюмов считал историю Востока важной частью мирового исторического процесса. Это особенно ярко проявилось в его работе над Большой Советской (БСЭ), Малой Советской (МСЭ), Детской энциклопедии. М. Я. Сюзюмов составил ряд остроумных рецензий на серию статей, касавшихся истории христианства, восточных ересей и наиболее видных церковных деятелей. Особенно ярко полемический талант уральского профессора проявился в отзывах на тексты, касающиеся культуры Востока. Так, комментируя статью о Всемирном потопе для третьего издания МСЭ, он ехидно отмечал: «Считаю, что не следует ссылаться на «широкую известность мифа о Всемирном потопе» – могу заверить, что о нем слышали только постольку студенты исторического факультета, поскольку проходили о Гильгамеше, а библейский миф вообще им неизвестен... Миф был широко известен в свое время... Нужно иметь в виду, что когда говорится о всемирном потопе, всегда подразумевается именно библейский миф, а не другие, следовательно, начинать нужно не с наводнения, а с библейского сказания. Мое предложение: ПОТОП ВСЕМИРНЫЙ Потоп по библейскому сказанию (Книга Бытия, гл. 6–9) потоп уничтожил все человечество, спасся один только Ной, от которого и произошел в дальнейшем человеческий род. Миф о В. П. оказал большое влияние на средневековую и буржуазную науку и искусство. Библейский миф о В. П. заимствован из вавилонского эпоса. Сказания о катастрофических потопах встречаются у различных народов (Месопотамии, Мексики, Греции, Индии, Ю.[жного] Китая и т. д.)» [5, л. 119]. Следует отметить, что правка М. Я. Сюзюмова была учтена лишь частично: пресловутое наводнение все-таки затопило все пространство энциклопедической справки, зато краткая ссылка на шумерский миф превратилась в подробный рассказ.

М. Я. Сюзюмов был противником мифологизации истории раннего христианства, считал Иисуса Христа реально существующей исторической фигурой, а Библию – многоплановым и информативным источником. М. Я. Сюзюмов критически отнесся к утверждению о «вымышленных» сведениях из Нового завета.

По его мнению, статья для второго издания БСЭ «составлена чрезвычайно примитивно. Неизвестно, на какого читателя она рассчитана. Автор статьи, видимо, забыл, что основная масса читателей СССР уже имеет семилетнее образование». [5, л. 183]. В дальнейшем М. Я. Сюзюмов объясняет свою позицию в письме к византинисту А. П. Каждану, от 8 октября 1965 года он пишет: «Очень благодарен за Ваше исследование «От Христа до Константина» (имеется в виду книга Каждан А. П. От Христа к Константину. М.: Знание, 1965. 308 с. – К. Р.) решил прочитать эту книгу после того, как окончу фазу кафедральных организационных мероприятий, которые меня совершенно заели, во всяком случае, до 12 числа. Но я очень рад, когда этот вопрос разбирает ученый историк, а не профессиональный проповедник атеизма, который мало отличается методологически от самого заскорузлого попа. Попик наивно верит всякой чепухе в источниках, не критичен к источникам, а профессионал-проповедник не критически относится к литературе и самую бессовестную гиперкритику (которой так изобилует наше христоведение) принимает за высшее проявление научности! Гиперкритика многим вреднее веры в чепуху. Если, например, кто-либо из ученых принимает на веру все, что написано в Слове о пълку Игореве, то это плохо. Но если гиперкритик вообще считает Слово подлогом, не считая его ни в коей мере и ни с какой стороны источником XII века – то это скотомерзопакость» [6, л. 9].

Примечательно, что при рецензировании седьмого тома Детской энциклопедии наиболее серьезные замечания М. Я. Сюзюмова были обращены к изложению истории и культуры Востока. «Более удачны статьи по арабскому миру. Интересна статья о великом шелковом пути. Но опять-таки забыт исключительно важный пункт шелковой торговли Константинополь (так много сведений о производстве тканей из привозного шелка-сырца в Константинополе X века в Книге Эпарха). Нельзя забывать о Константинополе, который был «золотым мостом», соединяющим Запад и Восток в раннее средневековье!» [5, л. 287]. В упомянутой статье замечание прославленного византиниста было учтено и Константинополь был пусть мельком, но упомянут в тексте. Замечания М. Я. Сюзюмова в отношении азиатской истории, в основном, были приняты редакцией. «Удивляюсь, почему в период расцвета средневековья не включены статьи по Востоку??? Ужасное завоевание монголами Китая и средней Азии нужно было бы поместить здесь, а не вводными абзацами при описании событий XVII века!» [5, л. 290]. Специальной статьи про монгольское завоевание Китая не появилось, зато в вышедшем томе появились статьи Е. А. Беляева «Как возник ислам», Г. И. Подпаловой «Крестьяне и самураи в феодальной Японии», В. М. Мисугина «Древние и средневековые государства Африки» и др.

Следует отметить, что наравне с редакторской работой М. Я. Сюзюмов уделял большое внимание преподавательской деятельности. На протяжении всей жизни он работал в различных школах Златоуста и в высших учебных заведениях – Практическом институте, Консерватории, Свердловском госпединституте и Уральском университете, и обычная сюзюмовская методика – смотреть на каждую научную работу с позиции возможности ее применения на занятиях по истории, более чем оправдана. В этом отношении примечательна его рецензия на ста-

тью по истории Танганьики: «конечно, очень интересно и важно представить картину современного состояния пережитков родоплеменных отношений и формирования классов, чтобы решить, по какому пути пойдет народ Танганьики – через капитализм или по пути социализма, минуя капиталистические отношения <...> Статья В. М. Шварц не касается этого вопроса, но дает красочный материал, как дифференцируется первобытное общество в этой стране на примере трех отдельных племен. Статья изобилует яркими данными, читается легко, это замечательный материал для популярной лекции, очень полезен для преподавания истории африканских стран» [5, л. 318].

Таким образом, живой интерес к историческому процессу во всем его многообразии, прекрасная университетская подготовка, знакомства и обширная переписка способствовали тому, что М. Я. Сюзюмов создал ряд полемических текстов. В частности, его занимали проблемы взаимовлияния Византии и Востока, история церкви – особенно, история ересей, проблемы, связанные с преподаванием азиатской и африканской истории. Особенно ярко это проявилось в его рецензиях на энциклопедические статьи.

Литература

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Р-802. Оп. 1. Д. 2. Сюзюмов М. Я. Нерва, его личность и правление. Рукопись, 1909. 37 л.
2. ГАСО, Р-802. Оп. 1. Д. 4. Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. Рукопись, 1916. 105 л.
3. ГАСО, Р-802. Оп. 1. Д. 5. Сюзюмов М. Я. Византийское государство и византийская культура в X–XI вв. Рукопись, 1937. 90 л.
4. ГАСО, Р-802. Оп. 1. Д. 6. Диссертация. Т. 1. Рукопись, 1943. 80 л.
5. ГАСО, Р-802. Оп. 1. Д. 94. Рецензии М. Я. Сюзюмова на статьи. 355 л.
6. ГАСО, Р-802. Оп. 1. Д. 153. Письма М. Я. Сюзюмова А. П. Каждану. 17 л.
7. Ученые записки Тартуского университета. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. Вып. 7. 281 с.
8. Ученые записки Тартуского университета. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1913. Вып. 7. 291 с.
9. *Album academicum universitatis Tartuensis, 1889-1918*. Tartu : Tartu Ülikool, 1988. 523 p.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO), R-802. Op. 1. D. 2. Siuziumov M. Ia. Nerva, ego lichnost' i pravlenie. Rukopis', 1909. 37 l.
2. GASO, R-802. Op. 1. D. 4. Siuziumov M. Ia. Ob istochnikakh L'va D'iakona i Skilitsy. Rukopis', 1916. 105 l.
3. GASO, R-802. Op. 1. D. 5. Siuziumov M. Ia. Vizantiiskoe gosudarstvo i vizantiiskaia kul'tura v X–XI vv. Rukopis', 1937. 90 l.
4. GASO, R-802. Op. 1. D. 6. Dissertatsiia. T. 1. Rukopis', 1943. 80 l.
5. GASO, R-802. Op. 1. D. 94. Retsenzii M. Ia. Siuziumova na stat'i. 355 l.
6. GASO, R-802. Op. 1. D. 153. Pis'ma M. Ia. Siuziumova A. P. Kazhdanu. 17 l.
7. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. Iur'ev: Tip. K. Mattisena, 1911. Vyp. 7. 281 s.
8. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. Iur'ev: Tip. K. Mattisena, 1913. Vyp. 7. 291 s.
9. *Album academicum universitatis Tartuensis, 1889-1918*. (1988). Tartu : Tartu Ülikool, 523 p.

The article was submitted on 1.10.2018

О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация: В настоящее время кочевниковедение, связанное с изучением восточноазиатских кочевников, переживает очень серьезный кризис, нашедший особо болезненное отражение в работе над письменными источниками и в фактическом отсутствии действенной и научной методологии. В отечественном изучении восточноазиатских кочевников в последние десятилетия оказались прерванными сложившиеся с XIX в. традиционные линии. Одна линия была связана с переводами средневековых текстов на русский язык. Вторая – была ориентирована на тщательную разработку какого-то одного источника. Эти направления не только заложили источниковедческую и историографическую базу отечественного кочевниковедения, но и позволили ему во многом сравняться с зарубежной историографией. Уход марксизма создал своеобразную историографическую яму в кочевниковедении, в которую тут же пришли более мелкие идеологемы Сибири, Монголии, восточноазиатская историография. Благодаря деятельности ряда отечественных исследователей шло активное заимствование представлений западных ученых. Недостаточность теоретизирования в востоковедении требует не только реконструкции истории, но и ее углубленного анализа с помощью тех или иных старых и новых тем и методологических формул и концепций. Они уже обозначаются. Характер развития кочевниковедения на данном этапе и специфика вновь поднимаемых необходимых и перспективных в научном отношении тем позволяют говорить о необходимости признания нового подхода к истории кочевников, основные контуры которого уже складываются. Этот подход должен быть научным, а не идеологическим, апофатическим или отрицающим, когда исследователь максимально дистанцируется от оседлоцентризма, номадоцентризма, европоцентризма, азиациентризма, китаецентризма, дихотомийного принципа: оседлые – кочевые, Восток – Запад, Китай – кочевники, богатые – бедные, прогресс – регресс, положительное значение (роль) – отрицательное. В то же время, объяснять историю кочевников с помощью терминологии, разработанной на материале западноевропейской истории не только возможно, но и неизбежно. При этом надо учитывать те опасности, которые таит в себе компаративистский подход. Мы можем сравнивать какие-либо процессы в Европе и в Восточной Азии, но обязаны исходить из того, что в обеих зонах наблюдается примерно одинаковый уровень цивилизационного развития.

Ключевые слова: кочевники, кидани, чжурчжэни, монголы, методология, Восточная Азия, история, историография.

PIKOV G. G.

ABOUT THE SPECIFICS MODERN RESEARCH SITUATION IN THE STUDY OF NOMADIC SOCIETIES EAST ASIA IN THE MIDDLE AGES

Abstract: At present, the nomadic studies related to the study of East Asian nomads are undergoing a very serious crisis, which is particularly painfully reflected in the work on written sources and in the actual absence of an effective and scientific methodology. In the national study of Asian nomads in the last decades were interrupted in the established since the nineteenth century the traditional line. One line was connected with translations of medieval texts into Russian. The second line was focused on the careful development of one source. These directions not only laid the source and

historiographical base of the national nomadic studies, but also allowed him to compare with foreign historiography. The departure of Marxism created a kind of historiographical pit in nomadic studies, which immediately came smaller ideologems of Siberia, Mongolia, East Asian historiography. Thanks to the activities of a number of domestic researchers was actively borrowing ideas of Western scientists. The insufficiency of theorizing in Oriental studies requires not only the reconstruction of history, but also its in-depth analysis with the help of various old and new topics and methodological formulas and concepts. They're already being marked. The nature of the development of nomadic studies at this stage and the specificity of the newly raised necessary and promising scientific topics suggest the need to recognize a new approach to the history of nomads, the main contours of which are already emerging. This approach should be scientific, not ideological, and apophatic negation, when the researcher maximum distans from setldicism, nomadicism, Eurocentrism, asiacentrism, Sinocentrism, dichotomizing principle: sedentary – nomadic, East – West, China – nomads, rich – poor, progress – regression, a positive value (role) – negative. At the same time, it is not only possible, but also inevitable, to explain the history of nomads with the help of terminology developed on the material of Western European history. At the same time, we must take into account the dangerous inherent in the comparative approach. We can compare any processes in Europe and in East Asia, but we must proceed from the fact that in both zones there is approximately the same level of civilizational development.

Key words: nomads, Chitans, Jurchen, Mongols, methodology, East Asia, history, historiography.

В настоящее время в кочевниковедении сложилась непростая исследовательская и информационная ситуация, характерная не только для России, но и других стран. Как все сферы исторического знания оно вызывает огромный и неподдельный интерес, к тому же продиктованный не только политическим заказом или конъюнктурой клановых интересов, а искренним стремлением самых широких слоев населения узнать историческую правду о предках современных евразийских народов. Усилилось влияние некоторых восточных стран на мировую экономику и историю отдельных регионов, и там оживилось то, что можно назвать этническим ренессансом, в рамках которого предпринимается попытка утвердить собственный взгляд на отечественную историю. Следовательно, расширяется исследовательская сфера, часто смыкающаяся с публицистикой. Накоплен новый археологический материал, достигнуты определенные успехи в филологии, антропологии и этнографии. Труды отдельных западных и отечественных востоковедов привлекли внимание к конкретным народам, к их истории и характеру взаимоотношений. В результате конкретная история реконструирована до мелочей. В прошлом веке ее научно обработали и пропустили через марксизм, европоцентризм, оседлоцентризм, китаецентризм.

История кочевников и их государственности в особенности актуальна для нашей страны, Китая и Монголии, поскольку кочевники жили и продолжают жить в них. Есть они и в новых центральноазиатских государствах. В целом они составляют большую часть тюрко-монгольского мира.

В то же время кочевниковедение, по крайней мере, связанное с изучением восточноазиатских кочевников, переживает очень серьезный кризис.

В отечественном изучении восточноазиатских кочевников в последние десятилетия оказались прерванными сложившиеся с XIX в. традиционные линии. Одна линия была связана с переводами средневековых текстов на русский язык. Особенно ярко она представлена трудами Н. Я. Бичурина, С. А. Козина, В. С. Таскина, Н. Ц. Мункуева. Именно эти переводы являются основной источ-

никовой базой для подавляющего большинства исследователей, которые не могут по тем или иным причинам работать с оригиналами. Они сделаны на высочайшем профессиональном уровне и, тем не менее, не лишены некоторых мелких недостатков. В. С. Таскин [3, с. 6] впервые в новейшей отечественной науке раскрывает содержание, композиционное построение и историю создания основных источников по истории империи Ляо – «Цидань го чжи» и «Ляо ши» и сделал попытки раскрыть на основе этих источников важные аспекты истории киданьского государства. Им был осуществлен и полный перевод «Цидань го чжи», а также целого ряда отрывков из различных китайских источников, в которых даются сведения о кочевых народах группы дунху, в том числе и о киданях. В итоге этот текст оказался очень востребованным не только специалистами и стал, в то же время, мощной основой для стимулирования исследований в области не только киданеведения, но и нomaдологии в целом. Ссылки на источники и труды отечественных и зарубежных исследователей позволяют судить о широком научном кругозоре автора.

Работы В. С. Таскина и других отечественных авторов (А. Г. Малявкин, В. Е. Ларичев, М. В. Воробьев) являются свидетельством того, что в изучении дальневосточных государственных образований в целом и киданей в частности начался новый этап. Если раньше писались общие истории киданей, в которых социально-экономические аспекты занимали второстепенное место, то теперь именно они стали выдвигаться на первое место.

Работа над совершенствованием этих переводов и, главное, над переводами других текстов, несомненно, должна продолжаться, а переводить предстоит очень и очень многое. Достаточно напомнить, что до сих пор не существует достойных и полных переводов на русский язык даже династийных историй, являющихся методологическим фундаментом корпуса восточноазиатских исторических сочинений.

Вторая линия, тоже блестяще представленная в отечественном кочевниковедении, была ориентирована на тщательную разработку одного какого-то источника, как правило, занимающего центральное положение в определенной области. Эта традиция была заложена еще членами Российской духовной миссии в Пекине, продолжена Н. Я. Бичуриным, В. П. Васильевым и его школой. Блестящий анализ информации из «Ляо ши» («История династии Ляо») осуществил в позапрошлом веке М. Н. Суровцов, создавший первый в нашей стране монгографический очерк истории киданей. Огромной популярностью в нашей стране пользуется совместный труд К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, которые перевели отрывки из «Ляо ши» на современный английский язык для реконструкции некоторых аспектов истории и культуры киданей. Отечественные исследователи, в частности В. С. Таскин, не рискнули работать в этом ключе со средневековым китайским языком, и на долгие десятилетия книга этих авторов стала «библией» киданеведения.

Была достаточно развита и такая крайне необходимая для исследователей третья линия, в рамках которой создавались обобщающие труды по истории отдельных кочевых народов или территорий, опиравшиеся на самостоятельное и глубокое изучение оригинальных источников. Помимо Н. Я. Бичурина или В. П. Васильева, здесь необходимо, разумеется, упомянуть работы Н. В. Кюнера, и особенно Е. И. Кычанова [4], А. Г. Малявкина и М. В. Воробьева [1, с. 2].

Последний создал уникальные по информативности и глубине исследования работы по истории чжурчжэней и их государства Цзинь.

Все эти направления не только заложили источниковедческую и историографическую базу отечественного кочевниковедения, но и позволили ему во многом сравняться с зарубежной историографией. А в мировом кочевниковедении в XX в. постепенно сформировался объемный корпус исследований, посвященных истории отдельных кочевых народов, в том числе киданей, чжурчжэней и монголов. Появилась необходимость заново перевести источники (Штейн перевел на фр. яз. «Ляо ши») и аналитические исследования (Виттфогель, Фэн Цзяшэн). Этому способствовало широкое распространение цивилизационного подхода и методологии системного анализа. Однако разочарование в идеологиях и отказ от них, внедрение в историческую науку позитивистской методологии, коммерциализация исторической науки сдерживали этот процесс.

Сказался и другой фактор. Для российской и советской историографии долгое время было характерно стремление расколоть сложившееся в китайской исторической науке представление о единстве дальневосточной цивилизации, чтобы затруднить ее новое (уже после маньчжуров) объединение под эгидой китайцев или японцев. Здесь сказалось и соперничество двух супердержав, одинаково претендующих на необъятные просторы немусульманской («желтой») Азии. Это позволяло обратить дополнительное внимание на историю и культуру северных народов, однако для адекватной картины не хватало более взвешенной и научной оценки взаимоотношений этих народов с Китаем. Последнее является одной из насущных исследовательских задач в настоящее время.

В настоящее время чаще всего происходит сравнение цивилизаций (сравнительно-цивилизационный подход), однако постепенно выявляется потребность перехода на второй уровень, для адекватного понимания и оценки цивилизационной специфики и роли всех народов, их креативной роли (не количественное измерение, а глубина). Критерий – неспособность народа к захвату территории (пространства) или длительность его существования (время), а обустройство мира.

Уход марксизма создал своеобразную историографическую яму в кочевниковедении, в которую тут же пришли более мелкие идеологемы Сибири, Монголии, восточноазиатская историография. Благодаря деятельности ряда отечественных исследователей, например, Н. Н. Крадина, шло активное заимствование представлений западных ученых. Последнее стало одной из составляющих вестернизации, идущей в стране. Ей в определенной степени скрыто противостояла истернизация, что проявлялось в усилении контактов с исследователями Монголии, Китая, публикации их работ. Происходило заметное накопление археологического материала. В итоге стала заметно усиливаться аналитически-обобщающая составляющая кочевниковедения. Однако обратной ее стороной стала своего рода какофония историографий. Изучение кочевников все еще идет в рамках прочтения их истории европейцами XIII в., хотя и в новой форме, с иной риторикой, с подбором большого количества тенденциозно подобранных фактов. Если в эпоху «монгольских ураганов» XIII–XIV вв. под негативное отношение к кочевникам были подведены европоцентризм, христианство и прагматизм нарождающегося буржуазного

мировосприятия, то сейчас таким «фундаментом» становятся «общечеловеческие ценности», к тому же осмысленные «гуманистически». Характерно представление о единой истории человечества, где главной становится идея прогресса, а кочевники являют собой яркий пример регрессивного развития (акцент на критериях именно оседлой цивилизации: наличие религии, философии, литературы, материальной культуры. Обосновывается это и с помощью науки, а не религии, как прежде, выводы выглядят научно, а тенденциозность их не очевидна. Кочевой цивилизации больше не существует, отдельные отряды сохранившихся кочевников не в счет, возражать некому. Наличие такого рода подходов и их наукообразность есть не результат излишней идеологизации или депрофессионализации исследователей, а продолжение традиционного многовекового информационного противостояния оседлых и кочевых народов. Налицо сохранение «черной легенды», но раскрашенной во все цвета радуги. Это одна из болевых точек, как науки, так и общечеловеческой культуры. Думается, что одна из основных задач науки сейчас не возвеличивание кочевников, а показ их как части человечества, а не генетического мусора, изучение механизмов функционирования их уникальной цивилизации, впрочем, не более уникальной, чем любая другая. Кочевники не «братья наши меньшие», а иные, вероятно, максимально иные по сравнению с «правильной культурой» Европы или оседлого Востока. Сейчас на основе достигнутых историей успехов фактически создается новая классификация народов. Если удастся доказать, что у тюрко-монгольского мира не было «истории», то нетрудно будет утверждать, что у него нет ни настоящего, ни перспективного будущего. Наносится квалифицированный информационный удар по исторической памяти этого мира. Накопление археологического, исторического и историографического материала случайным не бывает. Прежние методологии (христианство, марксизм) уже не играют былой роли, но сохраняются европоцентризм и оседлоцентризм, и это они осуществляют новое наступление.

Недостаточность теоретизирования в востоковедении требует не только реконструкции истории, но и ее углубленного анализа с помощью тех или иных старых и новых тем и методологических формул и концепций. Они уже обозначаются.

Важной темой снова становятся, этнические передвижения. Они всегда были в центре внимания культур и народов. В историографии однако, как справедливо отметил один из пионеров идеи кочевой цивилизации в нашей стране А. И. Мартынов, взаимоотношения обществ оседлых цивилизаций и степной Евразии все еще не рассматривались как система отношений двух параллельно развивающихся миров, и это связано с тем, что оседлые общества – явление историческое, а степная Евразия, прежде всего, археологическое, добавим, и филологическое, т. е. описываемое все еще достаточно тенденциозно, в значительной степени на основе тех оценок, которые давали современники кочевой цивилизации.

В научной историографии, по понятным причинам, не только утвердилось и широко тиражируется мнение о драматическом противостоянии оседлых и кочевых народов в целом и Степи и Китая, Руси и степняков в частности.

Долгие века оседлые народы медленно продвигались на кочевые земли. Они – «бесплодны» и «бесхозны», но и кочевникам нечего делать на улицах Пекина или

Шанхая. А в средние века речь никогда не шла о завоеваниях, а лишь об обмене ударами. И кочевники вспоминают об этом с легким сердцем, а оседлые твердят о «бандитизме» «варваров».

В традиционном обществе широко представлен милитаризм, который, однако, двоеушен. Исторический материал явственно демонстрирует, что везде он используется, прежде всего, для выполнения полицейских функций и обороны. Однако в оседлых государствах он становится еще и основой территориальной экспансии, целью которой является решение проблем, возникающих из-за недостатка пригодных земель и перенаселения. Именно в оседлых государствах формируется регулярная и огромная армия.

Этим занимаются все оседлые народы Евразии, и лишь Европа, помимо широкомасштабных попыток захватить чужие земли (Крестовые походы, Великие географические открытия, Тридцатилетняя война как передел Европы) еще идет и по пути «капитализма». Эффект этого проекта был значительно усилен за счет того, что европейцы получили огромные «свободные» территории в Америках.

Для восточноазиатских кочевников главным «агрессором» в это время были китайские династии. Одним из видов продвижения оседлых государств на север стало создание «серой зоны». На границах миров селятся и кочевники, и крестьяне, растут города. На юге киданьской империи Ляо живут «хань эр» (китаизированные) и собственно китайцы.

Гибель империи Ляо в первой четверти XII в. в значительной степени была результатом натравливания на киданей их полуоседлых восточных соседей – чжурчжэней. Новая Золотая (Цзинь) империя, подчинившая основную территорию киданьского государства (кроме западных и северных районов), получила земли, на которых проживало большое количество кочевников. На них уже были созданы политические и хозяйственные механизмы, регулировавшие взаимоотношение сложных и, казалось бы, несовместимых экономик – кочевой и оседлой. В Ляо на практике проводилась политика «одно государство – две экономики». Однако если киданьское государство было формой управления, прежде всего, кочевниками, то чжурчжэньская «химера», по сути, стала формой и средством экспансии оседлого мира на кочевую территорию. Поскольку на землях новой империи продолжало проживать преимущественно кочевое и полукочевое население, она вынуждена была проводить самостоятельную политику, и не стала новой китайской династией. Таковой она будет объявлена вкуче с киданьской империей Ляо и монгольской империей Юань лишь в XIII в.

Все же *de facto* в интересах оседлой зоны это государство пыталось подчинить себе другие монгольские районы. Цзинь была вынуждена проводить несколько иную политику в Степи, чем киданьская империя Ляо. Чжурчжэни были выходцами с самой восточной окраины кочевого мира и фактически принадлежали к иной племенной и языковой группе. Им еще предстояло доказать свое право возглавить кочевой восточноазиатский мир. К тому же они по сравнению с киданями гораздо глубже вошли в пределы оседлой зоны Восточной Азии и все их внимание так или иначе было сосредоточено на отношениях с Южной Сун и Западным Ся. Чжурчжэни старались не заходить в Монголию. В результате монгольские

районы, которые раньше контролировались Ляо и пресекались ею малейшие попытки усиления здесь какой-либо власти, теперь оказались вакуумом. Это означало фактически, что значительная часть Монголии оказалась вне контроля со стороны оседлого государства, каковым являлась чжурчжэньская империя. Более того, чжурчжэнь же не были в состоянии осуществлять контроль над этими районами в той форме, какая была во времена Ляо и для сдерживания вынуждены были применять репрессивные меры. Цзиньский император Ши-цзун (1161–1189) как-то сказал: «Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!». Фактически начала осуществляться политика геноцида под циничным наименованием «сокращение численности совершеннолетних». Монгольские народы оказались перед угрозой истребления. По слухам, эта агрессия началась после того, как какой-то гадалка предсказал чжурчжэньскому императору гибель его державы от кочевников.

Кочевники, возглавляемые Чингисханом, вынуждены были «мстить». Это нашло внешнее проявление в том, что кочевники «обрушились» на Китай. Как в Европе, когда средиземноморская Римская империя начала теснить германцев, и они пошли на Рим, так и здесь монголы пришли на юг. Конечно, в обоих случаях важны были и внутренние проблемы «варваров», но фактом является и то, что таким образом они отвечали и на медленное, ползучее, но неуклонное продвижение на север оседлых народов.

В обоих случаях итогом этих битв стало катастрофообразное соединение двух зон, сложное и проблемное взаимоотношение между которыми осуществлялось уже не одну сотню лет. В обоих случаях был нанесен смертельный удар по южным империям, а «варвары» смогли создать свои империи: в Европе – Каролинги, Священная Римская империя, в Восточной Азии – Ляо, Цзинь, Юань, а потом и маньчжурская династия Цин.

В Восточной Азии мы имеем дело с уникальным опытом взаимодействия двух хозяйственных зон. Кочевая зона – почти чисто аграрная. Здесь город присутствует минимально и потому слаб. Следовательно, существует эффект отсталости, когда кочевники «опаздывают» на тысячу лет. Даже после империи Юань и фактически до сих пор города здесь представляют собой архипелаг.

«Цивилизация» же понятие оседлое и городское. Именно здесь город играет важнейшую роль, даже в «темные века» средневековья существует система замков. Замок – уже не деревня, хотя и не классический еще город. Это переходная для аграрной экономики форма, причем для экономики аграрно-земледельческой. Пастбищам мешают дороги, они рвут пространство. Полям большие города тоже не нужны и все же земледелие нуждается в торговле больше, чем скотоводство. Пастбище предельно автономное, а деревня ведомая. Она производит продукты не только для себя, но и на рынок, а сама нуждается в городских товарах и инструментах. По этой причине «городской архипелаг» в оседлой зоне более плотен и обширен. И «цивилизация» здесь возникает раньше, и необходимость в механизме, распределяющем продукты («феодалная лестница») все время растет. Именно из этого регулирующего и распределительного механизма и вырастает государство, которое быстро приобретает и массу иных функций.

Характер развития кочевниковедения на данном этапе и специфика вновь поднимаемых необходимых и перспективных в научном отношении тем позволяют говорить о необходимости признания нового подхода к истории кочевников, основные контуры которого уже складываются.

На данном этапе развития истории как науки наблюдается своеобразный методологический вакуум, фактическое отсутствие адекватных и перспективных макроисторических и макросоциологических концепций, которые могли бы оценить такой специфический исторический материал. Естественно, что в условиях, когда к материалу нельзя идти «сверху», остается только один путь – исходить из самого материала.

Необходимо сразу подчеркнуть, что он является предельно дисперсным, раздробленным, обусловленным рядом разнохарактерных требований к нему. Это не теоретическая, а практическая методология, хотя они и неизбежно переплетены. Иначе говоря, идеи, лежащие в основе практических исследований, должны выдвигаться на основе практического изучения, а не быть взятыми из какой-либо идеологии или философии, хотя и с привлечением все же той общенаучной терминологии, которая была выработана в Европе.

Этот подход должен быть научным, а не идеологическим. Казалось бы, избитая мысль, более того, мы уверены в том, что именно с позиций науки и занимаемся изучением конкретной истории. Однако именно последние десятилетия показывают, что историческую науку активно используют чаще всего для обоснования тех или иных идеологий или этнополитических взглядов. Максимальная деидеологизированность и использование строго научных методов работы с фактическим материалом, сформировавшихся в истории, политологии, социологии – единственно возможная парадигма такого рода исследования.

Здесь важно рассматривать все явления и процессы в историческом плане, как не только проявление какой-то универсальной, общечеловеческой тенденции, но и порождение специфической исторической ситуации.

Предельно необходим своего рода апофатический или отрицающий подход. Он будет успешным к тому же только в том случае, если исследователь максимально дистанцируется и от таких неизбежных спутников любого человека, как оседлоцентризм, номадоцентризм, европоцентризм, азицентризм, китацентризм и т.п. Необходимо максимально отказываться от дихотомийного принципа: оседлые – кочевые, Восток – Запад, Китай – кочевники, богатые – бедные, прогресс – регресс, положительное значение (роль) – отрицательное. Разумеется, все эти дихотомии в том или ином масштабе присутствуют в истории, но превращение их в системообразующие приводит к существенному или даже сущностному искажению картины истории. Чаще всего такие призывы не воспринимаются всерьез, однако именно эти стереотипы до сих пор являются методологической основой многих исследований. Очень часто в условиях ослабления позиций тех или иных методологий мезоуровня, например, марксизма или христианства, в наступление на освободившееся место переходят и существенно усиливают свое мировоззренческое значение европоцентризм и оседлоцентризм.

Общемировоззренческие принципы являются основой любой методологии. Если мы исходим из оседло- или номадоцентризма, этноцентризма, идеализма или материализма, то будут выстраиваться и разные картины истории. Они обязательно будут логически строго выверены, выстроены высокопрофессионально и проиллюстрированы обильным количеством фактов. С профессиональной точки зрения они, по сути, безупречны и непоколебимы. «Ахиллесова пята» их находится в мировоззренческой плоскости. Сказываются, разумеется, и чисто практические нужды, и конъюнктурные соображения. Иначе говоря, сказывается социокультурная и этнополитическая принадлежность исследователя, то, с чем он чаще всего и не видит необходимости «выяснить отношения».

Сам по себе оседлоцентристский подход не является «правильным» или «неправильным», как не является таковым его визави – номадоцентризм. Он создал очень мощную историографическую традицию, позволявшую на протяжении длинного ряда тысячелетий выстраивать эффективную политику противостояния кочевникам, которые до такой степени осмысления своей истории, надо признать, не поднялись. Благодаря работам исследователей на протяжении последних двух столетий он был научно и концептуально оформлен. Мне кажется, именно выход на эту финитную стадию и позволяет не просто «бороться» с ним, а сформировать параллельно ему или даже в чем-то в противовес качественно иное отношение к кочевникам, их истории и культуре, не скатываясь на позиции только номадоцентризма. В конце концов, речь идет не об «оправдании» скотоводства или земледелия как таковых, а об объективном отношении именно к цивилизации кочевников, в данном случае, преимущественно тюрко-монгольской.

Методология должна носить рабочий характер и быть предназначенной именно для решения специфического комплекса проблем, связанного с кочевниковедением в целом. Это, понятно, не означает, что она должна основываться на какой-либо очередной «плодотворной» общемировоззренческой идее. По крайней мере, в настоящее время трудно рассматривать совокупно оседлые и кочевые народы в истории через призму неких общечеловеческих ценностей, но и номадоцентризм как антитеза оседлоцентризму здесь абсолютно не подойдет. С другой стороны, свести такой рабочий подход к сумме неких специфических методов физически невозможно. Пусть историологический инструментарий создан и эффективно апробирован на материале классических оседлых народов, альтернативы ему нет. Для понимания кочевников также необходимо чтение источников из разных времен и народов,

Центральным здесь является понятие «цивилизации», которое в настоящее время имеет два основных значения – стадияльное и локальное.

Оседлые народы в соответствии с этим подходом, равно как с обыденным представлением, значительно оторвались в своем развитии от кочевников и достигли весьма высокого уровня. Однако и то «плато», на котором они находились, существовало почти без изменений на протяжении нескольких тысяч лет. Это есть так называемый «исторический период», т.е. время существования крупных государств имперского типа (Китай, Средиземноморье, Византия, средневековые европейские империи и др.). Кочевники же остались на стадии

догосударственного развития и так и не смогли подняться выше. Их «квазигосударства» есть лишь обезьяна оседлых этатических конструкций и механизмы эксплуатации оседлого мира.

Это обусловлено, прежде всего, тем, что кочевниковедение – самая специфическая сфера исторического знания. Само понятие «история» родилось в оседлом мире и там показало всю свою эффективность. Оттуда же родом и такие термины, как «цивилизация», «культура», более узкие – «империя», «государство». А в кочевом мире они в своем классическом виде не работают. Уже одно это порождает желание вывести кочевников за скобки «человечества» вообще. Между тем, уже средневековые авторы признавали кочевые народы «варварами» как постепенно переходящими на стадию цивилизации через «примитивное» и неосознанное копирование оседлых институтов и понятий. При этом, с их точки зрения, шло «извращение», создавались «квазигосударства». Иначе говоря, уже в то время активно использовался цивилизационный подход и применялся, в том числе, и для анализа развития кочевых народов.

Как тогда, так и сейчас цивилизационный подход используется, прежде всего, по горизонтали, т.е. в компаративистском ключе. Сравняются разные зоны Евразии, в том числе и кочевая. Остается лишь признать, что «кочевой архипелаг» такая же цивилизационная зона, «*Pax Nomadica*». Именно в этом плане наука должна максимально уходить от своей публицистичности, от предпочтения какой-то одной цивилизации, через которую прочитываются все остальные. Необходимо сформулировать общие критерии «цивилизованности», общую модель цивилизации. Цивилизационный подход более значим для изучения всеобщей истории, чем формационный для Европы. Пока же он выступает чаще всего лишь как средство примирения разъяренных цивилизаций.

При решении универсальных проблем истории всегда необходимо помнить, что сами по себе конкретные факты, взятые из материала одной цивилизации, редко совпадают с конкретикой другой цивилизации. Если мы изучаем, например, восточное общество, сравнивая его с западным, которое является для нас наиболее изученным и соответственно волей-неволей эталонным, то очень быстро появляется уверенность в том, что мы имеем дело не с цивилизацией, и, в лучшем случае, с чем-то «примитивным». То же самое можно сказать о сравнении кочевого общества с оседлым. Однако если мы априори не будем отказывать Востоку или Степи в цивилизованности, то легче убедимся в том, что мы имеем дело с частным проявлением общего и закономерного.

Сама история логики научного исследования подводит нас к этому. До XX в. развитие научной мысли шло по традиционному пути. В рамках традиционного общества применялся этнополитический подход, когда кочевники рассматривались как соседи, поведение которых чаще всего было непредсказуемым и агрессивным. В Новое время возобладали формационный подход, в рамках которого кочевникам вообще не находилось места в хозяйственном развитии человечества. Их стали именовать «трутнями», «бомжами», роющимися на «помойках цивилизаций». На данном этапе цивилизационный подход все же позволяет выяснить их креативную роль в истории, т.е. некую пользу для развития человечества. Пусть

так, с этой ступени будет легче прийти к признанию их самобытности. Эта задача не только научная, но и цивилизационная. Давно пора вывести из тени т.н. кочевые народы, показать, что у них были не только сила, войны, склоки, но и высокая и уникальная культура.

Из глубины веков, что в Европе, что на востоке Азии, идет утверждение об «отсталости» «варваров», которым самой логикой истории предназначено переходить на «магистральный путь развития всего человечества». Стоит, наконец, понять, что они в силу своей экономики и ментальности сами не идут в «цивилизацию» и не претендуют на ее территорию. Это цивилизация в виде городской экономики и торговли приходит в аграрный сектор. Сначала город подчиняет и максимально растворяет деревню, ассимилирует ее культуру. Только деревня находится в оседлой зоне, и потому нет внешнего эффекта уничтожения целой цивилизации. Кочевники же гибнут уже под натиском государства. Аграрии в этом плане уникальны, а кочевники аномальны, но и те, и другие рано или поздно поглощаются городской цивилизацией. У крестьян это происходит раньше, хотя хронологически уход скотоводства и земледелия как аграрных занятий происходит практически одновременно, в начале второй половины прошлого тысячелетия. К этому времени усиливается натиск на их земли, и они вынуждены более ожесточенно обороняться. И полей, и пастбищ уже недостаточно для нормального существования, необходимо усиление связей между отдельными районами и начинают появляться достаточно большие государства (кочевые империи).

Кочевая цивилизация связана с землей, и она уходит как «феодализм», т.е. аграрное общество. Феодализм свергается революциями, а кочевники разбиты извне, ибо внутри их общества еще существовали возможности развития в скольконибудь обозримом будущем. Их земля, элементарно говоря, понадобилась для существования оседлых сообществ.

В целом же кочевая цивилизация существовала столько же, сколько и оседлая деревня. Это городу как центру экономической жизни всего тысяча лет.

Надо перестать «читать» историю с помощью того ограниченного набора глагольных форм, которые понятны и простительны в контексте информационных войн или в сказках: нападать, грабить, угнетать, захватывать, завоевывать, обороняться и т.п. Реальная история есть грандиозная мистерия с невероятным количеством действующих сил. Это внешне клубок, броуновское движение. Любой «исторический источник» дает лишь собственную интерпретацию событий и процессов, далеко не однозначную и небыстречную. Понять логику этого можно только отказавшись от стереотипов и «интересов», понимая, что в данном «спектакле» все «актеры» «одновременно правы и неправы», обладают своей «правдой». Любая иерархия фактов, исходящая из представлений о некоей чьей-то недоразвитости или ущербности, есть просто выдумка, наивное или подлое рассуждение, в крайнем случае, всего лишь интеллектуальное упражнение и развлечение. Наивными или непродуманными могут быть поступки людей, но не работы исследователей, их изучающих. Непродуманность и использование вульгарно-бытовых штампов не меньший грех для исследователя, чем корыстные цели или стремление создать

себе репутацию с помощью тех идей, которых ждет от него обыватель, читающий перед сном занимательный или пошлый «исторический» роман.

Объяснять историю стран Востока и, тем более, кочевников, с помощью терминологии, разработанной на материале западноевропейской истории, стало сложнее, однако это не только возможно, но и неизбежно.

Феодализм нигде и никогда не был локальным или региональным. Можно не называть его формацией и искать только в Европе, но если это слово оставить за этапом развития всего человечества, когда на первый план выходит земля (аграрная цивилизация), то воспринимать это надо как универсальный, общечеловеческий строй.

Эффективность европейской модели связана с тем, что в ней максимально отчетливо видны универсальные черты, присущие любой другой цивилизации, и специфические. Это позволяет назвать ее моделью и использовать в качестве таковой.

В применении к исторической науке это означает, что любая цивилизация, но в значительной степени и цивилизационная зона как зачаточное ядро будущей цивилизации, должна иметь два уровня построения: универсальные и специфические черты.

Таким образом, использование европейской модели дает максимальную возможность определить характер и уровень развития того или иного метарегиона. Цивилизация и цивилизационная зона в данном случае будут отличаться только масштабом. Примерно так отличаются ребенок и взрослый человек.

Здесь важна еще одна методологическая проблема. Традиционно принято делить любую историографию на донаучный и научный период. Это деление имеет европейское происхождение, берет начало с эпохи Возрождения и становления нововременной науки. Именно тогда в экономике и обществе происходил процесс десаκραлизации и бывший «христианский мир» встал на путь научно-технического прогресса. Но в истории, как известно, «швов» не бывает, поэтому нельзя недооценивать тот объем информации, который накоплен в доньютонову эпоху. Праздностью средневековые историки никогда не отличались, и китайские в этом плане не исключение. Можно говорить о кумулятивном характере развития процесса познания окружающего мира человечеством. К тому же, если исторические и политические деятели могли в какой-то мере дистанцироваться от той или иной религиозно-философской системы, то перестать быть представителями определенной цивилизации они в принципе не могли. Это, собственно говоря, и демонстрируют так называемые европейская, китайская и другие историографические традиции. Менялись цели исторического исследования, его характер и методы, но обязательно сохранялась преемственность.

Тексты этого периода, описывающие кочевников и их общество, на самом деле были написаны после исчезновения кочевой цивилизации, хотя часто и на основе в той или иной мере легенд и тех записей, которые велись представителями самих кочевников. Однако эти записи дошли до нас не полностью, что и позволяет назвать их классическую культуру безмолвствующей. Например, и «Ляо ши», и «Цидань го чжи» – это тексты не самих киданей, а о киданях. В этом плане

называть их письменными источниками в реальности можно лишь условно, они скорее являются фактом историографии. Понятие «письменные источники» в данном случае нельзя игнорировать, поскольку эти тексты все же принципиально отличаются от текстов нововременных, для которых характерно преимущественно изучение киданей с позиций не столько религии или иной идеологии, сколько науки. Средневековые тексты написаны людьми, находящимися в принципе на той же стадии развития (традиционное общество), что и кидани. В них отражена фактически та же ментальность, что была присуща во многом и кочевникам или оседлым людям несколько более раннего времени. Мы, разумеется, можем брать из них какие-то факты, но не надо забывать, что сам подбор этих фактов, их сведение в единый текст осуществлены не киданями и потому представляют взгляд не самих киданей, а их соседей.

Стоит добавить, что воспринимать любые средневековые тексты лишь как источники необходимой нам информации, – значит игнорировать взгляд их авторов на историю. Е Лунли или Абульгази-хан – такие же исследователи, как и наши современники, только у них, может быть, несколько иные задачи и методы исследования. И в этом можно увидеть влияние и следствие оседлоцентризма, европоцентризма, китаецентризма. Так часто делают не только европейцы, но китайцы или современные потомки кочевников. Мы понимаем, что они располагали наибольшей массой информации (не вся еще погибла на тот момент) и именно у них мы можем ее максимально найти, но мы должны рассматривать их и как исследователей, прежде всего (у которых, к тому же, было больше возможностей, чем у нас). Работа этих авторов особо значима, так как они первыми реконструировали историю киданей, создали «скелет». Часто последующим поколениям и этого хватает, но все же реконструкция XIII–XVI вв. – не весь «человек». Собственно историография может быть начата с нововременной эпохи, когда люди во многом уже иной культуры и ментальности пытаются понять кочевой феномен.

Методологически эта проблематика тесно связана еще с некоторыми методологическими дискурсами, в частности, с рассуждением о соотношении в истории и культуре «своих», «чужих» и «иных». Всегда выделяются особо авторитетные тексты (династийные истории, «священные тексты»), которые сосредоточены на создании имиджа «своих», который бы работал, прежде всего, в создаваемом ими собственном «мире». Остальные народы прочитываются через свою культуру, и во многом через этот имидж.

В отношении «иных» априори было стремление вывести их за скобки культуры. Кочевники в принципе не могли быть «чужими», т.е. носителями иной истины. Во-первых, двух истин не бывает, есть только одна и люди принимают ее или не принимают. Во-вторых, где бы они не жили, с какой бы истиной не имели дело, они ее не принимают вообще, в любой конфигурации или интерпретации. Кочевники – «иные». Это одна из основных предпосылок выделения их вообще из состава «человечества». При этом не имеет значения, что по численности они не меньше оседлых.

Необходимо реконструировать парадигму кочевников. Это сейчас мы понимаем, что она аналогична оседлым парадигмам. Так же есть два мира, естественный

и сверхъестественный, выполнение сверхъестественной воли. Кочевники еще раньше и решительнее, чем оседлые выступили против «поисков» истины и требовали выполнения того, что дано свыше. И у них есть строительство оптимальной и вечной социокультурной модели. И у них есть все возрастающий акцент на внутренних проблемах. Сначала кочевые общества, как и оседлые, практикуют внешнюю экспансию в виде переселений или набегов, но стадии империи, собственно уже у хунну, идет структурирование пространства и складывается свое понимание культуры и того, каким должен быть «правильный мир». Есть у них и своя мировая религия на базе синкретизма как отражения кочевой демократии. Их монархическая структура подобна монархиям оседлых государств. Есть свое представление о харизме правителя, акцент на семье, отцовстве и сыновстве, этико-социальные рецепты, аналогичные заповедям, верность как соблюдение традиций, акцент на этатизме в понимании «истории». И у них подчеркивается особая роль в истории общества человека. Они постоянно апеллируют к «древности», но чаще не к «древней» модели, как, скажем, в Китае, а к «духу отцов». Это акцент на идеях, заповедях, а не конструкциях. В этом плане их, может быть, даже более гибкая, чем, например, европейская, которая ищет образец для подражания либо за пределами своей зоны, либо в своей собственной «античности». Их культура не менее «агрессивна» в цивилизационном отношении, ибо они видят весь мир «от рассвета до заката». Они и не менее «любопытны», ибо понимают, что без подпитки извне существовать не могут. Они активно заимствуют чужие культурные достижения, но одновременно их и «искажают», т.е. фильтруют и интерпретируют в соответствии со своей парадигмой. Наконец, сами кочевники были враждебны по отношению к оседлым, якобы из зависти, и это позволяло оседлым народам максимально дистанцироваться от них. На самом деле, у кочевников есть понимание того, что в чистом виде кочевое хозяйство существовать не может, и они выступают за активное общение с оседлым миром. Просто, оседлые люди, как, впрочем, и кочевники, чаще запоминают обмен ударами, а не дарами.

История и культура кочевников удивительно уязвимы для разного рода стереотипов и, прежде всего, для понимания их, как неких недоразвитых существ, почти животных, неспособных даже на примитивное культурное строительство. Давно уже отмечено, что в истории человечества идут параллельно два процесса. Растет численность населения, люди сосредоточиваются в большом количестве в отдельных местах, меняется социальная структура, иницируются новые социальные процессы и создаются новые социальные институты. Одновременно люди развиваются духовно, осваивают мир и лучше понимают себя, создают новую культуру. В отношении же кочевников получается, что часть человечества, и немалая, как бы остановилась и в том, и в другом развитии. Они убивают друг друга и тем самым решают многие проблемы. Это и «недоразвитость» их природы не требуют от них духовности, и стимулирует их развитие по криминальному варианту.

Вероятно, одной из причин такого стереотипа является разное отношение кочевников и оседлых народов к миру. Оседлые народы создают искусственную картину мира, своего рода проект его развития. Они «строят» мир в соответствии со своей базовой парадигмой и тем самым изменяют этот мир. Кочевники же встра-

иваются в ритмы этого мира и не ставят перед собой такой задачи в принципе. «Конец света» может быть только у оседлых народов, кочевник мыслит свое существование бесконечно долгим и неизменным. Быть может, это дает для кого-то достаточное основание рассматривать их в качестве чего-то вроде «родственников» животных. Им не нужна «техническая» (искусственная) картина мира, их описание мира конкретно и предельно реалистично, лишено неизбежной для оседлых людей его идеализации. Они не подгоняют ради переспективных и «прогрессивных» целей свое знание под информационные и бытовые стандарты, оно у них более естественное и реалистичное.

Есть смысл еще с одной стороны посмотреть на термин «седентаризация». Он появился в свое время в медицинской сфере и означал малоподвижный образ жизни. В русской литературе чаще используется его синоним «гиподинамия». Постепенно он, как и многие другие слова из естественных и даже точных наук, проник в гуманитарную сферу. Окончательно «прижился» он в истории и до сих пор применяется по отношению к кочевникам, означая процесс оседания их на землю. Получилось так, что в отношении многих людей (кочевников) использовался термин «седентаризация», в отношении одного человека – «гиподинамия».

Это слово из научного обихода уже не уберешь, как и многие другие, каким бы ни было их происхождение, ничего общего не имеющее с современной наукой («средние века», «возрождение», «варвары»). Нам, так или иначе, приходится его употреблять, но изучение истории не стоит на месте и очень многие слова приобретают в результате этого процесса все новые и новые значения. То же самое стоит сказать и о данном термине. Понятно, что изначальное буквальное его толкование уже забыто окончательно, но трактовка «оседание на землю» еще может быть использована.

Что значит «оседание»? Понятно, что это не гигантский «прыжок с коня на грядки», не переход от скотоводства к садово-огородному хозяйству. Это переход от динамичного образа жизни к оседлому, но ведь в оседлом хозяйстве может быть немалый удельный вес животноводства, а в скотоводческом пространстве могут существовать земледельческие зоны и города.

Основой «оседания» является переход к жизни в рамках определенного земельного пространства. Крестьяне работают на больших полях, многие средневековые города владели полями на десятках и даже сотнях километров. Здесь же были и пастбища. Крестьяне просто не выходили за пределы этого ограниченно пространства, но ведь и кочевники Восточной Азии, прежде всего Монголии и Южной Сибири, тоже кочевали в пределах ограниченных зон. Отсюда и наименования типа «киданьская земля», «земля найманов» и т.п. Не есть ли это тоже своего рода оседание на землю?! Здесь же тоже речь идет об использовании определенных участков земли. Иначе говоря, не стоит ли ввести еще одно расширение толкования термина «седентаризация» в виде обозначения привязки к определенной территории. Если речь идет об аграрной экономике в целом, то почему нужно говорить только об одной ее сфере? Обе сферы представляют собой комплексное хозяйство, только в одной доминирует земледелие (оно в «числителе» некоей дроби), а в другой скотоводство. В «чистом» виде обе эти

сферы никогда не существовали. Человек и животное уже как минимум миллион лет идут вместе по планете.

Есть некоторого рода опасности, которые таит в себе компаративистский подход. Мы можем сравнивать какие-либо этнополитические или, даже, экономические и культурные процессы в Европе и в Восточной Азии, и исходить при этом из того, что в обеих зонах наблюдается примерно одинаковый уровень цивилизационного развития. Хотя этот фактор, безусловно, необходимо учитывать в исследовании, не следует забывать и о том, что мы при этом вольно или невольно опираемся на европоцентристский подход, иначе говоря, мы «прочитываем» восточноазиатскую историю через европейские модели, давно уже сформированные в исследовательской практике и показавшие свою эффективность в решении проблем традиционного общества в Европе. К тому же в обоих случаях, северные соседи могущественных империй именуется «варварами» и играют существенную роль в своем метарегионе. Соответственно появляется большой соблазн применить исследовательские технологии и концепции, разработанные на европейском материале, к азиатской истории и, в итоге, не учесть существенные различия двух зон.

В Европе «валентность» «имперской» и «варварской» зон, т.е. тяготение друг к другу, их связанность больше, ибо на севере уже в первом тысячелетии до н. э. активно шла седентаризация и «чистых» кочевников не было. Не менее активно шли двумя волнами варваризация римской империи, т.е. инфильтрация кельтов и германцев во внутренние районы, и христианизация всего субконтинента, хотя первоначально и в разных формах (римская и византийская «ортодоксии» и «ереси»).

По этим причинам конвергенция двух зон, хотя и происходила порой катастрофобразно (падение Западной Римской империи), происходила достаточно быстро и в первом тысячелетии н. э. завершилась. В последующие столетия происходило развитие «феодализма» и «капитализма» как общеевропейских процессов.

В Восточной Азии вплоть до недавнего времени проблемно сосуществовали две диаметрально разных экономики – скотоводство и земледелие. Здесь долго сохранялись «чистые» кочевники, далеко и внешне беспорядочно кочевавшие. Столь же интенсивной, как в Европе, варваризации здесь не было, скорее, наоборот, более существенной была синизация, тоже по своим масштабам отличавшаяся от европейской романизации и латинизации. Иначе говоря, здесь «юг», нуждающийся в земле, всегда неуклонно продвигался на «север», а не наоборот.

Здесь до сих пор сохраняются сущностные языковые различия. В Китае налицо развитый письменный язык, литература, на Севере – бесписьменные культуры. Импульс к развитию письменности придадут киданей, а потом этот процесс будет активно идти у чжурчженей и особенно монголов. Однако, это в свою очередь лишь усилит водораздел между письменностями. Монгольский и китайский языки не слились, а в Европе новые языки складывались как романо-германские. Языки Монголии, Якутии, Бурятии и всей Сибири предельно оригинальны. Здесь развито двуязычие, когда аборигены знают еще русский или другие языки, но не создают их симбиоз со своим и не жертвуют своим языком. Это явственный признак особой цивилизационной зоны.

В Европе формирование и развитие феодализма хорошо описывает синтезная теория, в соответствии с которой на континенте активно взаимодействуют два «начала» – романское и германское. В Восточной Азии этого не могло быть – на севере существовала очень специфичная экономика. Поэтому, если в Европе земледельческий феодализм «дитя двух родителей», то в Восточной Азии он развивался лишь на территории Китая. У «варваров» или в Западном Ся идет более медленное движение в этом направлении, хотя у тангутов и быстрее и они после монгольского завоевания быстрее станут частью Китая, а не Монголии.

Сторонники «германизма» еще в XVIII в. считали, что в Европе синтез двух начал, одновременно и двух рас, идет более успешно, если варвары более развиты. Однако складывание классической феодальной модели оказалось связано с «примитивными» франками, тогда как основная масса других расселившихся на просторах Римской империи «варваров» (готы, бургунды, вандалы, свевы и др.) лишь некоторое время существовали в качестве народов-элит и впоследствии уже оказались втянуты в процесс феодализации. Они вставали над обществом на покоренных территориях, тогда как франки производили инфильтрацию в свои регионы, сливались с местным населением. Даже франки, а тем более остальные «варвары» стали из-за длительного передвижения своего рода милитаристским обществом. Они фактически присвоили себе управленческие и оборонные функции, делали акцент на политической власти, войне и господстве над покоренным населением, которое их воспринимало лишь в качестве «оккупантов». Это предопределило менее заметное их участие в производстве и, соответственно, недолговечность существования их «варварских королевств».

В Восточной Азии в государствах киданей и чжурчжэней существовала сложная, комплексная экономика, хотя акцент на аномальном для региона в целом скотоводстве обусловил их автаркизованное существование. «Север» и «Юг» в Восточной Азии стали сливаться уже только в прошлом веке и здесь наибольшая «заслуга» именно у «Юга».

Литература

1. *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М. : Наука, 1983. 367 с.
2. *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М. : Наука, 1975. 451 с.
3. *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М. : Наука, 1979. 613 с.
4. *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. 359 с.
5. *Малышкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Сибирское отделение издательства «Наука», 1974. 215 с.
6. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии В. С. Таскина. М. : Наука, 1984. 487 с.
7. *Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng.* History of Chinese Society Liao (907–1125) // Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. 752 p.

References

- Kychanov, E. I. (1968). *Ocherk istorii tangutskogo gosudarstva*. [Essay on the history of the Tangut state]. М. : Nauka. 359 p.

Maliavkin, A. G. (1974). *Materialy po istorii uigurov v IX–XII vv.* [Materials on the history of the Uyghurs in the IX–XII centuries]. Novosibirsk : Nauka. 215 p.

Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu. Vvedenie, perevod i kommentarii. V. S. Taskina. [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group. Introduction, translation and commentary by V. S. Taskin]. (1984). M. : Nauka. 487 p.

Vorob'ev, M. V. (1983). *Kul'tura chzhurchzenei i gosudarstva Tszin' (X v. – 1234 g.). Istoricheskii ocherk.* [The culture of the Jurchen and the state of Jin (10th Century – 1234). Historical essay]. M. : Nauka. 367 p.

Vorob'ev, M. V. (1975). *Chzhurchzheni i gosudarstvo Tszin' (X v. – 1234 g.).* [The Jurchen and the state of Jin]. M. : Nauka. 451 p.

Wittfogel, K.-A., Feng Chia-sheng. (1949). *History of Chinese Society Liao (907–1125).* In *Transactions of the American philosophical Society*. New series. Vol. 36. Philadelphia. 752 p.

Ye Longli. (1979). *Istoriia gosudarstva kidanei (Tsidan' go chzhi). Perevod s kitaiskogo, vvedenie, kommentarii i prilozheniia V. S. Taskina.* [History of the Khitan state (Qidan Guo Zhi). Translated from Chinese, introduction, commentary and annexes by V. S. Taskin]. M. : Nauka. 613 p.

The article was submitted on 7.10.2018

**В. А. Кузьмин,
Н. В. Соколов**

ИРАНО-САУДОВСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: После победы исламской революции в Иране постепенно обострилась борьба за лидерство на Ближнем Востоке между Исламской Республикой и Саудовской Аравией. С началом нового тысячелетия в условиях трансформирования глобальной системы международных отношений противостояние Саудовской Аравии и Ирана стало одним из главных факторов, разрушающих стабильность в ближневосточном регионе. Авторы статьи предприняли попытку показать, какие аспекты этого противостояния привлекают наибольшее внимание исследователей в России и за рубежом. Особое внимание авторы уделяют трудам иранских и арабских ученых, анализу научной литературы на арабском и персидском языках, которая мало известна за пределами стран Ближнего Востока. Этот аспект проведенного анализа придает содержанию статьи существенный элемент новизны.

Ключевые слова: Ближний Восток, историография, Саудовская Аравия, Иран, арабы, иранцы, Персидский Залив, Кувейт, Катар, Бахрейн, Йемен, Сирия.

**Vadim A. Kuzmin,
Nicholas V. Sokolov**

IRAN-SAUDI CONFRONTATION AT THE MIDDLE EAST AT THE END OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: SOME QUESTIONS OF HISTORIOGRAPHY

Abstract: After the victory of the Islamic revolution in Iran, the struggle for leadership in the Middle East between the Islamic Republic and Saudi Arabia gradually intensified. With the beginning of the new millennium in the context of the transformation of the global system of international relations, the confrontation between Saudi Arabia and Iran has become one of the main factors destroying stability in the Middle East region. In this article, the authors attempted to show which aspects of this confrontation attracted the most attention of researchers in Russia and abroad. Particular attention is paid to the writings of Iranian and Arab scholars, the analysis of scientific literature in Arabic and Persian, which is little known outside the countries of the Middle East. This aspect of the analysis gives the content of the article an essential element of novelty.

Key words: Middle East, historiography, Saudi Arabia, Iran, Arabs, Iranians, Persian Gulf, Kuwait, Qatar, Bahrain, Yemen, Syria.

С 80-х годов XX века борьба за лидерство на Ближнем Востоке претерпевает значительные изменения, переходя от сугубо регионального противостояния к глобальному соперничеству с формированием нескольких центров силы.

Отправной точкой таких изменений можно считать победу исламской революции в Иране в 1979 году, после которой расстановка сил на карте региона существенно трансформировалась. Исламская Республика вышла на региональную

арену как явный претендент на звание нового лидера и экспортера революции в соседние страны.

С этого момента в регионе складывается новая геополитическая ситуация, где основным соперником Исламской Республики Иран становится Королевство Саудовская Аравия, которая и ранее находилась в довольно сложных отношениях с Ираном. Такие факторы, как религиозно-идеологические различия (ваххабитский ислам Саудовской Аравии против шиитского ислама Ирана), дискриминация шиитских меньшинств в странах Персидского Залива и самой Саудовской Аравии, а также угроза усиления иранского влияния на Ирак и другие страны Залива, побудили Эр-Рияд взять на себя роль центра силы для противостояния «иранской угрозе» и сконцентрировать вокруг себя других региональных игроков, также противостоящих Исламской Республике.

Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке претерпевало качественные изменения. Так, в 80-е годы XX века Саудовская Аравия проводила коалиционную политику, поддержав баасистский Ирак Саддама Хусейна в его агрессии против Ирана и установив стратегическое партнерство с Соединенными Штатами Америки.

В 90-е годы такую же коалиционную политику начал проводить Иран в своем стремлении ослабить Ирак – еще одного своего конкурента в борьбе за лидерство, осудив иракскую агрессию в Кувейт и поддержав международные санкции против Ирака. В этот период ирано-саудовские отношения потеплели, были восстановлены дипломатические отношения, заключены договоры по региональной безопасности. Принцип «враг моего врага мой враг» несколько снизил уровень противостояния Ирана и Саудовской Аравии, но, вместе с тем, борьба за лидерство продолжалась.

С началом нового тысячелетия в условиях трансформирования глобальной системы международных отношений на сцену выходит военно-политический фактор противостояния, главным признаком которого является использование военных конфликтов в регионе для реализации своих претензий на лидерство и продавливания своих интересов через «горячие точки». Прежде всего, это было вызвано очередным вмешательством в дела региона со стороны США и других стран НАТО, их агрессией в Ирак и свержением режима Саддама Хусейна в 2003 г. Именно с этого времени Иран начинает проводить активную прошиитскую политику, как в Ираке, так и в традиционных зонах своих интересов – в Ливане и Сирии, формируя так называемый «шиитский полумесяц». В ответ Саудовская Аравия пытается объединить арабские страны Залива в единую силу под лозунгом защиты истинной религии и территории. Вплоть до «арабской весны» 2011–2012 гг. противостояние между двумя центрами силами постепенно возрастало, а к 2013–2014 гг. оно проявилось уже в конкретных военных конфликтах в Сирии и Йемене. Подписание соглашения по иранской ядерной сделке в 2015 г. и выход на политическую арену экстремистской группировки «Исламское государство» также явились факторами, еще больше усиливающими противостояние между Саудовской Аравией и Ираном.

В этом контексте Саудовская Аравия под предлогом борьбы с экстремистами стала инициатором военной операции в Йемене – традиционном месте экономи-

ческих и геополитических интересов Ирана, а Иран, используя фактор борьбы с «Исламским государством», начал наращивать военную помощь и поддержку правящему сирийскому режиму и группировке «Хезболла» в Ливане.

В наши дни военно-политическое противостояние Саудовской Аравии и Ирана стало одним из главных факторов, разрушающих стабильность в ближневосточном регионе. От исхода данного противостояния зависит новая расстановка сил на Ближнем Востоке и появление нового лидера, который будет определять дальнейшее направление развития региона. Таким лидером может стать и Саудовская Аравия, и Иран, и Турция – еще один ближневосточный игрок, в последнее время демонстрирующей явные лидерские амбиции. Либо в регионе может сложиться полицентричная система, каждый из полюсов которой займет свою нишу в региональном политическом пространстве.

Саудовско-иранские отношения в их политическом, идеологическом, религиозном и других аспектах постоянно находятся под пристальным вниманием политиков, экспертов, востоковедов России и других стран.

До событий «арабской весны» 2011–2012 гг., по сути, все конфликты на Ближнем и Среднем Востоке не выходили за рамки традиционных противоречий между странами региона. Однако с началом гражданской войны в Сирийской Арабской Республике и военной операции Саудовской Аравии в Йемене, на первое место в саудовско-иранском противостоянии выходит именно военно-политическая составляющая и начинается ее активное использование.

Многочисленные исследовательские работы, посвященные изучению саудовско-иранских отношений и соперничеству двух стран, можно разделить на три группы. К первой группе можно отнести научные труды, посвященные изучению противостояния арабо-мусульманской и персидской культур, как в традиционном, так и в цивилизационном аспектах. Эти исследования рассматривают эволюцию арабо-иранского соперничества с точки зрения этнографии, религии, культуры и выявляют исторические причины сложившегося противостояния.

К типичным трудам арабских авторов, характерным для данной группы исследований, можно отнести книгу «Арабы и Иран. Справочник по истории и политике» [28], подготовленную в Катарском центре политических исследований. Ее авторами являются известные арабские ученые, специалисты по истории, политике и международным отношениям. В книге проанализированы отношения между арабскими странами и Ираном в современную эпоху и показано влияние многих важных исторических событий и религиозных противоречий на развитие этих отношений. Сирийская исследовательница Б.Д. Са'д в своей монографии «Образ арабов в современной персидской литературе» [32], делая глубокий экскурс в историю арабо-персидских отношений, выявляет причины и формы враждебного отношения иранцев к арабам на примерах из современных иранских литературных произведений,

Большой интерес представляет ряд статей известных арабских писателей, публицистов, историков, посвященных арабо-иранским отношениям, как в историческом, так и в цивилизационном контекстах. Это работы историков Али Адиба [27] и Б. Шахадата [35], иракского писателя Абу Ахмеда аш-Шейбани [29], обо-

зрвателя Д. Фаделя [33]. Все эти авторы весьма объективно отражают мысли и представление арабов в отношении иранцев и раскрывают причины их исторического противостояния. Абдуль Азиз ибн аль-Махмуд в своей работе рассказывает об эпохе сефевидов в Иране и предостерегает мусульманский мир от пришествия «новых сефевидов», говоря об их исключительной опасности [1].

Из иранских трудов к данной группе следует отнести монографии М.И. Надушана «Ирану есть, что сказать миру!» [13] и Ризы Ша'бани «Краткая история Ирана» [15]. Выдающийся иранский ученый Мохаммад Ислами Надушан показывает в своей работе Иран как о страну с богатейшей историей и культурой и раскрывает суть иранской самоидентификации. Риза Ша'абани подробно освещает страницы многовековой истории Ирана, в том числе характеризует первые столкновения арабов и персов, завоевание арабами Персидской империи.

Статьи ряда других иранских исследователей проливают дополнительный свет на истоки и причины арабо-иранского соперничества. Эксперт-аналитик А.Н. Фирузджои [34] определяет основные факторы арабо-иранского противостояния и раскрывает их историческую подоплеку. Профессор Тегеранского университета Садик Зибокалам в статье «Мы ненавидим арабов, клянем суннитов... и не забываем им Кадисию» [30] пишет о самых болезненных точках в отношениях между арабами и иранцами.

Вторую группу составляют работы экспертов, ученых-востоковедов, аналитиков, посвященные как Саудовской Аравии и Ирану в отдельности, так и отношениям двух стран в XX–XXI в. При этом в них акцентируется внимание на тех событиях в ближневосточном регионе, в которых особенно наглядно проявилось ирано-саудовское противостояние.

Монография бахрейнских исследователей Мухаммеда бин-Джасима и Джиляля Мохаммад Номана [31] наиболее полно отражает позицию Ирана по отношению к событиям в Бахрейне в 2011 г. В работе иранского автора Х. Ансари [2], посвященной лидеру Исламской революции Р. Хомейни, проанализированы взгляды аятоллы на исламские режимы в арабских странах.

Среди многочисленных российских авторов следует особо отметить труды известных востоковедов – Е.С. Мелкумян [12] и У.З. Шарипова [22], наиболее глубоко анализирующих международные процессы, происходившие на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива в конце XX – начале XXI вв., и рассматривающих участие Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия в этих процессах. В работе Г.Н. Валиахметовой глубоко проанализирована исламская составляющая мировой политики и дана подробная характеристика различных исламских группировок, действующих на мировой арене [5]. В статье А.А. Кузнецова проанализированы противоречия между суннитами и шиитами в контексте их влияния на ситуацию в регионе Ближнего Востока [8]. В одной из работ А.Ф. Черновой показано влияние исламской революции в Иране на правящие режимы арабских стран Персидского залива [20].

Видение событий ирано-иракской войны с позиций монархий Персидского залива и Ирана подробно проанализировано в статьях А.Ф. Черновой [21] и К.А. Белоусовой [3], а также в книге американского политолога Т. Мостина [24].

Кувейтский кризис 1990–1991 гг. подробно осветили такие американские авторы как И. Ибрахим [23], П. Уилсон и Д. Грэхэм [26]. Отношение правящих кругов Саудовской Аравии и Ирана к войне в Ираке 2003 г. и последующей оккупации страны войсками международной коалиции нашло хорошее отображение в статьях С. Тарасова [18] и Н. Мамедовой [11].

Большое количество публикаций посвящено событиям «арабской весны» 2011–2012 гг. Это, прежде всего, статья В.В. Наумкина [14], в которой рассматриваются причины и возможные последствия этих событий для ближневосточного региона. В статьях Г.Г. Косача [7], Л.М. Кулагиной и В.М. Ахмедова [9], А.В. Бязрова [4] проанализировано участие Саудовской Аравии и Ирана в событиях «арабской весны», их цели и задачи, занятые ими позиции. Д.Б. Малышева провела сравнение стратегии Саудовской Аравии и Катара по реализации их планов в условиях «арабской весны» [10].

Третью группу составляют исследования, посвященные современным военным конфликтам на Ближнем Востоке, в частности, в Сирии и Йемене. В этих работах, написанных в период фактически продолжающихся боевых действий в указанных странах, особое внимание уделено военно-политическим аспектам саудовско-иранского противостояния. В статье Б.В. Долгова [6], посвященной анализу сирийского конфликта, автором освещены позиции, которые заняли в отношении событий в Сирии соседние страны. Йеменский конфликт и участие в нем внешних сил подробно рассматриваются в статьях С.Н. Сереброва [16; 17] и А.В. Федорченко [19]. Книга по истории взаимоотношений Саудовской Аравии и Йемена, вышедшая в Нью-Йорке под редакцией американской исследовательницы Л. Эдеридж [25], помогает понять политику Саудовской Аравии в Йемене в наши дни.

Таким образом, краткий анализ научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных противостоянию Саудовской Аравии и Ирана в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке, позволяет сделать вывод, что степень изученности данного противостояния, имеющего глубокие исторические корни, достаточно высока. Вместе с тем имеет место явный недостаток работ по исследованию военно-политических аспектов противостояния Ирана и Саудовской Аравии, использования обеими сторонами военно-политических средств в современных конфликтах на Ближнем Востоке и в условиях трансформации системы международных отношений. В целом исследования по проблеме военно-политического противостояния Саудовской Аравии и Ирана имеют очевидный фрагментарный характер.

Литература

1. *Абдуль-Азиз ибн Салих аль-Махмуд*. Возвращение Сефевидов. М., 2008. 43 с.
2. *Ансари Х.* Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины. М., 1999. 472 с.
3. *Белоусова К.А.* Ирано-иракская война (1980–1988) и политика США в Ираке // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2005. №2 (12), с. 44–55.
4. *Бязров А.В.* Общественно-политическая трансформация на Арабском Востоке и позиция Исламской Республики Иран // Мир и политика, 2012. 25 декабря. URL: <http://mir-politika.ru/2813-obschestvenno-politicheskaya-transformaciya-na-arabskom-vostoke-i-poziciya-islamskoy-respubliki-iran.html> (дата обращения: 17.10.2015)

5. *Валиахметова Г.Н.* Исламский фактор в мировой политике. Екатеринбург, 2013. 124 с.
6. *Долгов Б.В.* Сирийский конфликт // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М., 2015. С. 401–421.
7. *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М., 2012. С.356–375.
8. *Кузнецов А.А.* О влиянии шиитско-суннитских противоречий на ближневосточную ситуацию // Вестник МГИМО-Университета, 2014. №3 (36). С. 146–155.
9. *Кулагина Л.М., Ахмедов В.М.* Иран. // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М., 2012. С. 500–507.
10. *Мальшиева Д.Б.* Саудовская Аравия и Катар переформируют Ближний Восток // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей. М., 2012. С. 194–202.
11. *Мамедова Н.М.* Иранская компонента мировой политики // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей. М., 2012. С. 181–193.
12. *Мелкумян Е.С.* Регион Залива: Конфликты, компромиссы, сотрудничество. М., 2008. 284 с.
13. *Мохаммадали Ислами Надушан.* Ирану есть, что сказать миру! Алматы, 2007. 199 с.
14. *Наумкин В.В.* Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М. : ИВ РАН, 2012. С.3–20.
15. *Риза Ша'бани.* Краткая история Ирана. СПб, 2008. 394 с.
16. *Серебров С.Н.* Йемен // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М., 2012. С.259–304.
17. *Серебров С.Н.* Революция и конфликт в Йемене // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М., 2015. С. 277–334.
18. *Тарасов С.* Ближний Восток перед лицом суннитско-шиитской войны // Точка взрыва: Россия, Кавказ и Ближний Восток. Сборник статей. М., 2012. С. 20–24.
19. *Федорченко А.В.* Йеменская республика: преодолевая сепаратистские тенденции // Вестник МГИМО-Университета, 2013. №4(31). С. 205–211.
20. *Чернова А.Ф.* Влияние исламской революции на монархические режимы в Персидском Заливе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. №161. С. 24–31.
21. *Чернова А.Ф.* Ирано-иракская война 1980–1988 гг.: Подходы монархий Персидского залива // Terra Humana. 2013 №1. С. 96–100.
22. *Шарипов У.З.* Персидский Залив: Обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX – начале XXI вв. М. : Издатель Воробьев А. В., 2010. 323 с.
23. *Ibrahim Ibrahim.* The Gulf crisis: background and consequences. Center for Contemporary Arab Studies, Georgetown University, 1992. 354 p.
24. *Mostyn Trevor.* Major political events in Iran, Iraq and the Arabian Peninsula (1945–1990). New York, 1991. 308 p.
25. *Saudi Arabia and Yemen / Edited by Laura Etheredge.* New York, 2011. 157 p.
26. *Wilson P., Graham D.* Saudi Arabia: The Coming Storm. M.E. Sharpe. New York, 1994. 298 p.
27. *ءادعو ءكراشم، ركو برق: نون اريال او برعلا بيدا يلع* (Адиб А. Арабы и иранцы: близость и ненависть, сотрудничество и вражда) // Расиф22. 04.01.2016. URL: bit.ly/1SqTsSZ (Дата обращения: 10.02.2016)
28. *ءودلا باسايسلا سراز و ناحبائل يبرعلا زكرم. قسايسلا و خيرتلا يف ءعجارم. ناراي و برعلا.* (Арабы и Иран. Справочник по истории и политике) // Доха, 2010. 270 с.
29. *بابسأو ناحبائل... يسرافلا يبرعلا عارصلا. ينابيشلا دمء و باب* (Аш-Шейбани А.А. Арабско-персидское противостояние... события и причины) // Дл-сунна. 08.01.2012. URL: <http://www.dd-sunnah.net/forum/showthread.php?t=142804> (Дата обращения: 21.09.2015)
30. *ءيسءاقل» مءل س ن الو. قنسل لهأ ن علن مءبسبو برعلا ركفن: زراب ناراي ركفنم. مالءابيز قءاص* (Зибокалям С. Мы ненавидим арабов, клянем суннитов... и не забываем им Кадисию) // Аль-арабия. 05.10.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/10/05/170349.html> (Дата обращения: 23.09.2015)
31. *يف ءيبرعلا ءقطنملا و نيرحبلا ءقلمم يلع ءيجي ءارتسلا قرطن: نام عن دمءم لالء ء مساء نب دمءم ءءعلا* (Мухаммед бин-Джасим, Джилял Мохаммад Номан. Взгляд на стратегию Королевства Бахрейн и арабского региона в международных рамках. Книга пятая). Манама, 2008. 413 с.
32. *ءعس لءنل ب ايوء ايروس – عيزوتلا او رشنل سمدق. ئيدءلا يسرافلا بءالاً يف برعلا قروص* (Са'д Б.Д. Образ арабов в современной иранской литературе) // Дамаск, 2007. 209 с.

33. سرفلا مهاري امك برعلا ل.ضراف داهج. (Фадель Д. Как иранцы видят арабов) // Аль-Арабия. 15.05.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/views/2011/05/15/149122.html> (дата обращения: 20.09.2015)
34. یناری ساملپی؟ تسنا نانیبب ناریا م بارع هاگن ارچ یی اجزوریف یف جن سابع. (Фирузджои А. Н. Почему арабы смотрят на Иран пессимистично?) // Дипломасие Ирони. 11.04.2011. URL: <http://bit.ly/1VXbqSA> (Дата обращения: 22.09.2015)
35. تسوب نون یناری ال ایدیوعسلا تاقال علا خیرات یف. شاداش ماسب. (Шахадат Б. Фи тарих аль-Балакат ас-суьудия аль-ирания (Из истории саудовско-иранских отношений). Нун буст, 22.05.2014). URL: <http://www.noonpost.net/content/2802> (Дата обращения: 24.09.2015)

References

- Abdul'-Aziz ibn Salikh al'-Makhmud (2008). *Vozvrashchenie Sefevidov* [The Return of the Safavids]. Moscow. 43 p.
- Adib, A. (2016) Al-arab wa al-iraniun: al-qurb wa al-kurh, musharika wa `ada' [Ali Adib. Arabs and Iranians: near and hate, participation and hostility]. In *Raseef* 22, 04.01.2016. URL: bit.ly/1SqTsSZ (mode of access: 10.02.2016).
- Al-Arab wa al-Iran. Muradja`a fi attarikh wa assiiasa. Al-Markaz al-arabii lilabhath wa dirasa asiiasat. Addowha.* [Arabs and Iran. Guide of history and politics]. (2010). Doha. 270 p.
- Al-Sheibani, A.A. (2015) Assira' al-arabii al-farisii... Ahdath wa asbab [Abu Ali Al-Sheibani. Arab-Persian confrontation... events and causes]. In *DD-Sunnah*, 08.01.2012. URL: <http://www.dd-sunnah.net/forum/showthread.php?t=142804> (mode of access: 21.09.2015).
- Ansari, Kh. (1999). *Imam Khomeini. Politicheskaiia bor`ba ot rozhdeniia do konchiny* [Imam Khomeini. Political Struggle from the Birth to Death]. Moscow, Paleia. 472 p.
- Belousova, K.A. (2005). Irano-irakskaia voina (1980–1988) i politika SShA v Irake [Iran–Iraq War (1980–1988) and the Policy of the USA in Iraq]. In *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, No. 2 (12), pp. 44–55.
- Biazrov, A.V. (2012). Obshchestvenno-politicheskaiia transformatsiia na Arabskom Vostoke i pozitsiia Islamskoi Respubliki Iran [Socio-Political Transformation in the Arabic Middle East and the Position of the Islamic Republic of Iran]. In *Mir i politika* [website]. 25.12.2012. URL: <http://mir-politika.ru/2813-obschestvenno-politicheskaya-transformatsiia-na-arabskom-vostoke-i-pozitsiia-islamskoy-respubliki-iran.html> (data obrashcheniia: 17.10.2015).
- Bin Jasim, M., Nu`man, J.M. (2008). Nazra istratijiia `ala mamlakat al-Bahrein wa al-mintaqa al-`arabiia fi itari duwalii. Al-kitab al-khamis [Bin Jasim Muhammad, Noman Jalal Mohammad. Strategic view of the Kingdom of Bahrain and the Arab region in an international framework. Book Five]. Manama. 413 p.
- Chernova, A.F. (2013). Irano-irakskaia voina 1980–1988 gg.: Podkhody monarkhii Persidskogo zaliva [Iran–Iraq War of 1980–1988: Approaches of the Persian Gulf Monarchies]. In *Terra Humana*. No. 1, pp. 96–100.
- Chernova, A. F. (2013). Vliianie islamskoi revoliutsii na monarkhicheskie rezhimy v Persidskom Zalive [Influence of the Islamic Revolution on the Monarchic Regimes of the Persian Gulf]. In *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2013. No. 161, pp. 24–31.
- Dolgov, B.V. (2015). Siriiskii konflikt [Syrian Conflict]. In *Konflikty i voiny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaia Afrika)*. Moscow, Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 401–421.
- Etheredge, L. (Ed.). (2011). *Saudi Arabia and Yemen*. New York. 157 p.
- Fadel, D. (2011). Al-arab kama iarahum al-fars [Fadel Jihad. How Iranians see The Arabs]. In *Al-Arabiya*, 15.05.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/views/2011/05/15/149122.html> (mode of access: 20.09.2015).
- Fedorchenko, A.V. (2013). Iemenskaia respublika: preodolevaia separatistskie tendentsii [Overcoming Separatist Tendencies]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*, No. 4 (31), pp. 205–211.
- Firuzjoi, A. N. Chera negah a`rab be iran badbinane ast (Firuzjoi Abbas Nadjafi. Why are the Arabs pessimistic about Iran?). In *Iran Diplomacy*. URL: <http://bit.ly/1VXbqSA> (mode of access: 22.09.2015).
- Ibrahim, Ibrahim (1992). *The Gulf crisis: background and consequences*. Washington, Center for Contemporary Arab Studies, Georgetown University, 1992. 354 p.
- Kosach, G. G. (2012). Saudovskaia Araviia [Saudi Arabia]. In *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she? Sbornik statei*. Moscow, Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 356–375.
- Kulagina, L. M., Akhmedov, V. M. (2012). Iran. In *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she? Sbornik statei*. Moscow, Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 500–507.

Kuznetsov, A. A. (2014). O vliianii shiitsko-sunnitskikh protivorechii na blizhnnevostochnuiu situatsiiu [On the Influence of the Shiite-Sunni Collision on the Middle East Situation]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*, No. 3 (36), pp. 146–155.

Malysheva, D. B. (2012). Saudovskaia Araviia i Katar pereformatiruiut Blizhnii Vostok [Saudi Arabia and Qatar Reformat the Middle East]. In *Aziia i Afrika v sovremennoi mirovoi politike. Sbornik statei*. Moscow, Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 194–202.

Mamedova, N. M. (2012). Iranskaia komponenta mirovoi politiki [Iranian Component of the World Policy]. In *Aziia i Afrika v sovremennoi mirovoi politike. Sbornik statei*. Moscow, Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 181–193.

Melkumian, E. S. (2008). *Region Zaliva: Konflikty, kompromissy, sotrudnichestvo* [The Gulf Region: Conflicts, Compromises, Collaboration]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka. 284 p.

Mokhammadali Islami Nadushan (2007). *Iranu est', chto skazat' miru!* [Iran Has a Word to Say to the World]. Almaty, Tsentr po izucheniiu kul'tury Irana i Tsentral'noi Azii pri Natsional'noi biblioteke Respubliki Kazakhstan. 199 p.

Mostyn, T. (1991). *Major political events in Iran, Iraq and the Arabian Peninsula (1945-1990)*. New York. 308 p.

Naumkin, V. V. (2012). Vmesto predisloviia: krugovorot Arabskogo probuzhdeniia [Instead of the Preface: Circulation of the Arabic Rise] // *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she?* Sbornik statei. Moscow, Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 3–20.

Riza Sha'bani (2008). *Kratkaia istoriia Irana* [Brief History of Iran]. Saint-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 394 p.

Sa'd, J. B. *Sura al-'arab fi al-adab al-farisii al-hadith*. [Sa'd Juia Blendel. The image of the Arabs in modern Iranian literature]. Damascus. 209 p.

Serebrov, S. N. (2012). Iemen [Yemen]. In *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she?* Sbornik statei. Moscow, Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 259–304.

Serebrov, S. N. (2015). Revoliutsiia i konflikt v Iemene [Revolution and Conflict in Yemen]. In *Konflikty i voiny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaia Afrika)*. Moscow, Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 277–334.

Shahadat, B. (2014). Fi tariikh al-'alaqat assa'udiia al-iranii [Shahadat Bassam. From the history of Saudi-Iranian relations]. In *Noon Post*, 22.05.2014). URL: <http://www.noonpost.net/content/2802> (mode of access: 24.09.2015).

Sharipov, U. Z. (2010). *Persidskii Zaliv: Obostrenie politicheskoi i voennoi situatsii i mezhdunarodnykh otnoshenii v kontse XX – nachale XXI vv.* [Persian Gulf: Escalation of of the Political and Military Situation and the International Relations (End of the 20th Century – Beginning of the 21st Century)]. Moscow, Izdatel' Vorob'ev A.V. 323 p.

Tarasov, S. (2012). Blizhnii Vostok pered litsom sunnitsko-shiitskoi voiny [Near East in the Face of Sunni-Shia War] // *Tochka vzryva: Rossiia, Kavkaz i Blizhnii Vostok. Sbornik statei*. M. : REGNUM, pp. 20–24.

Valiakhmetova, G. N. (2013). *Islamskii faktor v mirovoi politike* [Islamic Factor in the World Policy]. Yekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 124 p.

Wilson, P., Graham, D. (1994). *Saudi Arabia: The Coming Storm*. M.E. Sharpe. New York. 298 p.

Zibokalam, S. (2011). Mufakkir iranii bariz: nakrahu al-' arab wa nusabbubuhum na' lanu ahla assunnah wa la nansa lahum al-qadisiia [Zibokalam Sadik. We hate the Arabs, curse the Sunnis... and do not forget them Al-Kadisia]. In *Al-Arabiya*, 05.10.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/10/05/170349.html> (mode of access: 23.09.2015).

The article was submitted on 12.04.2018

УДК 378.115:811.521 + 378-057.175:81

**М.Ю. Чамовских,
А.А. Буракова**

ПОДГОТОВКА К КОНКУРСУ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ УРФУ

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме подготовки студентов к участию в Конкурсе устных выступлений на японском языке. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований. В статье особое внимание уделено особенностям жанра выступлений на японском языке, а также этапам подготовки к выступлению. На основе проведенного анкетирования среди студентов Уральского федерального университета, принявших участие в XI Уральском конкурсе выступлений на японском языке в категориях среднего и продвинутого уровней, выявлены основные трудности, с которыми сталкиваются как участники, так и курирующие их преподаватели на этапе подготовки к Конкурсу. Предлагаются некоторые пути решения возникших проблем и трудностей. Авторы приходят к выводу, что для успешного выступления участника уже на начальных стадиях подготовки требуется активное подключение преподавателя.

Ключевые слова: японский язык, конкурс выступлений, Стандарт Японского Фонда, CEFR, компетенция, навыки

**Maria Yu. Chamovskikh,
Anna A. Burakova**

PREPARATION FOR THE JAPANESE LANGUAGE SPEECH CONTEST: EXPERIENCE OF URFU

Summary: The article is devoted to the actual problem of preparation of students for participation in the Japanese language Speech Contest. This problem has been little studied and requires further research. In the article special attention is paid to the peculiarities of the genre of performances in the Japanese language, as well as the stages of preparation for the performance. Based on the questionnaire survey among the students of the Ural Federal University who took part in the 11th Urals Japanese Language Speech Contest in the categories of intermediate and advanced levels, the main difficulties encountered by both participants and their teachers during the preparation for the Competition were identified. Some ways of solving the problems and difficulties encountered are suggested. The authors come to the conclusion that for the participant's successful performance already at the initial stages of preparation, an active connection of the teacher is required.

Key-words: Japanese language, speech contest, JF Standard, CEFR, competence, skills

Конкурс устных выступлений на японском языке на Урале насчитывает более чем 10-летнюю историю, начало которой было положено в 2006 г. преподавателями японского языка кафедры востоковедения Уральского государственного университета (УрГУ) – Борисом Александровичем и Ксенией Алексеевной Караевыми. Изначально он задумывался с целью повышения мотивации и интереса к японскому

языку среди студентов вуза, поэтому состав его участников не выходил за университетские рамки, а сам Конкурс проходил в «камерной» обстановке учебной аудитории. В последние годы в связи с активизацией различных научных, деловых и спортивных мероприятий с международным участием в г. Екатеринбурге, а также на фоне интенсификации программ японско-российского академического обмена география участников мероприятия, а также его масштаб существенно расширились. Так, в XI Уральском конкурсе выступлений на японском языке, который прошел 17 марта 2018 г., приняли участие 44 человека из Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Красноярска. Кроме студентов вузов, чьим профилирующим предметом является японский язык, на нем смогли выступить учащиеся лингвистических центров, слушатели курсов японского языка, а также лица, изучающие японский язык самостоятельно.

Проведение подобных мероприятий на площадках вузов абсолютно целесообразно с точки зрения последних педагогических новаций и тенденций в сфере образования. Обзор федеральных образовательных стандартов 3 и 4 поколения позволяет констатировать переход от знаниево-ориентированного подхода к образованию к компетентностному [7]. С точки зрения данного подхода, в основе которого лежат такие понятия, как «компетенция», «компетентность», целевыми образовательными результатами являются уже не знания/умения/навыки как таковые, а способность применять их на практике, решать с их помощью разнообразные задачи в процессе жизненно-бытовой, профессиональной, научной деятельности.

То обстоятельство, что образование становится все более практически-ориентированным, находит свое отражение и в рекомендациях «Японского фонда», адресованных преподавателям японского языка, а также изучающим японский язык. «Джей-Эф Стандарт» [8], разработанный этой организацией на основе Общевропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR – Common European Framework of Reference) [5], акцентирует внимание на важности формирования продуктивных, рецептивных и интерактивных навыков в рамках коммуникативной языковой деятельности. Конкурс устных выступлений на японском языке, предусматривающий создание текста на японском языке, его устное воспроизведение в день конкурса, восприятие на слух вопросов по тематике выступления, задаваемых носителями японского языка, а также продуцирование коммуникативных построений в виде ответа на них, таким образом, способствует развитию всех вышеуказанных навыков в большей или меньшей степени.

Проблема развития навыков устной монологической речи на японском языке как метод обучения японскому языку находится в центре внимания не только японских специалистов, но все чаще поднимается и в исследованиях по лингводидактике и методике преподавания японского языка отечественных авторов – Н.Л. Максименко [4], А.С. Дыбовский [2], А.А. Буракова.

Кроме того, подготовка и проведение данного конкурса дает целый ряд преимуществ, как для самих участников, так и для их преподавателей.

Участие в конкурсе открывает студенту следующие возможности:

1. Дополнительные консультационные часы, индивидуальная работа с преподавателем.
2. Формирование/совершенствование навыков письменной речи.

3. Углубление понимания особенностей монологической речи на японском языке, структуры текста, логики изложения.

4. Освоение новой лексики и грамматики японского языка в дополнение к учебной программе.

5. Отработка произношения и интонации.

6. Приобретение опыта публичного выступления.

7. Преодоление языкового барьера, борьба с психологическими комплексами.

8. Повышение мотивации к дальнейшему изучению японского языка при продуктивном подходе к анализу результатов своего выступления.

Что касается роли Конкурса для преподавателя, то она сводится к следующему:

1. Получение нового опыта в качестве наставника конкурсанта (в том числе в преддверии подачи заявок на подобные мероприятия национального и международного масштаба).

2. Совершенствование навыков письменной речи (за счет необходимости проверки/исправления/вычитки текстов).

3. Оценка своей работы как преподавателя, более предметная диагностика слабых и сильных сторон студента.

4. Возможность установления более доверительных отношений со студентом при работе над общей задачей.

5. Получение отдачи и самоудовлетворения в случае успешного выступления конкурсанта.

XI Уральский конкурс выступлений на японском языке, прошедший в 2018 г. на площадке УрФУ при поддержке Посольства Японии в России, а также Уральской ассоциации преподавателей и переводчиков японского языка, Информационного культурного центра «Япония», Екатеринбургского отделения общества «Россия-Япония» и пр., оказался весьма масштабным мероприятием. С целью подведения итогов мероприятия, а также в рамках задачи оптимизации процесса его организации в дальнейшем, было проведено анкетирование среди студентов вуза, принявших очное участие в данном конкурсе. Участникам категории В и С было задано 20 вопросов относительно времени на подготовку к конкурсу, обращения к преподавателям, трудностей, с которыми сталкивались конкурсанты на всех этапах подготовки и выступления и т.д.

Какие же выводы можно сделать по итогам данного опроса? Во-первых, на основании приведенных участниками данных о количестве правок, вносимых в текст выступления до выработки финальной версии, а также времени, затраченного на каждом этапе предварительной работы, можно говорить о том, что подготовка к конкурсу выступлений на японском языке является исключительно трудоемким процессом. Согласно результатам опроса, в среднем каждый из участников обеих категорий корректировал свой текст около 5 раз (впрочем, были и ответы «10 раз» и «около 12 раз») в течение 2,6 недель. Из 10 участников – представителей УрФУ – 8 человек репетировали выступление с преподавателями в среднем 5–6 раз в течение почти 2 недель. С учетом отработки навыка ответов на вопросы к этому сроку можно прибавить еще, как минимум, 1 неделю. Помимо этого, учитывая тот факт, что 40% опрошенных оценили определение основной идеи выступления как

наиболее трудный элемент подготовки, следует предусмотреть некоторый запас времени и на разработку и согласование концепции выступления [3].

Принимая во внимание все вышеприведенное, а также то обстоятельство, что кафедры и департаменты вузов, на площадках которых проводятся подобные мероприятия, имеют относительно небольшую укомплектованность квалифицированными кадрами со знанием японского языка (в среднем – до 4 человек в региональном вузе), можно говорить о том, что активная фаза подготовки к конкурсу должна начинаться не позднее 3–2,5 месяцев до его начала.

Подготовка к Конкурсу проходит в следующие этапы:

1. Анонс конкурса;
2. Выбор темы;
3. Составление текста;
4. Заучивание текста;
5. Тренировка навыка ответа на вопросы.

Первый этап подготовки предусматривает информирование аудитории потенциальных участников о Конкурсе. На нем оглашаются условия подачи заявок, организаторы, партнеры и спонсоры мероприятия, а также правила его проведения, тематика выступлений (если таковая определена заранее). Анонс конкурса является документом, на который могут ссылаться участники отборочного и основного тура конкурса, поэтому важно составить его четко и максимально конкретно, исключая всякую возможность для разночтений. В анонсе помимо категорий и номинаций участников, правил и сроков подачи заявок следует обозначить ответственность за нарушение авторских прав и требования к контенту (исключить контент эротического и порнографического содержания, контент, способствующий разжиганию расовой, социальной, национальной, религиозной и иной ненависти и вражды, оскорбляющий других участников и т.д.) [1].

На следующем этапе желающим принять участие в конкурсе предстоит выбрать тему и определить основную мысль своего выступления. Классический формат спич-контеста предусматривает, что тема выступления выбирается самим участником. В этом случае, не будучи ограниченным никакими тематическими рамками, он может проявить всю полноту творчества. Однако опыт прошлых лет выявил склонность студентов к шаблонному мышлению и, как следствие, тяготение к однотипным темам (изучение японского языка, иероглифика и т.д.). В связи с этим в 2018 г. в экспериментальных целях решением оргкомитета конкурса для участников всех категорий тема была задана изначально. Ею стала «Родной край – Урал». Это, с одной стороны, исключило проблему выбора темы и, таким образом, упростило задачу участникам начальной категории. С другой стороны, участники среднего и продвинутого уровня столкнулись с большими сложностями при раскрытии темы, так как к их текстам предъявляются повышенные требования. В отличие от текстов участников категории начинающих, которые допускается составлять в описательно-повествовательном ключе, участники средней и продвинутой категорий при работе над текстами выступлений должны продемонстрировать творческий подход, отразить рассуждения и выводы, сделанные на основе личного опыта. Поэтому неудивительно, что, согласно результатам про-

веденного опроса, наибольшую сложность при составлении текстов выступлений у участников средней и продвинутой категории вызвала именно «привязка к теме», «раскрытие заданной темы в соответствии с требованиями по глубине содержания» [3].

Учитывая наличие подобных трудностей, активное подключение преподавателя к работе над концепцией выступления требуется уже на самых ранних этапах подготовки. 9 из 10 опрошенных прибегали к помощи преподавателей на этапе определения основной идеи выступления, и все они высказались, что «концепция выступления после консультаций с преподавателями изменилась в лучшую сторону». Звучали и такие комментарии, что «преподаватели подсказывали интересные идеи» и «задавали очень хорошие наводящие вопросы», помогающие выстроить логику изложения [3].

Таким образом, важной функцией преподавателя является оценка перспективности выбранной студентом темы (если она не определена заранее), соответствия представленных идей специфике жанра устных выступлений на японском языке, помощь студенту в определении путей раскрытия темы. Комментируя удачные и неудачные, с его точки зрения, находки и изыскания студента и задавая наводящие вопросы, преподаватель упорядочивает ход мыслей учащегося, выстраивает предварительную структуру работы, а также ненавязчиво предлагает альтернативные варианты взамен не слишком удачных.

Третьим этапом работы является создание текста. Целесообразно разделить данный этап на несколько подэтапов:

- 1) Определение структуры текста, составление плана.
- 2) Попытка самостоятельного написания текста студентом.
- 3) Беседа с преподавателем: обсуждение структуры, соответствия содержания теме.
- 4) Исправление замечаний преподавателя.
- 5) Беседа с преподавателем: обсуждение сбалансированности частей текста, обоснованности выбора средств выразительности, прослеживаемости основной мысли выступления на протяжении всего изложения.
- 6) Исправление замечаний преподавателя (до достижения удовлетворительного состояния).

Написание текста без преувеличения можно назвать одним из наиболее сложных, требующих самоотдачи как от студента, так и от преподавателя, элементов подготовки к конкурсу. Согласно результатам проведенного опроса, в целом сложности с созданием текста на японском языке сводятся к следующему:

1. Структурирование текста, деление на части, выстраивание логики высказывания.
2. Формулирование главной мысли выступления, недопущение отхода от нее.
3. Организация текста в соответствии со спецификой жанра устных выступлений на японском языке.
4. Привязка к заданной теме, раскрытие заданной темы в соответствии с требованиями по глубине содержания.
5. Подбор примеров и аргументация.

6. Преодоление мыслепорождения «по-русски», буквальный перевод.

7. Использование доступных средств для выражения своих мыслей.

8. Скудость словарного запаса, недостаточное владение грамматикой японского языка.

При этом большинство опрошенных как в средней, так и в продвинутой категории отметили, что наибольшие трудности на этапе подготовки текста помимо уже названных «привязки к теме» и «раскрытия заданной темы в соответствии с требованиями по глубине содержания» у них вызвало структурирование текста, деление его на части, выстраивание логики высказывания. Данная проблема, на наш взгляд, носит массовый характер, и трудности, связанные с речевым продуцированием, возникают у молодого поколения не только в отношении иностранного языка, но так же и своего родного. Деградация устной/письменной речи способствует и переход на систему ЕГЭ, предполагающую преобладание заданий тестового типа, упрощение аттестационных и вступительных испытаний в школах и вузах и т.д. В качестве корректирующей меры может быть предпринято более активное применение на занятиях по японскому языку заданий открытого типа, творческих заданий, связанных с выражением своих мыслей на японском языке, а также заданий, направленных на формирование переводческой компетенции. Впрочем, и проведение конкурсов переводов, конкурсов выступлений на японском языке, круглых столов и других подобных мероприятий на регулярной основе способствует совершенствованию навыков письменной и устной речи студентов на японском языке, что позволяет эффективно бороться с недостатками учебного процесса и системы образования в целом.

Следующей по сложности задачей, с которой столкнулись студенты в рамках подготовки к конкурсу выступлений на японском языке, стало приведение текста в соответствие со спецификой жанра устных выступлений на японском языке.

Устное выступление на японском языке, как справедливо отмечает Н. Л. Максименко, представляет собой сложное многоуровневое построение, сочетающее в себе социокультурные и лингвострановедческие особенности японского языка. Жанр устных выступлений на японском языке имеет свои особенности, отличающие его от устных выступлений на европейских языках [4, 6].

Среди особенностей жанра можно отметить:

1) Структурированность текста.

Традиция структурировать текст в соответствии с жесткими ограничениями восходит еще к классической китайской поэзии, представлявшей собой четверостишия по 5 (гогондзэку) или 7 (ситигондзэку) иероглифов в каждой строке. Каждая из 4 строк четверостишия обозначала определенную ступень развития сюжета: «кику» (起句) – начало, зачин повествования, «сё:ку» (承句) – развитие сюжета, «тэнку» (轉句) – его неожиданный поворот, четвертая «кэку» (結句) – завершение, конец повествования. Схема «Ки Сё: Тэн Кэцу» (起承轉結) не утратила своей актуальности и продолжает использоваться для организации текста и в настоящее время. В современной адаптации «тэн» (轉) все чаще означает не событийный поворот сюжета, а оценку ситуации с другой точки зрения, изложение собственных наблюдений, мыслей, рассуждений [11], поэтому в целом данные

принципы структурирования текста применимы и для текста устного выступления на японском языке.

Помимо жесткой структуры, к воспроизводимому тексту на японском языке, предъявляются следующие требования:

2) Строгая логика изложения, проговаривание всей цепи рассуждения (отсутствие взаимного противоречия различных частей текста, правильность подбора связующих конструкций (причинные и противительные союзы, обобщающие конструкции, дополняющие конструкции и т.д.);

3) Ясность аргументации;

4) Конкретика: наличие примеров, подкрепляющих убедительность;

5) Прием возврата в финальной части речи к первоначальной мысли;

6) Отражение личного опыта/рассуждений на тему;

7) Обращение к аудитории, призыв к действию;

Незнание же такой специфики и отсутствие опыта общения с носителями языка приводит к стремлению студентов просто скалькировать технику написания сочинения на русском языке и перенести ее на текст на японском языке без каких-либо структурно-композиционных изменений. Неудивительно, что, как правило, ни одна работа студента не бывает принята с первого предъявления. В представляемых ими текстах имеются проблемы с логикой изложения, часто наблюдается отход от основной мысли высказывания, либо повторы уже сказанного ранее. В связи с этим, мы считаем необходимым знакомить студентов с особенностями структурно-композиционного оформления текста на японском языке уже на ранних этапах обучения и закреплять полученные знания на практике, давая как можно больше заданий на отработку навыков письменной речи (перевод с русского языка на японский, сочинения, эссе и т.д.). Наличие данной проблемы в очередной раз подчеркивает важность применения аутентичных учебных материалов на японском языке. Например, в учебнике серии “NewApproach” для средне-продвинутого уровня имеются задания на чтение больших текстов, составленных по материалам нескольких уроков, где учащиеся не только читают текст, но и структурируют его по содержанию в соответствии с вышеприведенным принципом «Ки Се: Тэн Кэцу» [10].

Помимо недостаточного понимания особенностей структурно-композиционного оформления высказывания на японском языке и других особенностей этого жанра, внимание на себя обращают следующие трудности, указанные самими участниками конкурса:

1. Тяготение к буквальному переводу на японский язык.

2. Отсутствие навыка выражать свои мысли на японском языке доступными средствами (изученной лексикой и грамматикой), злоупотребление малоиспользуемой лексикой, использование лексики и грамматики без учета контекстуальных особенностей их употребления.

Буквальный перевод текста на русском языке на японский язык является результатом отсутствия навыка сопоставления языковых структур с мыслительными структурами, характерными для носителей японского языка. Для коррекции такого недостатка представляется исключительно целесообразным применение мето-

дики преподавания японского языка, разрабатываемой, например, У. П. Стрижак [6]. В основе этой методики лежит лингвокогнитивный подход, с точки зрения которого язык является средством познания действительности, а, значит, дает представление о языковой картине мира его носителей. Изучая иностранный язык, важно сосредоточиться не на формальной стороне языковых структур, а на их содержательной стороне, анализируя связь между лексическими и грамматическими формами, с одной стороны, и особенностями мышления, национальным характером их носителей, с другой.

Что касается сложностей с выражением своих мыслей доступными языковыми средствами и проблемы развития компенсаторной языковой компетенции, решением может стать вовлечение как можно большего количества инициативных студентов в активное взаимодействие с носителями японского языка, которые не владеют русским языком, или сознательно отказываются использовать русский и английский языки во время такого общения. Как правило, приглашенные преподаватели из Японии и студенты по обмену испытывают в России целый ряд разнообразных жизненно-бытовых трудностей. В этом случае возникают возможности для взаимовыгодного обмена: студент предлагает носителю свою помощь и способствует решению его проблем, а сам он развивает речевые навыки, а также навык применения доступных языковых средств и стратегий, позволяющих справляться с ситуациями языкового незнания. В нашем вузе такая практика существует уже около 2 лет. Студенты, которые регулярно общаются с носителями языка, не только демонстрируют прогресс в японском языке, но и проявляют находчивость в подборе языковых средств и невербальных коммуникативных элементов.

В целях борьбы со злоупотреблением студентами малоиспользуемой лексики, следует провести критический разбор словарей и справочников, которыми они пользуются, рекомендовать уточнять значение слов по толковому словарю и примерам их употребления, а также активнее внедрять в образовательный процесс практику преподавания контекстуальных особенностей семантически схожих лексических и грамматических структур.

Помимо тех сложностей, которые были указаны респондентами в ходе опроса, преподавателями была сформулирована и еще одна проблема – восприятия учащимися критики. В целом, она сводится к двум моментам:

1) правки преподавателя кажутся студенту излишними, искажающими первоначальный смысл;

2) студент считает, что вмешательство преподавателя умаляет его собственные заслуги в случае успеха.

Данная проблема, на наш взгляд, может быть преодолена только экспериментальным путем. Как правило, после того, как студент впервые поучаствует в конкурсе выступлений на японском языке, его представление о том, какой должна быть речь, как следует воспринимать замечания преподавателей, как правильно подать себя на сцене, меняется в позитивную сторону. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что по итогам конкурса абсолютно все участники, которые взаимодействовали с преподавателями, высоко оценили работу преподавателей и отметили их положительную роль в деле создания текста. По мнению боль-

шинства респондентов, качество текста после правок преподавателей улучшилось с точки зрения стиля изложения, подбора средств выразительности, приведения языковых структур к лексической сочетаемости [3].

Следующим этапом подготовки к конкурсу выступлений является заучивание текста и репетиция его воспроизведения. Запоминание большого объема текста само по себе может стать проблемой для студентов с плохой памятью. 20% опрошенных назвали заучивание текста наиболее сложным этапом подготовки [3]. Вариантом коррекции данной проблемы в долгосрочной перспективе является применение заданий на заучивание диалогов (1–2 курс) и нерифмованных текстов (3–4 курс). Для тех из студентов, кто ответственно выполняет такие задания систематически, по их собственным словам, запоминание текста для конкурса выступлений на японском языке не составило большого затруднения.

По просьбе студента текст выступления начитывается компетентным российским преподавателем либо носителем языка на цифровой носитель. Запоминание текста осуществляется с опорой на запись, сделанную в соответствии со всеми правилами постановки интонации и акцентуации. Параллельно происходит отработка произношения и интонации с преподавателем. По нашим наблюдениям, наиболее проблемным является корректировка специфического регионального говора. Сначала студент учится корректно воспроизводить свою речь с опорой на текст. Впоследствии указанные навыки отрабатываются на заученном материале. Дополнительным средством их совершенствования могут стать специализированные компьютерные программы, например, программа OJAD Suzukikun [9], с помощью которой можно самостоятельно контролировать свое произношение. Данное программное обеспечение абсолютно незаменимо в условиях отсутствия носителя языка. По данным проведенного опроса, наиболее полезным для участников конкурса в репетициях выступления с преподавателями оказалась помощь наставника в расстановке пауз и акцентов (3,35 из 5), отработка интонации и произношения (2,6 из 5).

Наконец, последним этапом подготовки к конкурсу является отработка навыка ответа на вопросы. Ответ на вопросы представляет собой наиболее сложный для участника конкурса элемент выступления в силу непредсказуемости вопросов и необходимости воспроизводить неподготовленную речь на японском языке. Однако данный навык также можно тренировать. Эффективным решением этой проблемы является составление как можно большего количества вопросов на японском языке, а также универсальных (подходящих сразу к нескольким вопросам) ответов на них. Также целесообразно подготовить студента на случай, если он не сможет ответить на вопрос. Следует продумать вежливую формулировку, которую он сможет использовать в чрезвычайной ситуации для того, чтобы отказаться отвечать, и при этом не потерять лицо. 8 из 10 опрошенных отрабатывали данный навык ответа на вопросы с преподавателями на финальном этапе подготовки. Лишь один человек отказался от репетиций по причине уверенности в своих силах и отсутствия необходимости в подобном. 7 человек оценили качество ответов на вопросы в день конкурса положительно, поставив себе оценку «хорошо», двое посчитали, что не справились, и еще один респондент указал

на промежуточный результат – «неважно». Анализируя причины успеха более половины опрошенных 57%) назвали «хорошую подготовку», 29% – «хорошее знание японского языка», остальные указали субъективные внешние факторы.

Не мог не порадовать тот факт, что в день выступления большинство студентов УрФУ, действительно, неплохо справились с вопросами. Ни один из респондентов не отметил «понимание вопроса» как самый сложный элемент этого этапа выступления. Наибольшую трудность составили необходимость «быстро продумать содержание ответа» 50% опрошенных), а также задача «говорить, параллельно отслеживая грамотность речи, и подбирая соответствующие грамматические и лексические структуры» 50%). Эти данные позволяют сделать вывод о целесообразности включения в учебную программу большего количества заданий на тренировку навыков спонтанной речи на японском языке.

Что касается оценки респондентами данного мероприятия в целом, то 100% опрошенных расценивают свое участие в нем как позитивный опыт, 60% отмечают, что благодаря выступлению они смогли преодолеть стеснение и неуверенность в своих силах, еще около половины респондентов высказываются, что им понравилось работать в творческой обстановке и взаимодействовать с преподавателями.

Все респонденты отметили положительную роль участия в конкурсе в отношении углубления знаний в области японского языка и совершенствования речевых навыков. В ответ на вопрос: «В чем в наибольшей степени Вам оказалось полезным участие в конкурсе?» большинство указало «Расширение словарного запаса, освоение новой лексики» (1 место), «Углубление понимания структуры предложения, освоение новой грамматики» (2 место), «Совершенствование навыка письменной речи на японском языке, Углубление понимания структуры текста на японском языке» (3 место), «Улучшение произношения и интонации, Тренировка навыка неподготовленной речи на японском языке (при ответе на вопросы)» (4 место), «Улучшение восприятия речи на японском языке на слух» (5 место), «Преодоление языкового барьера / боязни ошибки» (6 место) [3].

Резюмируя все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что такие мероприятия как Конкурс выступлений на японском языке трудно переоценить как с точки зрения совершенствования навыков устной/письменной речи, так и с точки зрения повышения учебной мотивации и получения положительного эмоционального заряда его участниками и организаторами. По итогам прошедшего 17 марта 2018 г. в стенах Уральского федерального университета XI Уральского конкурса выступлений на японском языке были выявлены основные трудности и проблемные ситуации, с которыми сталкиваются участники и курирующие их преподаватели на этапе подготовки к мероприятию. Ввиду наличия большого количества таких трудностей и учитывая тот факт, что в современной системе образования развитию творческого начала личности не уделяется должного внимания, активное подключение преподавателя к процессу создания текста требуется уже на начальных стадиях подготовки при обсуждении идеи выступления. В целом, анализ данных, полученных при анкетировании участников, позволяет сделать вывод о необходимости внедрения в учебную программу заданий творческого типа, направленных на повышение общей грамотности, развитие навыков речево-

го продуцирования (как подготовленного, так и неподготовленного), а также способности учащихся к интерактивным действиям на японском языке.

Литература

1. Анонс XI Уральского конкурса выступлений на японском языке. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/vostok_urfu?w=wall-49334833_1223 (дата обращения: 15.01.2018)
2. Дыбовский А. С. Некоторые особенности стиля устного публичного выступления в современном японском языке // Известия восточного института. 1997. № 5. С. 62–68.
3. Личный архив авторов. Результаты анкетирования участников очного тура XI Уральского конкурса выступлений на японском языке (студенты УрФУ) от 18.04.2018.
4. Максименко Н. Л. Обучение выступлению как виду подготовленной монологической речи студентов языкового вуза (японский язык, начальный этап): автореф. дис.... канд. пед. наук / Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский, 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.disscat.com/content/obuchenie-vystupleniyu-kak-vidu-podgotovlennoi-monologicheskoi-rechi-studentov-yazykovogo-vu> (дата обращения: 10.02.2018)
5. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. [Электронный ресурс] URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKewjc5rDGgYTYAhWmHJoKHdbJDhYQFggqMAA&url=http%3A%2F%2Flearn-teachweb.ru%2Farticles%2Feurcomp.doc&usg=AOvVaw10Tb5XtZfJYz4xmtno0yif> (дата обращения: 23.01.2018)
6. Стрижак У. П. Лингвокогнитивные основы обучения японскому языку: особенности японского мировидения // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов. М., 2015. С. 645–648.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, уровень высшего образования бакалавриат, направление подготовки 41.03.03 востоковедение и африканистика. [Электронный ресурс] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/410303_Vostok.pdf (дата обращения: 17.01.2018)
8. JF 日本語教育スタンダード Джэй Эф нихонго кё:ику станда:до Стандарт преподавания японского языка Японского Фонда [Электронный ресурс] URL: <https://jfstandard.jp/summary/ja/render.do> (дата обращения: 23.01.2018)
9. 韻律読み上げチューター鈴木君 Инрицу ёмиагэ тью:та Сузуки-кун (Диктор Сузуки) [Электронный ресурс] URL: <http://www.gavo.t.u-tokyo.ac.jp/ojad/jpn/phrasing/index> (дата обращения: 5.03.2018)
10. 小柳昇 「ニューアプローチ中上級日本語」。東京、株式会社語文研究者、2009 P. 117. Коянаги Нобору. Нью: апро:ти тью:дзё:кю: нихонго. Токио: Гобункэнкю:ся, 2009. 117 с.
11. 小論文・レポートの書き方。起承転結の意味は？セ:ромбун рэпо:то-но какиката. Ки Сё: Тэн Кэцу-но ими ва? (Учимся писать небольшие исследовательские работы и отчеты. Что означает Ки Сё: Тэн Кэцу?). (URL: <https://shouronbun.com/kishotenketsu.html>) (дата обращения 26.02.2018).

References

- Anons XI Ural'skogo konkursa vystuplenii na iaponskom iazyke.* [Announcement of the XI Ural Japanese language Speech Contest] [Elektronnyi resurs] URL: https://vk.com/vostok_urfu?w=wall-49334833_1223 (data obrashcheniia: 15.01.2018)
- Dybovskii, A. S. (1997). Nekotorye osobennosti stilii ustnogo publichnogo vystupleniia v sovremen-nom iaponskom iazyke [Some features of the style of oral public speaking in modern Japanese]. In *Izvestiia vostochnogo instituta*. 1997. No. 5, pp. 62–68.
- Lichnyi arkhiv avtorov. Rezul'taty anketirovaniia uchastnikov ochnogo tura XI Ural'skogo konkursa vystuplenii na iaponskom iazyke (studenty UrFU) ot 18.04.2018.* [The personal archive of the authors. The results of the survey of participants of the full-time round XI Ural Japanese language Speech Contest (Urfu students) from 18.04.2018.]
- Maksimenko, N. L. (2009). *Obuchenie vystupleniiu kak vidu podgotovlennoi monologicheskoi rechi studentov iazykovogo vuza (iaponskii iazyk, nachal'nyi etap): avtoref. dis.... kand. ped. nauk* [Training the speech as prepared monologue speech of students of linguistic higher educational institution (Japanese language, elementary stage): author. dis.... kand. PED. sciences']/ Kamchatskii gosudarstvennyi univer-

sitet im. Vitusa Beringa. Petropavlovsk-Kamchatskii. URL: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-vystupleniyu-kak-vidu-podgotovlennoi-monologicheskoi-rechi-studentov-yazykovogo-vu> (mode of access: 10.02.2018)

Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniia inostrannym iazykom: Izuchenie, obuchenie, otsenka [Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment]. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwj5rDGgYTYAhWmHJoKHdbJDhYQFggqMAA&url=http%3A%2F%2Flearnweb.ru%2Farticles%2Feurcomp.doc&usq=AOvVaw10Tb5XtZfJYZ4xmtno0yif> (mode of access: 23.01.2018)

Strizhak, U. P. (2015). Lingvokognitivnye osnovy obucheniia iaponskomu iazyku: osobennosti iaponskogo mirovideniia [Linguistic and cognitive foundations of learning the Japanese language: especially Japanese worldview]. In *Iazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiia: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow. pp. 645-648.

Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia, uroven' vysshego obrazovaniia bakalavriat, napravlenie podgotovki 41.03.03 vostokovedenie i afrikanistika [Federal state educational standard of higher education, bachelor's degree level, field of study 41.03.03 Oriental studies and African studies.]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/410303_Vostok.pdf (mode of access: 17.01.2018).

JF nihongo kyo:iku standa:do. Standart prepodavaniia iaponskogo iazyka Iaponskogo Fonda [JF Standart for Japanese-language Education]. URL: <https://jfstandard.jp/summary/ja/render.do> (mode of access: 23.01.2018)

Inritsu emiage chyu:ta Suzuki-kun (Diktor Suzuki) [Prosodic reading aloud tutor Suzuki] [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.gavo.t.u-tokyo.ac.jp/ojad/jpn/phrasing/index> (mode of access: 5.03.2018)

Koianagi Noboru (2009). *Nyu: apuro:chi chu:jo:kyu: nihongo* [New approach middle-advanced Japanese]. Tokyo, Gobunkenkyu:sha. 117 p.

Se:rombunrepo:to-no kakikata. Ki Se: Ten Ketsu-no imi va? (Uchimsia pisat' nebol'shie issledovatel'skie raboty i otchety. Chto oznachaet Ki Se: Ten Ketsu?) [How to write essays and reports. What is the meaning of relocation?]. (URL: <https://shouronbun.com/kishotenketsu.html>) (mode of access: 26.02.2018)

The article was submitted on 16.05.2018

Д. В. Семина

АНАЛИЗ ВЫБОРА ТЕМЫ И НАЗВАНИЯ СПИЧА НА ПРИМЕРЕ ПОБЕДНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В РАМКАХ КОНКУРСОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация: Статья посвящена анализу выбора темы и названия спича для успешного участия в конкурсах выступлений на японском языке среди иностранных студентов. В статье приводятся рекомендации по выбору темы выступления, рассматриваются наиболее часто используемые приемы оформления названия, а также представлен сравнительный анализ функций разных заголовков. Автор приводит примеры основных конструкций оформления названия, а также выявляет их преимущества и недостатки. В качестве примеров были использованы спичи, представленные на Международном конкурсе выступлений на японском языке среди иностранцев в Японии и Московском международном конкурсе выступлений на японском языке среди студентов.

Ключевые слова: японский язык, спич контекст, публичное выступление, заголовок спича, тема спича, спич-мнение

Daria V. Semina

THE ANALYSIS OF SELECTING SPEECH TOPIC AND TITLE THROUGH THE EXAMPLE OF WINNING SPEECHES WITHIN JAPANESE SPEECH CONTESTS AMONG FOREIGN STUDENTS

Summary: The article is devoted to the analysis of selecting speech topic and title for successful participation in Japanese speech contests among foreign students. The article gives some recommendations on selecting the speech topic and reviews of mostly used methods of the title creation. It presents comparative analysis of the titles for different speeches. The author gives the examples of general constructions of the title design and reveals their advantages and disadvantages. As the examples were taken the speeches represented at the International Japanese speech contest among foreigners in Japan and Moscow international Japanese speech contest among students.

Key words: Japanese language, speech contest, public speech, speech title, speech topic, speech-opinion

Существует пословица 名は体を表す (na wa tai wo arawasu) «имя определяет предмет». [7] Говоря о спич-контекстах, нельзя утверждать, что именно название является основополагающим критерием оценки, однако тема и правильно подобранный заголовок могут быть довольно весомыми факторами. Некоторые опытные участники подобных конкурсов могут с легкостью выделить наиболее удачные темы в конкретном наборе выступлений. И хотя нет единой правильной системы выбора темы, мы проанализируем основные закономерности и наиболее используемые приемы оформления названия для спича.

Исследователи Касахара Ююо и Кояма Синдзи выделяют выбор темы как первый среди шести основных критериев оценки выступления участника, среди которых также есть «выбор информации», «упорядочение информации», «структура основной части», «структура вступления и вывода» и «правильность выражения мысли». [5, с. 20]

Согласно исследователю Симосегава Кейко, все публичные выступления условно можно поделить на 3 типа, а именно: информационная речь: 情報のスピーチ (jo:ho: no supi:chi); речь, выражающая мнение: 意見のスピーチ (iken no supi:chi); спич-общение: 社交目的のスピーチ (shako: mokuteki no supi:chi). [6, с. 38]

В рамках спич-контестов особый интерес представляет спич-мнение. Это обусловлено природой данного типа выступления. Во-первых, основной целью является оказание наибольшего влияния на мировоззрение и отношение слушателя к той или иной проблеме. Во-вторых, основным аспектом оценки является убедительность выступления и активная позиция самого автора. Данные факторы удовлетворяют целям и задачам любого спич-контеста.

В ходе анализа спичей победителей были выявлены следующие приемы:

1. Создание реверс ситуации, подразумевающей воспоминания и размышления автора. Именно реверс обеспечивает автору возможность свободного применения всех средств языка, не ограничиваясь нейтрально-вежливыми рамками публичного дискурса. Так, в основной части спича авторы избегают использования частиц усиления категоричности, таких как よ (yo) или ぞ (zo), поэтому единственной оправданной возможностью эмоционального самовыражения является прямая речь в рамках реверса.

2. Лексико-грамматическое обозначение перехода из одного состояния в другое. В удачном спиче должно проследиваться движение автора от некоей затруднительной или непонятной ситуации к ее разрешению и получению некоего опыта (経験 – keiken). Данный переход обеспечивается такими средствами, как использование вспомогательных глаголов направленности по отношению к ориентиру てくる – teiru · ていく – teiku (например, 少しずつ学んでいきました – sukoshizutsu manandeikimashita – постепенно я научился, 僕の日本語もかなり上達してきました – boku no nihongo mo kanari jo:tatsu shitekimashita – мой японский стал значительно лучше, 日本で生活していくうちに私の考え方も少しずつ変わっていきました – nihon de seikatsu shiteiku uchini watashi no kangaekata mo sukoshizutsu kawattekimashita – пока я жил в Японии, мой взгляд на вещи тоже постепенно менялся), конструкций изменения состояния, возможности или условияになります – ni narimasu · るようになりました – ruyo:ni narimashita (気をつけるようになりました – ki wo tsukeru yo:ni narimashita – я стал внимательнее, 理解するようになりました – rikaisuru yo:ni narimashita – я начал понимать), слов с лексическим значением перехода из одного состояния в другое できました – dekimashita (смотр), 習いました – naraimashita (научился), 学びました – manabimashita (научился), 気付きました – kizukimashita (заметил), 再発見しました – saihakken shimashita (пересмотрел), 分かりました – wakarimashita (понял): 三つの大切なことを学びました – mitsu no taisetsuna koto wo manabimashita – я поняла три важные вещи, このとき初めて分かりました – konotoki hajimete wakarimashita – в этот момент

я впервые понял, いろんな経験と友達ができました – ironna keiken to tomodachi ga dekimashita – я приобрел различный опыт и новых друзей;

3. Использование техники закольцевания спича.

4. Автор, таким образом, подводит итог своим исканиям, обозначенным в самом начале. Это в свою очередь открывает возможности для использования различных средств выразительности, особенно шуток и игры слов. Задача автора состоит в том, чтобы употребить в конце те же слова или словосочетания, с которых начинался спич, чтобы напомнить аудитории о точке отсчета и пути, который он прошел до конечного пункта своего повествования.

Все перечисленные средства свидетельствуют о том, что в качестве темы спича следует выбирать не просто тему, интересную слушателям, но и одновременно интересную самому говорящему, отражающую его искания и изменения в мировоззрении, его призыв аудитории, основанный на собственном осознании некой проблемы и нахождении ее решения. На сегодняшний день спич-контеcт имеет поддержку во всем мире и призван способствовать укреплению взаимопонимания разных народов в условиях стремительной глобализации, а также популяризации концепта мира во всем мире. Таким образом, тема выступления призвана быть актуальной, иметь некий положительный духовно-нравственный призыв, урок, пример, а также отражать самого автора в рамках выбранной темы.

Заголовки играют важную роль в восприятии и понимании речи публикой. Они могут заинтересовать читателя либо оставить равнодушным, от чего будет зависеть дальнейшее отношение читателя к сообщению. Название текста, иначе его заголовок, является коммуникативной единицей, которая связывает автора с адресатом.

Перед тем, как составить заголовок к спичу, автору необходимо решить какую именно функцию он хочет реализовать с помощью того или иного названия. От этого зависят приемы и средства выразительности, которые можно применить в рамках названия к выступлению.

Название текста может выполнять следующие функции:

1. Номинативная, когда название обозначает текст в чистом виде, чаще всего проявляется в форме имени существительного в И. П. Таким образом, само название приравнивается к имени собственному, однако в то же время является неразрывной частью текста.

2. Информативная или функция проспекции, когда название обозначает содержание текста либо дает читателю определенные сведения о нем.

3. Рекламная, основной его целью является привлечение наибольшего внимания аудитории к тексту. Иными словами, такое название призвано заинтриговать и заинтересовать, обеспечить внешнюю занимательность.

4. Оценочная, когда название изначально является выразителем мнения и идей автора. [4, с. 99]

Рассмотрим наиболее яркие примеры выполнения данных функций посредством названия, а также средства выразительности и приемы, за счет которых данные функции реализуются. В качестве примеров нами были взяты темы, представленные на Международном конкурсе выступлений на японском языке среди

иностранцев в Японии [8] и Московском международном конкурсе выступлений на японском языке среди студентов. [9]

Примерами реализации **номинативной функции** служат такие названия, как:

外交家 (gaiko:ka) – «Дипломат»

マイケルジャクソン (maikeru jakuson) – «Майкл Джексон»

時間の大切さ (jikan no taisetsusa) – «Важность времени»

日本語の面白さ (nihongo no omoshirosa) – «Чем интересен японский язык».

Функция данного названия номинативна. Слово 面白さ (omoshirosa) является существительным, образованным от предикативного прилагательного 面白い (omoshiroi). Существительное представлено в И.П. и обозначает тему и дальнейшее содержание речи, а именно, интересные аспекты японского языка. Заголовок представляет собой словосочетание, образованное посредством атрибутивной частицы の (no), связывающей два имени существительных определительной связью партитивного характера.

Информативную функцию выполняют такие заголовки, как: 日本人と友達になるには (nihonjin to tomodachi ni naru ni wa) – «Подружиться с японцем». Данное название осведомляет читателя/слушателя о дальнейшем содержании речи. Особенность самого заголовка состоит в том, что вместо субстантивации автор использует сочетание коммуникативных частиц には (niwa), которая наряду с とは (towa) используется в определении тех или иных дефиниций, на русский язык переводится как «означает», «если говорить о». Таким образом, автор использует прием умолчания и одновременно сообщает дальнейшее содержание спича.

僕の生まれたところは (boku no umareta tokoro wa) – «Место, где я родился».

Название также осведомляет читателя/слушателя о дальнейшем содержании спича. В данном заголовке автор вводит в предложение субстантиватор ところ (место), однако не заканчивает предложение на нем, а добавляет коммуникативную частицу は (wa). Данная частица обозначает в предложении топик, тему предложения. Таким образом, автор вводит тему спича в заголовке и использует прием умолчания.

Рекламную функцию представляют такие заголовки, как: トイレから垣間見た日本人の心 (toire kara kaimamita nihonjin no kokoro) – «Японская душа, которую я подглядела из туалета». Данное название привлекает внимание читателя за счет различных графических и лексических средств выразительности, при этом дальнейшее содержание речи остается нераскрытым. Основная цель данного заголовка – заинтриговать читателя.

22歳のおばさん (niju:nisai no obasan) – «22-летняя тетя». Данное название выполняет рекламную функцию за счет своеобразного оксюморона, намеренного использования противоречия для создания стилистического эффекта, лишь намекая слушателю/читателю, о чем пойдет речь, однако не раскрывая всю суть.

Оценочная функция представлена немногочисленными заголовками, такими как 日本の奥さんはすごい! (nihon no okusan ha sugoi!) – «Японская жена поразительна!». В данном заголовке автор намеренно использует эмоционально-оценочную лексику в виде прилагательного すごい. С целью подчеркнуть свое мнение, он также использует восклицательное предложение, тем самым повышая коммуникативность самого названия.

В ходе статистического подсчета выявленных функций названий речей, было установлено, что самыми редкими являются оценочные заголовки, затем идут номинативные, способствующие аудиовизуальному сокращению и упрощению заголовка для публики, а самые распространенные названия – это рекламные и информативные. (см. Диаграмма 1)

Диаграмма 1

Таким образом, при подготовке заголовка к речи следует придерживаться информативных или рекламных функций. Оценочные названия среди победителей встречаются довольно редко. Это обусловлено тем, что японский язык считается曖昧 (aimai), двусмысленным, уклончивым, что подразумевает смягчение оценочно-маркированных высказываний. Таким образом, в названиях чаще всего превалирует не оценочная, а осведомительная функция, что достигается не категоричностью форм, модальной смягченностью речи, абстракцией и избеганием резких оценок.

При оформлении самого заголовка следует принять во внимание наиболее часто используемые приемы построения конструкции. Нами были выявлены следующие закономерности оформления названий спичей.

1. Относительные предложения и атрибутивные конструкции

В заголовках к спичам чаще всего используются относительные предложения и атрибутивные конструкции, образованные посредством определительной частицы の (no) поссесивного, партитивного, локативного, аппозитивного и других видов, а также с использованием субстантивации.

時間の大切さ (jikan no taisetsusa) – Важность времени

22歳のおばさん (niju-nisai no obasan) – 22-летняя тетья

翻訳の芸術 (honyaku no geijutsu) – Искусство перевода

不滅の人間 (fumetsu no ningen) – Бессмертный человек

日本語の面白さ (nihongo no omoshirosa) – Чем интересен японский язык

Японский язык является языком с последовательным левым ветвлением, таким образом, во всех типах конструкций составляющее-зависимое следует строго перед вершиной. Посредством анализа заголовков речей было выявлено, что большинство названий представляет собой относительные предложения, в которых предикативное определение предшествует определяемому, выраженному существительным или субстантиватором. Таким образом, большинство победных названий сосредоточено на мишени релятивизации, когда в придаточном предложении обозначается ситуация, участником которой является определяемое, или признак, носителем которого оно является. В основном массиве заголовков мишенью релятивизации является прямое дополнение или актант, иначе подлежащее, а относительное придаточное выражено индикативной неадрессивной финитивной формой глагола.

Рассмотрим примеры подобных названий:

日本の高齢化から学ぶもの (nihon no ko:reika kara manabu mono, рус. то, чему меня учит старение японского населения). Мишенью релятивизации является もの (mono – вещь, предмет, нечто), выполняющее роль субстантиватора, способствующего приведению всего предложения к существительному. Если переставить члены предложения иным образом, мы получим: 日本の高齢化からものを学ぶ。もの является прямым дополнением, так как его признаком выступает оформление при помощи аккузатива, а именно послелога を (wo).

縁側から始まる日韓交流 (engawa kara hajimaru nikkau ko:gyu:, рус. японо-корейские отношения, начинающиеся с веранды). Мишенью релятивизации является 日韓交流 (nikkau ko:gyu: – японо-корейские отношения), являющееся подлежащим (актантом) предложения. Если переставить члены предложения иным образом, мы получим: 縁側から日韓交流が始まる (engawa kara nikkau ko:gyu: ga hajimaru).

日本とロシアの文化における迷信 (nihon to roshia no bunka ni okeru meishin). Мишенью релятивизации является 迷信 (meishin – суеверия), являющееся подлежащим (актантом) предложения. Если переставить члены предложения иным образом получим: 迷信が日本とロシアの文化における (meishin ga nihon to roshia no bunka ni okeru).

Приведем другие названия данного вида:

馬の二つの耳の間から見える世界 (uma no futatsu no mimi no aida kara mieru sekai) – Мир между ушами.

異文化コミュニケーションに役立つ数字 (ibunka komyunike:shon ni yakudatsu su:ji) – Значение чисел – шаг к пониманию другой культуры.

ホームレスに学んだ日本人の精神 (ho:muresu ni mananda nihonjin no seishin) – Японский дух, которому я научилась у бездомных.

Данный вид синтаксической связи также обеспечивает недосказанность в рамках японской традиции коммуникации, что отличает ее от западной формы заголовков. Западные заголовки чаще всего представляют собой простые предложения, в которых первым помещается компонент, обозначающий субъекта речи, а затем с помощью слов, указывающих на речь или мысль, вводится основной тезис сообщаемого мнения. В проанализированных нами заголовках западный стиль оформления названия встречается редко. Однако в то же время широко представлены сегментированные и парцеллированные построения с элементами эллипсиса.

2. Парцеллированные конструкции

Примером парцеллированной конструкции служит название спича: 私の異文化体験—愛の伝え方 (watashi no ibunka taiken – ai no tsutaekata), что в переводе на русский означает «мой межкультурный опыт – способ передать любовь». В данном случае автор разбивает цельное предложение на две конструкции, тем самым визуально подчеркивая подтемы своего спича: опыт, полученный автором в чужой стране, и тему любви в японской культуре. В качестве дополнительного примера можно привести темы: 心の居場所、学校 (kokoro no ibasho, gakko:), что в переводе на русский означает «адрес души, школа». В данном заголовке по аналогии с предыдущим автор разбивает цельное предложение на две конструкции. Вместо названия 心の居場所は学校, в котором связующим звеном была бы коммуникативная частица は (wa), автор использует пунктуационный знак.

Примеры:

失恋。そして、その後の私 (shitsuren. soshite, sonoato no watashi) – Несчастливая любовь. И я после этого.

趣味 - 比較すること (shumi – hikakusuru koto) – Хобби: сравнение.

ことば～わたしを変えた日本語 (kotoba – watashi wo kaeta nihongo) – Слово – японский язык, который изменил меня.

В японском языке чрезвычайно широко распространен эллипсис составляющих предложения. В разговорной речи допускается опущение любой составляющей, кроме сказуемого, при условии, что значение эллиптированных членов предложения легко восстановимо.

В качестве примера эллипсиса может выступать следующее название: 日本の田舎学んだもの (nihon no inaka mananda mono). В данном предложении отсутствует локативный послелог で (de) 田舎で学んだ (inaka de mananda).

若い心に、でっかい夢を (wakai kokoroni, dekkai yume wo) – «Молодому сердцу большие мечты». В данном заголовке прослеживается полный эллипсис сказуемого, что придает незаконченность предложению.

Парцеллированные и эллиптированные конструкции чаще всего употребляются в разговорной речи, что приближает заголовки к ситуации живого общения. В. Г. Костомаров считает, что «разговорный синтаксис дает особенно богатый материал для выработки структур заглавий и заголовков». [2, с. 21] Таким образом, автор намеренно использует подобные экспрессивные синтаксические конструкции, характерные для диалогической речи.

Экспрессивность создается посредством используемых автором структурных элементов, таких как, расчлененность, синтаксическая актуализация части высказывания. При восприятии расчлененные заголовочные структуры в большей степени задерживают читательское внимание, чем их стилистически нейтральные варианты.

3. Вопросительные конструкции

Вопросительные заголовки также не редкость для названий хороших спичей. Ведь вопрос, заданный читателю/слушателю, порождает интерес, устанавливает контакт с аудиторией.

Вопрос оформляется либо с помощью вопросительной частицы (чаще всего か), либо вопросительным знаком.

Например, название спича どうすれば忘れないのか (do: sureba wasurenai пока) – «Как не забыть?». В данном случае используется условная конструкция на –geba и вопросительная частица か с эмоциональным усилителем の, подчеркивающим озадаченность автора, а также сложность нахождения ответа на поставленный вопрос, вызывая эмпатию слушателя/читателя.

Или название 知識は力なり、無知は...? (chishiki wa chikara nari, muchi wa...?) – «Знание – сила, а незнание –...?» В данном случае используется незавершенная конструкция предложения и вопросительный знак, призывающий аудиторию самостоятельно задуматься над ответом, а также будто предлагающий обсудить эту тему вместе.

Другие примеры подобных названий:

おもてなして? (omotenashi tte?) – Что такое омотенаси?

日本人になるのは、可能か。 (nihonjin ni narunowa, kano: ka?) – Возможно ли, стать японцем?

4. Заголовки с формами императива и гортатива

Рассмотрим название 「ポチャティブ」に楽しもう (pochatibu ni tanoshimo:) – «Быть упитанным не помеха». Оно образовано с помощью гортатива 楽しもう (tanoshimo: – «давайте радоваться»), подразумевающего побуждение говорящего к совершению некоего действия, агенсом которого будет он сам, причем не обязательно он один.

Широко используются формы императива с суффиксом «te», как в названии 考えさせてください (kangaesasete kudasai) – «Дайте подумать, пожалуйста», а также формы императива с показателем отрицания, как в заголовке 紙切れに支配されないで (kamikire ni shihai sarenaide) – «Не дайте господствовать куску бумаги».

Заголовки с формами императива и гортатива могут сразу заявить о том, что у выступающего есть четко сформулированная позиция по выбранному им вопросу, в рамках которой он намерен активно призывать к действиям. Таким образом, говорящий не просто затрагивает некую проблему, повествует о своем опыте, делает выводы, а дает понять, что эта ситуация касается не только его, но и всех окружающих, которым можно и нужно предпринимать определенные действия.

5. Графическая акцентуализация

Важным средством создания экспрессивности названий является пунктуация, с помощью разнообразных знаков препинания, таких как точка, многоточие, тире, кавычки, выделяются компоненты заглавия, на которые читатель должен в первую очередь обратить свое внимание.

Согласно проведенным подсчетам, доля приемов графической акцентуализации в названиях спичей довольно высока среди всех приемов выразительности, а именно примерно 35%. Из них на долю пунктуационных знаков приходится около 20%, а на долю катаканы¹ около 15% соответственно.

В стандартном японском языке катакана используется для записи слов, заимствованных из иностранных языков, а также географических названий, имен, фамилий. Однако в заголовках к спичам катакана используется также для за-

¹ Катакана (яп. 片仮名, яп. カタカナ) – одна из двух (наряду с хираганой) графических форм японской слоговой азбуки – каны [Лаврентьев]

писи японских слов, традиционно записываемых иероглифами или хираганой. Катакана выделяется в визуальном плане и привлекает читателя своей формой, только после этого передавая само значение.

Примером экспрессивного использования катаканы и пунктуационных знаков служит победное название 2010 года ソコ、読まな! (soko, yomana!), что в переводе на русский означает «Ты не читаешь между строк!». Помимо использования отрицательного императива, автор применяет два пунктуационных знака, запятую – для выделения места действия, восклицательный знак – для оформления риторического восклицания. Катакана используется в нехарактерной для нее ситуации, первоначально вводя читателя в заблуждение. そこ означает не «здесь», а существительное, записывающееся иероглифом 底 и обозначающее дно. Получается, что автор имеет виду «Ты не читаешь дно, не видишь глубину», что на русский язык, на наш взгляд, целесообразно переводить как «ты не читаешь между строк». В данном случае катакана намеренно акцентирует внимание читателя на визуально отчлененном компоненте.

Другие примеры использования графических средств:

ふるさと as my home (furusato as my home) - Фурусато as my home.

気になる「気」(ki ni naru ki) - Дух, о котором я беспокоюсь.

Таким образом, можно сделать вывод, что название спича может сформировать у читателя определенное отношение к тому или иному событию или теме. Название воздействует на читателя, убеждает его в чем-либо или сразу определяет авторскую оценку представленных в речи фактов, привнося в формулировку эмоциональный элемент.

Наиболее выразительны заголовки, в которых используются не одно какое-либо экспрессивное средство, а несколько.

Литература

1. Алтаов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка, книга 1. М.: Наталис, 2008. 560 с. ISBN: 978-5-8062-0291-9.
2. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ, 1971. С. 117.
3. Максименко Н. Л. Обучение выступлению как виду подготовленной монологической речи студентов языкового ВУЗа (японский язык, начальный этап) [Текст] / Н. Л. Максименко Автореф. дисс... канд. педагог. наук. М., 2009. 22 с.
4. Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Разв. синтаксиса совр. рус. яз. М., 1966. С. 95–126.
5. 笠原 (竹田) ゆう子、小山慎治.スピーチの評価基準明示の効果 [Oral presentation for an academic conference]:日本語教育方法研究会,第21回日本語教育方法研究会会誌 vol. 10, No. 2, 2003, P. 20–21.
6. 日本語口頭発表と討論の技術 [Technique of oral presentation and discussion in japanese]? 東海大学出版会, 1995. P. 37–38.
7. Режим доступа: <https://proverb-encyclopedia.com/nahataiwoarawasu/> 【名は体を表す】の意味と使い方の例文。 – Заглавие с экрана. – Яз. яп. (mode of access: 13.03.2018).
8. Режим доступа: <https://www.jpf.go.jp/j/project/japanese/education/benron/list.html/> 外国人による日本語弁論大会過去の実績リスト。 – Заглавие с экрана. – Яз. яп. (mode of access: 13.03.2018).
9. Режим доступа: <https://jpfmw.ru/ru/events-archive/29-benron-taikai-kekka-rus.html/> Итоги 29-го Международного конкурса выступлений на японском языке среди студентов. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (mode of access: 13.03.2018).

REFERENCES

Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaia, V. I. (2008). *Teoreticheskaia grammatika iaponskogo iazyka, kniga 1* [Theoretical grammar of Japanese language, book 1]. M. : Natalis. 560 p. ISBN: 978-5-8062-0291-9.

Kostomarov, V.G. (1971). *Russkii iazyk na gazetnoi polose* [Russian language on the news page]. M. MGU. 117 p.

Maksimenko, N.L. (2009). *Obuchenie vystupleniiu kak vidu podgotovlennoi monologicheskoi rechi studentov iazykovogo VUZa (iaponskii iazyk, nachal'nyi etap)* [Teaching of public speech as a kind of prepared monologue to the students of language universities (japanese language, beginner's level)] M., 22 p.

Popov, A. S. (1966). Sintaksicheskaia struktura sovremennykh gazetnykh zaglavii i ee razvitie [Syntactic structure of modern news lines and its development]. In Pospelov, N.S. (Ed.). *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka*. M. : Nauka, pp. 95–126.

Kasahara (Takeda), Yu:ko, Koyama Shinji. (2003). *Supi:chi no hyo:ka kijun meiji no ko:ka* [Oral presentation for an academic conference]: Nihongo kyo:iku ho:ho: kensyu:kai, dai 21 kai Nihongo kyo:iku ho:ho: kenkyu:kai kaishi. vol.10, No.2, pp. 20–21.

Nihongo ko:to: happyo: to to:ron no gijutsu [Technique of oral presentation and discussion in japanese]: *To:kai daigaku shyuppankai*, 1995, pp.37–38.

Rezhim dostupa: <https://proverb-encyclopedia.com/nahataiwoarawasu/> [na wa karada wo arawasu] no imi to tsukaikata no reibun. [Name represents the body] example sentences of meaning and usage]. – Zaglavie s ekrana. – Iaz. iap. (mode of access: 13.03.2018).

Rezhim dostupa: https://www.jpf.go.jp/j/project/japanese/education/benron/list.html/Gaikokujin_niyoru_nihongo_benrontaikai_kako-no_jijisseki_risuto [Record list of Japanese language speech contest by foreigners]. – Zaglavie s ekrana. – Iaz. iap. (mode of access: 13.03.2018).

Rezhim dostupa: <https://jpfmw.ru/ru/events-archive/29-benron-taikai-kekka-rus.html/> Itogi 29-go Mezhdunarodnogo konkursa vystuplenii na iaponskom iazyke sredi studentov [Results of the 29th International Japanese language Speech Contest among Students]. – Zaglavie s ekrana. – Iaz. rus. (mode of access: 13.03.2018).

The article was submitted on 15.03.2018

А. Л. Мышинский

МИФ О СТАРАТЕЛЬНЫХ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТАХ, КОТОРЫЕ БЫСТРЕЕ ОВЛАДЕВАЮТ РУССКИМ ЯЗЫКОМ, ЧЕМ РУССКИЕ СТУДЕНТЫ – КИТАЙСКИМ

Аннотация: статья описывает деятельность российского преподавателя русского языка в КНР. В течение года автор преподавал русский язык в одном из университетов КНР. Он пишет, что обычным способом изучения русского языка китайскими студентами является так называемое «обучение ради экзаменов». Основной целью такого обучения является успешное прохождение экзамена, а не практическое использование русского языка. Автор подробно анализирует недостатки преподавания русского языка в Китае. Статья содержит большой список наиболее распространенных ошибок китайских студентов, изучающих русский язык.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; китайский тест по русскому языку как иностранному; наиболее распространенные ошибки, которые допускают китайские студенты, изучающие русский язык; преподавание русского языка в КНР.

Alexey L. Myshinskiy

THE MYTH OF THE HARDWORKING CHINESE STUDENTS WHO LEARN RUSSIAN FASTER THAN THE RUSSIAN STUDENTS LEARN CHINESE

Abstract: the article is a kind of the description of teaching Russian in People's Republic of China. The author worked as a foreign university teacher of Russian language in China for one year. He writes that the usual way to study Russian language by Chinese students is so called "teaching for examination" that is the main goal of such a teaching is successful pass exam but not practical using of Russian. The author analyzes in detail the shortcomings of teaching Russian in China. Native Chinese created all university Russian language textbooks for Chinese students. It took place about forty years ago. Studying Russian language in China students cannot understand spoken Russian, cannot watch Russian movies and videos, cannot read original Russian literature texts. The article contains a large list of common errors made by Chinese students who study Russian. There are errors in grammatical category of the species (verb), prepositions, singular and plural nouns, various stylistic errors at cetera.

Key words: Russian language as a foreign language, Russian Proficiency Test Syllabus, Commons errors of Russian, Teaching of Russian language in People's Republic of China.

Четыре года назад, в 2012–2013 учебном году, мне выпала честь преподавать русский язык в КНР, в Цюйфуском педагогическом университете (провинция Шаньдун).

К тому времени я уже несколько лет занимался русским языком с китайскими студентами, учившимися у нас в Уральском государственном университете.

Это была моя четвертая поездка в Китай. Успешно сдав международный квалификационный экзамен по китайскому языку *Ханьюй шуйпин каоши* 汉语水平考试 (4 уровень, соответствует международному B2), я чувствовал себя вполне

уверенно. И все-таки оказалось, что к преподаванию русского языка непосредственно в Китае я не готов.

Приехав в Цюйфу в среду, 30 августа 2012 г., я с удивлением узнал, что опоздал к началу учебного года: китайские студенты начали учиться еще 28 августа, в понедельник. Все, кроме первокурсников. Первокурсники (и юноши, и девушки) весь сентябрь проходят военную подготовку. Каждый новый набор.

Мне достались четыре курса студентов и группа аспирантов. Всего около 120 человек. Меня стали величать китайским словечком *вайцзяо* 外教. (Это аббревиатура от *вайго цзяоши* 外国教师 – «иностранный преподаватель»). Слово довольно неуклюжее – по-русски оно звучало бы как «инопреп». Поначалу оно сильно резало мне слух, поскольку я привык к слову *лаоши* 老师 («учитель») и в качестве социального статуса, и в качестве личного обращения.

На весь университет нас было шестеро *вайцзяо*: двое американцев, двое мексиканцев из Техаса¹ (все четверо преподавали английский язык), энергичная француженка из Страсбурга и я. Это соотношение уже говорит о том, какой статус имеет русский язык в Китае по сравнению, например, с английским. Чуть позже мои студенты на вопрос, почему они стали учить русский язык, бесхитростно ответили: потому что в английской группе не было мест. Когда я стал посещать рекомендованные всем иностранным преподавателям занятия по китайскому языку, выяснилось, что мой преподаватель-китаец уверен: русские на письме пользуются латиницей. И даже самая способная из моих учениц утверждала, что изучает русский язык – малый язык, редкий язык (*сяююй чжун* 小语种), и поэтому для продолжения карьеры не нуждается даже в английском языке. Такого рода мелочи постепенно изменили мой взгляд на статус русского языка в мире.

Моя учебная нагрузка в 1-м семестре составляла 16 учебных часов в неделю. Во 2-м семестре – 12 учебных часов. Это было немного больше, чем у китайских коллег, нагрузка которых составляет от 6 до 12 учебных часов в зависимости от должности и ученой степени. Кроме того, в мою обязанность входили свободные беседы (*цзыю цзяотань* 自由交谈) на русском языке по субботам и воскресеньям в домашней обстановке. Студенты всех курсов приходили в мою квартиру партиями по 5–6 человек.

Учебный час в Китае длится 50 минут. Перемены между первой и второй половинами пары – по 10 минут. Перемена между парами – 20 минут. Занятия начинаются в 8.00. В 12.00 заканчивается вторая пара и начинается двухчасовой перерыв на обед и сон (в мае – июне – два с половиной часа – из-за жары). В 14 часов продолжаются аудиторные занятия. Два-три раза в неделю у студентов бывают занятия по вечерам, с 19.00 до 21.50.

Никаких специальных учебников для русских преподавателей русского языка не предусмотрено, поэтому мне пришлось на ходу разрабатывать и вести следующие учебные курсы:

¹ На одном из банкетов в честь иностранных преподавателей представитель международного отдела Цюйфуского университета предложил тест «за мексиканский язык». Впрочем, ректор сразу же его поправил: «испанский язык».

«Диалоги на русском языке», 1 курс, 32 учебных часа;
«Разговорный русский язык», 1–2 курс, 64 учебных часа;
«Интенсивный курс русского языка», 3 курс, 64 учебных часа;
«Русское кино и видео», 2–3 курс, 64 учебных часа;
«Сочинение на русском языке», 3 курс, 32 учебных часа;
«Межкультурная коммуникация», 4 курс, 32 учебных часа;
«Русский фольклор», группа аспирантов, 32 учебных часа.

По этим курсам я принимал зачеты. Экзамены иностранным преподавателям почему-то не доверяют принимать. Я заполнял ведомости и отправлял их декану. Подозреваю, что он корректировал выставленные мною баллы.

В мои обязанности входила подготовка студентов и аспирантов к участию во Всекитайском конкурсе русского языка. Это происходит дважды в год – по осени и по весне. Я готовил и проводил Дни Славянской Письменности на факультете русского языка. Готовил День Первокурсника и участвовал в нем: пел песни и плясал. Участвовал в поэтическом конкурсе, проводил Новогодний Вечер и т.д. Я даже проводил на первом курсе дискотеку.

Кроме того, в мои обязанности входила подготовка к печати сборника «Золотой звон и нефритовый гул: Сокровищница переводов классических китайских текстов на русский язык». Я редактировал статьи декана факультета русского языка, профессора Чжу Юйфу, в том числе большую статью «О языковых особенностях русской терминологии и ее переводе на китайский язык», редактировал статьи очередного издания «Русско-китайского словаря иностранных слов» и т.д. Править дипломные работы (ВКР) четверокурсников тоже входило в мои обязанности.

Одним из первых моих поручений стала просьба коллеги – китайской преподавательницы русского языка – Хань Инсюй 韩英旭 проверить сочинение студентки второго курса Зои². Это было 2 сентября 2012 года. С этим небольшим сочинением Зоя должна была устно выступать на Всекитайском конкурсе по русскому языку. Привожу этот замечательный документ целиком, с сохранением орфографических и синтаксических особенностей источника.

2011 级 Зоя

Общежитие, в котором я живу

Здравствуйте, дорогие преподаватели, жюри!

Разрешите мне рассказывать о нашем общежитии. Наша комната светлая и чистая. Там живут Вера, Вита, Фаина, Дана и я. У Веры общительный характер, как у мальчика. А Вита нежная и заботливая девушка. Хотя у нас характер по-разному, но жизнь наша очень дружная. Напоминаем друг другу на зонтик, когда идет или будет дождь. А когда кто-то из нас заболела, все мы по очереди берем на себя обязанность ухода

² У всех студентов – русистов есть русские имена. Они проходят по всем учебным ведомостям, наряду с китайскими именами. Как агентурные клички. Изобретают их русские преподаватели – носители языка. Эту мою Зою по-настоящему зовут Цзян Сунсю 姜松秀. Зоей ее назвала моя русская предшественница. Студенты по-разному относятся к своим русским именам. Некоторые их ненавидят. Я разрешил студентам пользоваться тем именем, каким они хотят: либо русским, либо китайским. Примерно половина предпочла свои настоящие китайские имена. Одну мою первокурсницу звали 孙慧 Сунь Хуй. Не слишком-то благозвучно. Я окрестил ее Соней. Это имя она потом успешно использовала во время годичной стажировки в Тюмени.

и контроли, приняла ли она лекарство. Мы подружились уже год назад и сейчас мы зовем друг друга родной сестрой!

Как видите, общежитие как место для отдыха, полно ласковостью и трогательным чувством, в то же время является еще заправочной станцией, придобавляющую нашу страсть к стремлению вперед в учебе.

У нас в комнате на стене висит лозунг: Результат труда зависит от такого времени, когда ты еще цветочек. Да, студенческие годы – как раз период цветения. Только богатые плоды приносят благодаря прилежному труду. Мы вместе с сестрами всегда помним эти золотые слова и бережем время для учебы.

Вот какое наше общежитие – счастливое гнездо! Разговаривая об этом, и я вспомнила утешение и воодушевление, которая сказала одна из моих сестер перед выездом на данный конкурс, похлопав меня по плечу: Не волнуйся, расслабляйся, несмотря ни на какой-нибудь результат конкурса все равно мы за тебя аплодируем – Не забуду эти фразы всю жизнь.

Ребята, вы любите наше общежитие? Любите ли вы наши сестренка?

Как раз на следующий день у меня было первое занятие на втором курсе, где училась эта самая Зоя. Я выяснил, кто именно из студенток – Зоя и решил ее похвалить: для второго года изучения русского языка сочинение было неплохое. Но честная Зоя прямо сказала, что сочинение писала ее китайская преподавательница – русист.

Обратим внимание на некоторые детали этого во всех отношениях выдающегося текста. Ведь от интерференции китайского и русского языков страдают не только китайские русисты, но и русские китаисты.

2011 级 Зоя

У китайцев почему-то не принято говорить: первый курс или там второй. В расписании и в документах указывается год набора.

Общежитие, в котором я живу

«Общежитие». Русское сочинение «Наше новое общежитие» было бы посвящено тому, какое это новое хорошее здание, и как студенты любят своего ректора и профком. Но в китайское слово *сушэ* 宿舍 относится преимущественно к комнате в общежитии, а не к тому зданию, в котором общежитие располагается. Поэтому использование слова «общежитие» в этом сочинении – лексическая ошибка. Она трудно устранима. Она поскольку берет свое начало от электронных китайско-русских словарей, которые сделаны в Китае, китайцами и для китайцев. Правильнее было бы написать: «Комната, в которой я живу».

Разрешите мне рассказывать о нашем общежитии.

«Рассказывать». Несовершенный вид глагола вместо совершенного «рассказать». Весьма характерная для китайцев ошибка. Как известно, китайские глаголы лишены грамматической категории «вид». Описать все правила употребления

вида русского глагола не так-то просто. Я честно пытался, но результаты моей работы можно честно назвать нулевыми.

Русские студенты тоже испытывают невероятные трудности, пытаясь усвоить правила употребления китайских глаголов типа *кайголай* 开过来 – «подъехать» (буквально «проехать за рулем сюда») или *каньцилай* 看起来 «подметить» (буквально «высмотреть – поднять – сюда»).

Там живут Вера, Вита, Фаина, Дана и я.

Довольно странный набор женских имен. Дело в том, что в педагогическом университете *Цюйшида* 曲师大 русский язык учат в основном девушки. На 120 человек у меня было, наверное, не больше 10 юношей. Поэтому перед моей русской предшественницей осенью 2011 года стояла трудная задача: придумать 28 разных русских имен первокурсницам. Да еще так, чтобы эти имена не повторяли имен старшекурсниц. Поэтому в ход шли «Виты», «Даны», «Златы», «Муси», «Дуни», «Розы», «Глаши» и тому подобные псевдонимы. Все было бы хорошо, если бы китайские студенты не были уверены, что это и есть распространенные русские имена. Когда я сказал второкурснице Глаше (方美秀 Фан Мэйсю), что она – первая Глаша, которую я вижу в своей жизни, Глаша мне не поверила.

У Веры общительный характер, как у мальчика.

«Как у мальчика». Сомнительный комплимент для девушки. Русский читатель может подумать, что общительными могут быть только китайские юноши. А китайские девушки должны быть замкнутыми и скрытными. Вера (郭晓 Го Сяо) – совершенно обычная китайская барышня. Она была старостой на втором курсе, весьма деловитой и предприимчивой. Кроме того, слово «мальчик» в русском языке обладает и некоторыми другими, неуместными здесь коннотациями.

А Вита нежная и заботливая девушка.

Эпитет «нежная», на мой взгляд, сюда не подходит. Я могу представить себе «нежную деву» или «нежную мать». Но нежная соседка по комнате?

Можно сколько угодно потешаться над китайцами, но беда в том, что русские частенько делают подобные ошибки в китайском языке. Например, китайское слово *гао* 搞 (заниматься *чем-либо*; делать, выполнять; налаживать, устраивать; вести, осуществлять) часто имеет иронический, шуточный оттенок, к тому же в просторечье означает «трахать». Из двух китайских предложений

我在大学搞老师。 *Во цзай дасюэ гао лаоши.*

и

我在大学当老师。 *Во цзай дасюэ дан лаоши.*

первое имеет шуточный оттенок. Хотя оба они означают «Я работаю преподавателем в университете». Но русским студентам НЕОТКУДА это узнать.

Хотя у нас характер по-разному, но жизнь наша очень дружная.

Характеры у нас разные. В китайском языке отсутствуют грамматические категории «число» и «род».

Напоминаем друг другу на зонтик, когда идет или будет дождь.

«На зонтик». Здесь явная ошибка. Но предлоги – вечная проблема для студентов, изучающих иностранные языки. Китайские студенты обычно требовали от меня четко сформулированных грамматических правил. Почему русские говорят «Я иду на завод», но «Я иду в школу»? Сформулируйте правило. Поди, сформулируй. Тем более, что по-китайски обе эти фразы можно сказать без предлогов.

我去工厂。 *Во цюй гунчан.*

我去学校。 *Во цюй сюэсяо.*

А когда кто-то из нас заболела, все мы по очереди берем на себя обязанность ухода и контроли, приняла ли она лекарство.

«Заболела». Конечно, заболела. Ведь девушка. «А когда кто-нибудь из нас болеет». Это китайцев не устраивает. С какой стати русские используют здесь глагол «заболеть» в будущем времени? Нелогично. «В нашей комнате живут пять девушек, и если кто-нибудь из нас заболел...» Тоже нелогично. Почему «заболел»? С какой стати русские в данном случае используют мужской род? Почему же «заболел»? Это нелогично. Слово «девушка» женского рода. Вот и выходит «А когда кто-то из нас заболела».

«Контроль». Стилистическая ошибка. Коннотации, явно не относящиеся к дружбе. Учет и контроль. «Как нам реорганизовать рабкрин» (В. И. Ленин).

Мы подружились уже год назад и сейчас мы зовем друг друга родной сестрой!

«Родными сестрами». Отсутствие грамматической категории «число» в китайском языке.

Как видите, общежитие как место для отдыха, полно ласковостью и трогательным чувством, в то же время является еще заправочной станцией, прибавляющую нашу страсть к стремлению вперед в учебе.

«Ласковость».

«Ласковость, граничащая с идиотизмом» (Дмитрий Шагин).

«Трогательное чувство». Китайцы не знают и не могут знать стилистической окраски этих слов. Их электронный словарь не дает контекстов. По-русски китайские студенты-русисты могут читать только учебники. На русскую художественную литературу у китайцев нет времени и, кроме того, читать ее им просто не под силу.

«Заправочная станция». *Цзяю чжань* 加油站 Возможно, это связано с тем, что китайское словосочетание «заправляться бензином» *цзяю* 加油 еще имеет значе-

ние «Поднажми!», «Не подкачай!», «Давай, давай!», «Шайбу-шайбу!». Таким образом, «заправочная станция» – это место, где тебя всегда поймут и поддержат.

«Придобавляющую». Не надо бояться неологизмов! Декан факультета русского языка, всеми уважаемый профессор Чжу Юйфу, мог смело образовать неологизм по аналогии, например: «осел – ослина» (ведь «свинья – свинина», «конь – конина», «баран – баранина»).

У нас в комнате на стене висит лозунг: Результат труда зависит от такого времени, когда ты еще цветочек.

«Лозунг». Слово с выраженной общественно-политической окраской. Когда я был студентом, у моих друзей в общаге на стене висел стройотрядовский лозунг: «Мужчина должен быть немного красивее от обезьяны».

«Цветочек». Неуместные коннотации. «Это еще цветочки, а ягодки впереди». Стилистическая ошибка. И еще «Цветочки» Франциска Ассизского.

«Результат труда зависит от такого времени, когда ты еще цветочек». Точно установить, с какой китайской пословицы был сделан буквальный перевод, мне не удалось. Возможно, это была известная пословица

少壮不努力，老大徒伤悲。

Шао чжуан бу нули, лао да ту шан бэй.

«Не будешь учиться (стараться) смолоду, пожалеешь в старости».

Но тогда неясно, откуда появился «цветочек». В общежитии у Зои я не был и сам этого «лозунга» не видел. Мужчинам вход в женское общежитие строго-на-строго запрещен. Скорее всего, никакого «лозунга» нет. Его придумала преподавательница. Ради красного словца.

Да, студенческие годы – как раз период цветения.

«Цветения». И опыления. В прямом смысле – неуместный ботанический термин. В переносном смысле слово «цветение» имеет несколько гривуазный оттенок. Пестики и тычинки. «Рассмотрим размножение человека на примере морского ежа» (Школьный учебник по анатомии человека за 8 класс).

Только богатые плоды приносят благодаря прилежному труду.

Комплексная грамматическая, синтаксическая и лексическая ошибка. Китайская грамматическая конструкция. И отсутствие возвратных глаголов в китайском языке. Тут надо было бы сказать «Богатые плоды появляются только благодаря упорному труду». Но правила китайской грамматики требуют, чтобы слово *чжи ю* 只有 («только») стояло в начале предложения.

Вот какое наше общежитие – счастливое гнездо!

«Счастлирое гнездо». Уютное гнездышко. Больше подходит для описания безоблачной семейной жизни.

Разговаривая об этом, и я вспомнила утешение и воодушевление, которая сказала одна из моих сестер перед выездом на данный конкурс, похлопав меня по плечу: Не волнуйся, расслабляйся, несмотря ни на какой-нибудь результат конкурса все равно мы за тебя аплодируем

«Утешение». Слишком сильное слово. Утешают вдов. В постели. При еще неостывших трупах мужей.

«Похлопав по плечу». Выражение фамильярности.

Ребята, вы любите наше общежитие? Любите ли вы наши сестренка?

Неустранимая ошибка – вид русского глагола. Отсутствие грамматических категорий «число» и «род» в китайском языке. Нужно было бы сказать: «Вам понравилась наша комната?» «Вам понравились мои сестры?»

Я далек от мысли смеяться над китайскими коллегами-русистами, потому что такой текст я сам написал бы по-китайски еще хуже.

В течение года посещал рекомендованные всем иностранным преподавателям занятия китайским языком и сдавал по китайскому языку экзамены. Мне пришлось использовать это и в своей деятельности педагога-русиста. Я хотел показать студентам, что учу их язык так же, как они учат мой. При подготовке, например, к просмотру русского видеосюжета, я старался дать студентам ключевые слова и по-русски, и по-китайски. Глупостей и ляпов моих было не сосчитать. Однажды мне нужно было объяснить, откуда взялось русское имя «Ангелина» и для этого написать на доске китайское слово «ангел»: *тяньши* 天使 (буквально «небесный посланник»). Второй иероглиф я написал неверно. Получилось *тяньбянь* 天便. Надо сказать, что иероглиф *бянь* 便 ближайшим образом означает «естественная нужда; стул, испражнение; мочеиспускание; экскременты; моча». Поэтому у меня получилось то, что американские друзья называют *holy shit*. Студенты смеялись надо мной долго и громко.

И, тем не менее, китайский педагог-русист, который сам допускает ошибки, не может научить китайских студентов правильно писать по-русски. С горечью следует отметить, что у нас, в российских вузах, где китайский язык преподают недавно, дела обстоят еще хуже. Носители языка, которые преподают у нас китайский язык, просто хватаются за голову.

Вернемся к Всекитайскому конкурсу по русскому языку. Кроме короткого устного выступления на русском языке, предполагался еще большой тест по русской грамматике. Жюри конкурса полностью состоит из китайцев – профессоров русского языка. Русские (например, представители российского консульства) присутствуют на конкурсе только в качестве гостей. Тест по русской грамматике тоже составляют китайцы.

Аутентичного теста с конкурса у меня, к сожалению, нет. Но есть очень похожий. Дело в том, что китайцы сдают свой собственный, квалификационный, составленный китайцами, тест по русскому языку. (В России, конечно же, имеется «Тест по русскому языку как иностранному» разных уровней, но китайцы им не

пользуются). Китайским студентам 4-го курса полагается сдавать 8-й уровень китайского теста по русскому языку – *Эюй чжунанье бацзи шуйтин цзши* 俄语专业八级水平测试. Вот одно задание из этого теста.

Когда Светлана в командировке, муж сидит _____ А) с бутербродами В) на бутербродах С) за бутербродами D) в бутербродах.

Задание не вполне корректно. Правильный ответ, конечно, «В». Но, во-первых, в устойчивом выражении «сидеть на бутербродах» предлог «на» используется неспецифически. Если китайский студент не изучал специально этот оборот, то его буквальный перевод на китайский язык выглядит абсурдно: *цзо цзай ту хуаню дэ мяньбао шан* 坐在涂黄油的面包上 («Сидеть, подложив под зад бутерброды»).

Во-вторых, можно представить, что муж сидит с бутербродами, как с друзьями. За круглым столом. Может быть, болеет человек. Белой горячкой. Или чем похуже. После В. Сорокина и В. Пелевина в русской литературе все возможно. Тогда правильный ответ «А».

В-третьих, может быть, пока жены нет дома, муж непрерывно ест. То есть сидит за бутербродами. Тогда правильный ответ «С».

В-четвертых, может быть, муж завалил себя бутербродами и сидит. «Весь в орденах и медалях». «Весь в болячках». «Весь в долгах, как в шелках». «Весь в бутербродах». Может быть, пока жена в командировке, муж снимается в американской комедии и на него опрокинули поднос с бутербродами. Тогда правильный ответ «D». Грамматически все четыре варианта одинаково приемлемы. Содержательно, конечно, не все.

В-пятых, отнюдь не все мои студенты 4-го курса могли правильно написать по-русски слова «До свидания». Откуда им знать такие тонкости русского языка как «сидеть на бутербродах»? Сборники квалификационных тестов по русскому языку массово издаются в Китае. Но грамматических или лексических комментариев в этих сборниках обычно нет. Есть только правильные ответы. Откуда эти тонкости может узнать студент-русист? В тех китайских учебниках русского языка, которые я видел, эти вопросы вообще не освещаются.

Создается впечатление, что такие тесты составляются очень просто. Берется фраза из русской книжки, самое заковыристое выражение в ней опускается. Вместо него предлагается ряд похожих выражений. Автор этих строк и сам часто использует этот метод, когда составляет для студентов-китаистов задания по китайскому языку. Но оценить, насколько эти похожие выражения приемлемы или неприемлемы, может только носитель языка. Так и автор этих строк был многократно посрамлен китайцами за некорректность составленных им заданий. Но вернемся к тесту по русскому языку.

Это очень дорогая ваза. Будешь вытирать пыль, смотри не _____ ее. А) роняешь В) роняй С) уронишь D) урони.

Строго говоря, правильный ответ «D». Но в просторечье приемлем и вариант «В».

Просторечье. Здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой: с языковой политикой. Общеизвестны проблемы, связанные с большим количеством диалектов в Китае и с пропагандой общенационального языка *путунхуа* 普通话. К слову сказать, мои студенты, как будущие педагоги, должны были сдавать специаль-

ный экзамен по *путунхуа*. И даже на двери в аудиторию, в которой занимался 2-й курс, висело объявление: *Хуаньин, путунхуа! 欢迎普通话!* («Добро пожаловать, *путунхуа!*»). В смысле: «В учебной аудитории следует говорить на нормативном языке. От диалектов следует оказаться». В провинции Шаньдун, где я жил, говорят на шаньдунском диалекте китайского языка.

На *путунхуа* он похож мало. Я слышал в свой адрес комплименты от китайцев: *Нидэ ханьюй шодэ хэнь бяочжунь. 你的汉语说得很标准.* («Вы говорите на нормативном китайском языке»). Но ведь китайских диалектов я просто не знаю. Неоткуда мне их знать. Китайцы, профессионально преподающие китайский язык как иностранный, преподают именно *путунхуа*. На это ориентированы и учебники китайского языка, изданные в КНР. Подавляющее большинство учебников китайского языка, которые можно купить в России – тоже учебники *путунхуа*.

Возможно, отношение китайцев к русскому языку строится по той же схеме: студентам-русистам следует изучать только нормативный русский язык. В Китае – это государственная языковая политика. Кроме того, китайские профессора русского языка, учившие русский язык в пятидесятые годы, учились на произведениях М. Горького и Н. Островского и современного русского языка не знают. В 2010 году в городе Гуанчжоу мне довелось объяснять китайскому профессору русского языка, почему не стоит говорить по-русски «Гуанчжоу – город пяти козлов». (*Уян чэн 五羊城* – одно из неформальных названий Гуанчжоу). И «город пяти баранов» – тоже не стоит говорить. Неизвестно, кто там козел или баран. Мэр? Его заместители?

Профессор, уважаемый русист закончил МГУ и свободно говорил на прекрасном московском диалекте. Но коннотаций русских слов «козел» и «баран» он не знал.

Учебники русского языка, по которым учатся китайские студенты, стандартны и не новы. Им, по меньшей мере, по сорок лет, и каждое последующее издание стереотипно повторяет предшествующее. Это связано еще и с тем, что китайские педагоги-русисты давным-давно отработали систему упражнений, которую предлагают эти учебники. Менять учебник и систему упражнений было бы для китайских педагогов мучительно. Таким образом, русский язык, который изучают в КНР – по преимуществу книжный, литературный язык пятидесятых годов. Дикторы, которые начитывают фонограммы для этих учебников – китайцы. Они говорят по-русски с заметным акцентом. Разговорный русский язык в Китае почти никто не преподает и не изучает. Поначалу мои студенты полагали, что я говорю на каком-то варварском диалекте русского языка, раз они не понимают меня на слух. Большинство китайских коллег-русистов тоже избегали говорить со мной по-русски. Не понимали мою устную речь.

Еще несколько заданий из вышеупомянутого теста.

Я бы все ему объяснил, _____ он вчера ко мне. А) приходи В) приди С) приходил D) пришел.

Некорректное задание. В зависимости от контекста правильными могут быть разные варианты. (D) «Я бы все ему объяснил, пришел он вчера ко мне. Да только пьяный и злой». (C) «Я бы все ему объяснил, приходил он вчера ко мне. Да не успел. Он плюнул мне под ноги, развернулся и ушел». (B) «Я бы все ему объяснил, приди

он вчера ко мне. Но он не захотел». Составители теста имели в виду, что правильный вариант – «В». Но даже самых успешных китайских студентов ставит в тупик тот факт, что глагол «приходить» должен тут стоять в повелительном наклонении. Вот что мне пришлось объяснять четверокурснице Флоре (罗晓彤 Ло Сяотун).

Я бы все ему объяснил, **приди** он вчера ко мне. (= Я бы все ему объяснил, если бы он вчера ко мне пришел). Я ему ничего не объяснил, потому что он вчера не пришел.

Я бы понравился директору завода, **выпей** я с ним водки. (= Я бы понравился директору завода, если бы я с ним выпил водки). Я не стал пить водку с директором завода. Поэтому я ему не понравился.

Второй пример оказался понятным. Но Флора – Ло Сяотун – все равно осталась в недоумении: почему личное местоимении третьего лица в именительном падеже («он») стоит после глагола в повелительном наклонении? Ссылки на то, что такова традиция словоупотребления, не помогают. Китайские студенты-русисты, так же как и русские студенты-китаисты, требуют от педагога однозначных и четко сформулированных грамматических правил.

Еще пример не вполне корректно сформулированного задания.

Россия пока арендует космодром у Казахстана, который ____ не знал бы, что со стартовыми комплексами делать. А) в ином случае В) на всякий случай С) в лучшем случае D) во всяком случае.

В зависимости от контекста могут быть правильными разные ответы. «Россия пока арендует космодром у Казахстана, который в ином случае не знал бы, что со стартовыми комплексами делать». = Если бы Россия не арендовала космодром, Казахстан не знал бы, что делать. То есть Россия помогает Казахстану. Правильный ответ «А».

«Россия пока арендует космодром у Казахстана, который в лучшем случае не знал бы, что со стартовыми комплексами делать». = В лучшем случае, Казахстан не знал бы, что делать. В худшем случае – сдал бы космодром в аренду США. Для России это было бы опасно. Правильный ответ «С».

«Россия пока арендует космодром у Казахстана, который, во всяком случае, не знал бы, что со стартовыми комплексами делать». = Казахстан в тупике. Казахстан не знает, что ему предпринять. Правильный вариант «D».

Студент, пишущий такой тест, должен не просто знать правильный ответ, но и точно представлять, какого ответа от него ждут составители теста, даже если этот ответ неверный.

Китайцы сами отчетливо сознают эту проблему. Мне неоднократно приходилось слышать и от преподавателей, и от студентов китайское название этой проблемы – *инши цзяоюй* 应试教育 – неполноценное образование, которое учит студентов только сдавать экзамены; образование с ориентацией на сдачу экзаменов. Альтернативный стиль – *сучжи цзяоюй* 素质教育 – качественное полноценное образование, направленное на общее развитие студентов, а не просто на умение сдавать экзамены. Однако, по общему мнению, в Китае преобладает первый стиль. Он неизбежно касается и стиля преподавания русского языка.

И, напоследок, некоторые сведения о России, которые я получил в Китае у себя на квартире, во время «свободных бесед» со студентами. «Нам вот что наш

преподаватель рассказывал: В России мужчина, у которого несчастная любовь, называется “козел”».

А береза, в России, оказывается, означает девственницу. А рябина – любовь. Один студент настойчиво спрашивал меня: ставлю ли я по вечерам свечку на окно. Я отвечал, что нет, не ставлю. Студент сказал, что он мне не верит. Их китайский преподаватель русского языка рассказывал: в России, чтобы созвать гостей, до сих пор ставят на окно свечку. Действительно, в старой России был такой обычай. На окна ставили высокие свечи. Если на окне горит свеча (огонек), значит, хозяева дома и приглашают всех, кто хочет их видеть. И «на огонек» люди шли в гости к знакомым.

Но когда я сказал этому парню, что приглашаю гостей по телефону, парень мне просто не поверил. Мои студенты вообще гораздо больше верили китайским русистам, чем мне. Оно и понятно. Я приехал и уехал. А студентам – экзамены сдавать. Своим китайским педагогам.

Головы моих русских студентов-китаистов тоже наполнены множеством глупостей. Например, студенты – китаисты 2-го курса были уверены, что китайцы едят японские блюда из сырой рыбы – *суси*. А некоторые даже говорили *суши*. Хотя китайцы стараются отмежеваться от японской культуры и имеют для этого веские основания.

Я ехал в Китай в твердой уверенности, что китайские русисты быстрее и успешнее овладевают языком, чем русские китаисты. Оказалось, что это миф. Мое годичное пребывание в Китае показало, что в этом отношении проблемы наших двух стран во многом похожи.

The article was submitted on 15.05.2018

УДК 329.12(520) + 327(520) + 316.422

В. А. Перминова

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Рец. на: Молодякова Э.В. Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные работы 2000–2016 гг. / ред.-сост. В. Э. Молодяков; отв. ред. Е. Л. Катасонова. – Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2017. 448 с.

Аннотация: Рецензия посвящена рассмотрению книги выдающегося российского ученого, доктора исторических наук, профессора Молодяковой Э.В. (1937–2016). Сборник избранных работ включает статьи о наиболее актуальных проблемах внутренней и внешней политики современной Японии, о постоянных факторах и новых тенденциях развития японского общества, об исторических корнях современных явлений – все эти разделы более или менее подробно представлены в рецензии. Статьи первой части сборника посвящены политическим реалиям современной Японии – прослеживается история становления и развития двух основных политических сил, Либерально-демократической партии (ЛДП) и Демократической партии Японии (ДПЯ). Автором верно подмечены все специфические черты японской модели функционирования законодательной ветви власти, особенности социального устройства и исторические факторы, которые способствовали укоренению консервативной идеологии в Японии на протяжении нескольких десятилетий. Особое внимание уделено внешней политике. Сохраняя приверженность японо-американскому союзу, власти Японии понимают необходимость выстраивания взаимовыгодных и доверительных отношений со своими соседями – Китаем и Кореей. Сложность нормализации отношений с ними обусловлены не только конкретными действиями руководства этих стран, но и разностью подходов в трактовке событий Второй мировой войны и японской агрессии (что особенно проявляется в проблеме синтоистского святилища Ясукуни). Вторая часть «Избранных трудов» Э.В. Молодяковой состоит из статей, раскрывающих специфику японской цивилизации, особенности исторического развития и модернизации общества (часть материалов опубликована впервые). Заимствование культурных и научно-технических достижений других стран и их постепенное («эволюционное») усвоение – вот ключ к успешной модернизации, происходившей в Японии на протяжении многих столетий и продолжающейся до сих пор. Сохранение базовых ценностей и ориентиров, без которых потерялась бы уникальность японской нации, в этой связи становится еще одним важным условием для поддержания баланса между традициями и нововведениями. Рецензируемая книга адресована широкому кругу специалистов по политическим и социальным проблемам современности и всем интересующимся Японией.

Ключевые слова: Япония, консерватизм, Либерально-демократическая партия Японии, внешняя политика, международные отношения, модернизация.

TURN TO CONSERVATISM: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN CONTEMPORARY JAPAN

Rev. of: Molodiakova E. V. (2017). Iaponiia: total'naia pobeda konservatorov. Izbrannye raboty 2000–2016 gg. / red.-sost. V. E. Molodiakov; otv. red. E. L. Katasonova. – Institut vostokovedeniia RAN. – M.: IV RAN, 2017. – 448 p. [Japan: Conservators' Total Victory. Selected Writings 2000–2016. / Ed. by V. E. Molodiakov, E. L. Katasonova. – Moscow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences. 448 p.]

The review deals with book of outstanding Russian Japanologist, PhD, LL.D. (History) Professor Elguena V. Molodiakova (1937–2016). “Selected Writings” contain papers dedicated to discussion of current domestic and foreign policy in contemporary Japan, constant factors and tendencies in Japanese society, historical roots of present-day events – all these problems are more or less presented in the review. Papers contained in the first part of the book deal with political realities in contemporary Japan – history and development of the main two political parties (Liberal Democratic Party of Japan and Democratic Party) is traced. The author aptly noted special aspects of Japanese legislative power, some characteristics of social order and historical factors that led to popularization of conservative ideology in Japan over the decades. The author and the reviewer both place special emphasis on foreign policy. Japan still remains committed to Japanese-American Alliance, but understands that structuring mutual beneficial and trust-based relations with its neighbors – China and Korea is also necessary. Normalization of this kind of relations seems to be complex because of difference in treatment of events that took place in the first part of the 20th century, especially Japanese aggression in The Second World War (this question is reflected in the problem of Imperial Shrine of Yasukuni). The second part of “Selected Writings” by E.V. Molodiakova consists of papers providing specific aspects of Japanese civilization, its historical development and modernization of Japanese society (some of the articles are published for the first time). Gradual (“evolutionary”) adoption of cultural, scientific and technological solutions from other countries – that is the key to successful modernization in Japan over the centuries. Keeping up the landmarks in the culture and basic values in this case becomes one of important conditions for the balance between traditions and innovations (otherwise Japanese nation would lose its uniqueness). The book reviewed is addressed to the wide array of specialists in Japanese politics and social problems and to non-specialist audience interested in Japanese studies.

Key words: *Japan, conservatism, Liberal Democratic Party of Japan, foreign policy, international affairs, modernization.*

Книга выдающегося российского японоведа, доктора исторических наук, профессора Эльгены Васильевны Молодяковой (1937–2016) «Япония: тотальная победа консерваторов», вышедшая уже, к сожалению, посмертно, представляет собой уникальный сборник исследовательских работ, тематика которых выходит далеко за рамки одной страны, обозначенной в заглавии книги. Международное измерение внутривосточных проблем Японии – одна из главных тем рецензируемой книги. Скрупулезное рассмотрение динамики политического и общественного развития этой страны в контексте ее взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет детально разобраться не только японоведу, но и даже простому обывателю в специфике устройства самой Японии

и понять ее роль в АТР. «Внешнеполитическая повестка», содержащаяся в ряде статей сборника, дополняется обстоятельным исследованием таких широких вопросов, как характерные черты «азиатской демократии», особенности адаптации западной модели государственного устройства в странах Востока, своеобразие японской модернизации, начавшейся в середине XIX в. и продолжающейся до сих пор. Автор, раскрывая на множестве примеров особенности японского менталитета, объясняет логику функционирования не только внутренних механизмов государства, но и тенденции, а порой и амбиции страны во внешней политике. Вкупе с интереснейшими статьями о культурной и религиозной традиции японцев, специфике образовательного процесса и даже особенностях городского планирования «Избранные труды» Э.В. Молодяковой являются богатым собранием разнородных, однако связанных между собой материалов об истории и современной жизни одной из уникальных стран Востока.

Большинство статей первой части книги посвящено политическим реалиям современной Японии – прослеживается история становления и развития двух основных политических сил, Либерально-демократической партии (ЛДП) и Демократической партии Японии (ДПЯ). В ходе анализа проблем внутривнутрипартийного устройства и межпартийного взаимодействия автор определяет специфику японской модели функционирования законодательной власти – не похожей ни на американскую, ни на британскую партийные системы. Сращенная с государственно-бюрократическим аппаратом одна доминирующая партия, которая находилась у кормила власти практически весь послевоенный период, с одной стороны, и приходящая «не в серьез и ненадолго» оппозиция, не способная предложить конструктивные меры для улучшения социально-экономической ситуации, с другой стороны – все это характерные черты «полупартийной системы» [2, с. 183] в стране. При этом, как неоднократно отмечает автор, противостояние либерал-демократов и демократов не носит столь принципиального значения, т.к. по сути их объединяет гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд – у всех общая политическая и социальная база, схожее мировоззрение и взгляды. Именно эти черты позволяют назвать большинство депутатов ДПЯ «младшими братьями» либерал-демократов, тем более, что практически все высшее руководство этой партии составляют выходцы из ЛДП (*«Демократическая партия Японии: путь во власть»*, с. 102).

Такие особенности партийной системы Э.В. Молодякова напрямую связывает со спецификой демократии в Японии в целом. «Ориентализация» демократических институтов, заимствованных у западных стран, придала всей системе государственного устройства, так сказать, «азиатское звучание». Социально-культурные особенности народа, этико-правовая специфика и традиции политической культуры – все это повлияло на формирование особой модели, где все элементы представительной демократии в целом воспринимаются как элемент единой по своей сути государственной власти (*«ЛДП – доминантная партия в условиях демократии»*, с. 47). Учитывая традицию длительного пребывания у власти одной партии, Японию автор называет «страной с неординарной демократией» (определение политолога Т. Пемпела, с. 50), страной с «демократией караокэ» – исполнители ме-

няются, а песня остается (определение политолога Иногути Такаси, с. 58), а японскую систему власти называет «доминантно-политической системой азиатских стран» (определение политолога А.Б. Зубова, с. 51). Именно при такой модели государственного устройства на протяжении более, чем полувека, преимущественно консервативная идеология сохраняет за собой ведущие позиции в законодательной ветви власти. При этом, «японский консерватизм» (идейную основу ЛДП) автор считает теоретически довольно размытым, не содержащим ни стройной теории, ни целостной системы взглядов («Путь к тотальной победе японских консерваторов», с. 167). В этой связи уже не кажется столь странным «мирное сосуществование» двух партий, взаимодействие которых основано на консенсусе и избегании прямых столкновений. Вместе с тем, консервативная идеология, какая бы она ни была «размытая» по своей сути, в последнее время завоевывает политический олимп не только в Японии, но и во многих странах Азии, Европы и Америки. Афористичная формулировка Э.В. Молодяковой «тотальная победа консерваторов», в полной мере характеризующая процессы последнего времени в самой Японии¹, по всей видимости, становится применима для описания процессов и в остальном мире.

Внешней политике Японии уделено особое внимание в рецензируемой книге – автор представляет расширенный комментарий к внешнеполитической деятельности руководства страны по основному направлению японской дипломатии – азиатско-тихоокеанскому (ключевая статья по этой теме – «Дипломатическая повестка Абэ Синдзо для Азиатско-Тихоокеанского региона», с. 140). Сохраняя приверженность японо-американскому союзу и, в целом, действуя в фарватере политики Вашингтона, администрация Абэ, тем не менее, дает понять, что стремится к построению взаимовыгодных отношений со всеми сопредельными странами – неслучайно среди основных направлений внешней политики ЛДП, сформулированных Абэ, второе место (после отношений с США) занимают страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Нормализация отношений с Китаем и Северной Кореей – отдельная проблема, которую на протяжении нескольких десятилетий вынуждена решать Япония. Активная модернизация КНР и проявления агрессивности в политике КНДР заставляют японцев все чаще задумываться об укреплении национальной безопасности, главным образом, за счет более тесного японо-американского стратегического сотрудничества, к которому постепенно может подключиться Индия и Австралия. Политика «сдерживания» и создание «системы противовесов» Китаю, проявляющиеся в стремлении создать некий «пояс безопасности», так сказать, «санитарную зону» вокруг КНР, не могут не беспокоить, в свою очередь, китайское руководство. Китай занимает в последнее время активную позицию в Азии и, так же, как и Япония, стремится поднять свой престиж на международной арене. В случае японо-китайского взаимодействия, поводом для выяснения отношений между странами в последние десятилетия неизменно служит территориальный спор вокруг островов Дяоюйдао/Сэнкаку. Активизация дискуссии по поводу принадлеж-

¹ В частности, победа ЛДП на парламентских выборах в октябре 2017 г.

ности этих территорий традиционно сигнализирует об охлаждении отношений и снижении уровня взаимного доверия между странами. Относительно нейтральную позицию по этому вопросу занимает Тайвань, который, вероятно, сможет, по выражению президента КР Цай Инвэнь, играть роль «буферной зоны» или «предохранительного клапана» [5] в территориальном конфликте Японии и материкового Китая. Власти Тайваня формально претендуют на владение спорными островами, однако отказываются занимать принципиальную позицию против какой-либо из сторон конфликта.

Трактовка исторических событий недавнего прошлого остается не только полем для столкновений японских и китайских историков, но и поводом для конфликтов между странами на политическом уровне. В Корее и Китае заявления Синдзо Абэ по поводу событий Второй мировой войны и его склонность снисходительно относиться к преступлениям японцев во время войны вызывают недовольство, а иногда и опасения, поскольку они ставят под сомнение ранее озвученные руководством извинения перед жертвами японской агрессии (в частности, заявление премьер-министра Мураямы Тоимити в 1995 г.).

Еще одним поводом для напряженности в отношениях с Китаем и Кореей остается посещение японскими официальными лицами синтоистского храма Ясукуни. В «Избранных трудах» В.Э. Молодяковой эта проблема рассматривается достаточно подробно (статья *«Проблема святилища Ясукуни»: продолжение следует»*, с.178). Автор старается объективно подойти к анализу этого вопроса, объясняя мотивы поведения японцев, их собственное понимание церемоний, происходящих в этом храме, а также стремления молодого поколения сохранить национальную культуру. В указанной статье можно найти высказывания ряда японских политологов, которые, как представляется, наиболее точно определяют разумное решение проблемы святилища: «...мы должны разобраться с собственным прошлым с учетом позиции Китая и Южной Кореи...», «...требуется честное изучение своей истории, признание факта ведения агрессивных войн и доведение этих фактов до сведения населения... и только тогда они [страны] прекратят критику Японии», «японцы должны самостоятельно, без посторонней подсказки разобраться в проблеме» (с. 187–188). Однако пока эти цитаты остаются мнением отдельных японских граждан, память о японских преступлениях против народов Китая и Кореи будет жива в этих странах не только сегодня, но и в будущем.

Вторая часть «Избранных трудов» Э.В. Молодяковой состоит из статей, раскрывающих специфику японской цивилизации, особенности исторического развития и модернизации общества (часть материалов опубликована впервые). В ходе описания основных исторических периодов Японии автор неоднократно акцентирует внимание на заимствовании культурных и научно-технических достижений других стран – характерной черте японской цивилизации. Интеграция чужеродной культуры, основанная на постепенном («эволюционном») усвоении отдельных достижений других цивилизаций (сначала – китайской, затем – европейской), позволяла Японии не только успешно проводить модернизацию, но и сохранить базовые ценности и традиции, отказ от которых означал бы утрату уникальности японской нации.

Одним из примеров успешной модернизации, произошедшей в Японии, принято считать реформы Мэйдзи, которые были самостоятельно проведены японцами в последней трети 19-го столетия – периода, крайне сложного для всех стран азиатского региона. Почему же именно японский опыт преобразований по западному образцу оказался наиболее удачным? Почему не Китай, достижения которого на протяжении многих столетий заимствовала Япония, стал примером успешного взаимодействия с агрессивной западной культурой и образцом для подражания? Эти вопросы часто ставят перед собой историки-китаисты.

В.Э. Молодякова напоминает, что в период реформ произошло «обновление» традиций (если точнее переводить термин «Мэйдзи исин»), или, иными словами, произошла «консервативная революция» (с. 243). Японцы, традиционно привыкшие воспринимать и адаптировать нововведения, не боясь поступиться с некоторыми своими традициями, смогли не только «импортировать» западные достижения, которые уже доказали свою эффективность, но и сохранить базовые ценности и ориентиры в обществе. К таким базовым ценностям можно отнести традиционное почитание императора и распространение особой религии – синтоизма. (О роли и значении императора в японском обществе, а также о специфике религиозной ситуации в Японии исчерпывающе повествуют статьи: *«Традиционные ценности в политической философии правящей элиты в Японии: факторы преемственности»* с.257, *«Историческая преемственность: император Сёва»* с. 265, *«Религиозная ситуация в Японии: неизменная основа и превходящие элементы»* с. 306.) Таким образом, модернизация в Японии в мэйдзинский период – это не только и не столько вестернизация, но более сложный процесс, затрагивающий взаимодействие культур и целых цивилизаций.

Способность адаптировать все лучшее из достижений других стран многие исследователи считают отличительной чертой и одной из сильных сторон в характере японцев. Л.С. Васильев связывает эту способность с китайско-конфуцианским прагматичным мировосприятием, основы которого Япония сумела прочно усвоить в период проникновения китайской культуры [1, 76]. Адаптивность и сохранение традиций, иными словами, синтез традиционного и современного – вот основные черты японской модели модернизации, оказавшейся наиболее успешной среди остальных стран Востока².

Особенности мировосприятия и самосознания народа более всего проявляются в его религиозной традиции. Возможно, поэтому в статьях Э.В. Молодяковой большое внимание уделено анализу религиозной ситуации в Японии, как прошлого, так и настоящего. В этой связи особенно интересной и актуальной является статья *«Толерантность межконфессиональных отношений и восприятие ислама в Японии»* (с. 324). Нередко причисляя себя к приверженцам сразу нескольких религий и не являясь адептами этих учений в строгом понимании, японцы схожим образом воспринимают и традиции мусульманских народов. Автор отмечает, что в Японии не очень интересуются религиозными догматами, воспринимая особенности внешнего вида и образа жизни как проявление национальной культуры, а не как религиозные признаки (с. 324–325). Показательным в этом смысле является

² О синтезе традиционного и современного в странах Востока подробнее см.: [6].

довольно скептическое отношение к исламу в стране, т.к. эта религия считается, как пишет автор, «полуцивилизованной верой, свойственной бедным и слаборазвитым странам» (с. 333). Некоторый интерес к исламу и мусульманскому миру в целом появляется только в контексте укрепления экономических связей. В прошлом, рост заинтересованности был продиктован экспансионистской внешней политикой Японии, которая стала рассматривать исламский мир как потенциального союзника в борьбе против «белого империализма» (с. 330–331). Так, от исследования ислама и японо-исламского взаимодействия в начале XX в., Япония после оккупации Маньчжурии в 1932 г. начала апеллировать к поддержке мусульман всего мира, в 1938 г. перешла к так называемой «исламской политике», ознаменовав это открытием Токийской мечети и созданием Исламской ассоциации Великой Японии, которая была призвана создать близкие отношения с 300-миллионным населением мусульманского мира для формирования нового порядка в Восточной Азии. Неслучайно годом позднее права мусульман были законодательно уравнены с правами приверженцев синтоизма, буддизма и христианства [4]. Панисламистами Япония воспринималась как наилучшая модель адаптации западных ценностей при сохранении своей культуры, а после ее победы в русско-японской войне и как возможный союзник в антиколониальной борьбе [3].

Если понимание особенностей религиозного сознания японцев помогает лучше понять мотивы их современного поведения, то разглядеть тенденции развития общества в недалеком будущем позволяет изучение молодежной, в том числе образовательной, политики. Основные этапы, исторические корни и нововведения, а также специфика обучения и преподавания в образовательных учреждениях разных ступеней рассмотрены в статье «*Современная национальная образовательная система в Японии*» (с. 335). Базовые ценности и ориентиры, которые прививают молодому поколению в современной Японии, характерны и для других стран дальневосточного региона. Групповой тип самосознания, дисциплинированность, отказ от развития индивидуальных способностей учеников, существенная доля морально-нравственной составляющей в обучении – все эти характерные черты образовательной системы в настоящий момент вновь подвергаются переосмыслению. И если некоторые из них подвергаются критике (например, излишняя унификация в образовании, которая ограничила творческий потенциал учащихся и привела к перенасыщению «исполнителями» экономики Японии), то другие наполняются новым содержанием и становятся фундаментом для дальнейшего развития (например, прививание гордости за свою страну на основе патриотического воспитания молодого поколения).

Серию статей в составе «Избранных трудов» завершает доклад «*Колониальная политика Японии: взгляд из России*» (с. 391), который был озвучен автором на международном симпозиуме в 2014 г., проходившем в Токио в рамках трехстороннего японо-российско-тайваньского исследовательского проекта «Тайвань в эпоху японского правления: новый взгляд на историю»³. С российской стороны

³ Проект осуществляется с 2013 г. Институтом востоковедения РАН совместно с университетом Такусёку (Токио) и Институтом тайваньской истории Китайской академии Синика (Тайбэй). Семинары по тайваньским исследованиям колониального периода проводятся ежегодно на базе ИВ РАН (отчеты о прошедших встречах опубликованы в журнале «Восток»).

этим проектом руководила сама автор – Эльгена Васильевна приложила много усилий к сотрудничеству института с японскими коллегами. Результатами коллективных усилий стали ежегодные семинары в ИВ РАН, множество докладов и статей, а также вышедшие под ее редакцией историографический обзор «Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке» (2014 г.) и сборник работ японских и российских авторов «Тайвань под японским управлением» (2016 г.), который Эльгена Васильевна успела отредактировать, но не смогла увидеть изданным.

Сборник трудов Э.В. Молодяковой завершает интервью с автором («Жизнь с Японией», с. 400), в котором Эльгена Васильевна вспоминает о своей жизни и работе, говорит об отечественной японистике, рассуждает о нынешнем состоянии и перспективах российско-японских отношений. Для многих такое описание своей «жизни с Японией» может стать примером научной деятельности, всегда интересной, насыщенной и поэтому дающей качественный результат. О масштабе и разнообразии научного наследия автора наглядно свидетельствует внушительная библиография ее печатных работ (более 300) – ценный и своевременный вклад в российское востоковедение, в историю и политологию стран АТР.

Литература

1. *Васильев Л. С.* От невнимания к Западу к триумфу вестернизации современного Китая. В сб. «Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сборник статей» / Ред. В. Ц. Головачев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2013. С. 76–89.
2. *Кистанов В. О.* Рец. на: Молодякова В. Э. Япония: тотальная победа консерваторов: Избр. тр. 2000–2016 гг. / ред.-сост. В. Э. Молодяков; отв.ред. Е. Л. Катасонова; Ин-т востоковедения РАН. М. : Институт востоковедения РАН, 2017. 448 с. // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – №1. – С. 182–183.
3. *Усманова Л.* В поисках национальной идентичности (тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии) // Эхо веков. Научно-документальный журнал. Время в судьбах и документах. – 2010 1/2. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/3019-2.shtml (Дата обращения: 15.07.2018.)
4. *Усманова Л.* «Он выступал как просветитель, преследующий цели пробуждения мусульман Азии» (Р. Ибрагимов в Японии) // Эхо веков. Научно-документальный журнал. Время в судьбах и документах. – 2010 1/2. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_1_2/05/03/ (Дата обращения: 15.07.2018.)
5. Цай Инвэнь цзай дяо юй дао ли чан бао гуан: цзюй цзюэ лян шу да лу дуй фу жи бэнь. (Позиция Цай Инвэнь по поводу островов Дяоюйдао: Тайвань отказывается совместно с материковым Китаем бороться против Японии в вопросе о принадлежности островов) URL: <http://mil.news.sina.com.cn/china/2016-04-28/doc-ifxrtzte9744953.shtml> (Дата обращения: 11.07.2018.)
6. *Яковлев А. И.* Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного. – М. : НОЧУВПО «Институт стран Востока», 2015. 392 с.

References

1. Cai Yingwen zai diao yu dao li chang bao guan: ju jue lian shou da lu dui fu ri ben (Pozitsiia Tsai Inven' po povodu ostrovov Diaoiuidao: Taivan' otkazyvaetsia sovmestno s materikovym kitaem borot'sia protiv Iaponii v voprose o prinadlezhnosti ostrovov). URL: <http://mil.news.sina.com.cn/china/2016-04-28/doc-ifxrtzte9744953.shtml> (Access date: 11.07.2018.)
2. Iakovlev, A. I. (2015) Strany Vostoka v epokhu globalizatsii: sintez traditsionnogo i sovremennogo. [Oriental countries in the era of globalization: synthesis of tradition and modernity] – M.: NOChUVPO "Institut stran Vostoka". 392 p.
3. Kistanov, V. O. (2018) Rec. na: Molodiakova V.E. Iaponiia: total'naia pobeda konservatorov: Izbr. tr. 2000–2016 gg. / red.-sost. V. E. Molodiakov; отв.ред. Е. Л. Катасонова; In-t vostokovedeniia RAN.

M. : Institut vostokovedeniia RAS. 448 p. [Rev. of: Japan: Conservators' Total Victory. Selected Writings 2000–2016. / Ed. by V. E. Molodiakov, E. L. Katasonova – Moscow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences. – 448 p.] In: *Problems of Far East*. – No. 1. – P. 182–183.

4. Usmanova, L. (2010) “On vystupal kak prosvetitel’, presleduiushchii tseli probuzhdeniia musul’man Azii’ (R. Ibragimov v Iaponii) [“He served as enlightener, that pursues the aim to awake Muslims in Asia” (R. Ibragimov in Japan)] In: *Ekho vekov. Nauchno-dokumental’nyi zhurnal. Vremia v sud’bakh i dokumentakh*. – No. 1/2. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_1_2/05/03/ (Access date: 15.07.2018.)

5. Usmanova, L. (2010) V poiskakh natsional’noi identichnosti (tiurko-tatarskaia diaspora v Severo-Vostochnoi Azii) [In search of national identity (Turko-Tatar diaspora in North-East Asia)] // In: *Ekho vekov. Nauchno-dokumental’nyi zhurnal. Vremia v sud’bakh i dokumentakh*. – No. 1/2. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/3019-2.shtml (Access date: 15.07.2018.)

6. Vasil’ev, L. S. (2013) Ot nevnimaniia k Zapadu k triumfu vesternizatsii sovremennogo Kitaia. [From inattention to triumph of westernisation in contemporary China] In: “*Sin’khaiskaia revoliutsiia i respublikanskii Kitai: vek revoliutsii, evoliutsii i modernizatsii*” / Ed. by V.Ts. Golovachev. – M. : Institut vostokovedeniia RAN. 312 p. P. 76–89.

The article was submitted on 10.10.2018

ЮБИЛЕИ

УДК 929 Валиахметова + 327(5-15) + 378-0.175:327(470.5)

В. А. Кузьмин

ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ УРФУ Г. Н. ВАЛИАХМЕТОВА (К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Аннотация. Статья посвящена юбилею известного востоковеда, специалиста по истории международных отношений и политики великих держав на Ближнем и Среднем Востоке доктора исторических наук, профессора Г. Н. Валиахметовой. В центре внимания – основные этапы трудовой деятельности Г. Н. Валиахметовой, ее становление в качестве глубокого исследователя в области истории международных отношений на Ближнем Востоке, энергетической дипломатии, проблем глобальной и региональной безопасности в Азии, современного политического ислама. Особое внимание уделено ее работе со студентами, показана высокая эффективность и результативность ее преподавательской и научной деятельности.

Ключевые слова: Г.Н. Валиахметова, востоковедение, международные отношения, Ближний Восток, нефть, Уральский университет.

V. A. Kuzmin

PROFESSOR OF THE DEPARTMENT OF ORIENTAL STUDIES G. N. VALIAKHMETOVA, URAL FEDERAL UNIVERSITY (TO THE 50TH ANNIVERSARY OF BIRTH)

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of the famous orientalist, specialist in the history of international relations and the policies of the great powers in the Middle East, Doctor of Historical Sciences, Professor G.N. Valiahmetova. The focus is on the main stages of G.N. Valiakhmetova, her development as a deep researcher in the field of history of international relations in the Middle East, energy diplomacy, problem of global and regional security in Asia, modern political Islam. Particular attention is paid to her work with students, high efficiency and effectiveness of her teaching and research activities is shown.

Keywords: G.N. Valiakhmetova, oriental studies, international relations, Middle East, oil, Ural University.

1 января 2019 г. профессору кафедры востоковедения Гульнаре Ниловне Валиахметовой исполнилось 50 лет. В 1991 г. она окончила Башкирский государственный педагогический институт по специальности «Учитель истории, обществоведения и английского языка». В 1996–1999 гг. Г. Н. Валиахметова являлась

соискателем кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета (ныне УрФУ), под научным руководством профессора В. А. Кузьмина она подготовила и в 1999 г. в диссертационном совете названного университета защитила диссертацию на тему «Борьба великих держав и нефтяных компаний за иракскую нефть, 1912–1928 гг.», ей была присвоена ученая степень кандидата исторических наук по специальности «Всеобщая история». В 2002 г. Г. Н. Валиахметовой было присвоено ученое звание доцента по кафедре всеобщей истории. В 2009–2010 гг. она являлась докторантом-соискателем Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (г. Москва). В 2010 г. в диссертационном совете названного института Г. Н. Валиахметова успешно защитила диссертацию на тему «Иракская нефть в политике великих держав на Ближнем Востоке, 1932–1941 гг.» (научный консультант – академик В. В. Наумкин), и ей была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

В период 1994–2012 гг. Г. Н. Валиахметова работала в Башкирском государственном педагогическом университете на кафедре всеобщей истории последовательно занимая должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора. С 2012 г. по настоящее время Г. Н. Валиахметова работает в УрФУ в должности профессора кафедры востоковедения, с 2015 г. также является руководителем образовательной программы бакалавриата по направлению подготовки «Востоковедение и африканистика». С 2013 г. – член Федерального учебно-методического объединения по направлению «Востоковедение и африканистика».

Сфера научных исследований Г.Н. Валиахметовой – история международных отношений на Ближнем Востоке, энергетическая дипломатия, проблемы глобальной и региональной безопасности в Азии, современный политический ислам. Она является автором более 100 научных и учебно-методических публикаций, в том числе четырех научных монографий, двух учебных пособий и большого количества статей в рецензируемых научных изданиях, посвященных актуальным проблемам истории международных отношений и современной мировой политики. Ее работы получили высокую оценку российских и зарубежных специалистов, нашедшую отражение в отечественной научной и учебной литературе. Г. Н. Валиахметова относится к числу наиболее авторитетных в России специалистов по проблемам энергетической безопасности на Ближнем Востоке. В 2015 г. работа Г.Н. Валиахметовой «Азия в мировой политике XXI века» победила в университетском конкурсе учебно-методических пособий. Г. Н. Валиахметова является заместителем главного редактора журнала «Уральское востоковедение», а также постоянным участником международных и всероссийских научных конференций, входит в оргкомитеты международных научных форумов, проводимых на базе УрФУ.

Г. Н. Валиахметова на высоком профессиональном уровне читает студентам кафедры востоковедения и департамента международных отношений УрФУ курсы лекций по общим и специальным дисциплинам: «Восток в современном мире», «Азия в мировой политике XXI в.», «Исламский фактор в мировой политике», «Новейшая история стран Азии и Африки», «Интеграционные процессы и региональная безопасность в Азии», «Актуальные проблемы Большого Ближнего Востока», «Введение в востоковедение», «Ближневосточный конфликт», успеш-

но руководит курсовыми и бакалаврскими работами, магистерскими диссертациями. Все лекционные и практические занятия она проводит в интерактивной форме с использованием мультимедийных ресурсов; по всем читаемым дисциплинам у нее имеются аудио- и видео разработки (презентации), тестовые задания для текущей и промежуточной аттестации, базы данных по информационно-справочным ресурсам и поисковым системам. В 2012 г. (до начала работы в УрФУ) Г. Н. Валиахметова была председателем ГАК по специальности «Востоковедение и африканистика» в УрФУ, с 2013 г. является постоянным членом ГАК по данной специальности в УрФУ.

Студенты, занимающимися научной работой под руководством Г. Н. Валиахметовой, неоднократно становились победителями различных международных, всероссийских и региональных конкурсов, стипендиатами губернатора Свердловской области, Европарламента, Российского Оксфордского Фонда, Совета молодых ученых УГИ УрФУ, Сетевого университета БРИКС, Сетевого университета ШОС, а также правительств Турции, КНР, Японии, Республики Корея. Они принимают участие в международных и всероссийских научных студенческих конференциях. Студенты, которыми руководила Г. Н. Валиахметова, имеют более 70 публикаций, в том числе 2 монографии, опубликованные в Германии, а также научные статьи в зарубежных изданиях на английском языке и в российских рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК. Выпускники Г. Н. Валиахметовой работают в дипломатических и торговых представительствах России за рубежом в органах государственной власти и муниципального управления, в организациях и на предприятиях различных форм собственности (в сфере международной торговли, строительства, туристического бизнеса и т.д.); многие продолжили обучение по магистерским программам в ведущих университетах России и стран Азии. Гульнара Ниловна относится к числу наиболее популярных среди студентов научных руководителей. Ее отличают не только высокий профессионализм и разнообразие тематики предлагаемых студентам квалификационных работ, но и исключительная добросовестность при выполнении обязанностей научного руководителя. Индивидуальный подход к каждому студенту, чуткое отношение к своим ученикам обусловили тот факт, что именно Г. Н. Валиахметову ежегодно выбирает в качестве научного руководителя наибольшее количество студентов выпускных курсов кафедры востоковедения УрФУ. При этом уровень квалификационных сочинений большинства ее учеников соответствует высоким стандартам качества.

Г. Н. Валиахметова руководит аспирантами, является членом диссертационного совета УрФУ по научным специальностям «Политология», «История международных отношений и внешней политики», неоднократно выступала в качестве официального оппонента и эксперта по кандидатским и докторским диссертациям в области исторических наук. За вклад в развитие российской науки Валиахметова Г. Н. награждена Почетной грамотой УрФУ.

Являясь руководителем образовательной программы бакалавриата направления подготовки «Востоковедение и африканистика», Г. Н. Валиахметова организует и контролирует работу по документационному обеспечению учебного

процесса, подготовке и внедрению новых учебных планов, рабочих программ модулей и дисциплин, внедрению в учебный процесс новейших образовательных стандартов и методик. В 2018 г. образовательная программа под руководством Г. Н. Валиахметовой вошла в число приоритетных образовательных программ УрФУ по итогам внутриуниверситетского конкурса. В качестве члена Учебно-методического совета УГИ УрФУ она организует и контролирует работу кафедры востоковедения по подготовке к изданию учебных пособий и практикумов. Г. Н. Валиахметова вносит весомый вклад в развитие российско-иранских академических связей, возглавляя Центр иранистики и персидского языка УрФУ, открытый в рамках реализации подписанного соглашения между УрФУ и Культурным представительством Исламской Республики Иран. Гульнара Ниловна – весьма редкий пример того, как в одном человеке сочетаются качества крупного ученого и эффективного управленца.

Г. Н. Валиахметова неоднократно была участником телевизионных аналитических передач и выступала в качестве эксперта в публикациях СМИ по проблемам мировой политики. В 2000–2008 гг. принимала участие во всероссийских и региональных избирательных кампаниях и референдумах в качестве председателя участковой избирательной комиссии.

Г. Н. Валиахметова прошла стажировки в Центрально-Европейском университете в Будапеште, Германском историческом институте, вела исследовательскую работу в Национальном архиве Великобритании, в Центре арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. Гульнара Ниловна постоянно повышала свою профессиональную квалификацию педагога и ученого. Она прошла обучение по программам УрФУ «Развитие межкультурной компетенции преподавателей федерального университета средствами иностранного языка в рамках программ международной академической мобильности»; «Педагогическая деятельность в современных условиях: стратегии и тренды»; «Актуальные проблемы и основные направления политической науки»; по программе «Новая реальность глобальной безопасности: меняющаяся природа угроз в XXI веке» в Центре политических исследований России (г. Москва); по программе «Индийские исследования» в Университете им. Дж. Неру (г. Дели, Индия); по программам НИУ ВШЭ «Проектное обучение и оценка результатов обучения по модели World Skills»; «Управление качеством образовательного процесса».

Подводя итог выше сказанному, можно с уверенностью утверждать, что профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета, доктор исторических наук Гульнара Ниловна Валиахметова находится в самом расцвете своих творческих сил, научного потенциала и высоких профессиональных качеств педагога высшей школы.

The article was submitted on 8.08.2018

А. В. Антошин

«ЧЕРЕЗ ЗАСЕКИ И ВОЛЧЬИ ЯМЫ...»: К 50-ЛЕТИЮ С. В. СМИРНОВА

Аннотация. Статья посвящена юбилею известного исследователя истории Русского зарубежья в Китае С. В. Смирнова. В центре внимания – основные этапы жизни и творчества С. В. Смирнова, его путь в науке. Статья основана на материалах трудов С. В. Смирнова, написанных в конце 1990-х – 2010-е гг. Показано становление исследователя в условиях «перестройки» М. С. Горбачева, специфика его формирования как востоковеда в 1990-е гг. Охарактеризовано место С. В. Смирнова в историографии исследуемой темы. Автор доказывает, что в XXI в. С. В. Смирнов выдвинулся в число ведущих в стране и в мире специалистов по истории русской эмиграции в Китае.

Ключевые слова: С. В. Смирнов, русская эмиграция в Китае, белые офицеры в Китае, уральское востоковедение.

A. V. Antoshin

“THROUGH ABATES AND “WOLF PITS” ...”: TO THE 50TH ANNIVERSARY OF SERGEY SMIRNOV

Abstract. The article is devoted to 50th anniversary of well-known scholar of the history of Russian diaspora in China Sergey Smirnov. At the center of attention are the main periods of Smirnov's life and activity, his way in scholarship. The article is based on materials of Smirnov's studies written in 1990s – 2010s. This article shows the formation of his person in the conditions of Gorbachev's “perestroika”, the beginning of his Oriental studies in 1990s. This article characterizes Smirnov's place in historiography of this problem. The author proves that in XXI century Smirnov became one of the leading specialists in the history of Russian diaspora in China in the world.

Key words: S. V. Smirnov, Russian diaspora in China, white officers in China, Oriental studies in Ural.

Научные карьеры развиваются по-разному. Кому-то быстро удается достичь крупных высот: благоприятно складываются обстоятельства, оказывает всяческое содействие начальство, удается выиграть грант, помогают родители. Правда, нередко такие карьеры и обрываются быстро: люди уходят из науки (а то и из жизни) в раннем возрасте, не выдержав испытаний, к которым оказались не готовы. Но бывает и иной путь: долгий, трудный, полный разнообразных препятствий. В этом случае результатом часто становится формирование сильной личности, крупного исследователя со своим взглядом на исследуемую проблему, нередко – руководителя самостоятельного научного направления. Именно такой путь в науке прошел известный востоковед, исследователь истории Русского зарубежья в Китае Сергей Викторович Смирнов, которому осенью 2019 г. исполняется 50 лет.

Уже в студенческие годы среди товарищей по историческому факультету Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ) он выделялся жизненным опытом, умением самостоятельно мыслить, находить выходы

из самых разнообразных ситуаций. С. В. Смирнов был старше большинства своих однокурсников. За его плечами уже была служба в рядах Вооруженных сил СССР, причем далеко не в элитных подразделениях. Чтобы понять, какими были условия службы в подобных воинских частях в эпоху распада Советского Союза, достаточно прочитать нашу шумевшую повесть Сергея Каледина «Стройбат». Надо было обладать определенным внутренним стержнем, силой воли, чтобы в таких условиях не сломаться, а выйти из армии человеком, способным к саморазвитию, готовым двигаться вперед. Именно таким оказался С. В. Смирнов.

Его становление как личности пришлось на переломное для страны время. «Перестройка» актуализировала историческое знание, вызвала бурный интерес к «белым пятнам» и «черным дырам» отечественной истории среди самых широких слоев населения СССР. Однако вместе с ростом общественного интереса к Клио началось снижение привлекательности профессии преподавателя исторических дисциплин, связанное с экономическими причинами. Уровень жизни т.н. «бюджетников» падал, одновременно в стране развивалось частное предпринимательство. «Это было время для бизнеса, а не для истории», – так, вспоминая начало 1990-х гг., решительно выразился один из знакомых автора этой статьи. Тем не менее, в переломном для нашей страны 1991 г. 22-летний С. В. Смирнов (уже имевший за плечами разнообразный опыт трудовой деятельности) поступает на истфак УрГУ.

1990-е гг. – время кардинальных изменений в жизни нашей страны. Менялось информационное пространство, жители Урала и России в целом могли познакомиться с образцами зарубежной культуры, ранее недоступными советским людям. Однако и здесь С. В. Смирнов пошел своим путем. В эпоху массового увлечения западной культурой (позднее сменившегося столь же массовым ее отрицанием) он проявил интерес к традиционной культуре Востока, что привлекало в те годы гораздо меньшее число людей. Как и большинство его единомышленников тех лет, он начал с секции восточных боевых искусств. Постепенно интерес С. В. Смирнова и его товарищей к Востоку стал шире, появилось желание познакомиться с традиционной культурой Китая. В рамках секции возникла возможность организовать чтение отдельных лекций, посвященных конфуцианству, китайской чайной церемонии и т.д. Так началось формирование С. В. Смирнова как востоковеда.

Этому способствовало и его знакомство с доцентом Валентиной Николаевной Грак – преподавателем, которая пробуждала интерес к странам Востока у многих поколений студентов истфака УрГУ. Ее замечания в период работы С. В. Смирнова над магистерской диссертацией много дали ему. Он стал значительно глубже понимать специфику Востока, познакомился с традицией западного ориентализма, увидел возможности для развития самостоятельных научных исследований.

В 1997 г. (после окончания магистратуры УрГУ) перед молодым исследователем вновь встал нелегкий выбор. Россия переживала эпоху хронических невыплат заработной платы, от которой «бюджетники» страдали не меньше других категорий населения (при этом уровень их зарплат был существенно ниже, чем у лиц, работавших в коммерческих структурах). Тем не менее, С. В. Смирнов осознанно

принимает решение остаться в науке, начиная карьеру преподавателя. Он поступает на работу в Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ) на кафедру всеобщей истории.

Именно в этом коллективе прошло становление молодого преподавателя С. В. Смирнова. Сам он не раз позднее подчеркивал, что кафедра всеобщей истории УрГПУ, царившая на ней атмосфера взаимовыручки, настоящей мужской дружбы, оказала на него огромное влияние. Научным руководителем С. В. Смирнова становится заведующий кафедрой, многолетний ректор УрГПУ Б. А. Сутырин известный как специалист по истории транспорта, первоначально он планировал связать тематику исследований С. В. Смирнова с историей Китайско-восточной железной дороги (КВЖД): именно здесь пересекались научные интересы учителя и ученика. Сам С. В. Смирнов к этому времени серьезно интересовался историей Белого движения на Востоке России, судьбами офицеров армии А. В. Колчака, вошел в круг екатеринбургских исследователей во главе с Н. И. Дмитриевым, создавших Научно-исследовательский центр «Белая Россия» [5]. Постепенно становится очевидно, что указанные выше сюжеты связаны с темой истории русской эмиграции в Китае, которая к концу 1990-х гг. окончательно определяется как ведущая научная проблематика работ С. В. Смирнова. В 2002 г. в Диссертационном совете Института истории и археологии Уральского отделения РАН С. В. Смирнов защищает кандидатскую диссертацию на тему «Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации)». На основе материалов данной диссертации в 2007 г. была издана монография, ставшая первой на Урале, посвященной истории русской эмиграции в странах Востока [4].

Эти труды С. В. Смирнова были основаны, прежде всего, на архивно-следственных делах репатриантов из Китая, хранящихся в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО). Именно С. В. Смирнов первым из историков Русского зарубежья ввел в научный оборот большие комплексы данных документов [2], именно благодаря его работам московские и петербургские исследователи узнали, что на Урале хранятся такие документальные сокровища.

К концу первого десятилетия XXI в. определяется и тематика новых исследований С. В. Смирнова, которые легли в основу его докторской диссертации – история русской военной эмиграции в Китае. С. В. Смирнов стал первым исследователем, который занялся комплексным анализом данной проблемы, что потребовало привлечения широкого круга источников. Исследователь работал во всех архивах, где находятся крупные документальные комплексы по данной проблематике: Гуверовском архиве войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Музее русской культуры (Сан-Франциско, США), Государственном архиве Хабаровского края (Хабаровск, Россия) и др. При этом здесь С. В. Смирнову приходится не только идти непроторенными тропами, но и проявлять большую научную смелость, обращаясь к «трудным», непопулярным по идеологическим причинам сюжетам. Его научным подвигом стало написание книги «Отряд Асано», посвященной созданию японцами антисоветских вооруженных формирований из русских эмигрантов

в 1930–1940-е гг. При этом С. В. Смирнов не скрывает своей позиции, а открыто бросает вызов сторонникам политической реабилитации И. В. Сталина, призывая почтить память тех русских эмигрантов, которые были схвачены СМЕРШем и сгинули в ГУЛАГе [3, с. 5]. С. В. Смирнову и его соавтору по второму изданию книги А. М. Буякову [1] пришлось долгое время «пробивать» выход в свет этого труда: целый ряд московских издательств после долгих размышлений отказывался его выпустить, боясь общественного резонанса. Но наивысшей оценкой книги были позитивные высказывания в ее адрес, сделанные самими русскими эмигрантами. Подход С. В. Смирнова вызвал одобрение у известного литератора Русского Китая О. Бакич, а славящийся своей критичностью куратор русских коллекций Гуверовского архива А. В. Шмелев был потрясен, буквально за одну ночь прочитав «Отряд Асано». Книгой С. В. Смирнова была восхищена и организатор крупнейшей в России конференции по истории Русского зарубежья – «Нансеновских чтений» – М. Д. Чернышева, дочь писателя Д. Гранина. Стойкость в отстаивании своей научной позиции, преданность избранной тематике, которой он, несмотря на идеологические препоны и появление «модных» среди исследователей сюжетов, так и не изменил, сделали свое дело. Когда-то «корифеи» уральской исторической науки сомневались, что С. В. Смирнов (как и автор этих строк) смогут, являясь провинциальными исследователями, написать серьезные труды по истории Русского зарубежья, выдержать конкуренцию со столичными учеными. Ныне С. В. Смирнов – признанный авторитет по истории русской военной эмиграции в Китае, чье имя известно в Сан-Франциско и Харбине, Санкт-Петербурге и Владивостоке, во многих других научных центрах.

По мнению автора, отнюдь не случаен сам факт того, что С. В. Смирнов посвятил значительную часть жизни именно данной проблематике. Как отмечают многие его друзья, он сам имеет некоторые черты характера белых офицеров, для которых могло быть «потеряно все, кроме чести». Он не желает подчиняться сложившимся в российском образовании тенденциям бюрократизации и «студентосбережения», работая с той необходимой требовательностью, к которой его приучила его наставник В. Н. Грак. При этом лекции С. В. Смирнова на историческом факультете и факультете международных отношений Уральского федерального университета (где он работает уже около 15 лет) всегда отличаются высоким теоретическим уровнем. Трудно найти более востребованного, чем он, среди студентов научного руководителя: молодежь чувствует, что именно работа с ним может ей многое дать. С. В. Смирнов подготовил уже двух кандидатов исторических наук, на подходе новые защиты диссертаций его учениками. Он – один из лучших на Урале специалистов по истории стран Дальнего Востока, мало кто в регионе знает традиционную и современную культуру Китая, Японии, Кореи так, как он. Он был первым директором Института Конфуция в Уральском университете, многие годы руководил организацией научных конференций «Китай: история и современность», собиравших специалистов из многих городов России, Китая и других стран. Когда думаешь об этом человеке, вспоминаются строки его любимого поэта – белого офицера Арсения Несмелова, погибшего в сталинской тюрьме:

Через засеки и волчьи ямы,
Спешенным строем иль на коне,
Прямы, напористы и упрямы –
Только такие нужны стране...

Кажется, что это написано о С. В. Смирнове...

Литература

1. Буяков А. М., Смирнов С. В. Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М. : Алгоритм, 2016. 320 с.
2. Смирнов С. В. Архивно-следственные дела репатриантов из Китая как источник по истории российской эмиграции // Вопросы всеобщей истории: Сб. науч. и уч.-метод. тр. / Урал. гос. пед. ун-т: Екатеринбург. 1999. Вып. 1. С. 15–25.
3. Смирнов С. В. Отряд Асано: Русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2012. 156 с.
4. Смирнов С. В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург : Уральский гос.пед.ун-т, 2007. 230 с.
5. Смирнов С. В. «Чтобы помнили...»: судьбы неизвестных офицеров белой армии // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000. № 7. С. 87–92.

References

- Buyakov, A. M., Smirnov, S. V.* (2016). *Otryad Asano. Russkie emigranty v voorujennyh formirovaniyah Manchjou-go, 1938–1945* [Asano Squad: Russian emigres in military institutions of Manchu-Go, 1938–1945]. М. : Algoritm. 320 p.
- Smirnov, S. V.* (2012). *Otryad Asano: russkie voinskie formirovaniya v Manchjou-go, 1938–1945* [Asano Squad: Russian military institutions in Manchu-Go, 1938–1945]. Ekaterinburg., Ural University. 156 p.
- Smirnov, S. V.* (2007). *Rossouskie emigrant v Severnoy Manchurii v 1920–1945 gg., problema sotsialnoy adaptatsii* [Russian émigrés in North Manchuria in 1920–1945, a problem of social adaptation]. Ekaterinburg., Ural State Pedagogical University. 156 p.
- Smirnov, S. V.* (1999). *Archivno-sledstvennye dela repatriantov iz Kitaja kak istochnik po istorii rossiiskoy emigratsii* [Archival-investigation files of repatriates from China as a source on the history of Russian diaspora] in *Voprosy vseobschey istorii*. Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University. Vol 1. P. 15–25.
- Smirnov, S. V.* (2000). *Smirnov, S. V.* (2000). “*Chtoby pomnili...*” *Sudby neizvestnyh oficerov beyloy armii* [Remember them...The fates on unknown officers of White Army] in *Belaya Armija. Beloe Delo*. Ekaterinburg. Vol. 7. P. 87–92.

The article was submitted on 1.11.2018

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Абильмаликов Куаныш Кабдулович, аспирант кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: abilmalikov_kuanysh@mail.ru

Kuanysh K. Abilmalikov, Ph.D. candidate, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: abilmalikov_kuanysh@mail.ru

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, 620083, пр.Ленина, 51, тел. 350-28-34. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Alexey V. Antoshin, Doctor of History, Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU), Yekaterinburg, Russia, 620083, Lenin av., 51, 350-28-34. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Арутюнян Акоп Жораевич, д.и.н. РФ и РА, доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета. Контактная информация: 0025, Республика Армения, Ереван, ул. Х. Абовяна, 52, Исторический фак. ЕГУ, тел.: (374) 010 54 43 92, E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

Hakob Z. Harutyunyan, Doctor of historical sciences RF and RA, docent of the chair of Common History, Yerevan State University. Contact information: 0025, Republic of Armenia, Yerevan, Kh. Abovyan, 52, Tel. (374) 010 54 43 92, E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

Буракова Анна Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург. E-mail: anna.a.burakova@gmail.com

Anna A. Burakova, senior lecturer of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: anna.a.burakova@gmail.com

Демченко Максим Борисович, канд. культурологии, доцент Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ, Москва. E-mail: blessed.self@gmail.com

Maxim Demchenko, PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Moscow State Linguistic University. E-mail: blessed.self@gmail.com

Зайцев Роман Валерьевич, Токийский институт русского языка (преподаватель), степень: PhD (Национальный Центральный Университет (Тайвань), специальность: философия). E-mail: suai_wen@yahoo.com

Roman V. Zaitsev, Tokyo institute of Russian language (lecturer), PhD in philosophy (National Central University (Taiwan)). E-mail: suai_wen@yahoo.com

Капсалькова Карина Рамазановна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург. E-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com; K.R.Kapsalykova@at.urfu.ru

Kapsalykova Karina Ramazanovna, PhD in History, teaching fellow of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University. E-mail: carinne.kapsalikova@gmail.com; K.R.Kapsalykova@at.urfu.ru

Кузьмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Vadim A. Kuzmin (Yekaterinburg, Russia), Professor of the Sub-Department of Oriental Studies at the Ural Federal University, , Doctor of History. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры университета Такусэку (Токио, Япония), Институт востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник. E-mail: dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, Ph.D., LL.D., Prof., International Institute of Japanese Culture, Takushoku University (Tokyo, Japan), Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: dottore68@mail.ru

Мышинский Алексей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Alexey L. Myshinskiy, PhD in Philosophy, Assistant professor of Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail sanrenxing@yandex.ru

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Москва. E-mail: lovchin@yandex.ru

Lubov V. Ovchinnikova, PhD in History, Associate professor of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (IAAS MSU). Moscow. E-mail: lovchin@yandex.ru

Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН, E-mail: verger177@yandex.ru

Vera A. Perminova, PhD in History, Res. Fellow Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia. E-mail: verger177@yandex.ru

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного Института, Новосибирский государственный университет. E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

Gennday G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies, Head of the Department of World History, Novosibirsk State University. Novosibirsk State University. E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

Сагимбаев Алексей Викторович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета. Брянск, Россия. E-mail: sagimbaev@yandex.ru

Alexey V. Sagimbayev, Doctor of History, Associate Professor, The Department of General History, International Relations and International Law, Bryansk State University. Bryansk, Russia. E-mail: sagimbaev@yandex.ru

Семина Дарья Вячеславовна, преподаватель японского языка ЦДО «Литерус», г. Астрахань. E-mail: darina1970@mail.ru

Daria V. Semina, teacher of Japanese language, Supplementary Education Centre “Literus”, Astrakhan. E-mail: darina1970@mail.ru

Соколов Николай Владимирович, директор Центра арабского языка и культуры ООО «РУСАРА Интернэшнл». E-mail: sokolov@rusara-international.com

Nicholas V. Sokolov (Yekaterinburg, Russia), Director of the Center of the Arab language and culture at the «RUSARA International», Екатеринбург. E-mail: sokolov@rusara-international.com

Суровень Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Dmitry A. Surowen, Ph.D. in History, Associate Professor. Department of history of state and law. Ural State Law University, Yekaterinburg. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Dilrabo Tosheva, Ph.D. candidate, University of Queensland (Australia). E-mail: d.tosheva@uq.edu.au

Дильрабо Тошева, аспирант Квинслендского университета (Австралия). E-mail: d.tosheva@uq.edu.au

Хренов Валентин Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Valentin V. Khrenov, PhD in History, Assistant professor of the Chair for Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Чамовских Мария Юрьевна, старший преподаватель кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург. E-mail: chamovskikh@gmail.com

Maria Yu. Chamovskikh, senior lecturer of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: chamovskikh@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

«Уральское востоковедение» – международный научный журнал, тематика которого охватывает широкий круг проблем истории, культуры, языкознания, политологии, экономики, философии и религиоведения стран Азии и Африки. Цель журнала состоит в создании принципиально междисциплинарной исследовательской платформы для востоковедов разного профиля, представляющих разные ведущие школы, по изучению восточных обществ и обмену мнениями по ключевым вопросам истории и современности стран Востока.

«Уральское востоковедение» – первое и единственное издание в УрФУ по востоковедной тематике. Деятельность журнала «Уральское востоковедение» призвана способствовать формированию Уральского федерального университета в качестве одного из ведущих центров гуманитарных исследований востоковедной направленности и преподавания восточных языков.

Научная миссия журнала состоит в разработке проблематики трансграничья, контактных зон, межрегионального и межкультурного взаимодействия на Востоке. Отсюда приоритетное внимание журнала к колониальным и постколониальным исследованиям, имагологической проблематике (формирование образа Другого в различных культурах), истории международных отношений в Восточной Азии, Центральной Азии и на Ближнем Востоке с Древности до наших дней, истории связей России и Востока (в частности, истории русской эмиграции в странах Азии и Африки), региональной интеграции в Азии и Африке на современном этапе. Данные сюжеты являются традиционными для «Уральского востоковедения» и оказываются представлены в каждом номере журнала.

Рубрикация материалов журнала сочетает региональный и тематический принципы. Наряду с разделами по регионам (Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Африка и др.), традиционным для журнала является также тематический блок «Преподавание восточных языков и литературы», материалы которого позволяют одновременно рассмотреть различные аспекты собственно университетского преподавания восточных языков и литератур, а также выявить основные особенности восприятия культуры изучаемой страны студентами.

Редакционная политика «Уральского востоковедения» строится на принципах академизма и научного плюрализма: мнение авторов журнала может не совпадать с точкой зрения редактора и редакционной коллегии. В представляемых на рассмотрение редколлегии материалах приветствуются междисциплинарность, методологическое новаторство, историографическая полнота и введение в научный оборот новых исторических источников. Редакционная коллегия журнала обязуется оценивать содержание предоставляемых материалов исключительно по критерию их научной значимости и новизны, вне зависимости от персоналий авторов, их гражданства, политических и идеологических предпочтений.

Основная целевая аудитория журнала – специалисты в области востоковедения и африканистики из разных научных центров России и мира. Издание также ориентировано на исследователей, работающих в самых различных областях гуманитарного знания – от лингвистики до искусствоведения. Редакционная коллегия приветствует публикацию материалов авторами в соавторстве со студентами старших курсов бакалавриата и магистрантами, способствуя поддержанию как преемственности научных традиций, так и инициатив талантливой молодежи.

Требования к оформлению подаваемых материалов: объем – до 1 п.л. (для рецензий – до 0,3 п.л.), формат «.doc» Word97/2000/XP, шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5; поля – 2,0 со всех сторон; форматирование текста по ширине, без расстановки переносов и нумерации страниц; ссылки внутритекстовые в квадратных скобках: [1, с. 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников и литературы, вторая (курсивом) – на страницу. Список источников и литературы оформляется в конце текста 12 кеглем.

В заявке следует указать *на русском и английском языках* фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, должность и место работы (учебы), электронный адрес.

Каждая статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами на русском языке, *summary* и *key words* на английском языке. Название статьи должно быть переведено автором на английский язык. Аннотация и *summary* должны насчитывать не менее 250 слов с пробелами. Ключевые слова и *key words* – 5–7 слов.

После Списка литературы обязательно должен идти список References для международных баз данных. Все названия изданий на кириллице должны быть транслитерированы с помощью электронного ресурса <http://www.convertcyrillic.com/Utilities/Convert#/>

В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**

В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**

Скопируйте Список литературы из Вашей статьи в окно левого столбика.

Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст, скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

После транслитерации информацию об изданиях необходимо привести в следующей последовательности:

1. Монографии: Фамилия, Инициалы. (Год публикации). *Название монографии*. Место издания, Издательство. Количество страниц (... р.).

2. Статьи: Фамилия, Инициалы. (Год публикации). Название статьи. In Фамилия, Инициалы редактора (для сборника). *Название сборника/журнала*. Место издания, Издательство (для сборника), номера страниц (pp. ... – ...).

Обязательно уточните, как пишутся имена иностранных авторов в оригинале, поскольку они могут быть искажены в процессе транслитерации.

После получения транслитерированного текста необходимо все названия монографий и статей перевести на английский язык и вставить в квадратных скобках после таковых в системе транслитерации. Немецкие, французские и другие названия на латинице не переводятся. Названия на нелатинских письменностях Азии и Африки обязательно переводятся.

Все транслитерированные названия научных журналов, сборников, издательств и т. п. должны даваться полностью, без сокращений, даже если таковые приняты в соответствующих русскоязычных написаниях.

Библиографическое описание сборника оформляется на фамилию редактора.

При указании на электронный ресурс обязательно приводится дата обращения в скобках: (mode of access: XX.XX.XXXX).

Просим обратить внимание на рисунок кавычек – в английском регистре это «лапки»: “ ”.

Весь список References располагается по латинскому алфавиту.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
